РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VIII

Министерство культуры, печати и по делам
национальностей Республики Марий Эл

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Марийский государственный университет

Региональное отделение Российского
военно-исторического общества в Республике Марий Эл

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VIII

Материалы VIII Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием

г. Йошкар-Ола, 11–12 ноября 2026 года

Йошкар-Ола
2026

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
Р 32

Печатается по решению Ученого совета
государственного бюджетного научного учреждения
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева» (МарНИИЯЛИ)

Редактор-составитель
докт. ист. наук ***О.А. Кошкина***

Редакционная коллегия:
Л.Я. Григорьева, А.Г. Иванов, О.А. Кошкина,
Е.П. Кузьмин, С.В. Стариков

Рецензент – ***П.С. Учватов***, докт. ист. наук

Р 32 **Регионы России в военной истории страны.** Выпуск VIII: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Йошкар-Ола, 11–12 ноября 2026 года / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. – 400 с.

ISBN 978-5-94950-152-8

Знак информационной продукции 16+

В сборник включены материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, прошедшей в Йошкар-Оле 11–12 ноября 2026 г. Статьи посвящены актуальным проблемам военной истории регионов России.

Издание адресовано ученым-историкам, преподавателям и студентам, краеведам, деятелям культуры и всем, интересующимся историей.

В оформлении обложки использованы картины А. Лактионова «Письмо с фронта» (1947) и А. Пластова «Жатва» (1945).

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-94950-152-8

© МарНИИЯЛИ, 2026
© Авторы статей, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Гребенкин А.Н. Неопубликованные источники по истории Орловского Бахтина кадетского корпуса 9

Кошкина О.А. Война в сознании студенчества XXI века: анализ нарративных моделей в студенческих эссе о Великой Отечественной 18

Суздальцев И.А. И.В. Сталин в годы Великой Отечественной войны: оценки современных англоязычных историков ... 48

Толмачева А.В., Якунина Я.С. Сравнительный анализ советской и современной историографии при изучении проблем военной антропологии в блокадном Ленинграде 58

Чикалова И.Р. Первая мировая война и белорусские земли в зеркале эго-документов и отечественных исследований 63

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Абдусаламов М.-П.Б. Шаухальство Тарковское в стратегических планах России, Сефевидского Ирана и Османской империи во второй половине XVI в. 77

Герман Р.Э. Польская пропаганда в системе идеологических факторов Кавказской войны 86

Коршунова К.Н. Награды сербского и черногорского князей русским врачам: взгляд через призму деятельности Российского общества попечения о раненых и больных воинах ... 92

Федулин Н.С. Наименования средних учебных заведений в память празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г.: к вопросу о механизмах юбилейной коммеморации 102

Шалахов Е.Г. Оружиеведческая проблематика в научном творчестве археолога Д.Г. Савинова 110

Шумилов Е.Н. Битва 1223 г. на Калке или Калаче? 118

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Интернациональные части Красной армии на завершающем этапе Гражданской войны на востоке России 122

Грознов Е.А. «На всех фронтах враг разбит на-голову, мы должны разбить его и на востоке!»: Гражданская война в России на страницах газеты «Знамя революции»..... 131

Кривошеенко Г.А. Промышленность на службе фронта: сравнение производства основной военной продукции России и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны 136

Лепкова Е.А. Художественная литература и поэзия периода Гражданской войны на страницах царицынских газет (по материалам музея-заповедника «Сталинградская битва») 142

Оськин М.В. Борьба за мясной паек: откорм скота для армии в период Первой мировой войны 152

Петров О.М. Центральное издательство мари в годы Гражданской войны: фронтовая и тыловая печать 162

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГГ.

Ащеулов О.Е., Утяшова О.В. К вопросу об эвакуации промышленности СССР в 1941–1942 гг. 171

Бахтин А.Г. В боях за Великие Луки и Андреаполь (недолгая война красноармейца Ерина)..... 179

Бимеева А.Р. Парторганизация колхоза имени Дзержинского Николо-Черемшанского (Мелекесского) района Ульяновской области в военные и послевоенные годы..... 193

Ермилова Е.В., Федотова Т.Ю. Прием и размещение эвакуированного населения в Мариинско-Посадском районе Чувашской АССР 201

Исхаков Р.Л. Специальное военное образование в системе Народного комиссариата просвещения СССР (на примере Свердловской школы ВВС, 1940–1955)..... 209

Коньшин А.Е. Оценка боевой деятельности летчика-истребителя Д.А. Кудымова в контексте исторической памяти... 223

Мамяченков В.Н. Генерал с Урала, каких было мало… (генерал-майор Г.Н. Микушев)..... 231

Рязанов А.А. Акты культурного геноцида на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 239

Стариков С.В. Они сражались за Родину: истоки единства и героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 244

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Араловец Н.А. Факторы заболеваемости и смертности в 1941–1945 гг.: повседневная жизнь горожан тыловых районов РСФСР 255

Ладина А.С. Культурная жизнь и досуг населения Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) ... 263

Маркова С.В. Николай Нилович Бурденко в Воронеже. 1918–1923 гг. 274

Олина К.А. Между отчетами и воспоминаниями: эвакуация «Кремлевского интерната» в г. Козьмодемьянск Марийской АССР (1941–1943) 281

Рогашова Е.А. Взаимодействие населения с органами власти в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ульяновской области) 292

Сапожникова В.П. Трудовой фронт в тылу: повседневная жизнь строителей Сурского оборонительного рубежа на территории Мордовской АССР (1941–1942) 301

Смирнова Н.Б. Личные истории эвакуированных в Чувашию в годы Великой Отечественной войны, ставших долгожителями (по материалам книги Г.Н. Ксенофонтова «Долгожители Чувашии») 306

Харитонова В.Г. Агитационно-массовая работа на селе в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Чувашской АССР) 311

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Гусарова А.Ю. Опыт Государственного исторического архива Чувашской Республики в подготовке документального издания по истории строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей 323

Ерёмина Т.Ю. Военная история Кировской области в пособиях по курсу «История нашего края» 332
Ермилова Е.В., Федотова Т.Ю. Установление судеб военнослужащих – уроженцев Октябрьского района Татарской АССР, погибших в Оршанском районе Витебской области Белорусской ССР 339
Жаркова Т.И. Роль и значение формирования исторической памяти у студентов неязыкового вуза 350
Кирюхин Д.В. «Его уроки были для нас как уроки человеческой доброты» – ветеран Великой Отечественной войны, учитель школы № 13 г. Горького Н.П. Червочкин 355
Кирюхина Е.М., Булатов С.А. Герои д. Осиновка Дальнеконстантиновского района Нижегородской области: Великая Отечественная война в исторической памяти семьи 358
Москаленко М.Р., Леоненко Е.Г. Советские военно-исторические фильмы довоенного периода как феномен культуры: их роль в изучении истории и воспитании патриотизма 365
Полугодин А.Д. Педагогический опыт применения фрагментов мирового художественного кино в рамках изучения событий Великой Отечественной войны на уроках истории в старших классах средней общеобразовательной школы 369

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Бегоутова М.А. Фильтрационное дело И.И. Губанова: к истории советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны 382
Осипов Э.В. Строительство железной дороги Ижевск – Балезино в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны 387
Шерстнев В.Л. Комиссар партизанского отряда «За Родину»: боевой путь М.В. Черепанова 391
Сведения об авторах 396

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной, восьмой выпуск сборника «Регионы России в военной истории страны» продолжает традицию научного осмысления того, как судьбы отдельных стран, территорий, городов и сел вплетаются в общероссийскую историю. Конференция, прошедшая в Йошкар-Оле 11–12 ноября 2026 г., собрала исследователей, архивистов, краеведов и педагогов из многих регионов. География участников широка – Архангельская, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Калужская, Кировская, Курганская, Нижегородская, Орловская, Свердловская, Тульская, Ульяновская, Челябинская области, Красноярский, Пермский, Ставропольский края, республики Дагестан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, города федерального значения Москва и Севастополь (23 региона РФ), а также Республика Беларусь.

Хронологический диапазон представленных работ охватывает разные периоды. Авторы обращаются к военным конфликтам древности и XIX века, к событиям Первой мировой и Гражданской войн, к Великой Отечественной войне и современным вызовам. Особое внимание уделено и вопросам сохранения исторической памяти, патриотического воспитания. 2026 год, объявленный в России Годом единства народов России, придает этому дополнительную актуальность.

Сборник отличает и междисциплинарный подход: наряду с собственно историческими исследованиями представлены работы, выполненные на стыке наук – источниковедения, историографии, демографии, культурологии, педагогики. В ряде статей вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные документы и материалы личного происхождения. Это не только обогащает источниковую базу, но и позволяет по-новому взглянуть на известные события.

Структура издания отражает основные направления конференции и включает семь разделов. Первый посвящен методоло-

гическим, источниковедческим и историографическим вопросам изучения военной истории. Второй и третий разделы охватывают военные конфликты древности, Средневековья и Нового времени, а также начало XX века. Центральное место занимают материалы о Великой Отечественной войне – ее фронтовых и тыловых страницах. Отдельный раздел посвящен человеку на войне, повседневности, выживанию и адаптации в экстремальных условиях. Завершают сборник раздел об отражении военной истории в культуре, искусстве и исторической памяти, а также историко-краеведческие работы.

Военная история – это не только сражения и операции, но и судьбы людей, их повседневный труд, культурные практики, механизмы памяти. Работа конференции и публикуемые статьи не ограничены только российским материалом: в центре внимания неизменно оказываются взаимосвязи и взаимодействие регионов России с республиками бывшего СССР и зарубежными странами. Именно этот широкий контекст – межрегиональных, межнациональных и межгосударственных связей – позволяет объективно оценить вклад не только отдельных российских территорий, но и всей системы международного сотрудничества в общую военную историю.

Издание адресовано ученым, преподавателям, студентам, краеведам, работникам культуры и всем, кто интересуется отечественной историей. Надеемся, что материалы сборника будут востребованы в научной и педагогической работе, а также послужат делу сохранения исторической правды и укрепления связей между исследователями разных регионов и стран.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).073/083+355.231

А.Н. Гребенкин

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРЛОВСКОГО БАХТИНА КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Аннотация. В статье дан краткий обзор неопубликованных источников по истории Орловского Бахтина кадетского корпуса. Автор приводит характеристику делопроизводственных документов из фондов Государственного архива Орловской области, Российского государственного военно-исторического и Российского государственного исторического архивов, а также мемуаров и дневников, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве и отделах рукописей Российской государственной и Российской национальной библиотек. Сделан вывод о том, что, несмотря на утрату подавляющего большинства документов, хранившихся в архиве корпуса в Орле, сохранившиеся неопубликованные источники позволяют дать полную характеристику всех этапов истории Орловского Бахтина кадетского корпуса.

Ключевые слова: Российская империя, военное образование, Орловский Бахтина кадетский корпус, неопубликованные источники, архивы, библиотеки, отдел рукописей.

Орловский Бахтина кадетский корпус, открытый в 1843 г., осуществлял подготовку дворянских детей к офицерской службе в течение почти 75 лет и оставил заметный след в истории отечественного военного образования. Изучение организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы в Орловском корпусе дает возможность не только существенно дополнить историю отечественной военной школы, но и сделать ряд выводов, которые могут найти применение в практике современных военно-учебных заведений.

Необходимым условием качественного анализа основных этапов деятельности одного из лучших губернских кадетских корпусов является обращение к неопубликованным источникам, некоторые из которых еще не были введены в научный оборот.

К сожалению, архив самого заведения был уничтожен в годы Гражданской войны. В фондах Государственного архива Орловской области (ГАОО) хранится лишь несколько документов, имеющих то или иное отношение к истории Орловского Бахтина кадетского корпуса.

Фонд самого корпуса (№ 512), образованный в 1938 г., первоначально имел в своем составе шесть дел (согласно акту ревизии 1947 г., их количество сократилось до четырех). В 1994 г. фонд был пополнен документами из фонда Р-454 средней школы № 4, чудом уцелевшими среди бумаг советской 8-й школы, разместившейся в здании бывшего корпуса. 14 документов, составляющие сегодня 512-й фонд, относятся к последнему периоду истории заведения. Самый ранний из них датируется 1906 г. Ряд материалов относится к 1917–1918 гг., когда заведение именовалось Орловской Бахтина гимназией военного ведомства. В фонд попали некоторые документы единой трудовой советской 8-й школы, открытой в здании корпуса 1 сентября 1918 г.

Самыми ценными из документов фонда 512 являются дело 2 («Послужные списки офицеров корпуса за 1906–1918 гг.»), 8 («Заявления о приеме в военную гимназию»), а также 14 («Прошения о приеме воспитанников в гимназию, их переводе в другие учебные заведения»).

Благодаря делу 2 мы можем получить представление о том, каким был офицерский состав корпуса в последнее десятилетие существования заведения. Возраст, происхождение, имущественное положение, уровень образования, награды, прохождение службы и семейное положение – все отмечено в послужных списках.

Два других дела – это не просто ворох подшитых прошений, поступивших в заведение в конце 1917 – первой половине 1918 г. За строками на пожелтевших листках скрыты надежды многих матерей и отцов на то, что их дети получат образование и выйдут «в люди». Родители абитуриентов в большинстве своем – измученные, отчаявшиеся, придавленные горем и нуждой люди. Почти каждый до-

кумент – это трагедия чьей-то семьи. И, пожалуй, самое отчаянное прошение написали не мать, не отец, не сестра. Его написал сам ребенок.

«Председателю Педагогического Совета от отставшего от своих родителей мальчика ученика гимназии 3 класса Николая Иванова. [Прошу] Вашего рассмотрения о принятии меня в число учеников 3 или 4 класса для дальнейшего прохождения науки ввиду того, что родители мои не знаю где находятся и средств к жизни я никаких не имею. К сему присовокупляю: что до сего время я проживал крохами со стола красноармейцев Орловской Советской роты …с наступающих трудных условий к жизни, …наступающих холодах без всякого приюта считаю заблаговременно себя погибшим, если не последует для меня ваше снисхождение…» [5, л. 8].

Интерес представляет и дело 3 – «Выписка из приказа по Орловскому Бахтина кадетскому корпусу «О правилах поведения кадетов в связи с уличными беспорядками» от 20 февраля 1915 г.». В нем содержится описание побоища, учиненного кадетами-старшеклассниками в центре Орла – на Болховской. Жертвами оказались гимназисты, за которыми кадеты гнались до реального училища на Кромской и, настигнув, жестоко избили [4, л. 3]. Причина конфликта банальна: за несколько дней до инцидента один из воспитанников корпуса там же, на Болховской, наступил на ногу гимназисту и тот имел неосторожность потребовать извинений. Кадет гулял не один, а с девушкой, и воспринял это как публичное оскорбление.

Остальные документы носят сугубо хозяйственный и финансовый характер, относятся главным образом к служившим в заведении нижним чинам и техническому персоналу и не имеют большой ценности.

Некоторые документы, имеющие отношение к истории Орловского Бахтина кадетского корпуса, находятся в других фондах ГАОО: 580 (Канцелярия Орловского губернатора), 4 (Орловское губернское правление), 587 (Орловская губернская комиссия по уравнению денежных сборов с государственных крестьян) и 13 (Орловский приказ общественного призрения). Они содержат сведения о хозяйственно-бытовой стороне жизни заведения и носят второстепенный характер. Наибольший интерес представляют материалы фонда 580 о строительстве здания корпуса.

Особняком стоят три дела: Ф. 580. Ст. 1. Т. 1. Д. 489 «Дело о повесившемся рядовом служительской роты Орловского Бахтина кадетского корпуса Радикарском», Ф. 580. Ст. 1. Т. 2. Д. 1883 «Дело о нанесении оскорбления смотрителю почтовой станции Архангельскому воспитанником Орловского Бахтина кадетского корпуса Деха-новым» и Ф. 580. Ст. 2. Т. 2. Д. 2986 «Дело о непристойном поведении воспитанников учебных заведений г. Орла в городском саду».

Рядовой Яков Радикарский был церковным сторожем и повесился на лестнице, ведущей из алтаря корпусной церкви. К сожалению, причины, которые привели солдата к суициду, остаются нам неизвестными. Можно предположить, что гибель 48-летнего крепкого мужчины была вызвана тем, что за 14 лет до того он, совершив какой-то проступок, был исключен из духовного звания, вынужден был уехать из родной Тверской губернии, где у него остались жена и дети, и поступить на военную службу [6, л. 26–27]. Тоска по семье, возможно, проклявшей мужа и отца, оказалась невыносимой.

События, описанные в деле 1883, были трагикомичными. Кадет Деханов, возвращавшийся весной 1863 г. из отпуска с товарищами-офицерами, на станции Горкинской (в Карачевском уезде) ночью не без помощи своих друзей изрядно поколотил станционного смотрителя и сильно напугал его беременную жену. Досталось и подвернувшемуся под горячую руку ямщику. На следствии стороны обвиняли друг друга, не скупясь на взаимные обвинения в грубости и пьянстве, но в конце концов пошли на мировую [7, л. 10–14].

Дело 2986, к сожалению, показывает орловских кадетов с неприглядной стороны. В 1903 г. подвыпившие питомцы корпуса терроризировали посетителей городского сада: тыкали им в лицо папиросами, задирали юбки катавшимся на каруселях барышням, вырывали у них из рук зонтики [8, л. 1, 25 об.]. Справедливости ради стоит отметить, что воспитанники классической гимназии, гулявшие там же, были не менее грубыми и бесцеремонными.

В фонде 4 (Орловское губернское правление) есть лишь одно дело, относящееся к корпусу. Оно касается объявления императорского благоволения дворянам Орловской губернии за пожертвования в пользу корпуса [2]. Фонд 13 (Орловский приказ общественного призрения) содержит также одно дело – переписку с министерством внутренних дел об отпуске средств на постройку здания

корпуса [3]. Наконец, в фонде 587 (Орловская губернская комиссия по уравнению денежных сборов с государственных крестьян) содержится дело об оценке земель крестьян помещика Бахтина, пожертвованных им для устройства корпуса [9].

Большая часть документов по истории Орловского Бахтина кадетского корпуса находится на хранении в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Так, из фондов Российского государственного военно-исторического архива непосредственное отношение к корпусу имеют фонды 1005 и 725.

Фонд 1005 (Орловский Бахтина кадетский корпус) по своему составу еще более скромен, чем аналогичный фонд ГАОО. Он насчитывает всего восемь единиц хранения. В первой описи хранятся документы, которые представляли в заведение абитуриенты (аттестаты, свидетельства о рождении и крещении, формулярные списки о службе отцов), во второй – документы о строительстве комплекса зданий корпуса. Дела второй описи позволяют дать краткую характеристику мероприятий, связанных с закупкой материалов, наймом рабочих и производством строительных работ. Интересно, что за оригинальные образа для церкви была заплачена баснословная сумма – 10 500 руб. ассигнациями [17, л. 253].

Документов, хранящихся в фонде 725 (Главное управление военно-учебных заведений), достаточно много. Именно они являются основой изучения истории корпуса. Так, в 52 описи фонда 725 содержатся формулярные списки о службе офицеров и послужные списки гражданских чиновников заведения (к ним относились и педагоги), приказы директора корпуса по годам, а в 53 описи – журналы воспитательного комитета, протоколы педагогического комитета, отчеты о преподавании отдельных дисциплин, отчеты об осмотре корпуса представителями многочисленных инспекций, аттестационные тетради кадет. Опираясь на эти документы, можно сделать вывод, что Орловский Бахтина кадетский корпус был одним из наиболее передовых в педагогическом отношении военно-учебных заведений: ни одна методическая новинка не оставалась незамеченной корпусными учителями, воспитанникам учиться было интересно, и они занимались с удовольствием. Особенно знаменательны 1860-е гг., когда Орловская Бахтина военная гимназия под руководством полковника Д.Х. Бушена стала наряду со 2-й Санкт-Петербургской военной

гимназией неким подобием полигона для практической отработки новаторских педагогических идей.

В фондах Главного управления военно-учебных заведений сохранились дела, относящиеся к быту и повседневной жизни воспитанников. Интересно меню корпуса на 1906 г.; судя по его содержанию, питание кадетов было отнюдь не однообразным. Так, в воскресенье на завтрак им полагались ветчина с горчицей и чай с булками, на обед – суп с фрикаделями и слоеные пирожки с фаршем, жареные гуси с капустой и торт, на ужин – котлеты и чай с булками [13, л. 2]. Не менее сытным был кадетский стол и в будни: утром солянка и чай с булками, в обед – перловый суп и пирожки с мясом, бифштекс с огурцами, глазированное песочное пирожное с вареньем [13, л. 2 об.]. По свидетельству генералов, инспектировавших кадетские корпуса, пища в Орловском корпусе была намного сытнее и разнообразнее, чем в прочих военно-учебных заведениях [15, л. 59 об.]. Булки, хлеб и пирожные выпекались в корпусной пекарне несколько раз в день, поэтому кадеты всегда ели свежий хлеб.

На праздники для тех из кадетов, которые оставались в стенах корпуса, была предусмотрена обширная культурная программа. На Рождество обязательно наряжалась елка, устраивались чтения с «туманными картинами», опыты в физическом кабинете, а для старших классов – танцы. Помимо домашних развлечений, воспитанники имели возможность посещать городской театр и елку в Дворянском собрании, кататься на катке и с гор [13, л. 390–390 об.].

За отличную учебу кадеты поощрялись премиями. Когда полковник Д.Х. Бушен был переведен из Орла в Петербург на должность директора Пажеского корпуса, его бывшие подчиненные, собрав капитал по подписке, учредили премию имени Бушена, присуждавшуюся ежегодно лучшему выпускнику [1, с. 180–181]. Размер премии в 1901 г. составлял 15 руб.; эти деньги шли на покупку книг. Кроме того, в 1913–1915 гг. существовали две премии инженер-полковника Донченко для тех воспитанников, которые обнаружили отличные успехи в изучении истории и математике. Лауреатам вручались комплекты книг: по истории – Соловьев, Шильдер, Иегер; по математике – семитомник «Мир и вселенная», «Архитектура» Виолле ле Дюка, курс дифференциального и интегрального исчисления Штурма [14, л. 15].

Ряд дел повествует о «теневой» стороне жизни корпуса, не нашедшей отражения в ее официальной, подцензурной истории. К числу подобных относятся содержащиеся в 56-й описи дела 5635, 5636 и 5637, в которых описано исследование беспорядков и злоупотреблений в корпусе, связанных с именами корпусного казначея майора Татлина Н.М. и командира служительской роты поручика Лбова Ф.И.; дело 5569, посвященное исследованию действий директора корпуса генерал-майора Тинькова С.Н., якобы жестоко наказывавшего кадетов (учиненное следствие показало, что это сильно преувеличенные слухи и что «видны больше благонамеренность и желание совестливо исполнять тяжелую обязанность, нежели чувства жестокости и неприязненного расположения к кадетам» [16, л. 13 об.]); дело 5606 о безнравственных поступках капитана Тетерина, переведенного по этой причине из корпуса во внутреннюю стражу. Справедливости ради стоит сказать, что случаи, аналогичные описанным выше и даже худшие, были, к сожалению, частым явлением во всех военно-учебных заведениях, не исключая и столичные. Их надо не стыдливо замалчивать, а по возможности беспристрастно изучать, чтобы не допустить возрождения подобных явлений в современных кадетских корпусах.

Ряд документов хранится в Российском государственном историческом архиве, в фондах 383 (1-й департамент Министерства государственных имуществ), 1263 (Комитет министров), 1284 (Департамент общих дел МВД), 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Материалы РГИА касаются главным образом вопросов, связанных с пожертвованием денег на нужды заведения как его основателем М.П. Бахтиным, так и другими меценатами, зачислением в корпус кандидатов на дворянские стипендии и т.д.

Характеристика неопубликованных источников по истории Орловского Бахтина кадетского корпуса не была бы полной без упоминания о материалах личного происхождения, хранящихся как в Российском государственном военно-историческом архиве, так и в отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки. В РГВИА в фонде 267 (личный фонд генерала от артиллерии Григорьева Ф.А.) хранятся его мемуары «Дед – внукам». В своих воспоминаниях генерал

Григорьев, обучавшийся в Орловской Бахтина военной гимназии в 1866–1868 гг., подробно описал свое пребывание в заведении в тот период, когда оно являлось образцовой военной школой, дал яркие характеристики руководителей и педагогов гимназии, охарактеризовал организацию внеклассных занятий [12, л. 148–160].

В фонде 218 (Собрание отдела рукописей) Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки находятся мемуары генерал-майора артиллерии Барсукова Е.З. «Мое военное прошлое» [10]. Барсуков учился в Орловской Бахтина военной гимназии и кадетском корпусе «на переломе», в конце 1870-х – начале 1880-х гг., когда на смену гуманистическим традициям пришел ренессанс милитаризма.

Наконец, в фонде 601 (Половцовы) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранится интереснейший дневник первого инспектора классов корпуса В.А. Половцова. Подполковник (впоследствии – генерал-майор) Половцов, человек незаурядный во всех отношениях, целеустремленный, творческий, трепетно относившийся к педагогике и детям, требовательный к подчиненным, пробыл в Орле совсем недолго, однако смог, по его собственным словам, «завести машину» [11, л. 115], поставив учебно-воспитательную работу на должную высоту. Автор дневника уделил существенное внимание хлопотам, связанным с приглашением в Орел преподавателей, формированием учебно-материальной базы. В.А. Половцов откровенно писал о тех трудностях, которые ему приходилось преодолевать, о нехватке средств, о конфликтах с директором корпуса С.Н. Тиньковым, представителями администрации и учителями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что неопубликованные источники по истории Орловского Бахтина кадетского корпуса, несмотря на очевидные лакуны, обусловленные гибелью значительного количества документов, в целом достаточно репрезентативны и позволяют дать всестороннюю характеристику основных этапов деятельности одного из лучших губернских военно-учебных заведений дореволюционной России. Это дает возможность не только изучить важную составную часть системы военного образования Российской империи, но и внести весомый вклад в анализ военной истории Орловской губернии.

Источники и литература

1. Бушен Дмитрий Христианович // Военная энциклопедия. Т. 5. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 180–181.
2. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5627.
3. ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1а.
4. ГАОО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАОО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 489.
7. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 1883.
8. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 2986.
9. ГАОО. Ф. 587. Оп. 1. Д. 10.
10. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 218. № 307-1.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1311.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 267. Оп. 1. Д. 2.
13. РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 470.
14. РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 477.
15. РГВИА. Ф. 725. Оп. 55. Д. 259.
16. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5569.
17. РГВИА. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 2.

A.N. Grebenkin

UNPUBLISHED SOURCES ON THE HISTORY OF THE OREL BAKHTIN KADET CORPS

Annotation. The article provides a brief overview of unpublished sources on the history of the Oryol Bakhtin Cadet Corps. The author provides a description of administrative documents from the collections of the State Archive of the Oryol Region, the Russian State Military-Historical Archive, and the Russian State Historical Archive, as well as memoirs and diaries stored in the Russian State Military-Historical Archive and the manuscript departments of the Russian State Library and the Russian National Library. It is concluded that, despite the loss of the vast majority of documents stored in the corps' archive in Oryol, the surviving unpublished sources make it possible to provide a comprehensive description of all stages in the history of the Oryol Bakhtin Cadet Corps.

Keywords: Russian Empire, military education, Orel Bakhtin Cadet Corps, unpublished sources, archives, libraries, manuscripts department.

УДК 94(470.343):316.74

О.А. Кошкина

ВОЙНА В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСТВА XXI ВЕКА: АНАЛИЗ НАРРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В СТУДЕНЧЕСКИХ ЭССЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Аннотация. В статье анализируются нарративные модели осмысления Великой Отечественной войны и Дня Победы в студенческой среде на основе корпуса из 224 эссе, собранных в Марийском государственном университете в период 1995–2026 гг. Авторами выступили студенты-историки очного отделения и студенты заочных отделений аграрно-технологического и педагогического профилей в возрасте от 18 до 58 лет. Исследование выявляет эволюцию восприятия войны от «живой» памяти (1995) через ритуализацию и формирование символического языка (2009–2012) к фрагментации нарративов (2023–2026). Установлено, что возраст и непосредственный контакт с ветеранами являются более значимыми факторами сохранения детализированной семейной памяти. В итоге отмечен переход от устно-семейной традиции к опосредованным формам памяти и о рисках утраты «живого» измерения войны в сознании молодого поколения. Однако, пока сохраняются аутентичные семейные нарративы и исследовательский интерес к ним, остается возможность для поддержания живой связи между прошлым и будущим. Задача общества – поддержать эту живую связь, создавая условия для аутентичного и личного диалога студентов с прошлым.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, нарративные модели, студенческие эссе, постпамять, семейная память.

Великая Отечественная война остается ключевым событием российской истории XX в., формирующим национальную идентичность и коллективную память. Однако с уходом последних живых свидетелей военного поколения проблема сохранения и трансляции памяти о Победе приобретает новое измерение. Если в 1990-е гг. воспоминания ветеранов еще были частью повседневного опыта, то в 2020-е гг. молодое поколение черпает знания о войне из вторичных источников: учебников, художественных фильмов, Интернет-ресурсов и семейных архивов. В этих условиях особую значимость приобретает изучение того, как конструируется образ

войны в сознании современной молодежи, какие нарративные модели доминируют и как они развиваются под влиянием социально-политических изменений.

Современная историческая наука активно разрабатывает проблематику исторической памяти, в том числе в аспекте «постпамяти» – механизме передачи травматического опыта предков следующим поколениям [5; 7; 9; 10]. Однако эмпирические исследования того, как молодое поколение осмысляет войну на уровне повседневного сознания, остаются фрагментарными. «Живые» высказывания студентов, их личные нарративы нечасто становятся объектом систематического исторического анализа [1; 2; 4; 6; 8].

В основе настоящего исследования лежит уникальный корпус источников – 224 студенческих эссе, собранных в Марийском государственном университете (МарГУ) в период с 1995 по 2026 г. Авторами эссе являются студенты исторического отделения историко-филологического факультета (ИФФ, очная форма обучения), а также студенты заочных отделений аграрно-технологического института (АТИ) и факультета общего и профессионального образования (ФОиПО). Возраст респондентов варьируется от 18 до 58 лет, что позволяет проследить не только хронологическую, но и возрастную дифференциацию восприятия. Опросы проводились и в юбилейные, и промежуточные годы (1995, 2009, 2012, 2023, 2025, 2026)[1], что дает возможность зафиксировать изменения в коллективном сознании на протяжении нескольких десятилетий.

Важно подчеркнуть, что формирование выборки не было результатом целенаправленного социологического проектирования. Эссе собирались в ходе учебных занятий. Студентам предлагалось выполнить письменное задание в рамках аудиторной работы, без какого-либо предварительного отбора респондентов по возрасту, полу, социальному происхождению или успеваемости. Таким образом, данный корпус представляет собой случайную (стихийную) выбор-

[1] Опросы 1995, 2009, 2012, 2023 гг. проведены кандидатом исторических наук, доцентом кафедры всеобщей истории МарГУ В.М. Новик, 2025 и 2026 гг. – доктором исторических наук, главным научным сотрудником МарНИИЯЛИ О.А. Кошкиной.

ку, отражающую естественный состав учебных групп разных лет. Настоящее исследование не претендует на статус репрезентативного социологического опроса студенческой молодежи.

Цель исследования – выявить и проанализировать нарративные модели осмысления Великой Отечественной войны и Дня Победы в студенческой среде, определить факторы, влияющие на формирование исторической памяти у разных возрастных и образовательных групп. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный подход, сочетающий методы исторической нарратологии, контент-анализа и дискурс-анализа.

Временной охват выборки – 1995, 2009, 2012, 2023, 2025, 2026 гг. – изначально случайный, позволил зафиксировать переломные этапы в трансформации общественных настроений: постсоветское десятилетие (1995), стабилизация 2000-х (2009, 2012), современный период с его идеологическими изменениями (2023–2026). Структура выборки представлена в таблице 1.

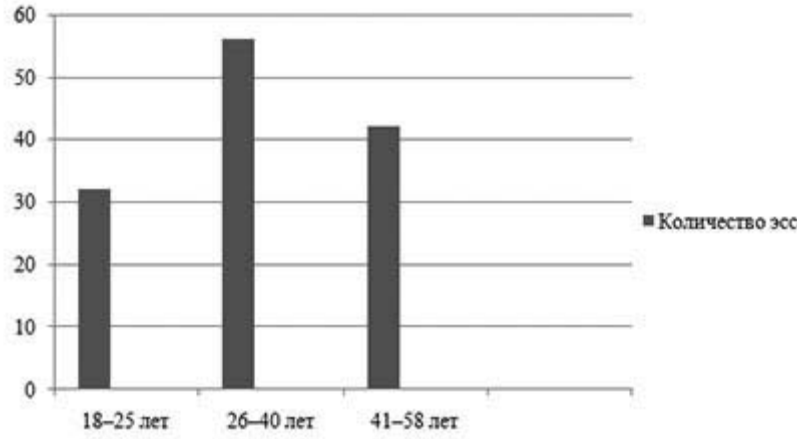
Таблица 1

Распределение по годам, факультетам и курсам

Год	Факультет / группа	Форма обучения	Курс	Количество	Возраст
1995	ИФФ (историки)	очная	2	18	20–21
2009	ИФФ (историки)	очная	2	26	20–21
2012	ИФФ (историки)	очная	3	17	20–21
2023	ИФФ (историки)	очная	2	10	20–21
2025	ИФФ (историки)	очная	3	12	20–22
2026	ИФФ (историки)	очная	3	11	20–23
2025	АТИ	заочная	1	50	20–58
2026	АТИ	заочная	1	38	19–58
2026	ФОиПО	заочная	1	42	18–51
Итого				**224**	**18–58**

Как видно из таблицы, основными группами респондентов являются студенты-историки очного отделения (94 эссе, 42 % от общего объема) и студенты заочных отделений АТИ и ФОиПО (130 эссе, 58 %). Это позволяет провести сравнительный анализ двух социально-образовательных групп: с одной стороны, будущие профессиональные историки, получающие систематические знания о войне и имеющие доступ к источникам; с другой – работающие люди разных возрастов и профессий, чье восприятие строится на семейной памяти, личном опыте и медийных образах. Возрастной разброс в заочной группе (от 18 до 58 лет) дает возможность проследить возрастную дифференциацию внутри одного временного среза.

Распределение по возрасту (заочники)

Структура текстов неоднородна по форме. Эссе 1995 г. были структурированы тремя вопросами (что для вас 50-летие Победы?, какой вопрос вы хотели бы задать участнику войны?, можете ли вы выразить слова благодарности участникам?). Все последующие опросы (2009–2026) проводились в форме свободного сочинения.

Настоящая работа имеет ряд методологических и источниковых ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, выборка не является репрезентативной в строго социологическом смысле: она охватывает только студен-

тов одного регионального вуза. Во-вторых, жанр эссе предполагает определенную степень самоцензуры и ориентации на ожидания, что могло повлиять на содержание текстов. Тем не менее наличие критических высказываний свидетельствует о значительной степени искренности авторов. Исследование не ставит задачу оценочных суждений о трансформации памяти. Его цель – описать и объяснить изменения, происходящие в сознании студентов.

Эссе студентов-историков 1995 г., писавшиеся в год 50-летия Победы, являют собой уникальный документ эпохи – время, когда травма войны еще была жива, а официальная советская риторика уже утратила силу, но новая пока не оформилась. Опрос проводился по трем вопросам, но это не помешало появлению глубоко эмоциональных и критических высказываний.

Анализ позволяет выделить три доминирующие эмоционально-смысловые модели: 1) «Праздник со стыдом» (39 % текстов). Юбилей воспринимается не столько как праздник, сколько как обнажение вопиющей несправедливости. Авторы фиксируют разрыв между официальным пафосом и реальным положением ветеранов: *«Для меня день победы в наше время стыд в отношении к ветеранам. Что для них мы сделали? Пройдет 9 мая, проговорят слова благодарности "высокие люди", наобещают всякого, дадут денег и все, а потом все встанет на свои места. Эти дедушки, бабушки, ветераны на улице, подбирают бутылки...»;* 2) «Гордость вопреки всему» (28 %). Эти авторы (около трети выборки) делают акцент на величии подвига, на том, что Победа – событие мирового масштаба, несмотря ни на что: *«...я горжусь тем, что я внук победителя... я свободный человек, гражданин великой державы и представитель великого народа»*. Однако и в этих текстах гордость часто соседствует с горечью. Студенты, заявляющие о гордости, почти никогда не обходятся без оговорки: «но с другой стороны...». Этот синтез гордости и тревоги, оптимизма и пессимизма характерен для постсоветского сознания, еще не нашедшего целостной формы для выражения отношения к прошлому; 3) «Праздник-память/траур» (33 %). Здесь акцент делается на потерях, на том, что радость неуместна, – это день поминовения: *«...это праздник слез, слез радости и слез горя и печали за павших... Это день оплакивания мертвых»*. Важно, что в 1995 г. нет ни одного эссе, где Победа описывалась бы исклю-

чительно в пафосном ключе без примеси критики или горечи. Это отличает их от всех последующих. Здесь война еще не стала ритуалом, она остается «живой раной» и социальным вызовом.

Особого внимания заслуживают вопросы, которые студенты хотели бы задать ветеранам. Они почти никогда не касаются политики или стратегии – они о человеке на войне: *«Боится ли солдат смерти?», «Что движет в атаке?», «Видел ли солдат в немце человека, а не мишень?»*. Это не вопросы к герою, а вопросы к человеку, пережившему невозможное.

Наконец, благодарность в этих эссе почти всегда сопровождается оговорками: *«слова – это только слова», «они наслушались этих слов за 50 лет», «благодарность должна быть делом»*. Один из студентов пишет: *«Русская честь выбора не дает... И моя честь… – это забота о них»*. Это не просто дань уважения, а чувство вины за то, что общество не справляется с этим долгом.

К 2009 г. ситуация меняется. Эссе становятся более свободными, объем текстов растет, но появляется больше пафоса и литературных клише. Анализ показывает сдвиг в сторону ритуализации. Если в 1995 г. парады и официальные мероприятия вызывали иронию или недовольство («праздник демагогства»), то в 2009 г. они становятся неотъемлемой частью образа праздника: *«День Победы мы празднуем на высшем уровне. На главной площади нашего города молодые солдаты, офицеры, кадеты и просто учащиеся проходят по ней. Парад – это незабываемое зрелище»*. Семейная память теперь уже не фон для социальной критики, а самостоятельная ценность. В 38 % текстов встречаются упоминания своих дедов: *«Мой дедушка по отцу и бабушка брали Берлин: дед был танкистом, а бабушка участвовала в знаменитой “иллюминации”...»; «9 мая – для меня это мой дедушка, его медали, его форма, его письмо и гвоздики, подаренные президентом...»*. Память становится конкретной, осязаемой, привязанной к материальным артефактам (медали, письма, фотографии).

Однако появляется и новая тревога – о будущем. Ветераны уходят, и студенты задаются вопросами: *«Что будет еще через 20–30 лет? Может ли случиться такое, что этот день забудут?»; «Меня еще волнует вопрос о сохранении значимости этого праздника. Мы прекрасно понимаем, что ветераны не вечны... Кто даль-*

ше будет рассказывать молодому поколению о героях?». Эта тревога – еще одно отличие от 1995 г., где тревога была о настоящем (*«ветераны нищие»*). В 2009 г. тревога – о будущем (*«кто расскажет?»*). Это переход от «живой» памяти к «культурной» – той, которую нужно сохранять, создавая механизмы трансляции.

Появляются и первые признаки профессионального анализа. В нескольких эссе (8 %) авторы пытаются осмыслить причины войны: *«Гитлер долго готовился к войне... Сталин не желал признавать своей ошибки, которую он допустил, сотрудничая в довоенное время с Гитлером»*. Студенты-историки начинают применять свои знания, не ограничиваясь эмоциональным восприятием.

Вместе с тем критика не исчезает, но меняет форму. Вместо бытового возмущения появляется критика «бюрократии»: *«Высокие начальники каждый год отчитываются об огромной проделанной работе по улучшению жизни наших ветеранов, но обычно оказывается так, что после 9 мая находится множество стариков, которых эта забота обошла стороной…»*.

Таким образом, 2009 год – это переходный этап от травматической памяти 1990-х к ритуализированной памяти 2010-х. Стыд и гнев уступают место гордости и тревоге о будущем. Семейная память становится самостоятельной ценностью, а ритуалы (парады, цветы, телепередачи) – неотъемлемой частью восприятия.

В 2012 г. опрашивались студенты-историки третьего курса, они глубже погружены в профессию. Это накладывает отпечаток на их эссе: появляется больше дат, названий битв, аналитики. Одновременно оформляются новые ритуалы памяти, которые в текстах 1995 и 2009 гг. отсутствовали: георгиевская ленточка, акция «Я помню, я горжусь», «Вахта памяти» и др. Анализ выявляет следующие новые тенденции: 1) Ритуализация символов. Студенты уже не просто упоминают парад, но осмысляют символику: *«Вечный огонь и знаменитая песня “День победы”, от звуков которой содрогается душа, являются важными символами этого дня и, по-моему, они должны стать неотъемлемой частью каждого из нас»*; *«Георгиевская ленточка …это не для косичек, шнурков и прочего, а для того, чтобы носить около сердца памятный знак о войне»;* 2) Профессионализация памяти. В эссе появляются ссылки на собственные исследовательские проекты: *«Лучшим подарком для [бабушки и де-*

душки] стала бы публикация моего доклада "Трудовой подвиг молодежи в тылу"...»; 3) Тревога о забвении и фальсификации. Как и в 2009 г., центральной темой остается тревога об утрате памяти, но теперь она дополняется тревогой о преднамеренном переписывании истории: *«Хочется надеяться, что неприятная тенденция переписывания, пересмотра истории, которая упорно насаживается в некоторых бывших советских республиках и странах запада, подвергнется беспощадному уничтожению»*; 4) Осознание собственной миссии. Студенты чувствуют себя не просто наследниками, а хранителями памяти, ответственными за трансляцию следующим поколениям: *«И главная награда для ветеранов – это знать, что их дети не забудут об их подвигах…»*. Это чувство ответственности – новое качество, отсутствовавшее в 1995 г., где студенты чувствовали себя скорее виноватыми, чем ответственными.

Вместе с тем появляется и более радикальная критика. Один из студентов пишет, что 9 мая *«это не праздник. Это святой день… 9 мая – не повод "побухать"... Обидно, что понимают это не все... Далеко не все»*. Память начинает отделяться не только от официальных ритуалов, но и от бытовых практик потребления праздника.

Важно отметить и новый образ врага. Если в 1995 г. враг был абстрактным (*«фашисты»*), то в 2012 г. появляется тема неонацизма, который угрожает не только памяти, но и современному миру: *«Сейчас наблюдается всплеск этого движения…. Эта проблема имеет первостепенный характер, т.к. оскорбляет память наших предков…»*. Это превращает память о войне из истории в актуальную политическую проблему.

Таким образом, 2012 г. фиксирует окончательное оформление ритуального языка памяти. Появляются новые символы, память профессионализируется, возникает чувство ответственности. Тревога о будущем становится доминирующей эмоцией.

Если период 1995–2012 гг. демонстрировал постепенное формирование устойчивого ритуального языка памяти, то следующие годы (2023–2026) ознаменовались его качественной трансформацией. Три процесса определили этот сдвиг: во-первых, уход живых свидетелей войны, превращающий память из «живой» в «культурную»; во-вторых, начало Специальной военной операции (СВО), которая радикально актуализировала военную тему и создала пре-

цедент прямых параллелей между Великой Отечественной войной и современностью; в-третьих, массовое распространение нейросетей, повлиявшее на студенческие тексты.

Анализ эссе студентов-историков 2023 г. выявляет появление лексики, которой не было в более ранних текстах: *«бесовские оккупанты», «сакральный смысл», «русское самопознание»*. Один из студентов проводит параллель между Великой Отечественной войной и Невской битвой, Куликовской битвой, освобождением Москвы от поляков: *«Ввиду своего географического, политического, религиозного положения, в основе которого лежит русское самопознание... были такие [войны], которые имели сакральный смысл, которые были священны. Среди них – Невская битва и "Ледовое побоище", битва князя Д. Донского на Куликовом поле... Таковой была и Великая Отечественная война»*. Война описывается как «*освобождение от бесовских фашистских оккупантов»*, а авторы уподобляются древним грекам, прославляющим своих героев (Геракл, Ахилл, Одиссей). Завершается текст цитированием Н.С. Гумилева, что подчеркивает интеллектуальную претензию и связь с патриотической традицией: *«Золотое сердце России мерно бьется в груди моей... И так сладко рядить Победу, словно девушку, в жемчуга...»*. Это отличает тексты от риторики 2009–2012 гг., где война осмыслялась в более «человеческих» категориях – как подвиг простых людей, как утрата близких. Теперь она превращается в элемент цивилизационной идентичности, а ее защита – в «священный» долг.

Однако одновременно с этим происходит кризис семейной памяти. Если в 2009–2012 гг. почти 40 % эссе содержали детали о родственниках, то в 2023 г. таких текстов только 20 %. Остальные либо полностью абстрактны, либо содержат лишь общие упоминания. Один из студентов прямо говорит, что у него *«не сохранилось ни одной фотографии моего далекого родственника, погибшего на этой войне»*. Это признак того, что «живая» память уходит и ее место занимают абстрактные пафосные конструкции.

Критика ритуала, впрочем, сохраняется, но меняет акценты. Вместо критики бюрократии или нищеты ветеранов (как в 1995 или 2009 гг.) студенты ставят под сомнение сам формат празднования: *«Ежегодно выделяются огромные суммы для проведения парадов по всей стране, но... нуждаемся ли мы в этом? Не лучше ли*

потратить эти деньги на обеспечение ветеранов…». Это уже не эмоциональная критика, а рационально-прагматическая. Пессимистический прогноз о будущем звучит особенно отчетливо: *«…мне кажется, пройдет еще десяток лет или два, и этот "праздник" забудут от незнания ни истории, ни прошлого. Можно подойти к любому школьнику или студенту (не историку) и спросить, когда началась ВОВ, и я уверяю, только 10 % человек ответят…»*.

Важно отметить, что именно в 2023 г. впервые появляются тексты, которые с высокой вероятностью можно отнести к сгенерированным нейросетями, либо заимствованным из сети Интернет (около 50 % от общего числа). Такие тексты, как правило, лишены уникальных деталей и используют стандартный набор фраз: *«мирное небо над головой», «передавать из поколения в поколение», «ничто не забыто»*.

Таким образом, 2023 год – это момент кризиса: с одной стороны, язык памяти радикально сакрализуется (война становится «священной»), с другой – семейная память регрессирует, а значительная часть студентов перестает вырабатывать собственные нарративы, заменяя их готовыми фразами.

К 2025 г. Специальная военная операция стала полномасштабным фактором повседневности, 80-летний юбилей Победы вызвал новую волну патриотической риторики, а использование ИИ[2] студентами стало массовым. Анализ эссе студентов-историков этого года показывает, что здесь сосуществуют два процесса: 1) Профессионализация памяти. Впервые в корпусе появляются тексты, авторы которых не просто рассказывают о прадедах, а работают с документами, изучают архивные материалы и пишут на их основе научные статьи: *«Я, наконец, смогла найти и изучить документы…, связанные с фронтовым путем одного из своих прадедушек, и написать на основе этого статью, которая, я надеюсь, выйдет в следующем сборнике нашего университета»; «Мой прадед – Монахов Леонид Мефодьевич – радист 207-го стрелкового полка, участник обороны Ленинграда... (его рассказы были записаны знакомыми и детьми, остались надолго в памяти)»*. Память превращается из устной традиции в документированное исследование; 2) Политиза-

[2] ИИ – искусственный интеллект.

ция. Великая Отечественная война и СВО соединяются в единый нарративный ряд. Автор одного из эссе заявляет: *«…очень важно построить ретроперспективу между нынешним временем и Великой Отечественной войной. …наши бойцы выполняют свой долг точно так же, как воины Великой Отечественной войны. И наша задача относиться к ним так же, как и к ветеранам…»*.

Критика ритуала сохраняется, но становится более «нравственной» – речь уже не о бюджетах, а о цинизме и равнодушии: *«…парады и шествия... иногда… теряют свою значимость и используются лишь в корыстных целях…»; «…я …наблюдаю страшную (лично для меня) тенденцию: с каждым годом приходит все больше детей, которые не знают ничего о своих родственниках, участвовавших в Великой Отечественной войне... День Победы для них – пустой звук»*.

Таким образом, 2025 г. демонстрирует, что студенты либо углубляются в архивные исследования, либо вписывают войну в актуальный политический контекст. Третья группа (около 40 % текстов) использует клишированные формулировки, вероятно, сгенерированные ИИ, либо заимствованные из Интернет-пространства.

В 2026 г. появляется критика, которая не просто ставит под сомнение ритуалы, а саму эмоцию празднования. Три эссе (27 %) содержат категорическое требование переосмыслить атмосферу 9 мая: *«Мне кажется – этот праздник должен быть не о радости, а о горе»; «Благодарность – это тишина. Это помнить. Это чтить. Это не кричать – ура»; «Может вместо “поздравляю” говорить “я помню”?»*. Победа – прежде всего напоминание о невосполнимых потерях: *«Миллионы погибших, искалеченных, вдов, матерей, сирот... Как это праздновать?»*. Эта критика отличается от социальной критики 1995 г. или от критики ритуалов 2023 г.

Одновременно появляется новый тип угрозы – информационная война и фейки. Студенты видят угрозу в намеренном искажении истории: *«…в наш век технологий все больше появляется фейков истории. Это настоящее предательство. Человек, не знающий своей истории, теряет нравственность»; «Детям промывают мозги информационной войной»*.

В 2026 г. мы встречаем и уникальные тексты, где 9 мая показано не как национальная трагедия или подвиг, а как семейный празд-

ник, лишенный идеологического груза: *«9 мая ассоциируется с парадом... Моя мама является сотрудником МЧС, и каждый год она маршировала... Мы с отчимом каждый раз соревновались, кто быстрее найдет ее в толпе… Также праздник ассоциируется с шашлыками, которые мы делали после парада. Собирались родственники, соседи...»*. Эти тексты показывают, что для части молодежи 9 мая – это *«день, когда вся семья собирается»*.

Наконец, появляется текст, который выбивается из общего ряда, – марксистско-критический анализ: *«9 мая – это день великой славы истории нашего советского народа… День, когда было доказано превосходство идей социализма, коммунизма и подлинной народной демократии над бесчеловечным капитализмом и его закономерным порождением – фашизмом...»*. Это эссе показывает, что в студенческой среде сохраняются и альтернативные идеологические рамки, не вписывающиеся ни в официальный пафос, ни в либеральную критику.

В 2020-е гг. усиливаются два процесса: кризис семейной памяти (ее доля падает с 40 % в 2009–2012 гг. до 18–25 % в 2023–2026 гг.) и массовое использование ИИ (до 45 % текстов в очных группах). Это создает ситуацию, где память о войне становится все более опосредованной – либо архивными документами, либо политическими нарративами, либо алгоритмами, но все меньше – живым семейным воспоминанием.

Одним из ключевых результатов настоящего исследования стало обнаружение устойчивых различий между эссе студентов-историков и студентов заочных отделений (аграрно-технологического и педагогического профилей). Эти различия носят не количественный, а качественный характер: перед нами не просто две группы с разными ответами, а два различных способа конструирования памяти о войне. Если историки формируют «архивно-политизированный» тип памяти, то студенты-заочники – «бытово-семейный». Историки (94 эссе) – это студенты 2–3 курсов очного отделения, возраст 20–23 года. Они получают систематическое историческое образование, имеют доступ к архивам и научной литературе, некоторые участвуют в поисковых отрядах и исследовательских проектах. Заочники (130 эссе) – студенты 1 курса АТИ и ФОиПО. Среди них много работающих людей, есть военнослужащие, учителя, ра-

ботники заводов, родители. Они не являются профессиональными историками и получают лишь базовое гуманитарное образование. Возрастной разброс позволяет выделить внутри этой группы подгруппы: молодые (18–25 лет), средний возраст (26–40 лет) и старшие (41–58 лет).

Самый значительный разрыв наблюдается в доле и качестве семейной памяти. У заочников 42 % текстов содержат конкретные имена, звания, награды, даты или бытовые детали о родственниках.

У заочников семейная память – это детализированный рассказ: *«Дед моего мужа тоже был участником этой войны. Его фотографии и медали хранятся у нас, в районном музее. Он рассказывал внукам своим, что мне запомнилось: ему при ранении переливали собачью кровь. Служил в стрелковых полках. Его призвали в 1942 году. Был награжден медалью "За взятие Кенигсберга", "За победу над Германией в ВОВ"»; «У меня бабушка Лежнина Евдокия Федоровна 1913 г.р. "Труженик тыла". Ее брат Волжанин Яков Федорович воевал на Карельском фронте с 1941 по 1943, где и погиб. Дед по отцовской линии Шулепов Викентий Викторович 1911 г.р. воевал под Курском, был ранен тяжело в 1942 г. и комиссован»*. Здесь война предстает как семейная история с конкретными судьбами. Авторы помнят не только имена, но и детали ранений, наград, похорон. Это память, переданная непосредственно от ветеранов (многие застали их живыми) и сохранившаяся в семейных архивах.

Таким образом, возраст и непосредственный контакт с ветеранами являются решающими факторами сохранения детализированной семейной памяти. Заочники старшего возраста, заставшие ветеранов, пишут о войне как о семейной истории, тогда как молодые историки, не имевшие этого опыта, либо опираются на архивы (и тогда память становится профессиональной), либо на абстрактные клише.

Еще одно важное различие – акцент на тыле и труде. У заочников около 20 % текстов посвящены работе в тылу, на заводах, в полях, в госпиталях: *«В годы войны в Йошкар-Оле работал завод ММЗ. Он только еще начинал свою работу, было построено здание и люди сутками работали не покладая рук, лишь бы обеспечить фронт… оптическими приборами, танковыми телескопическими прицелами»; «Женщины, дети и старики тяжело работали на*

заводах, не обращая внимания на бомбежки, чтобы дать фронту технику, боеприпасы». У историков таких текстов почти нет (менее 5 %). У них тыл, если и упоминается, то в самых общих фразах: *«ковали победу в тылу»*. Это свидетельствует и о том, что профессиональное историческое образование формирует «фронтовой» взгляд на войну (битвы, стратегии, полководцы), а не «тыловой» (повседневность, труд, выживание).

Критика ритуала также отличается. Заочники критикуют ритуал более бытовым и прагматическим образом: они говорят о том, что ветеранов забывают уже на следующий день после праздника, что уважение должно быть не только 9 мая, что помощь должна быть реальной, а не показной: *«Уважения людей хватает только на праздник. Настоящее отношение проверяется не в праздничный день, а в обычный вторник или среду»*. В заочных группах значительно меньше и политической актуализации. Только 10 % заочников проводят параллели с СВО, тогда как среди историков – 33 % в 2025 г. и 18 % в 2026 г. Это может объясняться тем, что историки очного отделения более вовлечены в современный политический дискурс (через образование, медиа, круг общения), а заочники старшего возраста более скептичны или же менее склонны к политическим обобщениям.

Доля использования ИИ и копирования также различается. У историков доля «подозрительных» текстов (вероятно, сгенерированных ИИ или скопированных из Интернет) достигает 45 % в 2026 г. У заочников она ниже – около 25–30 %. Объяснение может быть следующим: историки младше, они выросли в цифровой среде и привыкли полагаться на нейросети для выполнения рутинных заданий. Заочники старшего возраста пишут более «живым» языком, с грамматическими ошибками и разговорными оборотами.

Анализ показывает, что возраст респондента является более сильным параметром, чем образование. Внутри заочной группы выделяются три подгруппы: молодые (18–25 лет) – их тексты ближе к историкам очной формы обучения: больше пафоса, меньше конкретных деталей, выше доля ИИ, они не имеют личного опыта общения с ветеранами и опираются на вторичные источники; средний возраст (26–40 лет) – более сбалансированные тексты, есть семейные истории, но уже с элементами критики; старшие (41–58 лет) –

наиболее детализированные и аутентичные тексты, содержат имена, даты, бытовые подробности, это поколение, которое застало ветеранов живыми и помнит их рассказы. Особенно показательны тексты авторов старше 40 лет. В них война осмысляется не как абстрактный подвиг, а как конкретная семейная история: *«Я помню, как дед просыпался от кошмаров по ночам. Как он не хотел вспоминать те ужасы, которые видел»; «…мой дед прошел эту войну с 1941 по 1944 г. Мое отношение к ветеранам, труженикам тыла положительное, я их всегда уважал и уважаю, и буду уважать»*. Эти тексты сохраняют «живую» интонацию, которая почти полностью отсутствует у молодых авторов.

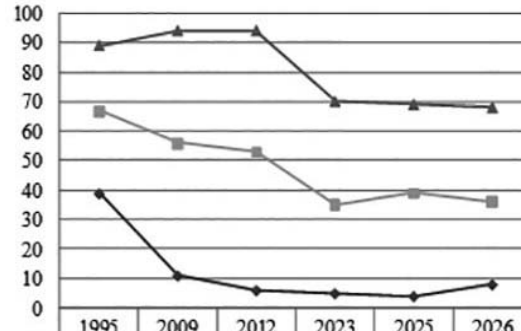
Таблица 2

Сводная таблица сравнения

Параметр	Историки очной формы обучения (94)	Заочники (130)
Средний возраст	20–22 года	~34 года
Доля семейной памяти (имена, детали)	28 %	42 %
Тема тыла и труда	<5 %	20 %
Критика ритуала	радикальная, концептуальная	бытовая, прагматическая
Параллели с СВО	33 % (2025), 18 % (2026)	~10 %
Доля ИИ / копирования	до 45 %	~25–30 %
Доминирующий тип памяти	архивно-политизированный	бытово-семейный

Студенты-историки и заочники представляют собой не просто две образовательные группы, а два разных способа бытования памяти о войне. Для первых война – это объект профессионального изучения, источник для исследовательских проектов. Их память опосредована учебниками, архивами и современным дискурсом. Для заочников – особенно для старшего возраста – война остается семейной историей, сохранившейся в конкретных именах и бытовых деталях. Возраст и непосредственный контакт с ветеранами остаются важнейшими факторами, определяющими содержание и форму нарратива о войне.

Динамика ключевых слов

	1995	2009	2012	2023	2025	2026
«Память» (%)	22	38	41	35	30	32
«Гордость» (%)	28	45	47	30	35	28
«Стыд» и однокоренные (%)	39	11	6	5	4	8

Анализ 224 студенческих эссе позволил выделить шесть устойчивых нарративных моделей, различающихся по тематике, эмоциональной тональности, риторическим стратегиям и социально-демографическому профилю авторов. Некоторые из этих моделей доминировали в определенные хронологические периоды, другие существовали параллельно на протяжении всего периода наблюдений. Предлагаемая типология не является жесткой – в одном эссе могут сочетаться элементы нескольких моделей, однако в каждом тексте всегда можно выделить доминирующую.

Модель «Семейной памяти». В центре повествования – конкретный родственник (дед, прадед, бабушка), иногда с именем, званием, историей боевого пути или работы в тылу. Автор выступает в роли наследника и хранителя семейной истории, иногда используя прямую речь или цитирование воспоминаний: *«Один мой прадед погиб в бою в декабре 1942 года, второй прадед погиб в концлагере, захоронен в г. Славута, Хмельницкая обл., Украина»*. Модель доминирует в 2009–2012 гг. (около 38 % текстов), остается высокой у заочников (39–42 %) и падает у историков к 2023–2026 гг. (до 18–25 %). Это модель «живой» памяти. Ее носители – преимущественно студенты старшего возраста, заставшие ветеранов.

Модель «Эпического пафоса». Война описывается как проявление величия народа, национального духа, несгибаемости. Авторы используют обобщающие формулировки, оперируют категориями *«народ», «Родина», «подвиг», «слава»*. Тексты часто завершаются пафосными восклицаниями и призывами: *«Великая Отечественная война – это одно из величайших событий. Благодаря этой войне наша страна доказала, что мы самая сильная и непобедимая страна…»; «Победа русского народа также в очередной раз показала всему миру, что русский народ – это несгибаемый народ, который живет и несет в массы справедливость, честность, доброжелательность…»; «Это самый важный праздник во всем году, даже важнее дня рождения и нового года»*. Модель присутствует во все годы, но ее доля колеблется. В 1995 г. она составляет около 28 % (гордость вопреки всему). В 2009–2012 гг. вырастает до 35–40 % вместе с ритуализацией. В 2023–2026 гг. ее доля снижается у историков (до 20 %) и остается высокой у заочников (25–30 %). Это наиболее «устойчивая» модель, воспроизводящая официальный нарратив о войне.

Модель «Критической рефлексии». Автор ставит под сомнение официальные ритуалы, социальную справедливость в отношении ветеранов или саму эмоцию празднования. Критика может быть социальной (несправедливость, нищета), институциональной (бюрократия, корыстное использование праздника) или экзистенциальной (неуместность радости, «тишина» вместо «ура»). Модель достигает пика в 1995 г. (39 % текстов), затем снижается в 2009–2012 гг. (11–18 %), вновь усиливается в 2023–2026 гг. (до 27–30 %), но меняет характер: от социальной критики (1995) через институциональную (2009–2012) к экзистенциальной (2026). Это самая «эволюционирующая» модель, чутко реагирующая на изменения в общественных настроениях.

Модель «Сакральной войны». Проводятся параллели с древними битвами (Невская, Куликовская), цитируется или упоминается патриотическая классика (Гумилев, Фадеев). Враг описывается как *«бесовский», «нелюди»*: *«…мы должны не только чтить память павших воинов, но и, подобно древним грекам, прославлявшим своих героев – Геракла, Ахилла, Одиссея и Персея, – сделать то же самое»*. Модель появляется только в 2023 г. и составляет около 40 % текстов историков того года. В 2025–2026 гг. она сни-

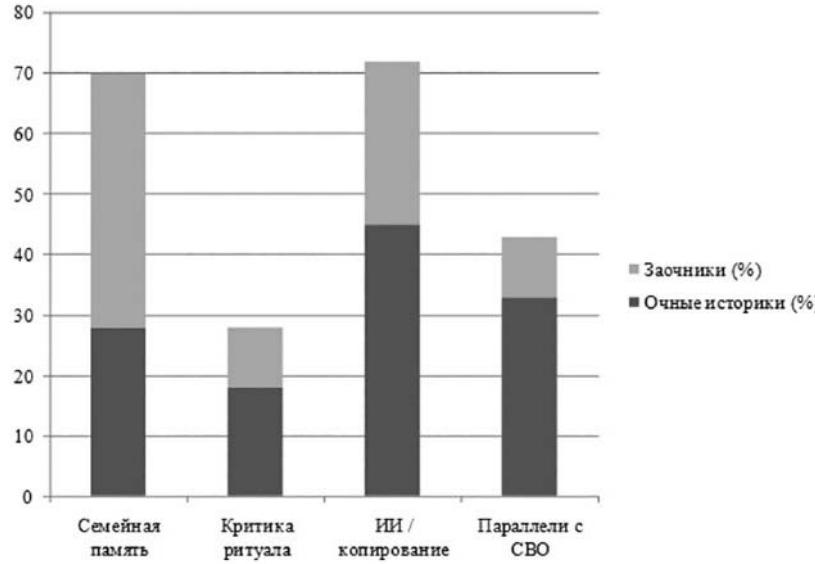
жается (до 10–15 %), уступая место политической актуализации. Ее авторы – исключительно студенты-историки.

Модель «Политической актуализации». Автор проводит прямые параллели между Великой Отечественной войной и современными событиями (СВО, борьба с неонацизмом). Война осмысляется не только как история, но и как обоснование современной политики, как ретроспектива для понимания текущего момента: *«Сейчас, спустя 78 лет, когда большая часть мира забыла об этой войне, когда фашизм вновь поднимает голову, долг России – сохранить память о Великой победе… и всеми силами продолжать бороться с растущим фашизмом»; «…мне удалось принять участие в боевых действиях против украинских нацистов. Наши деды начали бить нацистскую гадину, а мы это закончим!»*. Модель появляется в 2023 г. (в косвенной форме) и достигает пика в 2025 г. (33 % текстов историков очного отделения, 12 % заочников). В 2026 г. она снижается у историков (18 %) и остается на том же уровне у заочников (около 10–12 %).

Модель «Бытовой/прагматической ассоциации». Праздник описывается не через пафос или критику, а через конкретные бытовые ритуалы: парад с мамой, шашлыки, поиск близких в толпе, маршировка в школе. Война и Победа лишены идеологического груза и предстают как семейная традиция, часть повседневной жизни: *«Для меня это традиция – прийти к Обелиску… закрыть глаза и вспомнить, как еще совсем недавно ветераны говорили речь... В этот день вся семья собирается вместе, мы смотрим "В бой идут одни старики" и Парад на Красной площади… Кушаем картофель, хлеб и лук, и вспоминаем...»*. Модель редкая – около 6–8 % текстов за все годы. Она встречается преимущественно у самых молодых авторов (18–20 лет) и у тех, кто не имеет глубоких семейных историй о войне. Это «нейтральная» модель памяти, где война существует как фон, но не как личная трагедия или политический проект.

Важно подчеркнуть, что эти модели не являются взаимоисключающими. Одно и то же эссе может сочетать элементы семейной памяти и критики ритуала (например, когда авторы гордятся дедом, но стыдятся современного отношения к ветеранам). Однако доминирующая модель всегда определяет общую тональность и ключевые смыслы текста.

Диаграмма нарративных моделей

Одним из тревожных результатов настоящего исследования стало обнаружение тенденции к замещению аутентичных студенческих высказываний текстами, созданными с помощью генеративных нейросетей или заимствованными из Интернет-источников. Если в 1995–2012 гг. такие случаи были единичны (менее 1 %), то в 2023–2026 гг. их доля достигла 15–45 % в разных группах респондентов. Этот феномен требует осмысления, поскольку он ставит под вопрос само основание исследования – возможность изучать «живое» сознание через письменные нарративы.

Французский философ Жан Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» (1981) [3] описал процесс замещения реальности ее знаками, когда копия утрачивает связь с оригиналом и начинает существовать как самостоятельная реальность. В контексте исторической памяти это означает, что война может превратиться в набор готовых формул, цитат и образов, которые воспроизводятся без личного переживания и осмысления.

Применительно к нашему материалу, «симулякры памяти» – это тексты, которые имитируют студенческое эссе о войне, но не содержат индивидуального опыта или уникальных деталей. Они

состоят из стандартного набора фраз (*«мирное небо над головой», «передавать из поколения в поколение», «никто не забыт, ничто не забыто»*), используют идеально выверенный синтаксис и логическую структуру, но лишены «живого» дыхания – грамматических ошибок, эмоциональных сбоев, неожиданных метафор, бытовых подробностей.

Важно подчеркнуть: нельзя утверждать, что все такие тексты созданы нейросетями. Часть из них может быть результатом добросовестного, но поверхностного заимствования из Интернета или сознательного использования готовых «формул». Однако в обоих случаях перед нами один и тот же феномен – отчуждение памяти, когда студент перестает быть субъектом высказывания и превращается в транслятора готовых смыслов.

Анализ корпуса эссе с помощью нейросети позволил зафиксировать резкий скачок доли «подозрительных» текстов начиная с 2023 г.

Таблица 3

Доля «подозрительных» текстов по годам и группам

Год	Группа	Доля «подозрительных» текстов, в %
1995	Историки очной формы обучения	0
2009	Историки очной формы обучения	0
2012	Историки очной формы обучения	0
2023	Историки очной формы обучения	~50
2025	Историки очной формы обучения	~42%
2026	Историки очной формы обучения	~45%
2025	Заочники (АТИ)	~30%
2026	Заочники (АТИ)	~25%
2026	Заочники (ФОиПО)	~22%

Как видно из таблицы, переход от «живого» письма к «генерированному» произошел между 2012 и 2023 гг. Это совпадает с массовым распространением доступных нейросетей.

В ходе исследования были выделены пять основных критериев, позволяющих идентифицировать тексты, с высокой вероятностью

созданные с помощью нейросети или заимствованные из Интернета: 1) Синтаксическая стерильность. Аутентичные студенческие тексты почти всегда содержат грамматические ошибки, обрывы мыслей, повторы, разговорные конструкции. «Подозрительные» тексты, напротив, демонстрируют идеально выверенную пунктуацию, согласование и структуру предложений; 2) Клишированность метафор. Нейросети и рефератные базы переполнены устойчивыми оборотами, которые не несут индивидуального смысла. В аутентичных текстах эти клише либо отсутствуют, либо разворачиваются в конкретные образы; 3) Отсутствие уникальных деталей. В «подозрительных» текстах почти никогда не встречаются конкретные имена (кроме тех случаев, когда студент вставляет их механически), даты, бытовые подробности, локальные топонимы. Все повествование остается на уровне обобщений; 4) Механическое использование статистики. Нейросети часто злоупотребляют точными цифрами. В аутентичных текстах цифры если и появляются, то только когда они связаны с личной историей (например, *«мой дед был призван в 1942 году»*). В «подозрительных» текстах цифры висят в воздухе, не интегрированные в нарратив; 5) Смешение стилей. Внезапные переходы от эмоционально-публицистического к официально-канцелярскому языку – также признак компиляции.

Рассмотрим несколько характерных примеров.

Пример 1 («подозрительный», высокое сходство с ИИ): *«День Победы для меня – это не просто дата в календаре, это глубокий эмоциональный аспект и исторический символ, который соединяет поколения. Этот день напоминает мне о трудностях и лишениях тех, кто боролся за нашу свободу и мирное небо над головой. Я часто думаю о своих предках, которые пережили Великую Отечественную войну. Их истории, полные мужества и самопожертвования, вдохновляют меня»*. Текст построен по шаблону. Нет ни одного уникального факта, ни одного имени, ни одной конкретной детали. Идеальный синтаксис, плавные переходы – классический генеративный текст.

Пример 2 («подозрительный», с признаками компиляции): *«Празднование 9 мая является важным для формирования чувства патриотизма у молодых людей. Память о героях, их подвиги и сам День Победы становятся одним из важнейших факторов в воспи-*

тании гражданской идентичности. Творчество сотрудников искусства – литераторы и кинематографисты – так же играют огромную роль в передаче этой информации и памяти». Текст выглядит как фрагмент учебно-методического пособия о патриотическом воспитании, а не как искреннее высказывание о войне. Использование обобщенных формулировок указывает на то, что автор либо скопировал текст из Интернета, либо воспользовался нейросетью, сгенерировавшей стандартный шаблон на заданную тему.

Пример 3 (аутентичный): *«Для нашей семьи 9 мая – день двоих солдат, двоих прадедов, Кузнецова Николая Ивановича и Сидоркина Алексея Емельяновича, которых я никогда не видела, но имена знаю с детства... Дедушки были никогда не знакомы. Но для меня они навсегда связаны. Связаны тем днем, когда пошли на фронт. Спасибо моим дедушкам и другим героям, которые подарили мирное небо над головой».* Здесь есть конкретные детали, эмоциональная вовлеченность. Текст содержит ошибки и разговорные обороты, что подтверждает его аутентичность.

Рост числа «подозрительных» текстов в 2023–2026 гг. не является случайностью. Он обусловлен несколькими факторами: доступность нейросетей; угасание «живой» памяти; «ритуализация» самой темы. Последствия этого явления для исторической науки и образования можно оценить как серьезный вызов. Если эссе перестают быть аутентичным высказыванием, они утрачивают ценность как источник для изучения исторического сознания. Исследователь вынужден тратить значительные усилия на фильтрацию «цифрового шума», а сам процесс рефлексии о войне подменяется механическим воспроизводством готовых формул. Феномен «симулякров памяти» – не просто методологическая проблема, а симптом глубинных изменений в структуре исторического сознания. Когда война превращается в набор готовых формул, когда студент перестает прилагать усилия для ее осмысления, а делегирует эту задачу нейросети, память утрачивает свою «живую» природу и становится объектом алгоритмической обработки.

Вместе с тем анализ показывает, что полного исчезновения «живой» памяти пока не произошло. Это дает надежду на то, что при целенаправленных педагогических усилиях и пересмотре форматов заданий можно сохранить и передать последующим поколе-

ниям не только знание о войне, но и способность чувствовать ее как личную трагедию и национальный триумф.

Проведенное исследование, основанное на анализе 224 студенческих эссе о Великой Отечественной войне и Дне Победы, охватывающих период с 1995 по 2026 г., позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов о трансформации исторического сознания студентов. За три десятилетия – от постсоветского времени до эпохи генеративных нейросетей – образ войны в сознании студентов претерпел радикальные изменения, затронувшие как его содержательное наполнение, так и языковые формы выражения.

Война в сознании студенчества – это не статичная данность, а постоянно эволюционирующая структура. Если следующее поколение будет знать о войне только из учебников и нейросетей, она перестанет быть событием, формирующим идентичность, и станет просто далекой страницей прошлого, не имеющей отношения к настоящему. Но пока есть студенты, которые пишут о благодарности, пока есть те, кто хранит имена прадедов и передает их детям, пока есть исследователи, которые не позволяют превратить войну в симулякр, – память жива. Задача общества, школы и вуза – поддержать эту живую связь, создавая условия для аутентичного, личного, неформализованного диалога с прошлым.

В приложении к настоящей статье приведены избранные аутентичные студенческие тексты разных лет с сохранением стилистики, а также оригинальное стихотворение из опроса 1995 г.

Приложение

* * *

Прошло уже 80 лет, как закончилась Великая Отечественная война. Ведь никто не забыт и ничто не забыто. Каждую семью в нашей стране коснулась эта война. Люди погибали героями, отдавая свои жизни за судьбу своей Родины. Война не обошла и мою семью.

Моего прадедушку звали Смоленцев Платон Пантелеевич. Он прошел войну, был награжден орденом Отечественной войны. Он воевал на передовой, и был неоднократно ранен.

Мы даже представить не можем, сколько жертв и какой ценой была война над фашизмом. Мы должны всегда помнить и чтить память людей, что спасли нашу Родину.

* * *

В нашей семье и для меня лично – День Победы является очень значимым праздником. Еще со школьной скамьи нам прививали уважение к ветеранам, героям и участникам ВОВ. Особенно ярко это переживалось теми, кто находил участников Второй мировой среди своих бабушек, дедушек и родственников. Мой прадед – Монахов Леонид Мефодьевич – радист 207-го стрелкового полка, участник обороны Ленинграда и вернувшийся после войны живым – одна из главных причин, почему этот праздник так почитаем мною. У меня есть уникальная возможность узнать о тех военных днях практически из его уст (его рассказы были записаны знакомыми и детьми, остались надолго в памяти). Но стоит помнить, что день Победы – это не только великая радость, но и память о всех тех подвигах, горестях, потерях, что пережил наш народ. О тех ужасах, что он испытал в военные годы и пронес через всю свою жизнь. Мы обязаны чтить память о тех, кто отдал свою жизнь взамен на мирное небо над нашими головами, и всегда помнить об их великом подвиге.

* * *

Великая Отечественная война была тяжелейшим испытанием для всего нашего народа. Как для тех, кто воевал в окопах, так и для обычных людей. Особенно жаль детей, у них не было детства.

Многие люди бежали из своих домов в другие республики, страны. Один мужчина рассказывал мне, как его семья бежала из Беларуси (его отец и мать). Они бросили все, что у них было, чтобы выжить. И уехали в Алтайский край.

Мой дед был ветераном ВОВ. Ему присвоили две медали. Привозили подарки к 9 мая. Во время войны у него потерялись документы, и он почему-то решил взять другую фамилию. Теперь я хожу с этой фамилией.

В те годы погибло много людей, кого-то убили, кто-то умер с голода.

Если бы не наши солдаты, что было бы сейчас! Мирного неба над головой!

* * *

Моя семья помнит и знает наших героев. 9 мая мы ходим на парад, салют и всегда подходим к Вечному огню. Я очень хочу, чтобы

наши дети тоже знали цену этой Победы. Рассказываю про своего прадеда, который погиб в 1943 году. Мы сами нашли информацию про его гибель, а также теперь точно знаем, как и где он погиб.

Наш герой: Халтурин Константин Григорьевич, он был призван в 1941 году на фронт, бабушка его сама провожала на лошади до ближайшего ж/д станции, это был город Котельнич. В ходе войны он прошел всю Украину, Молдавию и уже на границе его убили. Был бой, очень много полегло наших солдат. В дальнейшем они были захоронены в братской могиле, он был стрелком. В честь своего прадеда я назвала сына – Константин.

* * *

День Победы для меня великий праздник. Это четыре года борьбы с врагом на поле боя и в тылу, на производстве и на селе, выращивая хлеб и продовольствие для фронта. У меня бабушка, Лежнина Евдокия Федоровна 1913 г. р., – «Труженик тыла». Ее брат Волжанин Яков Федорович воевал на Карельском фронте с 1941 по 1943, где и погиб. Дед по отцовской линии, Шулепов Викентий Викторович 1911 г. р., воевал под Курском, где был ранен тяжело в 1942 г. и комиссован. Его брат, не помню точных данных, продолжал воевать и дошел до Берлина. Победа над фашистской Германией далась нам тяжело (советскому народу). Много людей погибло, многие потому не родились. Многие города и населенные пункты, деревни, поселки были уничтожены. День Победы для меня, как для многих других в нашей стране – день победы добра над злом. Праздник продолжения будущего. Но и день великой скорби по погибшим защитникам Отечества, мирным жителям, не родившимся потомкам.

* * *

Вторая мировая война пришла в наш дом в 1941 году. Моя семья на тот момент проживала в деревне Колянур. Деда по линии отца забрали, на третий день сражений он сбил пикирующий самолет, в народе называли «Машина смерти». Прошел всю войну, вернулся в родную деревню, продолжил работать егерем. Отец часто рассказывал о нем и очень гордился подвигами деда. Лично мне не посчастливилось увидеть деда и поговорить с ним, он умер за 7 месяцев до моего рождения.

День Победы над фашистской Германией – это великий праздник для всего мира, страшно представить, как повернулась бы жизнь в мире, если фашисты добились бы своего плана. О войне мы знаем только из книг и фильмов. Каждый год всей семьей участвуем в парадах, ходили в Бессмертном полку. Я думаю, Вторая мировая война – в каждой семье нашей огромной страны. Огромная благодарность нашим дедам, бабушкам за Великую Победу и мирное небо над головой, низкий поклон!!!

* * *

9 мая, в моем понимании, не просто праздник, это великий день – День Победы. Это один из самых почитаемых праздников в моей семье, который навсегда останется в наших сердцах. Мой дед, Емашов Михаил Иванович, был участником Великой Отечественной войны с первых ее дней. Каждый год мы ходили с ним на митинг, посвященный Дню Победы, и каждый раз я видела слезы на его глазах (это были и слезы радости, и слезы утраты, горечи, и скорби по друзьям и однополчанам, погибших в то время). День Победы вызывает у меня чувство гордости за страну, за тех людей, которые, не жалея себя, сражались за нашу Россию! Считаю, что празднование такого великого события необходимо, чтобы все поколения чтили, помнили и уважали триумф и подвиг нашего народа!

* * *

Первое – это День Победы, когда во время ВОВ воевали наши предки, защищая Родину и своих близких. В этот день хочется и почтить память всех солдат, которые защищали нашу Родину, рассказать своим детям, почему отмечают 9 мая, изложить им какую-то информацию о наших предках, чтобы в будущем они знали, что в нашей семье тоже воевали за нашу Родину, из поколения в поколение рассказывали и передавали информацию дальше. 9 мая можно немного окунуться в прошлое, как они готовили, одевались. В этот день можно вспомнить своих предков и гордиться ими, что отстаивали честь нашей Родины. День Победы, этот праздник мы должны всегда помнить и не забывать, и не допустить, чтобы больше такое не повторилось. Знаю, что прадед воевал – Стекольщиков Иван Васильевич (1910–03.12.1942).

* * *

9 мая – день, который навсегда будет в памяти людей, как символ победы стойкости и мужества. Война унесла миллионы жизней и оставила глубокие раны в сердцах людей.

В моей семье есть два человека, которые участвовали в Великой Отечественной войне, – это мои прадедушки. Один был председателем колхоза и в начале войны пытался обеспечить больший запас зерна, но потом решил сам ехать на фронт и оставил управление колхозом на заместителя. Вернулся в 1945 г. с множеством ранений, но работу не бросил и еще долгие годы поднимал колхоз с колен. Другой прадед был обычным работником и также ушел на фронт в самом начале 1941 г. Вернулся в 1945 г. с тяжелейшими ранениями и множеством наград. Прожил после войны недолго – сказались старые раны. Также у меня есть еще два прадедушки, они, хоть и не попали на фронт, но тоже многое сделали. Один был директором школы и обучал детей, а другой разносил почту, что тоже было немаловажно. Мы чтим память о событиях этой войны и часто вспоминаем наших родных.

С каждым годом 9 мая становится все более значимым. Очень важно донести молодому поколению значимость этой даты, рассказать о событиях, происходивших в то время, о важности мирного неба над головой. Важно донести цену той Победы.

Таким образом, 9 мая – не просто красный день в календаре. Это день, который объединяет весь наш народ, ведь как поется в песне Е. Аграновича: «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...».

* * *

Для меня это великий праздник, день памяти, день осознания. В моей семье три человека имеют прямое отношение к этому празднику. Они внесли вклад в Великую Победу. В этот день, патриотизм, который вложили в меня мои предки, просто переполняет мое сознание и все мое естество. Пробирают до мурашек военные песни, гимн страны. Я считаю, что помнить о подвиге советского народа, нужно не только в День Победы, но и во все остальное время тоже. Как советский народ объединялся против общего врага, как боролся с ним, как помогал соседям, об этом нельзя забывать никогда. Зна-

ния о тех событиях нужно передавать из поколения в поколение, как святыню, как пример чести, силы, доблести, борьбы за справедливость. Один мой прадед погиб в бою в декабре 1942 года, второй прадед погиб в концлагере, захоронен г. Славута, Хмельницкая обл., Украина. И третья – это моя прабабушка, которая в годы ВОВ потеряла мужа, который как раз захоронен в г. Славута, а также являлась тружеником тыла. Именно она своими рассказами, историями, о перенесших трудностях, взрастила во мне чувство патриотизма.

Именно она рассказывала мне о том, что чувствовали люди, которые жили и работали в тылу. Ведь победа сложилась не только из подвига советских солдат, но и из подвига тыла. Своим детям я стараюсь привить это чувство, поделиться своими эмоциями, своими знаниями, своими впечатлениями. Я рассказываю им о наших прадедах и прабабушке, они знают о них, они понимают, насколько велик их подвиг и подвиг всего советского народа. Для меня этот праздник – это нечто особенное, не новый год или день рождения, это нечто большее, нечто грандиозное. Осознание величия нашего народа, силы нашего народа, доблести и чести нашего народа. Я люблю и уважаю этот праздник. Плачу над военными песнями и горжусь. Искренне горжусь подвигом советского народа.

* * *

Каждый год наша страна празднует важный день в истории Российского государства – День Победы. События, происшедшие во время Великой Отечественной войны, затронули каждую семью СССР. На фронт уходили наши прадедушки и прабабушки. В моей семье есть такой пример – мой прадедушка, Перминов Петр Иванович. Как рассказывает мой отец, Петр Иванович был, как и все, призван на службу в 1941 г., участвовал в боях и по ранению был комиссован на свою малую родину, где работал в колхозе и строил свою счастливую семейную жизнь. Мой прадедушка удостоен наград, и я этим очень горжусь! На сегодняшний день особенно важно помнить и чтить память о героях, защищавших нашу страну, наше будущее и нас в целом, подвигах, которые они совершали, и людях, которые трудились плечом к плечу ради одной цели – Победы. Я считаю, что наш долг – хранить историю своей страны, гордиться ей, передавать младшему поколению для сохранения важных

исторических и моральных ценностей. День Победы – не просто радостный праздник, но и напоминание о сплоченности, единстве и колоссальном труде людей, которые отдали свои жизни ради нашего спокойного и мирного будущего.

* * *

Девятое мая, за окном гремит салют, по телевизору показывают «Бессмертный полк», а на душе становится спокойно и одновременно светло и грустно, – по рассказам бабушки. Бабушка говорит светло, потому что победили и дед придет домой. Грустно – потому что эта победа досталась слишком дорогой ценой.

Для нашей семьи 9 мая – день двоих солдат. Двоих прадедов – Кузнецова Николая Ивановича и Сидоркина Алексея Емельяновича, которых я никогда не видела, но имена знаю с детства.

Наверное, они были очень разными, по-разному выглядели, говорили, служили в разных местах, но война их объединила и сделала их родными не по крови, а по воле судьбы. Но для меня, для всей нашей семьи, для истории.

Мой прапрадед со стороны отца, Кузнецов Николай Иванович, – человек с говорящей фамилией. Папа и бабушка рассказывали, что он ушел на фронт, не в самом начале, а где-то в 1941 году. Дедушка – военнослужащий, старшина, командир орудия, Герой Советского Союза полный кавалер ордена Славы. Был разведчиком…

Алексей Емельянович Сидоркин, бабушка рассказывала, что дошел до звания сержанта. Говорила, что был человеком рисковым.

Дедушки не были никогда знакомы. Но для меня они навсегда связаны. Связаны тем днем, когда пошли на фронт.

Спасибо моим дедушкам и другим героям, которые подарили мирное небо над головой.

* * *

Это – праздник всей планеты,
Это – салют ветеранам войны,
Это – героев Победы заветы,
Это – Победа великой страны!
Но это еще и забвенья страницы,
Пеплом подернуты, черной золой.
Это – солдат неизвестные лица,
Это – тревожный и яростный бой.

Какой вопрос задать солдату,
Чтоб не обидеть вдруг его?
Про танки или автоматы?
Или спросить про всё, про всё?
Спасибо вам, солдаты-люди,
За то, что мы живем сейчас.
А надо, если надо будет,
Мы сможем защитить и вас.

Источники и литература

1. *Богатова О.А.* Рамки памяти провинциальной студенческой молодежи о массовых политических репрессиях: между семейными нарративами и цифровыми экосистемами // Регионология. – 2025. – Т. 33. – № 4. – С. 715–734.

2. *Бахтин А.Г.* Результаты диагностики знаний школьников Республики Марий Эл о героях Великой Отечественной войны // Регионы России в военной истории страны: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 20–21 нояб. 2019 г. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 303–314.

3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – Тула, 2013.

4. *Бойко И.И.* Студенты Чувашии об истории России // Чувашский гуманитарный вестник. – 2022. – № 17. – С. 61–78.

5. *Великая Н.М., Голосеева А.А., Ирсетская Е.А.* Нарративы постпамяти: репрезентация Великой Отечественной войны в семейной памяти трех поколений // Социологические исследования. – 2025. – № 5. – С. 14–28.

6. Великая Отечественная война в памяти молодого поколения / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород, 2025.

7. *Малкина В.Я.* Историческая память и постпамять // Память как история и воображение: коллективная моногр. – Москва, 2023. – С. 108–112.

8. *Микиртичан Г.Л., Лисенкова Л.Н., Федоров Д.А., Комаров С.С., Макеева В.И., Павленко К.А.* Без срока давности: постпамять о нацистских преступлениях. К 80-летию Нюрнбергского процесса // Медицина и организация здравоохранения. – 2025. – № 10 (4). – С. 129–142.

9. *Соколов Б.Г.* Постистория и постпамять // XV Кагановские чтения. Теория культуры и эстетика: новые междисциплинарные подходы. Материалы Всерос. науч. конф., к 100-летию М.С. Кагана. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 362.

10. *Хирш М.* Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста. – Москва, 2021.

O.A. Koshkina

WAR IN THE CONSCIOUSNESS OF 21ST CENTURY STUDENTS: AN ANALYSIS OF NARRATIVE MODELS IN STUDENT ESSAYS ON THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article analyzes narrative models of comprehending the Great Patriotic War and Victory Day in the student environment based on a corpus of 224 essays collected at Mari State University in 1995-2026. The authors were full-time history students and part-time students of agricultural-technological and pedagogical profiles aged 18 to 58. The study reveals the evolution of war perception from "living" memory (1995) through ritualization and the formation of a symbolic language (2009-2012) to the fragmentation of narratives (2023-2026). It has been established that age and direct contact with veterans are more significant factors in preserving detailed family memory. The conclusion is drawn about the transition from oral-family tradition to mediated forms of memory and the risks of losing the "living" dimension of war in the consciousness of the younger generation. However, as long as authentic family narratives and research interest in them persist, the possibility of maintaining a living connection between the past and the future remains. The task of society is to support this living connection by creating conditions for an authentic and personal dialogue between students and the past.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, narrative models, student essays, postmemory, family memory.

УДК 93/94

И.А. Суздальцев

И.В. СТАЛИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению оценок современными англоязычными историками деятельности И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны. Автор пришел к выводам, что данная тема представляет значительный интерес для англоязычных историков, присутствуют как отрицательные, так и положительные оценки действий Верховного главнокомандующего. Критикуется И.В. Сталин в основном за неудачи на

первом этапе войны, к его достижениям относят грамотное руководство как боевыми действиями, так и эвакуацией, особо заключавшееся в том, что Сталин в ходе войны стал все больше прислушиваться к мнениям своих военачальников и иногда не вмешивался в разработку и проведение военных операций.

Ключевые слова: Киевская операция, битва за Москву, Сталинградская битва, ГКО, Г.К. Жуков.

Сталин И.В., пожалуй, одна из самых неоднозначных фигур в отечественной истории. Со времени его смерти прошло более семидесяти лет, однако споры вокруг его имени не только не утихают, а приобретают все большую остроту. Про Сталина активно пишут как отечественные, так и зарубежные историки. Об оценках его деятельности в годы Великой Отечественной войны у российских исследователей имеются публикации [см. напр.: 2]. Статей же, в которых были бы обобщены мнения о Сталине современных англоязычных историков, пока опубликовано не было. Выбор именно англоязычных историков обусловлен тем, что их работы об изучаемом государственном деятеле представляют большинство среди всех зарубежных исследователей. Ясно, что в рамках одной статьи объединить все оценки деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны, даже сузив поиск только до историков из англоязычных стран, не представляется возможным. За основу были взяты наиболее известные на Западе исследования, опубликованные начиная с 1990-х гг. до настоящего времени и не переведенные на русский язык.

Итак, имидж Сталина в глазах Запада после окончания Второй мировой войны радикально изменился. «Когда шла война, американские, английские и другие западные лидеры на самом высоком уровне славословили Сталина как блестящего Верховного, защитника западной цивилизации. После же того, как Запад, поглощенный холодной войной, раскопал новые и возродил старые свидетельства сталинских преступлений – довоенных расстрелов, чисток, массовых выселений людей – его облик как героя в войне против Гитлера был растоптан» [1, с. 118–119]. Подобная ситуация существовала и в западной науке: до начала 1990-х гг. историки принижали значение роли СССР и лично И.В. Сталина в победе во Второй мировой войне [4; 6; 7; 15; 16; 24; 25].

На современном этапе среди историков присутствуют мнения, как схожие с теми, которые высказывались в годы холодной войны, так и значительно отличающиеся от них, в которых историки отмечают достижения Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР во время Великой Отечественной войны. Например, целый ряд исследователей обвиняли Сталина в том, что он отказывался верить в нападение Германии на СССР, несмотря на бесчисленные предупреждения из различных разведывательных источников [8, p. 234–237; 13, p. 181–185; 19, p. 87–89; 20, p. 27–36; 21, p. 492–493; 23, p. 37].

Модсли Э. (Университет Глазго, Великобритания) ставит вопрос о том, насколько глава страны подготовил Советский Союз к войне. Предвидя войну как неизбежную, пишет историк, режим Сталина руководил программой быстрой индустриализации, масштабными инвестициями в Красную армию, строительством заводов двойного назначения и военной подготовкой гражданского населения. Тем не менее Сталин свел на нет преимущества создания этого военного государства, обезглавив Красную армию в ходе печально известной военной чистки 1937–1938 гг. [18, p. 141]. Он же отмечает, что еще одной дорогостоящей ошибкой стало масштабное развертывание Красной армии вблизи границы, что создавало условия для окружения и уничтожения. Несмотря на уроки, которые следовало бы извлечь из немецкого вторжения в Польшу в сентябре 1939 г., когда вермахт быстро прорвал и окружил польские войска у немецкой границы, Красная армия представляла собой столь же привлекательную цель в июне 1941 г. За это Сталин должен разделить вину со своими высшими военачальниками, в частности с народным комиссаром обороны С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба Г.К. Жуковым, которые отвечали за приказ о передовом развертывании в течение нескольких месяцев до немецкого вторжения. В 1942 г., считает Модсли, абсолютная власть Сталина поставила Красную армию в зависимость от «военного дилетанта, склонного к импульсивным приказам о наступательных действиях» [17, p. 60, 64].

Шталь Д. (Университет Нового Южного Уэльса, Австралия) пишет, что в 1941 г. Сталин еще не доверял своим генералам и его стремление выиграть войну крупным решающим ударом, а не серией тщательно спланированных наступлений, привело к ряду круп-

ных катастроф для Красной армии. Например, в конце июля 1941 г., когда Жуков посоветовал Сталину отвести войска на более удобно обороняемую линию к востоку от Киева, тот не поддержал решение своего начальника Генерального штаба и приказал войскам держаться. Окружение Красной армии под Киевом было самым впечатляющим немецким успехом в войне. Решимость Сталина вмешаться в ход боевых действий на этом направлении не была единичным случаем и наглядно демонстрировала его высокомерие и характер властных отношений с высшим армейским командованием на раннем этапе войны. Сталин действовал, руководствуясь собственными убеждениями и вопреки профессиональным военным советам своих лучших генералов, – заключает историк [26, p. 7, 100].

В 1941 и начале 1942 г. Сталин не до конца доверял своим генералам, его стремление выиграть войну крупным решающим ударом, а не серией расчетливых и профессионально спланированных наступлений, привело к крупным катастрофам для Красной армии, пишет Э. Зимке (Университет Джорджии, США). Когда советские войска начали контрнаступление на широком фронте к западу от Москвы в январе и феврале 1942 г., Сталин зашел слишком далеко. Казалось, опьяненный успехом декабрьской контратаки, он истощил свои наступательные возможности в тщетных и разрозненных атаках, которым не хватало необходимой концентрации ресурсов [30, p. 1017].

По мнению американских историков Д. Гланца (Военная академия США) и Дж. Хауса (Колледж командования и Генерального штаба Армии США), непримиримость Сталина в отношении Киева, чрезмерное расширение московского контрнаступления и катастрофа под Харьковом были решениями, которые продемонстрировали полное непонимание командованием военной ситуации [12, p. 287]. С. Браун (Университет Вуллонгонга, Австралия) и Д. Саттон (Университет Рединга, Великобритания) считают, что Сталин без колебаний приказывал своим командирам максимально использовать свои силы и добиваться результатов, когда считал это политически необходимым. Неизбежно такой подход дорого обходился с точки зрения человеческих жизней [5, p. 234].

Основной акцент критики сделан на начальный период войны, однако, например, Э. Бивор (Кентский университет, Великобрита-

ния) пишет, что яростный штурм Берлина обошелся слишком дорого, так как попытки Сталина разжечь соперничество между его генералами способствовали кровопролитию [3, p. 741–742].

На современном этапе в достаточно значительном количестве присутствуют положительные оценки, данные Верховному главнокомандующему за деятельность в годы Великой Отечественной войны, причем некоторым историкам свойственна как критика, так и констатация достижений исследуемого политического деятеля.

Модсли Э. (см. выше) частично оправдывает действия Сталина в преддверии войны, упоминая о противоречивой информации, поступавшей к нему за несколько недель до вторжения: «Сталина предупреждали, что Гитлер собирается вторгнуться 22 июня, но также сообщали, что вторжение произойдет в такие даты, как 14 мая, 21 мая и 15 июня. Когда эти даты прошли без нападения, Сталин вполне обоснованно стал все более скептически относиться к таким сообщениям» [18, p. 146]. Также упоминаемые выше историки С. Браун и Д. Саттон добавляют: «учитывая, что французская разведка не смогла предсказать немецкое наступление через Арденны в 1940 году, а американская разведка не предвидела Перл-Харбор, Сталина, возможно, несправедливо выделили как “глупца” Второй мировой войны» [5, p. 227].

Стоун Д. (Военно-морской колледж США) считает, что Сталин осуществлял командование неудачно в начале войны, но его лидерские качества проявились с лучшей стороны, когда он научился доверять суждениям представителей высшего командного состава, особенно Жукова [28, p. 342–343].

Робертс Дж. (Ирландский национальный университет в Корке) пишет, что, хотя ГКО не заменило все ключевые довоенные правительственные министерства и государственные комитеты, оно взяло на себя большинство ключевых обязанностей по управлению государством в военное время. Что особенно важно, Сталин в конечном итоге возглавил каждый из ключевых комитетов. Он был Верховным главнокомандующим СССР, председателем ГКО, народным комиссаром обороны и генеральным секретарем партии – эти факторы историк считает очень важными для итоговой победы [22, p. 95–96]. С Робертсом согласны С. Браун и Д. Саттон, которые считают, что окончательное решение всегда оставалось

за Сталиным, он осуществлял военную, политическую и экономическую стратегию. Комитеты, созданные на первом этапе войны, оставались ключевыми органами, через которые велась война [5, p. 228].

Отказавшись от иллюзии, что Гитлера можно успокоить дальнейшими уступками, Сталин разработал стратегию победы в войне, предполагающую полную мобилизацию советского государства и народа в апокалиптической борьбе за выживание, – отмечают Э. Нагорски (независимый исследователь, США) и Э. Модсли. Сталин не обращался к советскому народу до 3 июля, но его радиообращение через две недели после начала войны многими признано решающим моментом в подготовке советских солдат и гражданского населения к тотальной войне, которую можно было выиграть только ценой больших потерь [17, p. 62; 20, p. 52].

Жесткая дисциплина, которая должна была быть применена как к солдатам, так и к гражданскому населению, была описана в приказе № 270, изданном 16 августа 1941 г., одним из главных авторов которого был Сталин. В нем в том числе говорилось, что командиры и политработники, дезертирующие в тыл или сдающиеся в плен, считались злостными дезертирами, их семьи подлежали аресту; если командир проявлял трусость, любой солдат имел право уничтожить его. Дж. Робертс считает, что этот приказ был уместен и способствовал повышению уровня дисциплины и поднятию боевого духа [22, p. 98]. Положительно оценивает историк и приказ № 227: «Приказ не вводил более суровых форм дисциплины, чем те, которые солдаты уже могли ожидать, и фактически приветствовался многими на передовой как необходимый шаг для сдерживания колеблющихся; также он подтвердил непоколебимую приверженность Сталина победе любой ценой» [22, p. 131–132].

Робертс высказывает ряд предположений относительно приказов Сталина в отношении действий Красной армии под Киевом, находя в них определенную логику. Историк пишет, что Красная армия под Киевом, скорее всего, провалила бы отступление, к которому она была плохо подготовлена, и что, если бы Сталин согласился отступить из Киева, немецкие войска на севере смогли бы продвигаться к Москве, не опасаясь огромной концентрации советских войск на своем южном фланге [22, p. 102–103].

Гланц и Шталь, указанные выше, отмечают, что эвакуация не только предотвратила попадание жизненно важной промышленности в руки Гитлера, но и позволила Советскому Союзу продолжать производство материальных средств, необходимых государству, которое должно было сравняться с Германией, а затем и превзойти ее по объему производства [10, p. 64; 26, p. 38–40]. Быстрое перемещение советской промышленности на восток подчеркнуло авторитет Сталина как главного администратора страны, находящейся в состоянии войны, – пишет Д. Стоун [28, p. 335].

15 октября ГКО приказало эвакуировать правительство и разрушить недвижимую инфраструктуру столицы. В этот период Сталин принял два важнейших решения. Во-первых, он остался в Москве, а не эвакуировался поездом на Урал. Д. Шталь утверждает, что, поступая таким образом, он дал советским военным усилиям решающий импульс, когда казалось, что немцы находятся на грани победы [27, p. 209]. Речи Сталина в московском метро 6 ноября и на Красной площади 7 ноября 1941 г. Дж. Робертс и Н. Тумаркин (Колледж Уэллсли, США) считают шедеврами пропаганды, так как в них был сделан акцент на патриотическую силу русского народа в традициях долгой истории сопротивления иностранным захватчикам [22, p. 110–111; 29, p. 63–64].

Сталин вернул Жукова в Москву для организации обороны от немецких войск, находившихся всего в нескольких милях от центра города. Во время обороны Ленинграда в августе Сталин вмешивался в военные дела до такой степени, что устанавливал интервалы развертывания новых тяжелых танков КВ-1. К октябрю Сталин неохотно воздерживался от открытого вмешательства в военные дела и вместо этого подавал пример, оставаясь в столице. Однако, пишут С. Браун и Д. Саттон, если Сталину достается большая часть вины за эти ранние поражения, то он заслуживает и похвалы за победу под Москвой, которая, возможно, лишила Гитлера его лучшего шанса выиграть войну. Сталин выбрал своих генералов, одобрил план успешной контратаки под Москвой и воздерживался от вмешательства в военные действия до тех пор, пока немцы не были вынуждены занять оборонительные позиции, будучи оттеснены на десятки или сотни километров на запад [5, p. 229–230].

Назначение Жукова 27 августа 1942 г. первым заместителем наркома обороны СССР Э. Зимке (см. выше) считает знаком роста

доверия Сталина своим командирам: «эта роль позволила Жукову получить большую свободу действий в принятии стратегических и оперативных решений высокого уровня» [30, p. 1017].

Когда немцы прорвали советскую оборону летом 1942 г., приказа «стоять до последнего» 1941 г. не повторилось. В Воронеже, например, Сталин принял существующее положение и согласовал отступление. Дж. Эриксон (Эдинбургский университет, Великобритания) предполагает, что такие решения демонстрируют, что Сталин стал все больше прислушиваться к представителю Ставки А.М. Василевскому [9, p. 360]. Готовность Сталина к тактическому отступлению сочеталась с более лояльным его отношением к командирам в вопросе адекватной подготовки крупных наступлений, считает А. Хилл (Университет Калгари, Канада). Сталин предоставил своим командирам достаточно времени для организации контрнаступления под Сталинградом [14, p. 374–375].

В 1942 г., пишет Дж. Робертс, Сталин не отказался от власти, но все больше стал делегировать полномочия компетентным военачальникам, которым была предоставлена определенная степень автономии в решении вопросов, находящихся в его ведении [22, p. 97]. Д. Гланц утверждает, что, несмотря на присущую ему жестокость, авторитет Сталина был «незаменимым “клеем”, скреплявшим Красную Армию» [11, p. 582].

В статье, опубликованной в 2022 г. С. Браун и Д. Саттон приходят к выводу о том, что «величайший военный успех Сталина заключался в обеспечении единства советской политической и военной элиты. Советские политики и генералы не видели альтернативы Сталину, что давало им преимущество в том, что они сохраняли непоколебимую сосредоточенность на разгроме врага любой ценой. Руководство Сталина было безжалостным, но в экстремальных условиях тотальной войны против решительного и геноцидного врага эта безжалостность, возможно, стала решающим фактором в окончательной победе над нацистской Германией» [5, p. 235].

Таким образом, стоит отметить, что исследуемая тема представляет значительный интерес для англоязычных историков: в статье представлены мнения исследователей из США, Великобритании, Австралии, Ирландии. Критикуется И.В. Сталин в основном за неудачи на первом этапе войны, к его достижениям относят грамот-

ное руководство как боевыми действиями, так и эвакуацией, особо заключавшееся в том, что Сталин в ходе войны стал все больше прислушиваться к мнениям своих военачальников и иногда не вмешивался в разработку и проведение военных операций. Думается, что приближающаяся 150-летняя годовщина со дня рождения этого политического деятеля еще более поднимет интерес к его персоне и способствует появлению новых работ, а значит, и продолжению дискуссии о роли И.В. Сталина в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. *Белоусов А.А.* Роль Сталина в Великой Отечественной войне в оценке зарубежных историков и политиков // Россия и АТР. – 2002. – №. 2(36). – С. 118–123.

2. *Личман Б.В., Мартюшов Л.Н.* Сталин и его роль в Великой Победе // Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность. Двенадцатые военно-исторические чтения: сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2020. – С. 305–312.

3. *Beevor A.* The Second World War. – London, 2012.

4. *Blau G.* The Campaign Against Russia (1940–1942). – Washington, DC, 1955.

5. *Brown S., Sutton D.* Was Stalin Necessary? Soviet Command in the Great Patriotic War // The Routledge History of the Second World War. Edited by Paul R. Bartrop. – London & New York: Routledge, 2022. – P. 225–238.

6. *Carell P.* Hitler's War on Russia. – London, 1964.

7. *Clark A.* Barbarossa: The Russian-German Conflict, 1941–1945. – New York, 1965.

8. *Conquest R.* Stalin: Breaker of Nations. – New York, 1991.

9. *Erickson J.* The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. – Abingdon, 2019.

10. *Glantz D.* Before Stalingrad: Barbarossa – Hitler's Invasion of Russia 1941. – Stroud, 2003.

11. *Glantz D.* Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943. – Lawrence, 2005.

12. *Glantz D., House J.* When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler. – Lawrence, 2015.

13. *Gorodetsky G.* The Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. – New Haven, 1999.

14. *Hill A.* The Red Army and the Second World War. – New York, 2017.

15. *Keegan J.* Barbarossa: Invasion of Russia, 1941. – New York, 1971.

16. *Lederrey E.* Germany's Defeat in the East: The Soviet Armies at War, 1941–1945. – London, 1955.

17. *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi-Soviet War 1941–1945. – London, 2016.

18. *Mawdsley E.* World War II: A New History. – Cambridge, 2009.

19. *Murphy D.* What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa. – New Haven and London, 2005.

20. *Nagorski A.* The Greatest Battle: Stalin, Hitler, and the Desperate Struggle for Moscow That Changed the Course of World War II. – New York, 2007.

21. *Overy R.* The Dictators: Hitler's Germany, Stalin's Russia. – Harmondsworth, 2005.

22. *Roberts G.* Stalin's Wars: From World War to Cold War. – New Haven, 2006.

23. *Seaton A.* The Battle for Moscow. – New York, 1993.

24. *Seaton A.* The Russo-German War, 1941–1945. – Novato, 1971.

25. *Seth R.* Operation Barbarossa: The Battle for Moscow. – London, 1964.

26. *Stahel D.* Kiev 1941: Hitler's Battle for Supremacy in the East. – Cambridge, 2012.

27. *Stahel D.* Operation Typhoon: Hitler's March on Moscow, October 1941. – Cambridge, 2013.

28. *Stone D.* Operations on the Eastern Front, 1941–1945 // The Cambridge History of the Second World War. J. Ferris and E. Mawdsley (eds.). – Cambridge, 2015. – P. 331–357.

29. *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. – New York, 1994.

30. *Ziemke E.* Zhukov, Marshal Georgi // The Oxford Companion to World War II. I. Dear and M. Foot (eds.). – Oxford, 1995. – P. 1014–1017.

I.A. Suzdaltsev

JOSEPH STALIN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ASSESSMENTS BY MODERN ENGLISH-SPEAKING HISTORIANS

Annotation. This article examines contemporary English-language historians' assessments of I.V. Stalin's performance during the Great Patriotic War. The author concludes that this topic is of significant interest to English-language historians, with both negative and positive assessments of the Supreme Commander-in-Chief's actions available. Stalin is criticized primarily for his failures in the initial stages of the war. His accomplishments include his competent leadership of both combat operations and the evacuation, particularly in that, as

the war progressed, Stalin increasingly listened to the opinions of his military commanders and sometimes refrained from interfering in the planning and execution of military operations.

Keywords: Kiev operation, battle for Moscow, battle of Stalingrad, State Defense Committee, Georgi Zhukov.

УДК 930:94(470.23-25)“1941/1944”

А.В. Толмачева,
Я.С. Якунина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ советской и современной историографии военной антропологии в истории блокадного Ленинграда. Рассматривается эволюция методологических подходов: от идеологизированного изучения «массового героизма» и тылового труда в советский период к междисциплинарным исследованиям повседневности, психологии выживания, телесных практик и девиаций в современной науке. Выявляются различия в источниковой базе, тематических приоритетах и интерпретационных моделях. Отмечается, что современный этап отличается антропоцентричностью и вниманием к индивидуальному опыту, в то время как советская наука фокусировалась на коллективных формах сопротивления.

Ключевые слова: военная антропология, советская историография, современная историография, методология, блокадный Ленинград, повседневность, выживание.

Изучение истории блокады Ленинграда традиционно занимало особое место в отечественной исторической науке, однако долгое время оно оставалось в рамках героического эпоса и патриотических чувств, сосредоточенных на подвигах, трудовой доблести и военных операциях. Смещение исследовательского фокуса в сторону «человеческого лица» войны, произошедшее на рубеже XX–XXI вв., вывело на первый план проблематику военной антропологии, изу-

чающей поведение, ментальность, физическое и психологическое состояние человека в экстремальных условиях. Анализ советской и современной историографии позволяет проследить не только смену научных парадигм, но и трансформацию отдельных вопросов изучения многих сфер общественной жизни блокадного города.

Советская историография блокады формировалась под жестким идеологическим контролем и в значительной степени была подчинена задачам патриотического воспитания и политической конъюнктуре. Например, в особо значимых и ценных работах А.В. Карасева, В.М. Ковальчука, Д.В. Павлова преобладал макроисторический подход [2; 4; 7]. В центре внимания находились деятельность партийных и государственных органов, организация обороны, работа промышленности и героизм защитников города, государство было главным заказчиком и «лицом» истории. Антропологическая проблематика также затрагивалась, но лишь в контексте проявления высоких моральных качеств советского человека. Слово «герой» было исключительным, воспринимался героизм общий и коллективный, а не единоличный, и это было нормой. Что касается изучения таких социальных проблем, как девиантное поведение, панические случаи среди жителей блокадного города, утрата веры в себя или появление люмпенов, то эти направления исследований табуировались или аккуратно вытеснялись из научной дискуссии [1, л. 45].

Методологически советская наука опиралась на формационный подход и классовую теорию. Блокадная повседневность рассматривалась сквозь призму партийного руководства и трудового энтузиазма. Например, многочисленные исследовательские работы о продовольственном снабжении акцентировали заботу государства о населении, а карточная система описывалась как необходимый механизм выживания в рамках социалистической экономики [5, с. 12]. Советские историки активно использовали документы официального делопроизводства, статистику, постановления горкома партии, однако материалы личного происхождения, дневники, письма и воспоминания, привлекались выборочно и под строгим цензурным фильтром. Таким образом, блокадники представали в обобщенном, типизированном виде, лишенным индивидуальных черт, противоречий и слабостей. Их труд вписывался в картину общего энтузиазма и общей храбрости в рамках Великой Отечественной войны.

Современная историография, начавшаяся с перестройки и продолжающаяся в наши дни, имеет другой взгляд на события войны, в особенности блокады. Произошел переворот: теперь господствует не макроистория (в центре государство и партия), а микроистория (внимание на внутренний мир человека). В центре встают такие понятия, как «повседневность», «стратегия выживания», «ментальность». Такие исследователи, как Н.Б. Лебина, С.В. Яров, А.Р. Дзенискевич, В.Л. Пянкевич, С.А. Ушаков, сформировали новое поле военно-антропологических исследований блокады [3; 6; 8; 9]. В отличие от советских коллег, они уделяют первостепенное внимание не пропагандистскому образу, а реальным практикам существования в осажденном городе, выделяют эмоциональный аспект и чувства. Не боятся писать об искренности и настоящих достоинствах советского народа, что раньше замалчивалось.

В наши дни происходит расширение источниковой базы. Массовое введение в научный оборот блокадных дневников, писем, воспоминаний рядовых ленинградцев позволило историкам-исследователям окунуться в то время коллективных переживаний военной катастрофы. Анализ таких эго-документов показал, что блокадная повседневность включала не только героизм, но и страх, голод, дегуманизацию, каннибализм, поиск способов спасения любой ценой. Например, работы, посвященные феномену голода, рассматривают его не только как физиологическое страдание, но и как фактор изменения социальных норм, семейных ролей и культурных кодов. Если в советской литературе тема людоедства практически отсутствовала, либо упоминалась как маргинальное явление, то современная наука делает ее предметом детального антропологического анализа, связывая с процессами распада личности и границ человечности [3, с. 78].

Существенные изменения произошли и в интерпретации проблемы женского опыта блокады, детства, старения, а также вопросов санитарии, болезней и смерти. Современные исследователи активно используют теоретический аппарат западной гуманитаристики – концепции «пограничной ситуации» К. Ясперса, «биополитики» М. Фуко, исследований травмы и коллективной памяти. Междисциплинарность становится нормой: историки сотрудничают с психологами, медиками, культурологами, что позволяет

значительно углубить понимание антропологических аспектов. В советской науке такой синтез был фактически невозможен из-за идеологической изоляции и ограниченности методологического инструментария.

При этом нельзя сказать, что современная историография полностью отрицает достижения советской. Многие фактические данные, статистические выкладки и выводы о масштабах бедствия и героизма защитников города, накопленные в работах предшественников, остаются востребованными. Однако концептуальная рамка сменилась радикально: если советская наука была телеологична и видела в блокаде проявление несгибаемой воли народа, направленной на победу, то современная – антропоцентрична, ставя во главу угла способность человека сохранять человеческое в нечеловеческих условиях. Советская историография работала на точность и статистику, советские историки старались уделять этому особое внимание, отношение было ответственным и особо ценным.

Сравнительный анализ двух этапов историографии показывает, что формирование военной антропологии как самостоятельного направления изучения блокадного Ленинграда стало возможным лишь в постсоветский период, когда произошло освобождение от идеологических догм и методологическое обновление. Советская наука накопила значительный эмпирический материал, но была лишена возможности анализировать блокаду как экзистенциальный опыт, сосредоточившись на героико-публицистическом каноне. Современная историография, обратившись к повседневным практикам, частной жизни и субъективным переживаниям, существенно расширила наши представления о войне и человеке в ней, открыв новые перспективы для дальнейшего изучения феномена блокады.

Таким образом, налицо последовательное движение в изучении проблем блокадного Ленинграда в отечественной историографии с момента окончания Великой Отечественной войны и до сегодняшних дней. Это движение под действием идеологических парадигм и самого развития исторической науки двигалось в направлении от макроистории к микроисторическим исследованиям, а антропологический поворот в исторической науке, который имел место быть в последние 30 лет, позволил раскрыть тему героизма жителей блокадного города с разных сторон, вывел на первый план исследования

в области смежных наук – психологии, социологии и др. – и в итоге позволил рассматривать проблемы блокады как многофакторного явления. Сегодня у историков, благодаря работам коллег предшествующих периодов, появились новые темы для исследований, новые подходы, а благодаря введению в научный оборот эго-документов этого периода истории проблематика научных исследований не только не исчерпала себя, но, наоборот, расширилась.

Источники и литература

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5451. Оп. 26. Д. 148.

2. *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. – Москва, 1959.

3. *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – Москва, 2019. (Серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества»).

4. *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде (1941 год). – Москва, 1967.

5. *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. – Санкт-Петербург, 2004.

6. *Ушаков С.А.* Психология выживания в экстремальных условиях: опыт блокадного Ленинграда // Отечественная история. – 2007. – № 4. – С. 105–116.

7. *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. – Москва, 2013.

8. *Яров С.В.* Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – Санкт-Петербург, 2012.

9. *Bidlack R.* The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New Documentary History from the Soviet Archives. – New Haven; London, 2012.

A.V. Tolmacheva,
Ya.S. Yakunina

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOVIET AND MODERN HISTORIOGRAPHY IN THE STUDY OF MILITARY ANTHROPOLOGY IN THE BLOODIEST LENINGRAD

Annotation. The article provides a comparative analysis of Soviet and modern historiography in the field of military anthropology in the context of the history of besieged Leningrad. It examines the evolution of methodological approaches: from the ideologically driven study of “mass heroism” and rear-area labour during the Soviet period to interdisciplinary research into everyday life, the psychology of survival, bodily practices and deviations in modern scholar-

ship. Differences are identified in the source base, thematic priorities and interpretive models. It is noted that the modern stage is characterised by an anthropocentric focus and attention to individual experience, whereas Soviet scholarship concentrated on collective forms of resistance.

Keywords: military anthropology, Soviet historiography, modern historiography, methodology, besieged Leningrad, everyday life, survival.

УДК 94(47+57)“1914/1918”

И.Р. Чикалова

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В ЗЕРКАЛЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены основные темы, связанные с влиянием событий Первой мировой войны на белорусские земли и нашедшие отражение в эго-документах и отечественной научной литературе. Тема мировой войны прочно обосновалась в советской исторической науке межвоенного времени, ушла на периферию в связи с выходом на первый план темы Великой Отечественной войны и вновь вернулась в научное поле в постсоветский период. Помимо анализа боевых действий, на первый план исследований выдвинулись вопросы экономической жизни и состояния народного хозяйства, положения мирного населения, общественно-политических движений на белорусских землях.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, империалистическая война, Беларусь, белорусские территории, историография, историографические источники, эго-документы, историография Первой мировой войны.

На протяжении целого года с момента начала, как тогда ее называли, Великой войны территория белорусских губерний была тыловым районом. Однако в августе – сентябре 1915 г. война пришла и на ее территорию. Германские войска оккупировали Гродненскую губернию, Ошмянский и Лидский уезды Виленской губернии, западную часть Новогрудского и Пинского уездов Минской губернии, которые составляли четверть современной территории Беларуси. Осенью 1915 г. и вплоть до февраля 1918 г. германо-российский

фронт стабилизировался по линии Двинск – оз. Нарочь – Поставы – Сморгонь – Крево – Барановичи – Пинск.

Перенос боевых действий на территорию Царства Польского, а потом и белорусских губерний привел к трагическим последствиям для местного населения, нашедшим отражение в публикациях свидетельств очевидцев происходивших событий.

Среди них – опубликованные под названием «Записки беженца» дневниковые записи Е.А. Масальской-Суриной (урожденной Шахматовой) [20], владелицы имения в Глубоком. В них нашли отражение взятие немцами Свентян, эвакуация учреждений из Вильно и населения из Глубокого в Петроград, жизнь беженцев из западных районов в самом Глубоком. С приближением военных действий жизнь начала рушиться: «Наш мирный городок весь превращен в военный лагерь. Бесконечные обозы с провиантом и снарядами тянутся по всем трактам. Грохочут грузовики, шипят автомобили, скачут казаки. Жилые помещения все заняты войсками. Из брошенного монахинями Березвечского монастыря поднимаются наши летчики навстречу высоко парящему немецкому цеппелину» [20, с. 14].

На страницах петроградских периодических изданий публиковались дневниковые наблюдения и впечатления Ф.А. Кудринского, до войны работавшего в Несвижской учительской семинарии, в Виленском Центральном архиве древних актовых книг. С началом немецкой оккупации он оказался в Рогачеве – одном из важнейших пунктов на пути беженского потока, и там занимался оказанием помощи беженцам. Его дневниковые наблюдения, собранные вместе, были опубликованы книгой «Людские волны» под псевдонимом «Богдан Степанец» и охватывают период с 8 июля 1915 по 17 ноября 1916 г.: «По улицам сегодня потянулись новые волны беженцев... самые ужасные. Несколько сот повозок... и каких! Черных, отвратительно грязных, каких-то отчаянных... Я остолбенел от удивления. Я не видел еще более печального зрелища» [14, с. 168].

Еще одно свидетельство принадлежит священнику Петру Рыллo, записавшему в своем дневнике: «Чем дальше подвигаемся, тем количество беженцев все увеличивается и увеличивается. Идут пешие, неся в котомках за спиною свое добро и ведя за руки детишек, едут конные, захватив с собою кое-что из своего имущества. <…> На подводах умирали, живые сбрасывали покойника на край дороги

и продолжали свой путь. На паперти собора в Бобруйске ежедневно утром находили до десятка трупов, которые местным духовенством предавались земле» [25, с. 65, 66].

Население местностей, где происходили военные действия, бежало не само по себе, а выгонялось с насиженных мест военной силой. Эту мысль подтверждает в своей дневниковой записи от 30 ноября 1915 г. М.К. Лемке, в 1915–1916 гг. проходивший службу в Ставке Верховного главнокомандующего вооруженными силами России в Могилеве в качестве военного цензора: «Бежали только достаточные классы, а масса гналась насильственно со своих земель и пепелищ, лишенная всего. “Беженцы” принесли в восточную часть России капиталы, на которые и жили на новом месте, “выгонцы” же доплетались иногда с половиной семьи, похоронив другую по дороге, с пустыми руками, голодные, больные, всем чужие» [16, с. 265]. М.К. Лемке вспоминает приказ генерала Л.В. Леша по 3-й армии: «Теперь же безотлагательно должен быть очищен весь тыловой район армии; для этой цели у всего населения до линии Поддубное, Кобрин, Ливенец, Каменец-Коширск, начиная с передовых окопов, сначала в первой полосе, шириною 15 верст, потом во второй и далее в третьей должна быть произведена реквизиция скота у беженцев при оставлении ими своих жилищ, а реквизицию лошадей, повозок и сбруи – в конце маршрутов, при посадке на железную дорогу для следования внутрь империи» [16, с. 266–267].

Как жили, что чувствовали, о чем мечтали бежавшие от войны люди, дают яркое представление материалы Всероссийского съезда белорусских беженцев (июль 1918 г., Москва) [22], приехавших для участия в нем из многих российских губерний – от Московской до Тамбовской, Тверской, Тульской, Казанской, Костромской, Воронежской, Саратовской, Симбирской. Съезд проходил в то время, когда фактически все белорусско-литовские губернии в результате февральского 1918 г. наступления германских войск были оккупированы. Линия раздела по Брест-Литовскому миру (3 марта 1918 г.) прошла западнее Витебска, на юг (по Днепру) и восточнее Гомеля (не занятыми противником остались только шесть уездов, частично – восемь). На съезде прозвучал голос из оккупированных местностей Виленской губернии – смог приехать в Москву и выступить директор Будславской гимназии Иосиф Василевич: «После прихо-

да немцев жизнь замерла. Вся Белоруссия превратилась в тюрьму и застенок. <…> Пошли экзекуции и расстрелы. По всей Белоруссии стоит стон. Белорусский народ – сирота. Остались только священники и ксендзы, которые выпрашивают перед немцами разные льготы только для себя. <…> При проезде через Коренево выяснил количество и положение беженцев. Здесь у станции их находится до 25 000. Беженцы лежат на откосах, мокнут, голодают… Тот скорбный путь, который прошли беженцы в начале войны, был устлан крестами и могилами, обратный путь тоже будет усеян могилами» [22, с. 28].

Записали и опубликовали свои наблюдения те, кому пришлось жить на территориях, оккупированных немецкими войсками после заключения Брест-Литовского мира. «Уголок немецкой оккупации» – под таким названием вышли воспоминания анонимного автора о жизни Полоцка в период нахождения там немецких войск (февраль – июнь 1918 г.). «25 февраля т. г., в 8 час. 15 мин. вечера оккупационный эшелон германцев … занял город Полоцк. Совет 3-й армии и красноармейские части покинули город днем раньше. <…> Став перед неизбежным фактом оккупации, Полоцк зажил крайне нервной, напряженной жизнью. Демобилизация 3-й армии приняла в это время характер панического бегства беспорядочных солдатских толп. Огромные весьма ценные имущества были брошены на произвол судьбы. Крестьяне с ближайших сел и деревень сотнями съезжались к месту брошенных безо всякой охраны складов. Началась вакханалия грабежа» [4, с. 5, 6]. После прихода немцев комендант потребовал «описи всего имущества у каждого жителя и заявил, что на каждого члена семьи может быть оставлено по одному стулу, по одной ложке, вилке и т.д. Все “лишнее” будет, по мере надобности, забрано ими для немецких войск. И забирают немцы все: мебель, посуду, картины и прочее, и прочее. <…> Город замер, город голодает в полном смысле этого слова…» [4, с. 19].

Условия для появления научных работ, в центре которых находились бы темы, связанные с жизнью простого человека в условиях войны, сложились далеко не сразу. Только с конца 1980-х гг. в отечественной историографии начался активный поворот к таким сюжетам, как беженство, образование и культура, менталитет, массовая психология, организация медпомощи, уровень жизни

и отношение населения к войне. К их исследованию подключились и белорусские ученые. Например, первое, что стало интересовать, это – движение сотен тысяч беженцев и эвакуированных и деятельность тех, кто пробовал помочь пострадавшим от войны, кто осуществлял государственную миграционную политику.

Пионером таких исследований стал В.В. Скалабан. Он первым показал помощь беженцам как одно из направлений деятельности Белорусского национального комиссариата [30]. Ученому принадлежат и другие публикации в этом плане. В дальнейшем к исследованиям проблем беженства и помощи им подключились другие историки: защитившие кандидатские диссертации В.Р. Корнелюк [10], С.Ф. Лапанович [15], В.В. Василенко [3]. В.Р. Корнелюк дополнительно выпустил солидную монографию, вобравшую в себя материалы, собранные в рамках работы над докторским исследованием [11]. Вопросы эвакуации, беженства и реэвакуации беженцев в своих многочисленных статьях поднял А.М. Бобков.

Темами самостоятельных исследований стали положение населения и политика властей белорусских губерний (российских – на неоккупированной и германских – на оккупированной территории). Так, в диссертации В.М. Ходаненка, изданной в виде монографии, затрагиваются вопросы мобилизации, использования местных жителей на оборонительных работах, организации медицинской помощи, функционирования железной дороги и почтово-телеграфных отделений на не оккупированной Германией территории Беларуси во временных границах октября 1915 – октября 1917 г. [32]. Непосредственно с темой жизни населения неоккупированных территорий и прифронтовых областей связано диссертационное исследование Л.Ю. Павлова [21]. В нем автор отмечает, что затяжной характер войны, увеличение численности войск и объема потребления армией продовольствия и фуража привели к полному истощению местных ресурсов. Основной целью реквизиций в период отступления российской армии летом – осенью 1915 г. было предотвращение попадания материальных средств неприятельским войскам. С осени 1915 г. реквизиции стали основным вариантом заготовок продовольствия и фуража из местных ресурсов. В Виленской, Гродненской, Минской губерниях реквизиции начались в июле 1915 г. Тогда же главком Северо-Западного фронта генерал

М.В. Алексеев приказал интенсивнее продолжать реквизиции в армейском тыловом районе, включая Двинский и Минский военные округа. В ноябре предполагалось распространить их на Могилевскую и Витебскую губернии. В целом реквизиции скота, лошадей, перевозочных средств, запасов продовольствия, кож, машин и металлов коснулись обширного района востока Польши, а также Прибалтики, западных губерний России с сельским населением 22,5 млн из общего количества 28 млн человек населения.

В 1983 г. была защищена новаторская диссертация «Политика германского империализма в Белоруссии в годы Первой мировой войны» [2]. Ее автор А.М. Бобков, помимо показа планов различных общественно-политических сил Германии относительно Беларуси, исследовал сам оккупационный режим, экономическую политику немцев на занятой территории. Белорусским землям в условиях немецкой оккупации посвящены работы О.В. Волковой [5]. Исследовательница на основе документов, почерпнутых из архивов Германии, рассмотрела функционирование немецкой оккупационной администрации на территории Беларуси, основные направления ее политики в сфере сельского и лесного хозяйства, промышленности, транспорта, таможни, торговли, денежной системы и т.д. В работах В.В. Ляховского нашли отражение вопросы школьного образования [18; 19], О.П. Дмитриевой – национально-культурного и общественно-политического положения этнических групп в условиях проводимой немецкими оккупационными властями политики [6].

Первая мировая война стала триггером для разворачивания ряда движений, в том числе национального, актуализировала белорусскую национально-государственную идею. Уже в обобщающих работах по истории Беларуси В.М. Игнатовского и М.В. Довнар-Запольского (который писал свою «Историю Беларуси», остававшуюся в рукописи вплоть до 1994 г., в первой половине – середине 1920-х гг.) нашла отражение тема становления белорусского национального движения в годы войны. Оба они отмечали, что после оккупации западной Беларуси немецкими войсками белорусское движение активизировалось, и в первую очередь это касалось Виленщины [9, с. 222; 7, с. 468]. В то же время Д.Ф. Жилунович считал, что это не так: после занятия немцами Вильно белорусское национальное движение было вынуждено на время остановиться [8,

с. 184]. Но позже оно снова активизировалось в беженских комитетах в городах Российской империи, ставших его основными центрами. Это мнение, в то время секретаря Белорусского национального комиссариата при правительстве РСФСР, а впоследствии первого руководителя правительства провозглашенной в 1919 г. ССРБ, вытекало из его собственного субъективного опыта беженства и работы в беженских комитетах.

Начиная с 1930-х гг. тема национального движения фактически ушла из исследовательской повестки, а изучение общественно-политической жизни военных лет почти полностью было сведено к деятельности большевиков среди рабочих и крестьян белорусских губерний, солдат Западного фронта, подготовки и осуществления вооруженного восстания.

Начало реализации такого подхода было положено работой В.Г. Кнорина «1917 год в Белоруссии и на Западном фронте» [12]. Автор сам определил ее характер: личные воспоминания, поскольку «в распоряжении автора было весьма немного документов эпохи». Самим военным событиям Кнорин уделяет мало внимания, лишь отмечая, что «уже осенью 1914 года военные действия были перенесены на территорию Гродненской и Сувалковской губерний (знаменитые августовские бои), а в июле и августе 1915 года русские войска оставили всю Польшу, Литву и Западную Белоруссию и отошли на линию стоянки 1916–1917 г., т.е. на линию больших озер Крево – Солы – Сморгонь – Пинск» [12, с. 1]. Ремесленные и торговые местечки и городки края были экономически разрушены, а во многих случаях, как Сморгонь, снесены с лица земли. После летнего поражения 1915 г., подчеркивает Кнорин, начинается быстрый рост оппозиционных и революционных настроений в рабочих центрах и особенно в столицах, что сразу отразилось на фронте. «Среди офицерства, – пишет Кнорин, – особенно среди офицерства военного времени, распространяются конституционно-демократические взгляды, циркулируют антидинастические слухи и разнообразные версии предстоящих изменений в управлении страной, нарастает недовольство господствующей придворною кликой и надежды на Государственную Думу как организатора обороны страны... Этот наплыв, с одной стороны, оппозиционно-конституционных, с другой стороны, революционно-социалистических элементов на фрон-

те и новый политический подъем совпал с наметившимся процессом революционизирования рядовой солдатской массы под влиянием усталости от чрезмерно затянувшейся войны и затруднений в снабжении продовольствием фронта. Результатом этого процесса было ослабление внешне военной дисциплины, увеличение числа дезертиров, увеличение числа дел по членовредительству, всеобщее недовольство командованием: среди генералитета и высшего командования – ставкою, среди рядового офицерства – командованием фронта и штабами, а среди солдатской массы – вообще всем командованием и всем, особенно кадровым, офицерским составом» [12, с. 6–7].

Все это привело к стихийному росту революционного настроения масс, созданию в ходе Февральской революции Минского Совета рабочих и солдатских депутатов и его аналогов в прифронтовых местечках и городах – Несвиже, Столбцах, Слуцке, Вилейке, Бобруйске. Важнейшим событием стал проведенный в апреле 1917 г. съезд рабочих, крестьянских, солдатских и офицерских депутатов Западного фронта. По утверждению Кнорина, наиболее важное значение фронтового съезда состояло в «той политической роли, которую он сыграл в деле самоопределения солдатских масс, высвобождения их из-под влияния офицерства... и создания условий для ликвидации всего фронта как орудия империалистической войны путем превращения его в резервуар революционных сил для приближающегося Октября» [12, с. 15]. Кнорин подробно определяет роль социалистических сил, и прежде всего большевиков, по «ликвидации фронта», их деятельность вплоть до заключения 20 ноября 1917 г. делегацией Военно-революционного комитета армий Западного фронта и делегациями 2-й и 3-й армий договора с германским командованием о временном перемирии. После этого фронт демобилизовался, причем, замечает Кнорин, самостийно: «солдаты попросту уходили, садились на поезда и уезжали» [12, с. 63].

В межвоенный период и в годы, последовавшие за окончанием Великой Отечественной войны, интерес вызывало прежде всего рабочее и крестьянское движение в годы войны, его влияние на революционные события. Сама Первая мировая война стала рассматриваться сквозь призму приоритетного направления исследований – революционного движения и истории Октябрьской рево-

люции (А.Б. Киржниц, А.А. Полукаров, Т.Е. Солодков, Л.П. Липинский, С.З. Почанин, В.И. Салошенко и др.). Революционному движению на территории Беларуси в июле 1914 – марте 1917 г. посвящены диссертация (1968) и монография Э.М. Савицкого [26; 27]. Несмотря на преимущественное внимание к изучению революционных событий, в ней также нашло отражение экономическое положение незанятых белорусских территорий – сокращение посевных площадей, рост цен на промышленные и продовольственные товары, что демонстрируется на обширном статистическом материале. Продолжение темы нашло воплощение в монографии автора, охватившей более широкие хронологические рамки (июнь 1907 – февраль 1917 г.) [28].

Эта линия исследований была продолжена историками нового поколения. Революционное движение солдатских масс рассмотрел В.Н. Суряев в кандидатской диссертации (1991). В дальнейшем в монографиях и докторской диссертации он вышел на более широкий круг тем, связанных с событиями войны на территории Беларуси (положение белорусских губерний в составе Российской империи, планы германских военно-политических кругов в отношении белорусских земель) [31].

С середины 1980-х гг. вновь заявила о себе тема национального движения и национального самоопределения (С.С. Рудович, М.В. Цуба, Н.Б. Щавлинский) [23; 33; 37; 38; 39], и уже в постсоветское время – новые для белорусской историографии темы – общественно-политическое положение на Беларуси в годы войны (М.В. Цуба) [34; 35], а также деятельность политических партий и организаций небольшевистской ориентации. Она поднята в докторских диссертациях и монографиях П.И. Бригадина, В.Е. Козлякова, К.М. Бондаренко и Д.С. Лавриновича. Темами кандидатских диссертаций стали антивоенное движение (А.А. Зябко), деятельность православного духовенства (Э.В. Старостенко), земского союза и Всероссийского союза городов на территории Беларуси в годы войны (В.В. Василенко), создание и деятельность Белорусской народной республики (В.Г. Мазец). В ряде работ исследовалась внешнеполитическая деятельность последней: историография этого вопроса представлена в монографии В.А. Космача [13] – в ней автор остановился на вопросе отношения германских оккупационных

властей к БНР и роли германского фактора в ее политике. Национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ рассмотрел Н.Б. Щавлинский [40]. Обеспечение обороноспособности отдельно взятого города-крепости и повседневную жизнь его жителей на примере Гродно исследовал В.Н. Черепица [36]. В ряде статей показаны примеры проявления патриотического подъема на территории Беларуси начала войны (А.Л. Самович), борьбы с «немецким засильем» (С.С. Рудович), репрессии против подданных стран Центрального блока, антисемитизм в годы войны, выселение этнических немцев и евреев из прифронтовых областей.

Довольно подробные обзоры положения белорусских земель в годы войны вошли во все академические издания многотомных «Историй Беларуси», в частности в издание 2007–2011 гг. [24]. К столетнему юбилею войны появились книги обобщающего характера. Первым был объемный, хорошо иллюстрированный труд В.Н. Белявиной «Беларусь в годы Первой мировой войны» [1]. Спектр тем, связанных с войной на территории Беларуси, попытался охватить в своей монографии М.М. Смольянинов, ставшей, однако, предметом достаточно критических откликов [17]. Самый разнообразный по тематике материал содержат сборники, изданные по итогам проведения в Беларуси научных конференций в связи со столетними юбилеями начала и завершения Первой мировой войны.

Вопросы увековечения на белорусских землях памяти событий и участников войны стали важным и новым направлением в современной белорусской историографии (В.В. Шумский, В.А. Богданов, А.В. Шарков, Б.Б. Цитович, В.Ф. Колесинский, В.Н. Лигута). Самым свежим изданием в этом направлении стал пятитомный биографический справочник «Незабытые герои. Судьбы и подвиги (Белорусская книга Памяти Первой мировой войны 1914–1918 гг.)», подготовленный А.Л. Самовичем. В нем представлены почерпнутые из российских и белорусских архивов сведения о многих тысячах уроженцах белорусской земли, отмеченных Георгиевскими крестами и медалями [29]. Книги Самовича – своего рода предупреждение о том, что цена беспамятства бывает слишком высокой: немецкие кресты и каски вновь появились у нас на пороге в 1941 г., и уже детям, выживших в пламени Первой мировой войны солдат, пришлось сдерживать натиск беспощадного врага.

Таким образом, выраставшая из событий войны проблематика (вопросы экономики, беженство и демографические процессы, национальное и революционное движение, вопросы становления белорусской национально-государственной идеи) вошла в историческую науку в 1920–1930-е гг. Во второй половине XX столетия в отечественной историографии Великая война 1914–1918 гг. оказалась в тени Великой Отечественной. И все же не сразу, но пришло стремление увидеть поступки и судьбы простых людей, целых социальных групп и организационных структур, желание разобраться в их действиях в условиях той войны. Все эти темы вошли в историческую повестку уже в постсоветское время.

Тем не менее все еще нуждаются в дополнительных исследованиях вопросы, связанные с влиянием военного положения на повседневную жизнь населения неоккупированных и прифронтовых белорусских земель, на работу их хозяйственного комплекса, медицинских учреждений по оказанию специализированной помощи населению, на деятельность благотворительных организаций, общин сестер милосердия, женских комитетов, а также – проблемы взаимодействия Русской армии и гражданского населения белорусских земель. Эти задачи могут быть решены при использовании фондов архивных учреждений, привлечении к исследованиям уже изданных первоисточников, – например, материалов третьего тома академического сборника документов по истории Беларуси, документов, помещенных в археографическое издание «Беларусь в годы Первой мировой войны», а также тематических подборок документов, опубликованных на страницах сборников «Архивариус» и научных журналов.

Источники и литература

1. *Белявина В.Н.* Беларусь в годы Первой мировой войны. – Минск, 2013.

2. *Бобков А.М.* Политика германского империализма в Белоруссии в годы первой мировой войны: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. – Минск, 1983.

3. *Василенко В.В.* Деятельность Всероссийского земского союза и всероссийского союза городов на территории Беларуси в 1914–1918 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 2019.

4. *В–ик Леонид.* Уголок немецкой оккупации: из жизни города Полоцка с момента оккупации его немецкими войсками (февраль – июнь 1918 года). – Петербург, 1918.

5. *Волкава В.В.* Эканамічная палітыка няцецкіх акупацыйных улад у Беларусі у гады Першай сусветнай вайны (1915 – люты 1918 г.): дыс. .... канд. гіст. н.: 07.00.02. – Минск, 2018.

6. *Дмитриева О.П.* Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Минск, 2017.

7. *Доўнар-Запольскі М.В.* Гісторыя Беларусі. – Минск, 1994.

8. *Жылуновіч Д.* Люты – Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі культурнага і рэвалюцыйнага руху. – Менск, 1924.

9. *Ігнатоўскі У.* Гісторыя Беларусі у XIX і пачатку XX сталецця. – Менск, 1926.

10. *Карнялюк В.Р.* Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: дыс. ... канд. гіст. н.: 07.00.02. – Минск, 2001.

11. *Карнялюк В.Р.* Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной. – Гродна, 2019.

12. *Кнорин В.Г.* 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. – Минск, 1925.

13. *Космач В.А.* Прогерманская политика лидеров БНР в 1918–1919 гг. (из истории борьбы Запада против России). – Витебск, 2024.

14. *Кудринский Ф. (Богдан Степанец).* Людские волны: беженцы: [через г. Рогачев в 1915 г.]. – Петербург, 1916.

15. *Лапановіч С.Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). – Минск, 2010.

16. *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). – Петербург, 1920.

17. *Лютик Д.В.* Рецензия: Смольяников М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Белорусский исторический обзор. – 2021. – № 4 (1). – С. 7–33.

18. *Ляхоўскі У.В.* Адукацыя на акупіраваных Германіяй беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны (1915–1918 гг.): дыс. … канд. гіст. н: 07.00.02. – Минск, 2007.

19. *Ляхоўскі У.В.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.). – Вільня, 2010.

20. *Масальская-Сурина Е.А. (Беженец).* Записки беженца. – Петербург, 1916.

21. *Павлов Л.Ю.* Организация продовольственного обеспечения войск Северо-западного (Западного) фронта Российской армии на территории Беларуси в годы Первой мировой войны. Дис. … канд. ист. наук: 07.02.02. – Минск, 2015.

22. Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве, 15–21 июля 1918 года. – Петербург, 1918.

23. *Рудович С.С.* Белорусское национальное движение в период между Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1987.

24. *Рудович С.С.* Беларусь у гады Першай сусветнай вайны // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (конец XVIII – пачатак XX ст.). – Мінск, 2005. – С. 434–486.

25. *Рылло П.* Воспоминания. – Минск, 2023.

26. *Савицкий Э.М.* Революционное движение в Белоруссии в годы Первой мировой войны и русской революции (июль 1914 – март 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1968.

27. *Савицкий Э.М.* Революционное движение в Белоруссии в годы Первой мировой войны и русской революции (август 1914 – февраль 1917 г.). – Минск, 1981.

28. *Савицкий Э.М.* Рабочее движение в Белоруссии в годы Первой мировой войны и русской революции (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). – Минск, 1995.

29. *Самович А.Л.* Незабытые герои: судьбы и подвиги: биограф. справ. Т. 1–5 (Белорусская книга Памяти Первой мировой войны 1914–1918 гг.). – Минск, 2023–2026.

30. *Скалабан В.В.* Белорусский национальный комиссариат: (Январь 1918 – март 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1987.

31. *Суряев В.Н.* Великая война. Беларусь. Фронт: Северо-Западный край Российской империи в войне 1914–1918 гг. – Saarbrücken, 2015.

32. *Хаданёнак В.М.* Сацыяльна-эканамічнае становішча насельніцтва неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1915 – кастрычнік 1917 гг.). – Віцебск, 2015.

33. *Цуба М.В.* Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.): Дыс. на атрым. вуч. ступ. канд. гіст. навук: 07.00.02. – Мінск, 1996.

34. *Цуба М.В.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі з пачатку Першай сусветнай вайны да Лютаўскай рэвалюцыі (жнівень 1914 – люты 1917 г.). – Минск, 2006.

35. *Цуба М.В.* Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі). 1914–1918 гг. – Пінск, 2010.

36. *Черепица В.Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. – Минск, 2009.

37. *Щавлинский Н.Б.* Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1999.

38. *Щавлинский Н.Б.* Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Минск, 2001.

39. *Щавлинский Н.Б.* Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Минск, 2009.

40. *Щавлинский Н.Б.* Первая мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины. – Минск, 2018.

I.R. Chikalova

WORLD WAR I AND BELARUSIAN LANDS IN THE MIRROR OF EGO-DOCUMENTS AND DOMESTIC RESEARCH

Annotation. The article examines the main topics related to the impact of the events of the First World War on the Belarusian lands and reflected in ego-documents and scientific literature. The topic of the world war was firmly established in the Soviet historical science of the interwar period, moved to the periphery due to the emergence of the topic of the Great Patriotic War to the forefront, and again returned to the scientific field in the post-Soviet period. In addition to the analysis of military operations, issues of economic life and the state of the national economy, the situation of the civilian population, and socio-political movements in the Belarusian lands came to the forefront of research.

Keywords: World War I, Great War, imperialist war, Belarus, Belarusian territories, historiography, historiographic sources, ego-documents, historiography of World War I.

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

УДК 94 (470.67)

М.-П.Б. Абдусаламов

ШАУХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИИ, СЕФЕВИДСКОГО ИРАНА И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Аннотация. В статье, на основе архивных материалов и специальной исторической литературы, рассматривается роль крупного государственного образования Северного Кавказа шаухальства Тарковского в стратегических замыслах в регионе сопредельных великих держав – России, Ирана и Порты во второй половине XVI в., раскрываются перипетии сложных взаимоотношений шаухальства с ними. Показаны методы реализации кавказской политики этими державами. Подчеркивается, что политика лавирования шаухала Тарковского была обусловлена стремлением сохранить свою независимость.

Ключевые слова: Московское государство, Сефевидский Иран, Османская империя, Северный Кавказ, Тарковское шаухальство, международные отношения.

В рассматриваемый период в стратегических планах Сефевидов и Османской империи Северный Кавказ занимал важное место, что было связано с особенностями географического положения региона, его спецификой в международной жизни [15, с. 178]. Конкуренция между этими великими державами неминуемо привела к череде войн, длившихся с перерывами с 1514 по 1639 г.

С 1556 г. в борьбе за Кавказ появляется новый игрок – Российское государство, уже завладевшее Астраханским ханством, что позволило ему выйти к Каспию и в Предкавказье [1, с. 34]. Строитель-

ство линии укрепленных пунктов по нижнему Тереку и Сунже являлось частью политики русского правительства [16, с. 7–8]. В основу продвижения на Кавказ легло установление устойчивых контактов с кумыкской феодальной элитой и привлечение ее к российской торговле через Астрахань. Готовность оказывать поддержку одним правителям против других обусловливает зависимость внутренних процессов от участия Москвы. Разменной монетой в оказании помощи становится требование принести присягу на верность русскому царю [11, с. XIII].

Москва, во второй половине XVI столетия, в своих стратегических планах в регионе зондирует почву с целью выявления лояльности среди северокавказских владетелей в противостоянии с османами. Выбор падает на владетелей Кабарды, с которыми завязываются тесные связи [11, с. XIII–XIV]. Однако в отличие от кабардинских владетелей с кумыкскими правителями оказалось намного сложнее выстраивать эти отношения. Самый сильный среди них шаухал Тарковский показал свою обеспокоенность продвижением Московского государства в Дагестан. Пытаясь предвосхитить удар по своим владениям и обезопасить налаженную каспийскую торговлю, кумыкские правители во второй половине XVI в. склоняются вести внешне корректные отношения с русским двором, проявляя большую осторожность [11, с. XIV–XV].

Вне сомнений, Тарковское шаухальство во всем Северном Кавказе было крупным государственным образованием. С шаухалом Тарковским поддерживали дипломатические контакты дворы Стамбула, Москвы и Исфахана. Можно сказать, что шаухальство выступало на Кавказе представителем дагестанской политической элиты в международных отношениях [3, с. 99].

Во второй половине XVI столетия Тарковское шаухальство поддерживало тесные контакты с Османской империей, чему в немалой мере содействовало исповедание суннитского толка ислама кумыками и турками. Порта, грамотно пользуясь фактором единоверия, упрочивала свое влияние в Дагестане. Москва реагировала на это изменением тактики ведения политики. Через своих подданных кабардинских владетелей она искала выход на шаухала. Если отношения с шаухалом усложнялись, то следовавшие за ними военные акции только позволяли царским войскам вклиниться еще глубже

в регион, пересекая Терек и через Приморский путь выходить на Койсу [11, с. XV].

Какую позицию занимал шаухал Тарковский во время ирано-османской войны 1548−1555 гг. нам не известно. Очевидно, что для обеих держав было важным заручиться его поддержкой, чтобы получить контролируемый шаухалом Прикаспийский путь в Дербент. Не исключено, что шаухал тяготел к османам: в 1547 г. Элькас (Алхас. – *Авт.*), изменивший шаху Ирана, нашел убежище у шаухала или крым-шамхала [10, с. 251–252]. По мнению К.М. Алиева, в 1540-е гг. шаухалы придерживались проосманской ориентации и проводили в регионе проосманско-крымскую политику [4, с. 368–369]. В своих планах по захвату Ширвана Оттоманская Порта определенную ставку делала на поддержку и военную помощь соседних с Ширваном северокавказских областей, в том числе шаухальства, при этом обещая им «щедрое вознаграждение за их верную службу» [4, с. 369].

На Тереке, у впадения в него р. Сунжи, по обращениям владетелей Кабарды был возведен острог с войском и артиллерией, что осложнило отношения между Москвой и Стамбулом [4, с. 317]. Османский султан и его вассал крымский хан потребовали срытия крепости. Объясняя свою позицию по этой возникшей проблеме, османский двор доказывал, что кумыки и «черкасы» подданные султана и находятся под его протекцией [13, с. 128]. Также объяснил свое несогласие послам Ивана Грозного крымский хан Девлет-Гирей I (1551–1577): «…а шевкалы (кумыки. − *Авт.*)… деи наша вера и нам служить и нам дел за них не стояти грешно» [17, л. 5]. В 1567 г. он писал русскому царю, что подданные шаухала мусульмане, что со времен их дедов они поддерживают между собой добрососедские отношения [17, л. 5]. Далее Девлет-Гирей I в письме продолжал: «Шевкальскую землю… изневолить… и похошь дружбы и миру, и ты тот город вели снесть и пришли великие поминки. А не похошь так, и ты бы наших послов отпустил и мы твоих отпустили…» [5, с. LXVIII].

Иван Грозный не стал срывать крепость. В 1569 г. турецко-крымские войска предприняли крупный, не увенчавшийся успехом, поход на Астрахань [7, с. 70]. После нее последовала дипломатическая дуэль, проходившая в Стамбуле. Переговоры показали, что строи-

тельство Терской крепости вызвало серьезные опасения османского двора [19, с. 31]. Дипломат Иван Новосильцев этот успех представлял не через призму экспансионистских стремлений Москвы, а лишь как волю царя поддержать своего тестя Темрюка, который просил помощи против шаухала Тарковского. Царь, разумеется, своего тестя поддержал войском, а против крым-шамхала «Темрюк с воинскими людьми ходил и Крым-Шевкалы воевал» [17, л. 4].

Тем временем снова началась османо-сефевидская война. В 1578 г. османский полководец Мустафа-Леле-паша появился на Кавказе с 200-тысячной армией. Одновременно активизировался в регионе и крымский хан [18, с. 111]. С помощью крымских татар калги Адиль-Гирея, брата крымского хана Мухаммед-Гирея II, османы заняли в 1578 г. часть Закавказья, в том числе Ширван и Грузию, выйдя в Прикаспий. В 1579 г. Дербент оказался в руках турков [7, с. 71]. Видимо, тогда за поддержку османов шаухал в конце 1578 г. получил от османского правителя санджак Шабран. Султан, зная о политическом весе шаухала в Дагестане, планировал, что отдав Шабран, склонит его к себе на службу.

В обстановке острого соперничества великих держав шаухал Тарковский лавировал между их противоборством и вел двойную политическую игру, заигрывая с ними [17, л. 10]. Известно об использовании шаухалом печати с подписями: с одной стороны, иранское подданство, а с другой – русское. В зависимости от адреса (Исфахан или Москва), шаухал ставил оттиск нужной стороной печати [17, л. 10–11].

Шаухал руководствовался соображениями крепких позиций османов в регионе. Успехи турков в 1587 г., когда Шемаха, Гянджа, Баку и Дербент оказались в их руках, еще сильнее упрочили уверенность шаухала в правильности своего предпочтения. Свою лояльность к политике Порты он уже демонстрировал открыто. Однако неизменное присутствие османов на Кавказе было сложным из-за отдаленности от центра. В свою очередь Москва была настроена более твердо, потому что аннексия Дербента, Баку и Шемахи преграждала сухопутный путь к персидскому шелку и расстраивала восточную торговлю через Астрахань с европейскими странами [17, л. 10–11]. Это инициировало строительство русской крепости с военным гарнизоном в устье р. Терек весной 1588 г. [8, с. 383]. Однако

в первые годы после постройки русской крепости позиция шаухала Тарковского не была ясна. Видя бездействие турок и не желая уступать российскому военному присутствию, шаухал склонялся к нейтралитету [10, с. 270]. Царский воевода А.И. Хворостинин писал, что шаухал не приемлет сюзеренитета ни османского султана, ни русского царя [9, с. 58–59]. Возведение русской крепости на р. Терек обострило отношения России с Оттоманской Портой, Крымским ханством и шаухальством Тарковским, ибо они видели в этом распространение русского влияния на Северном Кавказе [2]. Сефевиды же тогда не вмешивались в действия России в регионе. Ирану нужны были союзники для дальнейшего продолжения войны с Портой. Тем более что шах Аббас I был вынужден 21 марта 1590 г. подписать унизительный для страны Стамбульский договор, закрепивший за османами внушительные территории Южного Кавказа: Тебриз, Гянджу, Баку, Шемаху, Ереван, Нахичевань и Дербент [12, с. 157].

Тем временем кахетинский царь Александр II и кабардинские князья обращались в Москву с жалобами на притеснения шаухала. Это стало причиной приказа царя Федора Иоанновича снарядить в 1591 г. против шаухала войска под командованием воеводы Г. Засекина, овладевшие штурмом Эндиреем [5, с. 253]. Во время этого похода была восстановлена Сунженская крепость на месте впадения Сунжи в Терек [13, с. 131]. Спустя некоторое время в 1594 г. против шаухала был организован новый поход, который возглавил воевода А.И. Хворостинин. Но он не привел к подчинению сильного государственного образования – шаухальства Тарковского [8, с. 385]. Наоборот, он вызвал полосу дипломатических переговоров с Сурхаем II Тарковским, вовлекших в свою орбиту и иранского шаха. Так, в грамоте шаха Аббаса I на имя царя Федора Иоанновича было сказано: «Да ведомо учинилось в нашем государстве, что Шевкальской царь помыслил вашей земле лихо учинити и с вашими терскими воеводами ратитца. И нашего величества к вам любовь такова: друг вашему друг, а недругу вашему недруг есми, а наших ратных людей на недругов твоих устремление подлинно и нашим споможеньем терские ваши люди в Шевкалову землю вшед и путь найдут, и его извоюют. И то вперед нашей любви и прибавленье, и вперед, которое вашей стороне вам годно покажетца, и вы б своего повеленья от нас не пожалели, нам вестно учинили…» [6, с. 216]. Смысл грамоты шаха Аббаса I состоял в том, что сефевидский двор не только одобрил

акцию русских войск против шаухала Тарковского в Дагестане, но и предлагал им свою помощь, признавая эти военные действия Москвы проявлением русско-иранской дружбы. Шах Аббас I выступал перед шаухалом Тарковским в роли сюзерена, защищавшего своего вассала от могущественного соседа, в дружественных отношениях с которым был заинтересован. С другой стороны, опасаясь дальнейшего продвижения российских войск на территорию шаухальства, Аббас I явно намекал на то, что Дагестан входит во владения Сефевидской державы [6, с. 222].

Аббас I крайне не хотел, чтобы тарковский шаухал перешел под протекцию султана. Но более этого он опасался российского проникновения в Дагестан, русско-грузинского альянса и подчинения Московским государством Тарковского шаухальства. Чтобы не допустить русских в Прикаспийские провинции, Аббас I готов был на многое, даже за счет консенсуса Москвы с шаухалом и временного признания им подданства царя Федора Иоанновича. Как свидетельствуют архивные материалы, шах уверял царя, что сможет договориться с шаухалом отказаться от войны с русскими силами в Дагестане. Также он обещал привести шаухала в подданство Москвы. Аббас I напоминал русскому царю, что прежде подвластные шаухалу кумыкские правители были подданными шаха, но после прихода турок в Ширван шаухал и его князья перешли в османское подданство [11, с. 12]. Русское правительство столь поверило в искренность намерения шаха Аббаса I подчинить шаухала Тарковского России, что в грамотах Посольского приказа царицынскому, астраханскому и терским воеводам И.М. Бутурлину и В.В. Головину предусматривались разнообразные меры по претворению этого обстоятельства в жизнь. Например, терским воеводам указывалось, когда «шефкал пришлет… на Терек… даст в заклад сына своего и будет под нашею царскою высокою рукою, и с нашими людьми на наших непослушников учнет стояти… заодин и к турскому не учнет приставать, и дорогу нашим людям в Иверскую землю… очистит…»; тогда терские воеводы как можно скорее обязаны привести шаухала к царской присяге [6, с. 225–226].

Однако в подданство России шаухал Тарковский так и не вступил. Немалую лепту в этом сыграли происки Порты и Ирана. Как свидетельствовал иранский посол Анди-бек, в 1598 г. к шаухалу

был отправлен с жалованьем от султана османский посол Аспан-бек с просьбой поддержать постройку крепости на р. Койсу турками [14, с. 4, 49]. Это явилось причиной отказа шаухала Тарковского вступить в российское подданство, выдвинувшего ультиматум – снести Койсинскую крепость [10, с. 284]. Сефевидский Иран по отношению к Московскому государству также вел двойную политику, в то же время показывая свое миролюбие. Анди-бек в начале 1598 г. сообщал терским воеводам, что его переговоры с шаухалом Тарковским на рубеже 1595−1596 гг. свелись к обещанию шаухала «служити государю» и направить послов в Терки. Ни того, ни другого шаухал не выполнил [6, с. 330]. Основание своего отказа в принятии российского подданства шаухал в своем письме Федору Иоанновичу обосновывал установкой Стамбула «не одиначитись с Теркою». Кроме того, шаухал открыто говорил о предложении султана выдвинуться вкупе с крымским ханом в поход против русской крепости на р. Койсу [10, с. 284]. Однако шаухал Тарковский не был поддержан кумыкскими князьями, в том числе и сыновьями. Прибывший в 1602 г. в Москву посол шаухальского сына Андия Атай «бил челом», что Андий желает быть в подданстве царя Бориса Федоровича Годунова и служить ему верой и правдой [5, с. 365]. В 1603 г. в Москву прибыли послы Солтан-Мута Эндиреевского и Сурхая Тарковского «бити челом, что он Суркай-Шевкал перед Терским воеводы правду дал и шерть учинил и сына своего Ахлова в заклад в Терский город пришлет и хочет быти под государевою рукою во всем послушен» [5, с. 365–366]. Царь отпустил кумыкских послов с жалованьем [13, с. 133].

Таким образом, резюмируя вышеизложенный материал, отметим, что в рассматриваемый период шаухальство Тарковское в стратегических планах сопредельных великих держав на Кавказе играло значимую роль в силу своего геополитического положения. Через территорию шаухальства проходила важная торговая магистраль, являвшаяся частью Великого шелкового пути, из-за которой Россия, Иран и Порта вступили в острое соперничество. В сформировавшейся обстановке противостояния сопредельных держав шаухал Тарковский умело лавировал, тонко играл на их противоречиях, тем самым сумев в полном объеме сохранить свою политическую самостоятельность. При этом во внешней политике в регионе Рос-

сия, Иран и Османская империя должны были учитывать позицию шаухальства Тарковского. В ходе российско-персидского и российско-османского противоборства определились место и значение этого государственного образования для конкурировавших на Кавказе держав как плацдарма в осуществлении стратегических планов.

Источники и литература

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские государственные образования в кавказской политике России (вторая половина XVI – первая половина XVIII в.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Саранск, 2022.

2. *Абдусаламов М.-П.Б.* Шамхальство Тарковское в политике России на Кавказе в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – Т. 1. – С. 14–20.

3. *Абдусаламов М.-П.Б.* Шамхальство Тарковское в русско-иранских и русско-турецких отношениях во второй половине XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2015. – № 5. – С. 97–106.

4. *Алиев К.М.* Кумыки и их правители в османских (турецких) источниках XVI – первой половины XVIII вв. // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII в.): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 460-летию Султан-Махмуда. – Махачкала, 2010. – С. 360–373.

5. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1 (1578–1613 гг.) – Москва, 1889.

6. *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. – Москва, 1976.

7. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. – Москва, 1965.

8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века / отв. ред. А.И. Османов. – Москва, 2004.

9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: док. и материалы: в 2 т. / сост. В.М. Букалова. – Т. 1. – Москва, 1957.

10. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). – Москва, 1963.

11. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615–1640 (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегенева и Волконского) / док. подгот. М. Полиевктов. – Тбилиси, 1937.

12. *Новичев А.Д.* История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). – Ленинград, 1963.

13. Очерки истории Дагестана. – Т. 1. – Махачкала, 1957.

14. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. – Санкт-Петербург, 1892.

15. *Панеш А.Д.* Пространственно-временная характеристика российско-кавказских политических взаимоотношений во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – первая половина XVII в.): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 460-летию Султан-Махмуда. – Махачкала, 2010. – С. 177–186.

16. *Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932.

17. Политика шамхала в борьбе с Москвой за независимость // Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

18. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. – Махачкала, 1964.

19. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. – Москва, 1958.

M.-P.B. Abdusalamov

THE TARKOVSKY SHAUKHALATE IN THE STRATEGIC PLANS OF RUSSIA, SEFEDI IRAN, AND THE OTTOMAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 16TH CENTURY

Annotation. Based on archival materials and special historical literature, the article examines the role of the Tarkovsky Shaukhalate, a major state formation in the North Caucasus, in the strategic plans of the neighboring great powers – Russia, Iran, and the Ottoman Empire – in the second half of the 16th century, and reveals the complex dynamics of the Shaukhalate's relations with these powers. The article also explores the methods used by these powers to implement their policies in the Caucasus. The article emphasizes that the Shaukhalate of Tarkovsky pursued a policy of maneuvering in order to maintain its independence.

Keywords: Muscovite State, Safavid Iran, Ottoman Empire, North Caucasus, Tarki Khanate, international relations.

УДК 94(470.64)

Р.Э. Герман

ПОЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДА В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается роль польской политической эмиграции в информационном и агитационном сопровождении Кавказской войны (1817–1864). На материале опубликованных документов, мемуаристики и историографии анализируются идейные истоки антирусской «кавказской программы» лагеря князя А.Ю. Чарторыского, каналы ее распространения, деятельность эмиссаров в Черкесии и Османской империи, а также агитация, адресованная польским военнослужащим Отдельного Кавказского корпуса и горским предводителям. Автор приходит к выводу, что польская пропаганда была реальным, но вспомогательным фактором войны: она заметно повлияла на европейское общественное мнение и на создание образа России как угрозы для Европы, однако не изменила ни расстановку сил, ни исход противостояния.

Ключевые слова: Кавказская война, польская эмиграция, Отель Ламбер, А.Ю. Чарторыский, Черкесия, Шамиль, Т. Лапинский, М. Чайковский, восточный вопрос, пропаганда.

Кавказская война давно перестала быть сюжетом исключительно военной истории. Ее изучают как процесс, в котором сходились административная практика империи, хозяйственные интересы, конфессиональные мотивы и – что важно для нашей темы – внешнее идеологическое воздействие. Именно последний сюжет разработан менее прочих.

Актуальность обращения к польскому фактору определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, современная историография все чаще описывает войны XIX в. через категории информационного противоборства, и кавказский материал дает для этого редкую по полноте фактуру: воззвания, брошюры, поддельные «завещания», газетные кампании, дипломатические меморандумы [7, с. 214]. Во-вторых, в отечественной литературе долгое время преобладала одна из двух крайностей – либо польские эмиссары изображались чуть ли не главными вдохновителями горского сопротивления, либо о них вовсе умалчивали. Ни та, ни другая позиция не выдерживает

проверки документами. В-третьих, польская сторона оставила обширный корпус источников – от эмигрантской периодики до записок Т. Лапинского [28, s. 41–57].

Задача статьи, исходя из вышеуказанного – определить действительный вес польской пропаганды среди идеологических факторов Кавказской войны, не преувеличивая его и не сводя к нулю.

Источниковую базу исследования составляют материалы Кавказской археографической комиссии, прежде всего донесения о появлении иностранных агентов на восточном берегу Черного моря [1, с. 612–618], документы горского движения [5, с. 401–409], а также дневник А. Руновского, надзиравшего за Шамилем в Калуге, – источник, где польская тема возникает в бытовых, а не пропагандистских тонах [15, с. 1442]. Русский взгляд на этот вопрос передают записки А.Л. Зиссермана [10, с. 187], Д.А. Милютина [11, с. 233] и М.Я. Ольшевского [12, с. 274–279]. С британской стороны незаменимы дневники Дж. Белла и Дж. Лонгворта [19, p. 118–124; 29, p. 96].

Классическим трудом по теме остается монография Л. Видершаля, вышедшая в Варшаве в 1934 г.: он первым выстроил хронологию кавказских планов эмиграции по архивам Отеля Ламбер [30, s. 34–49]. Почти одновременно М. Хандельсман показал, как «кавказский проект» встраивался в общую восточную политику Чарторыского [25, p. 77]. Англоязычная традиция представлена статьями Г. Болсовера о Д. Уркварте [21, p. 451] и П. Брока, где проанализирована частная дипломатия вокруг Черкесии [22, p. 409–414]. Из отечественных работ ключевыми для нас были исследования В.В. Дегоева [7, с. 302–318], Я.А. Гордина [4, с. 271], Н.И. Покровского [14, с. 388], А.Д. Панеша [13, с. 132–140] и труды В.А. Дьякова о польских революционных кружках в русской армии [9, с. 84–91].

Замысел использовать Кавказ против России старше самой Кавказской войны. Еще в 1797 г. генерал Сокольницкий М. представил французскому правительству записку, в которой распад Российской империи по национальным окраинам подавался как естественная цель европейской политики; спустя четыре десятилетия эта конструкция вернулась в публичный оборот в виде так называемого «Завещания Петра Великого», обнародованного в 1836 г. и мгновенно ставшего аргументом всех русофобских кампаний [7, с. 208–

210]. Текст был подложным. Однако его пропагандистская судьба оказалась куда значительнее его подлинности.

После 1831 г. центром консервативного крыла эмиграции сделался парижский Отель Ламбер. Чарторыский, еще в «Essai sur la diplomatie» рассуждавший о праве наций на политическое существование [24, p. 264], перевел общие рассуждения в план: поддерживать любое сопротивление на периферии империи, добиваться вмешательства Лондона и Парижа, а Османскую Порту подталкивать к ревизии Адрианопольского трактата 1829 г., по которому черноморское побережье переходило под русский контроль [18, с. 178]. Черкесия в этой схеме выглядела идеальной точкой приложения сил – незамиренная, открытая с моря, не связанная договорными обязательствами.

Пропаганда шла по нескольким руслам сразу, и это стоит подчеркнуть: единого «рупора» не существовало. Первое русло – эмигрантская печать. «Trzeci Maj», орган лагеря Чарторыского, и издания Польского демократического общества десятилетиями держали кавказскую тему в поле зрения читателя, публикуя письма, сводки, иногда откровенные фантазии о взятых горцами укреплениях [30, s. 88–94]. Второе – работа с европейской прессой и парламентской трибуной. Здесь поляки действовали в связке с британскими русофобами. Кампания вокруг шхуны «Виксен», задержанной русским крейсером у Суджук-кале в ноябре 1836 г., показала, чего стоит хорошо организованный скандал: частный коммерческий эпизод превратился в вопрос о признании независимости Черкесии [21, p. 456–460; 22, p. 405]. Третье русло – прокламации и воззвания, обращенные к самим горцам, к польским солдатам русской армии и к османской публике. Тексты переводились, размножались, забрасывались через контрабандные суда. Эффект был неровным, о чем ниже. Четвертое – меморандумы для кабинетов, жанр сухой и внешне непропагандистский. Именно он, пожалуй, оказался самым действенным: записки польских офицеров формировали у французских и британских чиновников представление о Кавказе как об уязвимом фланге Российской империи [25, p. 91–98].

От слов к делу перешли в 1840-х гг. В 1844–1845 гг. на побережье действовал Л. Звирковский (Ленуар), доставивший горцам воззвания и попытавшийся связать разрозненные общества с эми-

грантским центром [30, s. 121–129]. Донесения русских постов Черноморской береговой линии фиксировали появление «иностранцев, рассеивающих ложные слухи», – формулировка стандартная, но частота ее употребления показательна [1, с. 615].

Особая фигура – М. Чайковский, принявший ислам и известный как Садык-паша. В годы Крымской войны он сформировал казачий полк на османской службе, а его переписка стала важнейшим каналом между Стамбулом и эмиграцией [23, s. 302–317]. Наконец, в 1857 г. Т. Лапинский (Тефик-бей) высадился в Черкесии с отрядом в две сотни человек, преимущественно поляков и венгров, при артиллерии. Он пробыл там до 1859 г., обучал горцев, спорил с Сефер-беем Зан и с наибом Мухаммад-Амином о старшинстве, а затем описал все это в двухтомнике, вышедшем в Гамбурге [28, s. 133–162; 13, с. 148–155].

Тут и обнаруживается предел проекта. Отряд Лапинского был мал, снабжение зависело от случайных судов, а главное – местная политическая структура не поддавалась унификации. Горские общества воевали за свое, а не за общеевропейское дело; идея «единого фронта против Петербурга» оставалась идеей приезжих [14, с. 392].

Отдельный сюжет – обращение к полякам, служившим в русской армии. Их на Кавказе было много: перевод в Отдельный Кавказский корпус применялся как форма наказания после 1831 г. Пропаганда обещала перебежчикам покровительство горцев и возвращение на родину.

Результат оказался куда скромнее ожиданий. Дезертиры действительно уходили; часть их использовалась у Шамиля как артиллеристы и мастеровые, о чем говорят и русские, и горские источники [5, с. 405; 15, с. 1451]. Но численность их измерялась сотнями, а не тысячами, устойчивого «польского легиона» в имамате не сложилось, доверия к беглецам было немного. В.А. Дьяков, изучавший польские кружки в русской армии второй половины 1850-х – начала 1860-х гг., прямо отмечал разрыв между конспиративными планами и реальными возможностями офицерских групп в Тифлисе [9, с. 96–103; 8, с. 211].

Сам Шамиль относился к европейским посредникам с осторожностью, близкой к недоверию. Помощь он принимал, обязательств избегал; религиозно-правовая логика имамата плохо совмещалась с логикой европейской революционной солидарности [6, с. 249–256].

Последняя попытка пришлась на годы Январского восстания. Эмиссары Национального правительства снова обратились к Черкесии, рассчитывая связать польский и кавказский очаги в одну кампанию [26, s. 512–520; 30, s. 178–184]. Опоздание было полным. Русское командование к этому времени завершало операции на Западном Кавказе, значительная часть адыгского населения переселялась в Османскую империю, и почва для агитации буквально уходила из-под ног ее организаторов [7, с. 480–489; 27, p. 96].

В военном отношении вклад польской пропаганды был минимальным. Ни одна операция горцев не была подготовлена эмигрантскими агентами, ни один перелом в кампаниях с ними не связан [4, с. 283]. В политико-дипломатическом отношении вклад заметен. Кавказ вошел в европейскую повестку, и это сказалось на поведении Лондона и Порты в 1830-х гг., а затем в Крымскую войну [20, p. 421–428; 17, с. 305]. Наконец, был и обратный, для авторов пропаганды нежелательный эффект. Убеждение петербургского кабинета в существовании разветвленной иностранной интриги подталкивало к ускорению военного решения, к укреплению береговой линии, к жесткости в отношении прибрежных обществ [16, с. 168; 3, с. 447].

Польская пропаганда была идеологическим фактором Кавказской войны – но фактором внешним, вторичным и по большей части опосредованным. Она не создала горского сопротивления, имевшего собственные, глубоко местные причины, и не смогла им управлять. Ее реальная результативность лежала в иной плоскости: в формировании европейского образа войны и в воздействии на сознание европейцев, создание образа российской власти как угрозы для Европы. Здесь эмиграция добилась многого, хотя итог обернулся против ее же замысла – ускорением, а не отсрочкой развязки. Мера успеха любой пропаганды определяется не тиражом воззваний, а способностью соединить чужую цель с чужим интересом. Соединения не произошло. И в этом состоит главная причина неудачи польского проекта на Кавказе.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. – Тифлис, 1881.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. – Тифлис, 1904.

3. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – Москва, 1994.

4. *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – Санкт-Петербург, 2000.

5. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: сб. док. – Махачкала, 1959.

6. *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – Москва, 2001.

7. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. – Москва, 2009.

8. *Дьяков В.А., Миллер И.С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. – Москва, 1964.

9. *Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. – Москва, 1967.

10. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1879.

11. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. – Москва, 2000.

12. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. – Санкт-Петербург, 2003.

13. *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864). – Майкоп, 2006.

14. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – Москва, 2000.

15. *Руновский А.* Дневник, веденный при Шамиле во время его пребывания в Калуге // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. – Тифлис, 1904. – С. 1395–1526.

16. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – Москва, 1958.

17. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. – Москва, 1960.

18. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. – Москва, 1975.

19. *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839. Vol. 1. – London, 1840.

20. *Bitis A.* Russia and the Eastern Question: Army, Government and Society, 1815–1833. – Oxford, 2006.

21. *Bolsover G.H.* David Urquhart and the Eastern Question, 1833–37 // The Journal of Modern History. – 1936. – Vol. 8. – № 4. – P. 444–467.

22. *Brock P.* The Fall of Circassia: A Study in Private Diplomacy // The English Historical Review. – 1956. – Vol. 71. – № 280. – P. 401–427.

23. *Chudzikowska J.* Dziwneżycie Sadyka Paszy. – Warszawa, 1971.

24. *Czartoryski A.J.* Essai sur la diplomatie. – Paris; Marseille, 1830.

25. *Handelsman M.* Czartoryski, Nicolas I-er et la question du Proche Orient. – Paris, 1934.

26. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. – Warszawa, 1972.

27. *King C.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. – Oxford, 2008.

28. *Lapinski T.* Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Bd. 1. – Hamburg, 1863.

29. *Longworth J.A.* A Year among the Circassians. Vol. 2. – London, 1840.

30. *Widerszal L.* Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. – Warszawa, 1934.

R.E. German

POLISH PROPAGANDA WITHIN THE SYSTEM OF IDEOLOGICAL FACTORS OF THE CAUCASIAN WAR

Annotation. The article examines the role of Polish political emigration in providing information and propaganda support for the Caucasian War (1817–1864). Based on published documents, memoirs, and historiography, the article analyses the ideological origins of the anti-Russian "Caucasian program" of Prince A.J. Czartoryski's camp, the channels through which it was disseminated, the activities of emissaries in Circassia and the Ottoman Empire, as well as the propaganda directed at Polish military personnel of the Separate Caucasian Corps and mountain leaders. The author concludes that Polish propaganda was a real but secondary factor in the war: it had a noticeable impact on European public opinion and on the creation of the image of Russia as a threat to Europe, but it did not change either the balance of power or the outcome of the confrontation.

Keywords: The Caucasian War, Polish emigration, Hotel Lambert, A.J. Czartoryski, Circassia, Shamil, T. Lapinsky, M. Tchaikovsky, the Eastern Question, propaganda.

УДК 94

К.Н. Коршунова

НАГРАДЫ СЕРБСКОГО И ЧЕРНОГОРСКОГО КНЯЗЕЙ РУССКИМ ВРАЧАМ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ

Аннотация. Статья посвящена наградным грамотам и наградам, выданным сербским князем Миланом IV Обреновичем и черногорским князем Никола I русским врачам, и анализу этой темы через призму деятель-

ности Российского общества попечения о раненых и больных воинах, которое позже, в период освободительных войн на Балканах, стало называться Российским обществом Красного Креста. Исследование данных грамот позволит изучить роль и вклад русских врачей в контексте гуманитарной помощи и международного сотрудничества в период Восточного кризиса XIX в. на Балканах. В статье подчеркивается важность этих наград как символа признания заслуг врачей и сестер милосердия в укреплении российско-черногорско-сербских отношений в исторической перспективе.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста, наградные грамоты, Восточный кризис, гуманитарная помощь, награды.

Балканский регион в разные периоды был достаточно неспокойной частью Европы, а со второй половины XIX в. начинается этап, который сыграл важную роль в развитии полуострова, – борьба за независимость многих балканских княжеств от турецкого господства [3, с. 135].

Российское общество попечения о раненых и больных воинах, с 1879 г. известное как Российское общество Красного Креста (РОКК), уже в период Восточного кризиса часто упоминалось под названием «Российский Красный Крест». На протяжении всей своей долгой и славной истории оно неизменно демонстрировало приверженность принципам оказания медицинской и гуманитарной помощи в самых разных условиях.

Российский Красный Крест не смог остаться в стороне во время начала Восточного кризиса XIX в. и начиная с 1876 г. активно стал принимать участие в оказании гуманитарной помощи сербскому и черногорскому народам. Его деятельность в период с 1876 по 1881 г. на Балканах была многогранной, самоотверженной и имела значительное влияние на ход военных действий и на жизнь местного населения. Основной задачей врачей и сестер милосердия было обеспечение квалифицированной медицинской помощи раненым солдатам, что подтверждается отчетами о работе. Российский Красный Крест также активно участвовал в обеспечении местных жителей продовольствием, медикаментами и другими необходимыми ресурсами, что способствовало улучшению условий жизни. После завершения активных боевых действий медицинский персонал продолжил свою деятельность: оказывал помощь раненым и местным жителям, а также налаживал меди-

цинскую помощь и поддерживал Сербский Красный Крест и Черногорский Красный Крест, которые были сформированы незадолго до начала освободительных войн [4, с. 163].

Российский Красный Крест направил свои санитарные отряды в Сербию еще в самом начале сербско-турецкой войны. Первый эшелон был отправлен 25 июля 1876 г. из Москвы и состоял из 58 человек. Русские медики работали на всей территории Сербии и Черногории. По данным Главного управления общества, на конец 1877 г. на Балканах насчитывалось около 250 госпиталей Российского Красного Креста с общим числом в 14 510 мест. Кроме того, Российский Красный Крест дополнительно сформировал лечебные учреждения полевого типа: 8 летучих санитарных отрядов, 13 «выдвижных» госпиталей, 16 местных лазаретов. Именно «летучие» санитарные отряды и перевязочные пункты, расположенные в непосредственной близости к местам сражений, оказывали активную медицинскую помощь раненым прямо на поле боя [7].

В фонде Красного Креста, который хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, есть материалы о формировании санитарного отряда для отправки в Черногорию. Он содержит, помимо заявлений, большое количество телеграмм (преимущественно на французском языке), отчетов, писем и т.д. В самом начале хотелось бы рассмотреть, как формировался отряд. В архивном деле очень много заявлений от отставных фельдшеров, одно из них рассмотрим более подробно. Заявление на имя «Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинах» от отставного фельдшера Ивана Петровича Якимова, датируемое 10 августом 1877 г.: «Служа во время Сербско-турецкой войны в госпиталях Общества Красного Креста и теперь имею ревностное желание быть фельдшером в Черногории, имею честь покорнейше просить Главное управление Общества об отправлении меня фельдшером в Черногорию» [5, л. 4].

Деятельность Российского Общества Красного Креста хорошо показана в отчетах, которые велись и отправлялись в Санкт-Петербург в Главное Управление Обществом Красного Креста. К примеру, обратим внимание на отчет за июль 1877 г. (табл. 1).

Таблица 1

Отчет о движение больных по Даниловскому госпиталю в Цетины за июль 1877 г.

К июлю состояло:	57
В их числе: Терапевтических Хирургических Раненых	 6 4 47
В продолжении месяца прибыло: Терапевтических Хирургических Раненых	 17 8 20
Вместе оставшимися от июня и с вновь прибывшими состояло: В их числе: Терапевтических Хирургических Раненых	102 29 12 87
Из них умерло	4
Итого убыло в июле И осталось В их числе: Терапевтических Хирургических Раненых	52 50 9 6 35

Стоит отметить, что в отчетах прописаны даты, в которых больше всего поступало раненых, например, если брать статистику за август, то 4-го числа было самое большое поступление в Цетинский и Негушский госпитали, в том числе два транспорта раненых [5, л. 109].

Помимо оказания помощи раненым и больным военным, также оказывается помощь населению Сербии и Черногории, это видно в одном из отчетов: раненых и хирургических – 69, терапевтических – 14, женщин – 4, итого: 87; амбулаторные раненые – 51, амбулаторно-терапевтических (мужчины) – 22, амбулаторно-терапевтических (женщин) – 26, итого: 99. Общее количество – 186 [5, л. 202].

Российский Красный Крест осуществлял эвакуацию раненых в Российскую империю. Лечение раненых и больных воинов осуществлялось на территории ряда российских губерний в 454 лазаретах [1, с. 140–143].

Стоит отметить, что после вступления России в войну с Османской империей работу сестер милосердия и врачей нельзя было в полной мере считать зарубежной миссией, так как они сопровождали русские войска и лечили солдат российской, сербской и черногорской армий. Также по возможности оказывали помощь местному населению Сербии и Черногории [2, с. 187–191].

Активная помощь Российского Красного Креста не могла остаться незамеченной. Наградные грамоты сербского князя Милана IV Обреновича и документы о награждении от имени черногорского князя Николы I являются важным историческим свидетельством тесного сотрудничества между двумя славянскими народами в трудные времена. Поэтому хотелось бы обратить внимание на данные документы, хранящиеся также в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Изучение грамот, наград и списков награжденных не только подчеркивает значимость деятельности Российского Красного Креста в военное время, но и способствует более глубокому пониманию международного сотрудничества и взаимопомощи в период борьбы за независимость Сербии и Черногории. Грамоты являются важным элементом культурно-исторического наследия, который отражает особенности дипломатических и гуманитарных отношений между Россией, Сербией и Черногорией в 1870-е гг. XIX в. В этом контексте грамоты можно рассматривать как символы не только личного признания, но и широкой международной гуманитарной помощи, проявленной в сложный период борьбы за свободу и независимость балканских народов. Архив располагает грамотами, подтверждающими факт награждения русских врачей орденом «Такова» и медалью «За храбрость».

Стоит упомянуть, что и сестры милосердия Российского Красного Креста также удостаивались высоких наград. Так, сестра милосердия княгиня Наталья Борисовна Шаховская была отмечена орденом «Такова» за героизм, проявленный во время сражения под Джунисом 17 октября 1876 г. Отказавшись эвакуироваться в Бел-

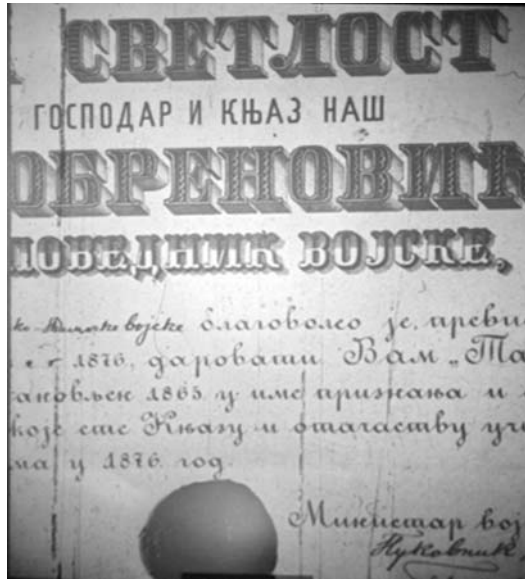

Рис. 1. Фрагментарное изображение грамоты.
РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 6. Л. 11

Рис. 2. Детали оформления верхней части грамоты.
РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 6. Л. 13

град вместе с ранеными, она оставалась рядом с бойцами, оказывая помощь практически на линии фронта [2, с. 183].

Еще одним источником для изучения данной темы является архивный документ, содержащий перечень врачей, представленных к ордену «Такова»: «Черневский Эдуард Францевич, врач, командирован в Сербию. Смецкий Александр, врач, командирован в Сер-

бию из Кронштадта. Ауербах Борис Яковлевич, врач, командирован в Сербию Главным Управлением. Жданов Н., врач, командирован в Сербию из отряда С.П. Боткина. Лисенко Андрей Витальевич, врач, командирован в Сербию» [6, л. 9].

Обратим внимание на содержание грамот. Так, грамота № 1392 представляет собой указ о награждении медалью за храбрость, проявленную в боях с Османской империей: «Његова светлост Премилостиви Господар и Књаз наш Милан М. ОбреновиЋ IV. Врховни Заповедник Војске, На предлог мој благоволео је превисоком наредбом својом од 4 октембре 1876 даровати вам «Колајну за храбрости», у име признања за одликовање у рату са Турцима 1876 год» [6, л. 10].

Помимо неименных грамот, существовали и именные. Одним из таких документов является грамота № 13454 о награждении русского врача орденом Таковский крест за выдающиеся заслуги перед Сербским государством в период сербско-турецкой войны. Грамоту подписал министр обороны Нуковнић: «Његова светлост Премилостиви Господар и Књаз наш Милан М. ОбреновиЋ IV. Врховни Заповедник Војске, Na предлог Главнокомандујћега благоволео је превисоком указом својим од данашњег 1876, даровати Вам «Таковски крст на прстина», установљен 1862 ковања за особите заслуге, које сте Књазу време рата со Турцима у 1876 године. № 13454. 7 Новембра 1876 год. Београд. Господину Жданову врачу» [6, л. 11–13].

Важной деталью грамот является их художественное оформление. В верхней части грамоты расположен герб с короной и крестом, окруженный лавровым венком. Справа и слева от герба изображена композиция из оружия и знамен. Ниже тянется орнаментальный узор, а слева и справа от него изображены миниатюры с различными сюжетами. Узор состоит из множества завитков, цветов и других декоративных элементов. Орнаментальные мотивы, гербы и каллиграфия, использованные в оформлении грамот, придают им эстетическую ценность.

В совокупности с текстовым содержанием наградные грамоты представляют собой комплекс источников, объединяющий историческую, культурную и гуманитарную проблематику. Грамоты князя Милана IV Обреновича о награждении орденами и медалями русских врачей раскрывают многогранное значение деятельности Российского Красного Креста. Награды, полученные русскими ме-

диками в знак высокой оценки их профессиональных заслуг и гуманитарного вклада, символизируют не только признание их самоотверженности, но и являются воплощением международного сотрудничества и взаимопомощи в области медицины и благотворительности.

Письма о награждениях и грамоты хранятся в фонде Красного Креста. Примером такого документа является письмо от 23 мая 1878 г. в Главное Управление Общества печения о раненых и больных воинах: «22 апреля, Всемилостивый разрешите врачу Московского Воспитательного дома Владимиру Струдицкому принять и носить пожалованный ему Князем Черногорским орден Данилы 3-й степени» [5, л. 284].

Деятельность общества сыграла ключевую роль в укреплении связей между Россией, Черногорией и Сербией, способствуя развитию медицинской помощи в условиях военных и гуманитарных кризисов. Таким образом, наградные грамоты князя Милана IV Обреновича и письма о наградах черногорского князя Никола I выступают важным историческим свидетельством межгосударственного признания и поддержки, а также подчеркивают значимость гуманитарной миссии российских врачей в международном контексте. Наградные документы отражают благодарность и неоценимый вклад российских врачей и сестер милосердия, которые, рискуя собственной жизнью, оказывали медицинскую помощь раненым и больным воинам в период вооруженных конфликтов и национально-освободительных движений.

Таким образом, наградные грамоты князя Милана IV Обреновича можно рассматривать не только как символы личных заслуг врачей, но и как отражение более широких процессов международного гуманитарного сотрудничества, которые имели значительное влияние на развитие медицинской практики и благотворительности в регионе. Наградные грамоты князя Милана IV Обреновича и награды черногорского князя Никола I являются подтверждающими документами о вручении русским медикам высоких государственных знаков, таких как орден «Такова» и медаль «За храбрость», а также свидетельствуют об искренней признательности Сербии и Черногории за вклад русских врачей в развитие сербской медицины. Деятельность санитарных отрядов Российского Красного

Креста (РОКК) на Балканах в период сербско-турецкой войны 1876–1877 гг., сербско-черногорско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стала ярким примером самоотверженности, профессионализма и четкой организации в условиях тяжелейших испытаний [3, с. 145].

В то же время они служат свидетельством стремления Сербии и Черногории к укреплению дружественных и союзнических отношений с Российской империей, используя медицинскую сферу как одну из площадок для такого сближения. Особое значение приобретает рассмотрение наградных грамот в контексте исторических событий и социальных трансформаций того времени, когда международная медицинская помощь становилась неотъемлемой частью гуманитарной политики государств. В этом свете награды князя Милана IV Обреновича и Николы I Петрович-Негош выступают как своеобразный мост между прошлым и настоящим, демонстрируя, каким образом профессиональная этика и гуманитарные ценности формировали основу для сотрудничества, выходящего за рамки национальных интересов. Они служат напоминанием о том, что медицина, будучи универсальным языком заботы о человеке, способна объединять народы и укреплять доверие даже в периоды политической нестабильности и военных конфликтов. Анализ наград, полученных русскими врачами в период сербско-турецкой войны 1876–1877 гг., позволяет выявить важные аспекты роли Российского общества попечения о раненых и больных воинах (позднее – Российского общества Красного Креста) в формировании медицинской помощи и гуманитарной деятельности в зонах военных конфликтов.

Деятельность Российского Общества Красного Креста (РОКК) в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была многогранной, самоотверженной и имела значительное влияние как на ход военных действий, так и на жизнь местного населения. Основной задачей РОКК было обеспечение квалифицированной медицинской помощью раненых солдат, что подтверждается отчетами о работе врачей и сестер милосердия. Общество также активно участвовало в обеспечении продовольствием, медикаментами и другими необходимыми ресурсами, что способствовало улучшению условий жизни местных жителей. Медицинский персонал не прекратил свою деятельность с завершением активных боевых действий, продолжая

оказывать помощь раненым, а также налаживая медицинскую помощь в Сербии и Черногории вплоть до 1881 г. Деятельность врачей и сестер милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. выступила как ключевой институт гуманитарной помощи, чья деятельность была отмечена как на национальном, так и на международном уровне, и оказала существенное влияние на облегчение страданий людей в условиях военного конфликта.

Источники и литература

1. *Ишутин О.С., Богдан В.Г., Литвишко А.А.* Белорусская военная медицина в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (к 140-й годовщине начала войны) // Военная медицина. – 2017. – № 1(42). – С. 140–149.

2. *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. – 2010. – С. 187–195.

3. *Коршунова К.Н.* Гуманитарная миссия: санитарные отряды российского Красного Креста на Балканах (1877–1881 гг.) // Регионы России в военной истории страны: Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 12–13 нояб. 2025 г. – Йошкар-Ола, 2025. – С. 135–146.

4. *Раденковић Н.* Главни одбор Црвеног Крста Србије – Окружни одбор Ниш // Делатност ствараоци и стање архивске грађе фонда (1878–1947), 1929–1947. – С. 163 – 172.

5. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 12651. Оп. 3. Д. 30.

6. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 6.

7. 155 лет созданию «Российского общества Красного Креста» (РОКК) URL: https://kulturamgo.ru/kalendar-sobytij/prazdniki-i-pamyatnye-daty/6622-155-let-sozdaniyu-rossijskogo-obshchestva-krasnogo-kresta-rokk (дата обращения: 15.09.2025).

K.N. Korshunova

AWARDS OF THE SERBIAN AND MONTENEGRIN PRINCES TO RUSSIAN DOCTORS: A LOOK THROUGH THE PRISM OF THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN SOCIETY FOR THE CARE OF WOUNDED AND SICK SOLDIERS

Annotation. The article is devoted to the certificates of commendation and awards given by Serbian Prince Milan IV Obrenovich and Montenegrin Prince Nikola I to Russian doctors, and to the analysis of this topic through the prism of

the activities of the Russian Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers, which later, during the liberation wars in the Balkans, became known as the Russian Red Cross Society. The study of these certificates will allow us to study the role and contribution of Russian doctors in the context of humanitarian aid and international cooperation during the Eastern crisis of the 19th century in the Balkans. The article highlights the importance of these awards as a symbol of recognition of the merits of doctors and nurses in strengthening Russian-Montenegrin-Serbian relations in the historical perspective.

Keywords: Russian Red Cross Society, awards, Eastern crisis, humanitarian aid, awards.

УДК 94(47)»19»:37

Н.С. Федулин

НАИМЕНОВАНИЯ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПАМЯТЬ ПРАЗДНОВАНИЯ 100-ЛЕТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ЮБИЛЕЙНОЙ КОММЕМОРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена памятным наименованиям средних учебных заведений как коммеморативной практике в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны 1812 г. На основе материалов Министерства народного просвещения анализируются ходатайства учебных заведений о присвоении памятных наименований. Выделены два основных критерия, которыми Министерство руководствовалось при рассмотрении предложений: историко-символический и организационно-материальный.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., юбилейная коммеморация, памятные наименования, Министерство народного просвещения, Александр I Благословенный.

Исследования памяти являются одним из ключевых направлений современной исторической науки. В отечественной историографии сформировался обширный корпус трудов, посвященных коммеморативным практикам – способам закрепления в коллективной (культурной) памяти значимых событий, личностей и символов. Существенную роль в символической политике Российской империи играли юбилейные торжества, позволявшие актуализиро-

вать и сформировать определенные образы прошлого посредством церемоний, юбилейных изданий, публикаций в периодической печати, выставок, литературно-музыкальных выступлений и иных мероприятий [1; 12; 13]. Празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. занимает одно из центральных мест в изучении коммеморативных практик позднеимперской России. В центре внимания современных исследователей находятся механизмы отбора и трансформации нарратива о военном противостоянии с Францией [5], церемониальные и иные практики коммеморации [4; 11], деятельность центральных органов власти в организации и проведении торжеств [2] и другие аспекты празднования. При этом особое значение придается роли учебных заведений в юбилейных мероприятиях. Торжественные акты, литературно-музыкальные вечера, экскурсии и другие аспекты юбилея рассматриваются историками как средство патриотического воспитания молодежи [3].

Значительно менее изученным остается вопрос о том, посредством каких практик юбилейной коммеморации память о важных событиях и деятелях истории России могла актуализироваться после завершения торжеств, как правило, носящих кратковременный характер. Обращение к этому аспекту позволяет сместить исследовательскую оптику от анализа разовых акций к изучению институциональных практик юбилейной коммеморации. Одним из механизмов институционализации юбилейной памяти в образовательной среде стали памятные наименования средних учебных заведений. Присвоение имени исторического деятеля или памятного события создавало устойчивую мемориальную рамку, воспроизводившуюся в повседневной жизни школы. В этой связи исследовательский интерес вызывает комплекс вопросов, связанных с механизмами юбилейной коммеморации на примере празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. Обращение к делопроизводственным материалам Министерства народного просвещения позволяет выявить инициаторов переименований, критерии отбора учебных заведений и масштаб распространения данной коммеморативной практики.

Подготовка учебных заведений к торжествам началась еще в 1911 г. По распоряжению министра народного просвещения Л.А. Кассо руководители учебных заведений представили свои предложения о порядке празднования, на основе которых был выработан еди-

ный для всех учебных заведений церемониал. Он предусматривал богослужения и торжественные акты, участие учащихся в военных парадах, награждение выпускников специальными медалями, украшение зданий, приобретение исторической литературы и другие мероприятия. Вместе с тем юбилейная программа не ограничивалась проведением торжеств: она включала меры, рассчитанные на сохранение памяти об Отечественной войне 1812 г. Так, учебным заведениям рекомендовалось учреждать стипендии в честь «событий и лиц, особо прославленных» в период войны, а также присваивать памятные наименования самим учебным заведениям [9, л. 93–95].

Решение об утверждении положений о стипендиях и присвоении наименований относилось к компетенции Министерства народного просвещения. Архивные материалы свидетельствуют о том, что эти рекомендации вызвали значительное число инициатив: в 1912–1914 гг. поступило более 90 ходатайств от средних учебных заведений о присвоении им наименований в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. Из 93 выявленных ходатайств 69 (74,2 %) предусматривали присвоение учебным заведениям имени императора Александра I Благословенного. На долю всех остальных вариантов пришлось лишь 24 ходатайства (25,8 %). Среди них шесть ходатайств предусматривали присвоение учебным заведениям имени императрицы Елизаветы Алексеевны (супруги Александра I), еще шесть – М.И. Платова. По три ходатайства приходилось на И.С. Кульнева и М.И. Кутузова, два – на А.П. Тормасова. В двух случаях предлагалось наименование «В память Отечественной войны 1812 г.», по одному ходатайству – имя А.П. Ермолова и наименование «Бородинское» в память сражения.

Инициатива о памятном наименовании исходила от педагогических советов, которые направляли предложения в Министерство народного просвещения через органы местного самоуправления, губернаторов или попечителей учебных округов. После получения ходатайства у попечителя округа запрашивались сведения об учебном заведении, необходимые для принятия окончательного решения. Анализ ведомственной переписки позволяет выделить два основных критерия, учитывавшихся при рассмотрении ходатайств о присвоении учебным заведениям памятных наименований: историко-символический и организационно-материальный.

Первый критерий был связан с наличием у учебного заведения исторических оснований для присвоения имени в связи со 100-летием Отечественной войны 1812 г. Важнейшим основанием считалось существование или основание образовательного учреждения в период царствования Александра I. В делопроизводственной документации Министерства народного просвещения отмечалось, что «наибольшего уважения» заслуживают ходатайства тех учебных заведений, «возникновение коих относится к Александровской эпохе». Отсутствие такой связи стало причиной отказа Воронежскому реальному училищу (открытому во второй половине XIX в.) [6, л. 4], Царевококшайской женской гимназии (основана «в самое недавнее время») [6, л. 59] и Константиноградской женской гимназии (существовала с 1906 г.) [8, л. 66]. Напротив, положительные решения получили учебные заведения, возникшие в период правления Александра I. К их числу относились Ярославская, Вологодская, Полтавская, Черниговская, Новгород-Северская, Витебская, Виленская и Могилевская мужские гимназии.

Дополнительным свидетельством исторической связи с Александровской эпохой могло выступать посещение учебного заведения самим императором. Так, в ходатайстве Ярославской гимназии отмечалось не только ее открытие в правление Александра I, но и посещение императором гимназии в 1823 г. [6, л. 310]. В отдельных случаях подчеркивалось, что учебное заведение существовало уже непосредственно в период Отечественной войны 1812 г. Так, Черниговская мужская гимназия указывала на свое основание в 1805 г., подчеркивая тем самым, что она являлась «современницей войны» [7, л. 16–41]. Таким образом, при наличии исторической связи с правлением Александра I учебное заведение представляло себя как свидетеля той исторической эпохи, память о которой предполагалось закрепить посредством юбилейного наименования.

Другой вариант исторического обоснования возникал в тех случаях, когда связь с памятным событием или исторической фигурой относилась не к истории самого учебного заведения, а к территории его расположения. В таких ходатайствах историческое значение города, губернии или местности становилось дополнительным или основным аргументом для присвоения памятного наименования. В случае Смоленской мужской гимназии обоснование, напри-

мер, также строилось вокруг исторической роли города в событиях 1812 г. в дополнение к тому, что учебное заведение было основано в 1804 г. [6, л. 310]. Аналогичным образом инициаторы ходатайств об увековечении имен военных деятелей связывали их с конкретными территориями: Я.П. Кульнева – с учебными заведениями Витебской губернии, А.П. Тормасова – с Гродненской губернией, М.И. Платова – с местностями, где проходили связанные с ним военные действия, М.И. Кутузова – с Житомиром, где полководец имел владения. К этой же группе относились Виленская гимназия, в ходатайстве которой отмечалось пребывание Александра I в городе в 1812 г., и Таганрогская мужская гимназия, ссылавшаяся на пребывание императора в Таганроге в последние месяцы его жизни [10, л. 13–42]. В подобных случаях историческая аргументация строилась уже не вокруг биографии учебного заведения, а вокруг исторической значимости места, в котором оно находилось.

При этом учебные заведения могли предлагать и более широкие основания для желательного наименования. Показательным примером служат ходатайства учебных заведений, открытых непосредственно в юбилейном 1912 г. Данковская мужская гимназия, ходатайствуя о присвоении имени Александра I, указывала на совпадение времени ее открытия с юбилейным годом. Вержболовская мужская гимназия, открытая в 1912 г., также подчеркивала возможность связать «великое событие русской истории» с наименованием гимназии. Однако сам по себе факт открытия среднего учебного заведения в юбилейном году не рассматривался Министерством народного просвещения как достаточное историко-символическое основание для присвоения памятного имени [6, л. 29; 7, л. 49].

Вторым важным критерием было организационно-материальное состояние учебного заведения**.** При рассмотрении ходатайств Министерство народного просвещения учитывало наличие собственного здания, финансовое положение, состав педагогического персонала и общую характеристику учреждения. В ходатайстве Вологодской мужской гимназии отмечались ее «внутреннее благоустройство» и высокие нравственные качества педагогического состава. В отношении Пермской мужской гимназии обращалось внимание на наличие собственного здания и на то, что педагогический персонал находится «на высоте своей задачи». Виленская мужская

гимназия характеризовалась как «рассадник» просвещения всего северо-западного края [6, л. 92–101]. Особенно контрастно значение этого критерия проявлялось в случаях отказа или отложения ходатайств. Шадринскому реальному училищу было отказано, в частности, из-за отсутствия собственного здания. Для Верхнеднепровской женской гимназии препятствием стала ненадежность источников финансирования [8, л. 107]. Рассмотрение ходатайства Тихвинской женской гимназии было отложено до окончания строительства собственного здания [6, л. 53]. Организационно-материальная обеспеченность учитывалась и при надежной историко-символической связи. В характеристиках Ярославской, Новгород-Северской, Витебской, Виленской и Смоленской мужских гимназий отмечалось ежегодное ассигнование средств из государственного казначейства и наличие собственных зданий.

Таким образом, памятные наименования средних учебных заведений представляли собой один из способов институционализации юбилейной памяти в образовательной среде Российской империи. Инициатива их учреждения исходила от Министерства народного просвещения, включившего данную практику в комплекс мер по сохранению памяти об Отечественной войне 1812 г. Вместе с тем реализация этой инициативы зависела от самих учебных заведений: педагогические советы самостоятельно принимали решение о необходимости ходатайства о присвоении памятного наименования и определяли способы аргументации. Министерством народного просвещения учитывались две группы обоснований. Историко-символический критерий определял наличие у учебного заведения связи с юбилейным сюжетом. Наиболее весомой считалась непосредственная связь самого учреждения с Александровской эпохой и Отечественной войной 1812 г. Дополнительным основанием могло выступать посещение учебного заведения Александром I. Другую форму историко-символического обоснования составляла связь с территорией: историческое значение города, губернии или местности позволяло соотнести учебное заведение с событиями войны или деятельностью исторических лиц данной эпохи. Открытие среднего учебного заведения в юбилейном 1912 г. использовалось в отдельных ходатайствах как аргумент в пользу наименования, однако министерство не признавало само по себе такое хронологи-

ческое совпадение достаточным основанием. Организационно-материальный критерий, в свою очередь, характеризовал состояние самого учреждения: наличие собственного здания, устойчивость финансирования, состояние педагогического состава и общую характеристику учебного заведения. Тем самым при решении о присвоении памятного наименования одновременно учитывались соответствующее историко-символическое содержание и высокий статус образовательного учреждения. Выявленные ходатайства позволяют предположить, что учебные заведения в своих предложениях целенаправленно апеллировали к официальному нарративу, в котором император Александр I выступал главным героем войны 1812 г.

Представляется, что перспективным продолжением исследований данной темы является сопоставление памятных наименований с другими способами институционализации юбилейной памяти. Например, с учреждением именных стипендий. Сравнение позволит выявить, насколько сходными были принципы отбора в схожих практиках коммеморации. Не менее значимым представляется сопоставление практик наименования средних и низших учебных заведений, что позволит определить, была ли выявленная логика характерна именно для среднего образования или отражала общие механизмы коммеморации в образовательной системе Российской империи.

Источники и литература

1. *Бешкинская В.С.* Символическая политика (в) Российской империи: состояние теоретического и историографического поля // Вестник Пермского университета. История. – 2024. – № 3 (66). – С. 155–168.

2. *Бочков Е.А.* «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. – 2012. – № 3 (5). – С. 6–25.

3. *Ватник Н.С.* Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 10-1 (24). – С. 58–62.

4. *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 280–291.

5. *Земцов В.Н.* Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.) // Запад, Восток и Россия: Историческая политика и политика памяти: Вопросы всеобщей истории: сб. науч. и учеб.-метод. трудов (Ежегодник). – Екатеринбург, 2014. – Вып. 16. – С. 167–182.

6. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 168. Д. 141.

7. РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 142.

8. РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 143.

9. РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 146.

10. РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 147.

11. *Уланов Ф.И.* Коммеморативные практики Отечественной войны 1812 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2026.

12. *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. – Москва, 2004.

13. *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 98–108.

N. S. Fedulin

THE NAMING OF SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN COMMEMORATION OF THE CENTENARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812: ON THE MECHANISMS OF JUBILEE COMMEMORATION

Annotation. The article examines the commemorative naming of secondary educational institutions as a commemorative practice in the context of the centenary of the Patriotic War of 1812. Drawing on materials from the Ministry of Public Education, it analyses petitions submitted by educational institutions for the assignment of commemorative names. Two main criteria that guided the Ministry in its consideration of the proposals are identified: the historical-symbolic and the organisational-material.

Keywords: Patriotic War of 1812, jubilee commemoration, commemorative naming, Ministry of Public Education, Alexander I “the Blessed”.

УДК 623.444

Е.Г. Шалахов

ОРУЖИЕВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ АРХЕОЛОГА Д.Г. САВИНОВА

Аннотация. В статье рассматривается вклад известного российского ученого из Санкт-Петербурга Дмитрия Глебовича Савинова (1941–2023) в разработку вопросов, касающихся исследования вооружения древних сообществ Сибири и Центральной Азии. Материалы, полученные Д.Г. Савиновым в ходе многолетних полевых работ на памятниках эпохи бронзы (курганы андроновской культуры) и раннего железного века (курганные могильники пазырыкской культуры), существенно пополнили источниковую базу археологического оружиеведения. Исключительное значение для изучения атрибутики воинской элиты южносибирских популяций сейминско-турбинского времени имеют наскальные изображения, о семантике которых писал Д.Г. Савинов.

Ключевые слова: Алтай, бронзовый век, воинская элита, кинжал, курган, Узунтал, Юрман.

Многие археологи в своей экспедиционной деятельности имеют дело с находками предметов вооружения из камня, кости и металла. Крупные комплексы таких вещей легли в основу написания солидных монографических трудов, изданных в нашей стране.

Авторы книг, посвященных истории появления и развития оружия и доспехов, очень часто полагаются не только на собственные достижения в данной области. Например, признанный археолог-оружиевед А.И. Соловьев [11, с. 155] в специальном монографическом исследовании, увидевшем свет в Новосибирске в 2003 г., ссылается на печатные работы Д.Г. Савинова как одни из источников иллюстраций [12, с. 223]. Приведенный факт лишний раз подтверждает высокий уровень профессиональных компетенций Дмитрия Глебовича, являвшегося ученым с разносторонними научными интересами [15, с. 28–31; 16, с. 202].

В публикациях Д.Г. Савинова 2013 и 2014 гг., посвященных сейминско-турбинской проблеме [7; 8], весьма подробно рассматривались наскальные рисунки, открытые в разные годы в Монголии, Туве и в южных районах Горного Алтая. Вполне обоснованно

выдвигая гипотезу о сейминско-турбинской принадлежности части южносибирских петроглифов эпохи бронзы, Д.Г. Савинов писал: «Не меньший интерес вызывают некоторые антропоморфные изображения, представляющие стоящие мужские фигуры, иногда парные, вооруженные длинными копьями с наконечниками копий типа сейминских. В одном случае (Цаган-Гол) ниже на той же плоскости показаны фигурки лошадей, выполненные в характерном сейминско-турбинском стиле» [7, с. 95]. Далее Д.Г. Савинов обращал внимание на оригинальную манеру изображения цаган-гольских воителей бронзового века, которые предстают перед нами в длинных туго подпоясанных «кафтанах», как нам кажется, унифицированных кожаных доспехах. Необычны и головные уборы копьеносцев Цаган-Гола. Это «шляпы с округлым верхом, украшенные перьями» [8, с. 10]. Антропоморфы с писаниц в долине р. Чуя тоже вооружены копьями, на древках которых закреплены округлые и продолговатые предметы [8, с. 11, рис. 1, *2*] (рис. 1).

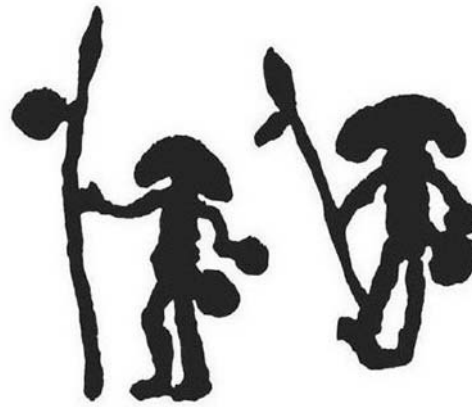

Рис. 1. Воины-копейщики бронзового века. Горный Алтай. Копия наскального изображения выполнена Д.В. Черемисиным в 1990 г.

В работах Д.Г. Савинова описаны и петроглифы, которые на первый взгляд не ассоциируются с образами древних копейщиков эпохи палеометалла. Речь идет о наскальных рисунках с почти одина-

ковым изображением персонажей – мужские фигуры в характерной позе, где «одна рука опущена вниз, другая поднята вверх» [7, с. 95; 8, с. 11, рис. 1, *4–6*]. Поза «победителя», как считал Д.Г. Савинов, отражает «определенную мифологему (или эпический образ)» [8, с. 10].

Упомянутые выше петроглифические памятники Южной Сибири и Монголии, по мнению автора настоящей статьи, могут иметь непосредственную связь с культурой воинской элиты позднебронзовой эпохи на Евразийском континенте. Очевидно, что атрибуты этой культуры, отлитые в бронзе и запечатленные на скалах, были консолидирующим сакральным инвентарем в начале формирования сейминско-турбинского комплекса. Продолжение этого уникального явления мы видим в Европейской зоне распространения погребальных памятников типа Сейма-Турбино.

Самый яркий пример социально значимого захоронения с наконечником копья сейминского типа – воинское погребение № 10 Юринского (Усть-Ветлужского) могильника, изученное Марийской археологической экспедицией в 2004 г. на верхней площадке памятника-мемориала [13, с. 108; 14, с. 168]. Среди других захоронений Усть-Ветлуги кенотаф представителя воинской элиты бронзового века выделяется своим металлическим инвентарем. Наиболее ценным предметом (в определении социального статуса погребенного) является литой наконечник копья с пером листовидной формы, ромбическим стержнем, треугольным боковым ушком и «манжетовидным» завершением округлой втулки [14, с. 169, 174, рис. 3, *3*].

Подобные типы наконечников – с ушками, очевидно, играли особенную роль у военной элиты древних номадов Евразии. Небезынтересна точка зрения В.С. Бочкарева: «Конечно, трудно сказать, как выглядели значки, эмблемы и вымпелы, которые крепились к ушкам наконечников копий. Можно предполагать, что они по преимуществу изготовлялись из мягких материалов (кожи, войлока, ткани), способных развеваться на ветру. <…> Очевидно, что этим подвескам придавалась строго определенная форма. Судя по некоторым историческим и этнографическим аналогиям, это могли быть ленточки, флажки, бунчуки или какие-то зооморфные изображения в духе сейминско-турбинского звериного стиля» [2, с. 142].

Изучение курганов эпохи бронзы – отдельная тема в научной деятельности Д.Г. Савинова как археолога. Публикуя материалы

курганного могильника андроновской культуры Юрман I, открытого в Западной Сибири [9, с. 84], Д.Г. Савинов и его соавтор из Кемерово В.В. Бобров писали: «Особого внимания заслуживает зафиксированная в Юрмане I практика установки на перекрытиях внутримогильных сооружений деревянных столбов, доходящих до уровня древней поверхности. <…> Столбы в андроновских погребальных сооружениях по своему значению сопоставимы с другими видами вертикально установленных “знаков”, в частности оленными камнями и стелами предшествующей и последующей эпох» [9, с. 88].

Таким образом, выраженный интерес к мировоззренческим установкам древнего населения Сибири был еще одним важным шагом в научных поисках Д. Г. Савинова.

Дмитрий Глебович выделял из общего количества собранного в раскопе сопроводительного инвентаря могильника Юрман I очень редкую для андроновских погребальных комплексов юга Западной Сибири находку бронзового кинжала [10, с. 74, рис. 2, *2*]. Несмотря на упомянутые в публикации плохую сохранность и хрупкость металла древнего изделия, предмет вооружения из кургана 2, обнаруженный у головы погребенного андроновца, позволил авторам статьи сделать смелое предположение о ритуальном назначении кинжала [9, с. 87–88; 10, с. 76–77]. Оружие ближнего боя эпохи бронзы действительно могло использоваться носителями различных археологических культур Северной Евразии в процессе осуществления некоторых погребальных ритуалов.

Любопытная, с научной точки зрения, гипотеза, выдвинутая Д.Г. Савиновым и В.В. Бобровым в отношении юрманского кинжала, наиболее ярко прослеживается в металлокомплексе Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа [20, с. 154].

В качестве достаточно известного примера ритуального использования ножей или кинжалов в погребальной обрядности «Чингизовых провозвестников» – сейминцев и турбинцев [18, с. 264] – упомянем случайную находку 2002 г., происходившую с нижней площадки некрополя, открытого осенью 2000 г. близ устья р. Ветлуги [19, с. 399].

Юрманский кинжал попал в руки исследователей курганного могильника сильно метаморфизированным по причине пребывания предмета вооружения в огне. Об этом факте прямо писали Д.Г. Са-

винов и его кемеровский соавтор [9, с. 88]. Мог ли повлиять на сохранность вещи, например, кремационный процесс? Или же внешний вид кинжала изменило термическое воздействие, источником которого являлось пламя некоего жертвенного костра? Ответить на эти вопросы поможет трасологическая экспертиза предмета.

О роли кинжала (кинжалов) в древних сообществах Южной Сибири при жизни Д.Г. Савинова написано и опубликовано не так уж много специальных работ. Короткоклинковое оружие в текущем столетии изучали В.В. Бобров [1], А.Л. Петренко, О.В. Минор [3; 4], Л.М. Плетнева [5], Я.В. Фролов, А.А. Тишкин и другие исследователи [17].

Вопрос трансформации обычного кинжала – с боевым функционалом – в вотивный, а главное – преднамеренно миниатюризованный кинжал-«вкладыш», полноразмерные ножны, «унаследованные» от профанного состояния предмета, подробно рассматривался именно Д.Г. Савиновым. Его статья, опубликованная в 2016 г. на страницах научного журнала «Теория и практика археологических исследований» (Алтайский государственный университет) посвящена находкам, полученным в ходе стационарных археологических раскопок курганов пазырыкской культуры, открытых в долине Узунтал (работы самого Д.Г. Савинова в 1971–1973 гг.) [6, с. 19].

Узунтальские кинжалы-«вкладыши» из курганных могильников скифского времени поистине уникальны [6, с. 21–22, рис. 1, 2] (рис. 2). Их изготовление (литье из бронзы) и использование в качестве сопроводительного погребального инвентаря в эпоху раннего железа «является одной из отличительных особенностей пазырыкской культуры Алтая» [6, с. 23].

Миниатюрные размеры кинжалов-«вкладышей» (Д.Г. Савинов утверждал, что длина самого большого экземпляра не превышала 20 см [6, с. 19]) не позволяли применять их в бою, но были пригодны для обрядовых действий или практик, осуществлявшихся обычно на «проводах» умерших соплеменников [6, с. 25–28].

Таким образом, в целом ряде публикаций известного советского и российского ученого Д.Г. Савинова, посвященных древностям Южной Сибири и Центральной Азии, введены в научный оборот и проанализированы археологические памятники и комплексы, материалы которых в той или иной степени связаны с оружиеведче-

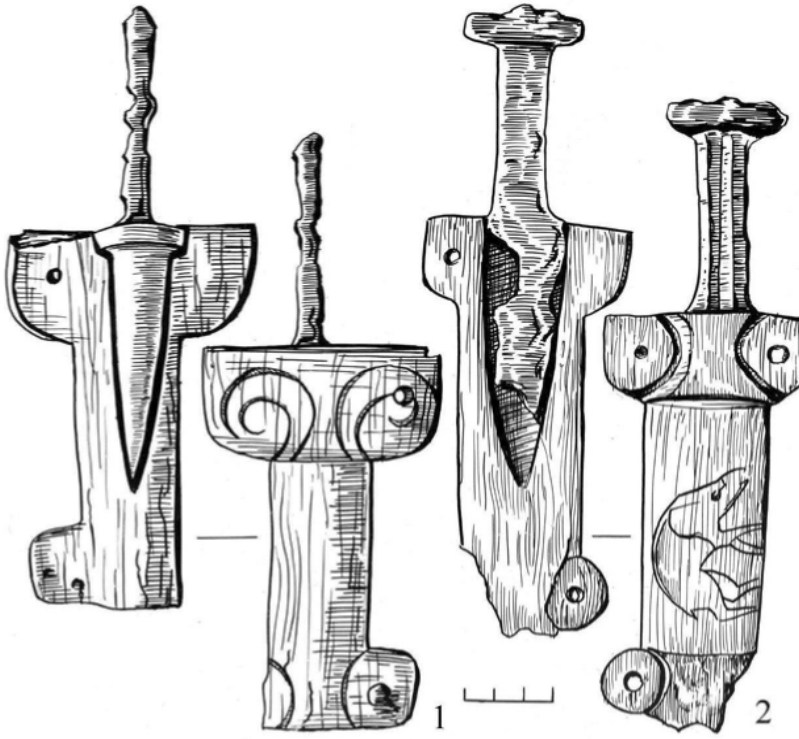

Рис. 2. Узунтальские кинжалы-«вкладыши» в деревянных ножнах, украшенных резными зооморфными изображениями. Пазырыкская культура. Зарисовка Д.Г. Савинова. 1971–1973 гг.

ской проблематикой. Будучи археологом с большим опытом полевых исследований, Д.Г. Савинов в своем научном творчестве всегда опирался на широкий круг вещественных источников, плодотворно изучая вооружение эпохи бронзы и раннего железного века в антропологическом и историко-культурном контексте. Не став оружиеведом в узкопрофессиональном смысле, Д.Г. Савинов немало сделал для развития смежной научной дисциплины.

Источники и литература

1. *Бобров В.В.* Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии (АЭАЕ). – 2011. – № 1 (45). – С. 65–68.

2. *Бочкарев В.С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы: сб. ст. В.С. Бочкарева. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 123–143.

3. *Петренко А.Л., Минор О.В.* К вопросу о бытовании вотивных кинжалов сарагашенского времени на территории Южной Сибири // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра ист. наук, проф. П.Б. Коновалова, Улан-Удэ, 4–6 дек. 2017 г. – Улан-Удэ, 2017. – С. 66–68.

4. *Петренко А.Л., Минор О.В.* О вотивизации сарагашенских кинжалов в Хакасско-Минусинской котловине // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 62–64.

5. *Плетнева Л.М.* Оружие шеломокской культуры // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 4–2 (84). – С. 181–189.

6. *Савинов Д.Г.* Кинжалы-«вкладыши» в пазырыкской культуре Горного Алтая // Теория и практика археологических исследований (ТПАИ). – 2016. – № 1 (13). – С. 19–30.

7. *Савинов Д.Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул, 2014. – С. 91–99.

8. *Савинов Д.Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // ТПАИ. – 2013. – № 2 (8). – С. 5–16.

9. *Савинов Д.Г., Бобров В.В.* Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 83–90.

10. *Савинов Д.Г., Бобров В.В.* Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области // Записки ИИМК РАН. – 2018. – № 19. – С. 70–79.

11. Сибирский оружиевед: к юбилею А.И. Соловьева // АЭАЕ. – 2025. – Т. 53. – № 3. – С. 155–156.

12. *Соловьев А.И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск, 2003.

13. *Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 103–111.

14. *Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г.* Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья: сб. ст. – Чебоксары, 2006. – С. 168–174.

15. *Тишкин А.А.* Археологические исследования Д.Г. Савинова на Алтае и в Верхнем Приобье (краткий обзор и воспоминания юбиляра) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Дмитрия Глебовича Савинова. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 27–42.

16. *Тишкин А.А.* Д.Г. Савинов – юбиляр // ТПАИ. – 2011. – № 6. – С. 202.

17. *Фролов Я.В., Тишкин А.А., Иванов Г.Е.* Особенности изображений в скифо-сибирском зверином стиле на железных кинжалах юга Обь-Иртышского междуречья // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). – 2017. – № 247. – С. 150–162.

18. *Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии. Феномен кочевых культур. – Москва, 2009.

19. *Шалахов Е.Г.* Бронзовый нож-кинжал со следами ритуального воздействия с нижней площадки могильника Усть-Ветлуга // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2022. – № 28. – С. 397–402.

20. *Шалахов Е.Г.* О некоторых воинских погребальных ритуалах у носителей сейминско-турбинских бронз // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта, Абакан, 18–22 окт. 2022 г. – Новосибирск, 2022. – С. 153–155.

E.G. Shalakhov

WEAPONS SCIENCE ISSUES IN THE SCIENTIFIC WORK OF THE ARCHAEOLOGIST D.G. SAVINOV

Annotation. The article examines the contribution of Dmitry Glebovich Savinov (1941–2023), a well-known Russian scientist from St. Petersburg, to the development of issues related to the study of weapons of ancient communities of Siberia and Central Asia. The materials obtained by D.G. Savinov during long-term field work on monuments of the Bronze Age (mounds of the Andronovo culture) and the Early Iron Age (burial mounds of the Pazyryk culture) have significantly replenished the source base of archaeological weapons science. Rock carvings, about the semantics of which D.G. Savinov wrote, are of exceptional importance for studying the attributes of the military elite of the South Siberian populations of the Seyma-Turbino period.

Keywords: Altai, Bronze Age, military elite, dagger, kurgan, Uzuntal, Jurman.

УДК 94(477.7)«9»

Е.Н. Шумилов

БИТВА 1223 г. НА КАЛКЕ ИЛИ КАЛАЧЕ?

Аннотация. Статья посвящена одному из сложных и спорных вопросов в отечественной историографии – месте проведения Калкской битвы (побоища). Существующие ныне версии сводятся к поиску названия близкого по звучанию к указанному в летописях гидрониму Калка. При этом не учитываются другие факты, представленные в летописях: упоминание о переправе, бродниках, горе, на которой находился княжеский стан и т.д. Все эти сведения, связанные в единое целое, позволяют нам достаточно точно определить место исторического события – район современного города Калач-на-Дону Ростовской области.

Ключевые слова: Калка (Калак), Калкская битва (побоище), русское воинство, бродники, монголы.

Событию, названному в научной литературе битвой на Калке или Калкской битвой 1223 г., уделено большое внимание на страницах Новгородской первой, Ипатьевской, Лаврентьевской, Софийской первой, Тверской и других русских летописей. Считается, что данная информация восходит к одному первоисточнику – «Повести о Калкском побоище». По мнению исследователей, наибольшего доверия заслуживают сведения, изложенные в Новгородской первой летописи старшего извода [3, с. 61–63]. Поэтому представим кратко именно их, поскольку без этого невозможно понять суть вопроса, поставленного нами.

В 1223 г. разгромленные монголами половцы обратились за помощью к галицкому князю Мстиславу Мстиславичу Удатному, женатому на дочери половецкого хана. Совет князей, собравшийся в Киеве, принял решение поддержать половцев. У острова Хортица на Днепре княжеские дружины объединились. Несмотря на попытки монгольских послов остановить их, русские воины перешли Днепр в вступили в бой с авангардом монголов. Обратив авангард в бегство, русское воинство, опьяненное первым успехом, преследовало противника на протяжении многих дней: восьми (по Ипатьевской летописи), девяти (по Новгородской первой летописи), двенадцати (из сообщения средневекового арабского историка Ибн аль-Асира)

[5, с. 135]. Подойдя к Калак-реке, князья собрались на совет, который выявил разногласия: одни предлагали разбить лагерь на месте, на котором находились, другие настаивали на движении навстречу монголам. В итоге киевляне с князем Мстиславом Романовичем Старым решили возводить укрепленный стан на местной горе, обнеся ее частоколом и загородив повозками. Остальные утром 31 мая 1223 г., переправившись через реку, заняли позиции вдоль ее и у переправы через нее. Половцы и дружина волынского князя Даниила Романовича, находясь в авангарде, вступили в бой с подошедшими монголами. Развивавшееся поначалу удачно сражение превратилось скоро в побоище. Монголы обратили в бегство половцев, которые устремившись к переправе, смяли ряды русских дружин, не сумевших сорганизоваться. Вновь переправившись через реку, дружины, вместо того чтобы сплотиться, устремились порознь к себе на родину, будучи при этом преследуемыми монголами. Еще в более худшем положении оказались брошенные всеми киевляне с неразумным своим князем, решившим возводить укрепление в степи на горе. Постоянно подвергаясь обстрелу со стороны монголов и не имея воды, они оказались обреченными и на третий день согласились на переговоры. Посланный монголами воевода местных бродников Плоскыня клятвенно на кресте обещал сохранение им жизни. Но когда киевляне вышли из укрепления, они подверглись нападению монголов. Судьба сдавшихся князей и прочих военачальников была печальной: монголы положили на них доски, а сами, рассевшись на досках, устроили пиршество, отмечая победу [3, с. 61–63].

Трагедия Калкской битвы (а в реалии побоища) имела для Руси печальные последствия. Поэтому многие отечественные исследователи уделили ей серьезное внимание. Главной проблемой, ставшей перед ними, было определение места проведения битвы. Основной зацепкой являлось название реки, которая в большинстве летописей именовалась Калкой. Однако реки с таким названием в степной зоне Приазовья нет. Поэтому начался поиск гидронима с созвучным именем. Остановились на реке Кальчик, притоке Кальмиуса. Были предприняты попытки найти на берегах этой реки исторические артефакты, но ничего найдено не было [1, с. 118–119]. При этом река Кальчик не широкая, даже в своем низовье. Через нее можно было легко переправиться без участия посредников-бродников.

Где же тогда искать реальное место битвы? Здесь зацепками для нас служат следующие ориентиры, упомянутые в летописи: переправа, бродники, доски. Из крупных рек, на которых в средние века существовали переправы, обслуживаемые бродниками, в данном регионе был только Дон. Еще в 940-е гг. хазары, захватив во время похода на север верхнедонских славян, расселили их по среднему и нижнему Дону [6, с. 211–216]. Так у бродов (а их на Дону было несколько) появились русские бродники, которые обслуживали кочевников в половодье (в апреле месяце) при высокой воде в Дону, переправляя их на плотах. Неслучайно поэтому при месте переправы имелись доски для плотов; в реалии это были плахи, так как при отсутствии пил из одного ствола дерева в результате топорной (в прямом смысле этого слова) работы можно было изготовить только одну плаху. Да и найти пригодные для плах деревья в степной зоне было большой проблемой. В летний засушливый период перейти Дон в этих местах можно было в брод.

Где же находилась переправа, при которой обитали бродники и произошла битва? И здесь нам летопись дает еще две подсказки: наличие горы на правом берегу реки и вариант названия, указанный в Новгородской первой летописи. В данной летописи (в отличие от других) упомянута не Калка, а Калак-река, гора «над рекою над Калком» [3, с. 61–63]. В татарских диалектах (а татарский язык тесно связан с половецким) колак – «маленький залив, затон, заводь (на реке)» [4, с. 594]. Иными словами, название подразумевает наличие здесь заводи. Итак, нам следует искать на реке Дон место по трем ориентирам: наличие переправы (брода), заводи и горы на правом берегу. Единственное место на Дону, которое подходит по всем трем параметрам, – это район города Калача-на-Дону, расположенного на левом берегу реки, а именно в Калачевской излучине. В средние века здесь существовала переправа (брод). Напротив города на правом берегу расположены Червленые горы (участок Донской гряды), спускающиеся к реке [2, с. 85]. У Дона в районе города имеются заводи. Да и само название Калач созвучно с Калак-рекой. Но вот почему в летописи не указан Дон – большая загадка.

Источники и литература

1. *Кудряшов К.В.* О местоположении реки Калки // Вопросы истории. – 1954. – № 9. – С. 118–119.

2. *Моников С.Н.* Из истории геолого-географических исследований Калачевского района Волгоградской области (от Пимена до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // Грани познания. – 2014. – № 4 (31). – С. 84–91.

3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва; Ленинград, 1950.

4. Татарско-русский словарь. В двух томах. Т. 1. А–Л. – Казань, 2007.

5. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Санкт-Петербург, 2003.

6. *Шумилов Е.Н.* Последний всплеск военной активности хазар на рубеже 30–40-х гг. X в. // Великие евразийские миграции: Материалы Междунар. науч. конф. 11–14 окт. 2016 г. – Элиста, 2016. – С. 211–216.

E.N. Shumilov

THE BATTLE OF 1223 ON KALKA OR KALACH?

Annotation. The article is devoted to one of the most difficult and controversial issues in Russian historiography – the location of the Battle of Kalka (massacre). The current versions are limited to searching for a name close in sound to the hydronym Kalk indicated in the annals. At the same time, other facts presented in the chronicles are not taken into account: the mention of the ferry, brodniki, the mountain on which the princely camp was located, etc. All this information, combined into a single whole, allows us to accurately determine the location of the historical event – the area of the modern city of Kalach-on-Don, Rostov region.

Keywords: Kalka (Kalak), Kalka battle (massacre), Russian army, wanderers, Mongols.

УДК 94(47)083.084.3

А.В. Ануфриев,
Д.В. Козлов

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ*

Аннотация. Авторы, опираясь на новые исторические источники из центральных и местных российских архивов, описывают участие интернациональных частей в Гражданской войне на территории Восточной Сибири. Рассматриваются вопросы комплектования частей (в составе РККА, НРА ДВР, ВЧК и ГПУ ДВР) и их дислокация в сибирских регионах.

Ключевые слова: военнопленные, венгры, Восточная Сибирь, ВОХР (ВНУС), ВЧК, ГПО ДВР, Гражданская война, Иркутск, лагеря военнопленных, Первая мировая война.

Осень 1919 г. стала переломным моментом в Гражданской войне на востоке России. После ряда крупных военных успехов инициатива в боевых действиях окончательно перешла на сторону РККА. Отступление армии адмирала А.В. Колчака превратилось в паническое бегство. В тылу свирепствовала повальная эпидемия тифа, тысячи людей умирали от простудных заболеваний. Однако и Красная армия несла потери и не столько в боях, сколько от тех же самых эпидемических и простудных заболеваний, вопрос пополнения частей и соединений Пятой армии стоял крайне остро. Вовлечение в состав армии партизанских частей выявило их низкую боеспособность, неумение и нежелание бывших «красных партизан» соблюдать воин-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00216, https://rscf.ru/project/24-18-00216/

скую дисциплину. И тогда командование решило задействовать бывших военнопленных Четвертного Союза, содержащихся в лагерях на территории Омского, Иркутского и Приамурского военных округов.

К весне 1918 г. на территории Иркутского военного округа оставалось всего девять лагерей военнопленных: Заиркутный городок (5367 чел.), Канск (5325 чел., из них 5000 прибыли из Приамурья), Нижне-Березовский лагерь (17 000 чел.), Верхнеудинский (1300 чел.), Сретенский (1100 чел.), Красноярский (10 500 чел.), Читинский (6000 чел.), Ачинский (1100 чел.) [5, с. 14–19].

В лагерях (особенно Березовском под Верхнеудинском и Иннокентьевском под Иркутском) содержались несколько тысяч интернационалистов, участвовавших в боях 1918 г. в составе красногвардейских отрядов на Нижнеудинском и Даурском фронтах. Эти люди имели боевой опыт и ненавидели установившийся политический режим, представляя из себя прекрасный людской ресурс для пополнения рядов Красной армии. В конце 1919 г. началось формирование Первой Интернациональной дивизии имени Третьего Интернационала. Соединение было создано в составе Пятой армии Восточного фронта из бывших военнопленных (венгры, немцы, чехи и словаки) и добровольцев из числа представителей Азии (китайцев и корейцев). При вступлении боевых частей на территорию Западной Сибири командование увидело массовое желание военнопленных, ранее участвовавших в Гражданской войне на стороне «красных» в Сибири и после поражения, загнанных чешскими легионерами и «белыми» в концентрационные лагеря, вновь взять в руки оружие. Идея создать из них обособленное соединение принадлежала руководителям иностранной секции при политотделе Пятой армии. Центрами формирования предполагались города Омск на первом этапе, Красноярск и Иркутск на втором.

По мнению В.Г. Краснова в Сибири практически одновременно было начато формирование сразу нескольких интернациональных соединений: с января при 5-й отдельной армии в Красноярске и Омске (дивизия им. III Интернационала, март 1920 г. – 2209 чел.), а также в Иркутске с февраля 1920 г. при штабе Восточно-Сибирской советской армии (1-я интернациональная коммунистическая дивизия, численность которой достигла в феврале 1920 г. 922 чел.) [11, с. 218–219].

Четкая численность соединения и его структура предполагалась крайне гибкой и зависела от энтузиазма и желания добровольцев. Судя по рапорту в штаб Восточно-Сибирской советской армии в составе «дружины интернационалистов» числилось 463 бойца на 27 января 1920 г., сведенных в чехословацкую (32 чел.), польскую (26 чел), корейскую (28 чел.), немецкую (105 чел.), югославскую (18 чел.), китайскую (126 чел.), венгерскую (110 чел.) и комендантскую команды. В марте дивизия была разделена на Интернациональный полк, вошедший в Западную группу (и.о. командира полка И. Стухлый) и интернациональный батальон, вошедший в Восточную группу (врио комбата А. Пак). Интернациональный батальон был отправлен в Дальневосточную республику (ДВР), а полк остался в Иркутске, где был размещен в бывших казармах 54-го полка. Полк состоял из национальных батальонов: Первого венгерского из трех рот и пулеметной команды – 497 чел., Второго немецкого (424 чел.) и Третьего смешанного (в том числе чехословацкой роты в 102 чел.), пулеметной, саперной, музыкантской, комендантской и разведывательных полковых команд, лечебного отряда и штаба. Общая численность полка составила 3687 человек [16, л. 35; 14, л. 6, 9, 61, 116–265]. Иную численность воинов-интернационалистов указывает в своем докладе военный комиссар Первой бригады Первой Интернациональной дивизии Вальтер Шандора – 5 тыс. человек, но в данном случае имеется в виду вся дивизия [6, с. 235–237].

Проявлением доверия к воинам-интернационалистам стало их привлечение к охране знаменитого «золотого эшелона». Охрану, состоявшую из двух батальонов полка, возглавил кадровый офицер, этнический венгр И. Варга. Впоследствии полк был расформирован, его части были переданы в караульный полк (более 650 чел.). На его базе будет развернута 69-я стрелковая бригада войск ВОХР (внутренней охраны) в составе 375-го, 376-го, 377-го отдельных стрелковых батальонов войск ВОХР (г. Иркутск); кавалерийского полка, впоследствии разделенного на 9-й и 80-й отдельный кавалерийский эскадроны войск ВОХР и 15-ю легкую батарею войск (г. Иркутск) общей численностью около 1500 штыков и сабель. Бригада была дислоцирована в Иркутске и Балаганске. Соединение несколько раз переформировывалось и в конце 1920 г. стало 66-й стрелковой бригадой войск ВНУС (войска внутренней служ-

бы) в составе 196-го полка (Иркутск и Балаганск), 197-го стрелкового полка – прямого наследника иркутского караульного полка (г. Иркутск), 198-го стрелкового полка войск ВНУС (расквартирован в гг. Бодайбо, Кабанск, Киренск) и двух кавалерийских эскадронов. Соответственно, в этих соединениях служило не менее 650 воинов-интернационалистов из числа бывших военнопленных [15, л. 140–142]. В состав 197-го полка была включена рота особого назначения иркутского губвоенкомата, где служили венгры-коммунисты (Ф. Пал, Я. Маркус) [21, л. 26; 19, л. 129]. Наличие венгров фиксируется и во 2-м батальоне 195-го полка ВНУС, дислоцированного в г. Черемхово (И. Гринцвайг и др.) [19, л. 43]. Также можно упомянуть комендантскую команду штаба Пятой армии (под командованием Р. Гладела). Она формально не подчинялась губернской ЧК, но выполняла схожие функции. В ней числилось 32 красноармейца-коммуниста из числа бывших военнопленных.

Только в кавалерийском полку 69-й бригады при штатной численности 742 человек в августе 1920 г. воинов-интернационалистов (прежде всего венгров) насчитывалось 195 человек. Они составляли вторую по численности этническую группу, уступая только великороссам (396 чел.). И это неполные данные, ибо в течение года в полк влились 99 человек из первого эскадрона кавалерийской дивизии имени Третьего Интернационала, в сентябре к ним добавилась конная команда из 371-го батальона ВОХР (г. Красноярск) в количестве 100 человек. 19 июня 1920 г. из иркутского караульного батальона прибыло 17 венгров, 24 июня прибыло еще 3 венгра из 375-го стрелкового батальона и иркутского караульного батальона, 2 и 3 июля в состав полка прибыло еще 5 воинов-интернационалистов. Большинство из них было зачислено во второй эскадрон, командиром которого стал этнический венгр И. Чикера. Численность бывших военнопленных в полку составила не менее 250 человек, что составляет более 1/3 численности полка. Фиксируются венгры и в составе 9-го батальона 69-й бригады ВНУС (Л. Розенфельд, Ф. Силади и др.). В 109-й бригаде в г. Красноярске служили девять венгров-коммунистов (что составляло почти 1/3 всей венгерской секции губкома) [20, л. 66–67; 7, л. 1–1об.].

Использование интернационалистов в войсках ВОХР было характерно для Сибири. Так, в составе 185-го батальона (Тюменская

губерния) 1-я рота состояла из красноармейцев-интернационалистов. В Томске нужды губЧК обслуживал отдельный интернациональный стрелковый батальон ВОХР, в составе которого из 253 человек было 190 венгров, 58 немцев, 4 турка и 1 серб [6, с. 394–395]. На Алтае 1-я рота 328-го батальона 65-й бригады ВОХР также полностью состояла из интернационалистов-мадьяр и немцев [3].

Два интернациональных сибирских батальона ВНУС – 244-й интернациональный (г. Омск) и 371-й интернациональный (г. Красноярск) – осенью 1921 г. были переброшены на Украину [6, с. 402]. Подобные части имелись и на юге Сибири, так, в Барнауле числилось «в интернациональном полку 600 мадьяр, и в ЧК 160 немцев под оружием» [6, с. 288].

Часть наиболее подготовленных и мотивированных бойцов вошла в состав отдельной команды (в количестве состава роты) при особом отделе Пятой армии, затем ставшей костяком сформированного 77-го отдельного Иркутского дивизиона войск ГПУ – НКВД: «в начале 1920 г. при иркутском губЧК существовал отряд особого назначения, укомплектованный из военнопленных мадьяр» [17, л. 1]. Эта рота была переформирована в отряд особого назначения при иркутском губЧК и стала базой для развернутого в начале 1921 г. 57-го отдельного батальона войск ВЧК, в котором служило не менее 250 воинов-интернационалистов из числа бывших военнопленных (в основном это были мадьяры и немцы) [21, л. 25].

Самым известным бойцом отряда особого назначения при Особом отделе Пятой армии стал «дядюшка Имре» – будущий лидер Советской Венгрии Имре Надь. Более подробно «иркутский период» жизни И. Надя описан авторами в предыдущих публикациях [4, с. 11–18].

Оказались интернационалисты и в армии Дальневосточной республики. Так, по данным на апрель 1921 г. (после первого основного этапа эвакуации бывших военнопленных в 1920 г.) в кадрах 3-й Амурской стрелковой дивизии числилось 98 бывших военнопленных (в том числе 63 немца и 32 австрийца), в 3-м Амурском инженерном батальоне служили 19 бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Числились интернационалисты и составе 1-й Читинской стрелковой дивизии, 2-й Нижнеудинской стрелковой дивизии, 1-й отдельной Троицкосавской кавалерийской бригады

и в других частях и соединениях НРА (Народно-революционной армии) ДВР [14, л. 2–7]. Значительная часть бойцов-интернационалистов оказались в НРА после службы в интернациональной дивизии, но были и иные варианты. Так, боец инженерного батальона Юзеф Орбан попал на службу после освобождения из Благовещенской тюрьмы, где оказался в наказание за службу в Красной гвардии [8, л. 1–4]. Были и пришедшие из партизанских отрядов, как венгр, взводный командир отряда П.Е. Щетинкина, Николай Тёрек [9, л. 9–10].

Многие из бывших военнопленных занимали достаточно важные должности в НРА ДВР. Так, бывший командир 1-го Читинского интернационального отряда Арманд Абрамович Мюллер становится военным комиссаром 2-й бригады 1-й Иркутской дивизии Народной армии ДВР, участвует в ликвидации так называемой «читинской пробки», а затем занимает должность военного комиссара 2-й армии НРА ДВР. Его перу принадлежат первые воспоминания об участии интернационалистов в Гражданской войне на востоке страны [12; 13, л. 6].

Но больше всего воинов-интернационалистов было в частях государственной безопасности «буферной» республики. Для обеспечения оперативно-чекистской деятельности ГПО (Государственной политической охраны) ДВР был создан Дальневосточный стрелковый батальон. В распоряжение областного отдела для охраны учреждений и других целей был предоставлен отряд народоармейцев, непосредственно подчиненный начальнику областного отдела. Так что можно считать, что каждый областной отдел получил по роте особого назначения [18, с. 47]. Минимум одна рота в Чите (Забайкальский отдел ГПО) полностью состояла из бывших военнопленных австро-венгерской и немецкой армий. Массово они были зачислены в отряд при Прибайкальском областном управлении ГПО. В отряде особого назначения 3-й Амурской стрелковой дивизии (Нерчинск) было 43 коммуниста.

По данным Венгерской секции при облбюро РКП(б) Забайкалья (г. Чита), в отряде особого назначения в г. Нерчинске было 90 активных участников революционного движения 1918 г., т.е. бывших красногвардейцев, в 1-м заградительном эскадроне (Акша) – 93 человека, в 1-м заградительном отряде – 85 человек [1, с. 76–90].

Переломным для чекистов-интернационалистов, как и для всех бывших военнопленных, стал 1921 г., когда было принято решение об их возвращении на Родину. Решение о том, возвращается ли он домой или остается в своем новом социалистическом отечестве, должен был принять каждый человек самостоятельно. Обращаясь к венграм, выбравшим возвращение, газета венгерской секции РКП(б) «Voros Ujsag» патетически декларировала: «Красные герои! Сибирские красные венгры, отправляющиеся в страну Хорти, помните о русской революции, не забывайте о тех великих битвах, в которых вы сражались против контрреволюционеров плечом к плечу с русскими братьями! Путь революции ведет на запад. И вы, сибирские красные венгры, будьте передовыми постами грядущей мировой революции!» [6, с. 436]. Газете вторили региональные издания, так, «Дальневосточная правда», рассказывая о митинге в честь возвращения венгров-народоармейцев 3-й роты отдельного стрелкового батальона Госполитохраны ДВР, цитировала слова секретаря Дальбюро Г.И. Быкова: «В Венгрии, угнетенной черной реакцией генерала Хорти, вы будете учить венгерский пролетариат той тактике борьбы с капиталом, которой вы научились здесь за время революции». Кроме него, по сообщению газеты, выступил товарищ Нешеди – политрук батальона Госполитохраны. Всего из Забайкалья в Венгрию уехало 49 членов и 75 кандидатов РКП(б) и 120 демобилизованных народоармейцев [2; 6, с. 458–459].

Процесс возвращения бывших военнопленных на родину шел тяжело и медленно. А. Шик, командированный в Забайкалье для ускорения процесса, в своих воспоминаниях приводит слова начальника военной контрразведки ГПО ДВР венгра Тимеско (Иштвана Варги): «Что касается демобилизации венгерских чекистов, – сказал он мне, – то пока это дело безнадежное. В армии, как мне известно, здесь, на Дальнем Востоке, венгров уже нет, а у меня, например, работают почти исключительно одни венгры. Если их у меня заберут, то мне не останется ничего другого, как закрыть свое “хозяйство”...» [22, с. 271].

Примерно также на визит А. Шика отреагировали и в Иркутске. Он приводит слова одного из руководителей исполкома, Судакова: «...если у нас заберут венгров, что служат в ЧК, то ни я, ни уполномоченный ЧК в Иркутске не сможем ручаться за полный порядок...»

[22, с. 466]. Проблем не было только в Красноярске, где как отмечал А. Шик, «процесс демобилизации венгров-чекистов уже шел вовсю» [22, с. 464]. Последний крупный транспорт с военнопленными ушел из Иркутска 7 июня 1921 г. С ним на родину отправились 902 бывших военнопленных (в большинстве своем это были венгры и немцы) [10, л. 22–24, 43, 51].

Необходимо отметить, что на первом этапе Гражданской войны в Сибири бывшие военнопленные составляли костяк боевых красногвардейских соединений, активно участвуя в боевых действиях против белочехов и белогвардейцев, в вот на завершающем этапе (1920–1922) части и соединения из числа военнопленных в большей мере были ориентированы на внутреннюю службу и подчинялись в Восточной Сибири органам ВЧК, а на Дальнем Востоке – ГПО ДВР. Численность интернационалистов в частях и соединениях ВЧК – ГПО резко сократилась в конце 1920 г. и это продолжалось до осени 1921 г., когда значительная часть военнослужащих была уволена со службы и вернулась на родину. Оставшиеся навсегда связали судьбу с новой «советской Родиной» и стали активно адаптироваться к новым реалиям.

Источники и литература

1. *Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И., Шиндялов Н.А.* Венгерские интернационалисты борются за Советскую власть на Дальнем Востоке // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. – Москва, 1980. – С. 76–90.

2. *Алёкминская Г.М.* О работе национальных секций Забайкальского губернского комитета РКП(б) в 1920–1922 гг. // Молодой ученый. – 2015. – № 16 (96). – С. 346–348.

3. Алтайская правда. – 2007. – 9 февр. – № 36.

4. *Ануфриев А.В., Белков И.Д.* Новые архивные документы о жизни и деятельности И. Надя в годы Гражданской войны в Сибири // Регионы России в военной истории страны. Выпуск VII: сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 12–13 нояб. 2025 г. – Йошкар-Ола, 2025. – С. 11–18.

5. *Ануфриев А.В., Козлов Д.В.* Конфликты в среде военнопленных Первой мировой войны в Восточной Сибири // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (20–21 окт. 2021 г., Омск, Россия). – Омск, 2021. – С. 14–19.

6. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. В 2 т. Т. 1. Возникновение и развитие революционного движения среди венгерских военнопленных в России: Сб. док. – Москва, 1968.

7. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. П-16. Оп. 1. Д. 44.

8. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-525. Оп. 1. Д. 493.

9. ГАЗК. Ф. Р-525. Оп. 1. Д. 676.

10. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 142.

11. *Краснов В.Г.* Создание интернациональных формирований Красной Армии в годы гражданской войны и военной интервенции в СССР (1918–1920 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Москва, 1984.

12. *Мюллер А.А.* В пламени революции. (1917–1920 гг.) Воспоминания командира интерн. отряда Красной гвардии. – Иркутск, 1957.

13. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 100. Д. 135672.

14. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 221. Оп. 1. Д. 916.

15. РГВА. Ф. 4576. Оп. 1. Д. 2.

16. РГВА. Ф. 4576. Оп. 1. Д. 3.

17. РГВА. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 1746.

18. *Чепик М.В.* Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). – Москва, 2017.

19. ЦДНИ ГАИО (Центр документации новейшей истории). Ф. 1. Оп. 1. Д. 300.

20. ЦДНИ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 442.

21. ЦДНИ ГАИО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1.

22. *Шик Э.* Годы испытаний. – Москва, 1969.

A.V. Anufriev,
D.V. Kozlov

INTERNATIONAL UNITS OF THE RED ARMY AT THE FINAL STAGE OF THE CIVIL WAR IN EASTERN RUSSIA*

Annotation. The authors, relying on new historical sources from central and local Russian archives, describe the participation of international units in

* There search was supported by RSF (project No. 24-18-00216), https://rscf.ru/project/24-18-00216/

the Civil War in Eastern Siberia. They examine the recruitment of units (as part of the Red Army, the National Army of the Far Eastern Republic, the Cheka, and the GPU of the Far Eastern Republic) and their deployment in the Siberian regions.

Keywords: Prisoners of War, Hungarians, Eastern Siberia, VOKH (VNUS), Cheka, GPO DVR, Civil War, Irkutsk, Prisoners of War Camps, World War I.

УДК 94(47).084.3:070«1919»

Е.А. Грознов

«НА ВСЕХ ФРОНТАХ ВРАГ РАЗБИТ НАГОЛОВУ, МЫ ДОЛЖНЫ РАЗБИТЬ ЕГО И НА ВОСТОКЕ!»: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ»

Аннотация. Статья представляет собой анализ газеты «Знамя Революции» – органа Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в г. Казани и губернии (№ 79 (389) от 11 апреля 1919 г.). Рассматривается информационное содержание выпуска, отражающее ход боевых действий на фронтах Гражданской войны, мобилизационную риторику советской власти, а также отдельные аспекты административно-хозяйственной жизни тыловой Казанской губернии. Особое внимание уделяется событиям, происходившим на Восточном фронте, что было связано с весенним наступлением армии адмирала А.В. Колчака и непосредственным значением этого направления для Среднего Поволжья.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, Казанская губерния, Марийский край, фронт, белые, красные, периодическая печать, газеты, плакаты.

Периодическая печать времен Гражданской войны в России 1918–1920 гг. является уникальным источником о происходивших событиях на фронтах сражений и в тылу. Она выполняла не только информационную, но и мобилизационную функцию: через газеты распространялись официальные сводки, призывы к населению и сведения о проводимых мероприятиях. Несмотря на политическую цензуру и контроль со стороны противоборствующих правительств над содержанием издаваемых материалов, они доста-

точно объемно раскрывают разные стороны жизни подконтрольных территорий. Именно поэтому в условиях военного времени газеты служили единственным эффективным способом ведения информационного противостояния для привлечения населения на свою сторону.

Несмотря на то, что некоторая часть изданных газет и напечатанных плакатов в силу определенных обстоятельств на сегодняшний день не сохранились, в фондах Государственного бюджетного учреждения культуры «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева» хранятся отдельные экземпляры периодических изданий рассматриваемого периода. Наибольшую ценность в контексте изучения Гражданской войны в России представляет газета «Знамя Революции. Орган Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов в г. Казани и губернии», № 79 (389) от 11 апреля 1919 г. Поскольку до 4 ноября 1920 г. определенная часть Марийского края входила в состав Казанской губерний, то на территориях Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов преимущественно распространялись газеты, издаваемые в центре губернии. Поэтому материалы казанской периодической печати имеют значение не только для изучения истории Казани и губернии в целом, но и для понимания происходивших в уездах процессов.

Важно отметить, что хронологически данный номер был издан в период весеннего наступления адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте, в момент его наивысших успехов, что создавало угрозу для Среднего Поволжья. В связи с этим значительная часть материалов номера посвящена необходимости борьбы с наступлением с востока. Показательна в этом отношении колонка под названием «Демонстрация в Казани по поводу взятия Одессы» [1]. В ней содержится информация о том, что 9 апреля на площади Свободы в г. Казани председатель губернского совета депутатов Малютин призывал граждан дать отпор контрреволюции, идущей с востока, и не допустить вторжение в уезды губернии. Характеристика противника была подчеркнута в политически окрашенном стиле, где А.В. Колчак представлен как «пьяный, разгульный старый офицер» [1].

Военные сводки в рассматриваемом номере охватили несколько фронтов. Сводки начинались с описания Киевского направления от 9 апреля 1919 г. В Шепетовском районе Красной армией были занят

населенный пункт Людно-Волынск. На Тарнопольском направлении заняты Проскуров и Староконстантинов. Взятие населенного пункта Волчанск на границе Украины с Галицией позволило разделить силы петлюровцев на две части. На Житомирском направлении занят населенный пункт Геникулы в 16 км от г. Житомир. В районе Сарн отмечались успешные бои за г. Коростень и Искорот, после чего оставшиеся силы белых, не попавших в плен, отступили за р. Буг. Одесское направление в газете было представлено как зона успешного продвижения Красной армии. Сообщалось о занятии Бирзулы, а также станции Сортировочной на подступах к Одессе. Одновременно с этим шли локальные столкновения с французской эскадрой на рейде города. На Крымском направлении указывалось, что силы Красной армии перешли линию соленых озер и взорванного ранее Сивашского моста. На Симферопольском направлении отмечается, что после успешных действий красных в районе Армянского базара, их наступление продолжается.

После подробного анализа ситуации на Киевском направлении идет краткое упоминание Северного фронта с пометкой «Без перемен» [1]. При этом в колонке под заголовком «В стане врагов» [1] упоминается факт, связанный с г. Шенкурск, где сказано, что в прифронтовой Усть-Важской волости осуществляются аресты и расстрелы крестьян, не желавших оттуда переселяться. Такая публикация выполняла агитационную функцию, где через жестокость противника формировался образ белых как силы враждебной крестьянскому населению.

На Западном фронте сводки фиксировали неоднозначную ситуацию. Севернее Олонца, примерно в 90 км от населенного пункта, красным частям удалось отбросить противника. Однако на Нарвском направлении ситуация сложилась обратная, где белым удалось занять несколько селений в 6 км к юго-востоку от истока р. Нарова. На Псковском направлении шел артиллерийский бой с участием бронепоездов. В Мариенбургском районе активное участие в боях принимают латышские стрелки, которым удалось захватить один бронепоезд. Латышские стрелки успешно действуют также на Митавском и Поневежском направлениях, где им удалось овладеть несколькими селениями и получить военные трофеи. На Олитском направлении боевые действия ведут белорусско-литовские части, ко-

торые под давлением противника отошли на новые позиции в 11 км западнее Олькиники.

Сведения о Южном фронте были более сдержанными и содержали указание как на успехи, так и на отступления. В районе Донецка и Юзовки красные после длительных боев оставили с. Благодатное в 8 км западнее станции Велико-Анадоль. К северу от указанного района силы Красной армии перешли в наступление и овладели переправой через р. Маныч в 21 км к востоку от Великокняжеской.

Отдельно стоит выделить оперативную сводку армии советской Латвии от 7 апреля, в которой описываются бои на Мариенбургском и Курляндском направлениях. Также упоминаются успешные бои в г. Рига, где красным удалось захватить у белых бронепоезд. Публикация подобных сведений отражала стремление газеты показать многонациональную поддержку советской власти.

Большую часть сводок занимает Восточный фронт. В сводках от 8 апреля 1919 г. упоминается штаб N-ской армии, которой удалось не только остановить наступление Белой армии на Оханском направлении недалеко от с. Кивар, но и занять д. Шалкан в 32 км юго-западнее с. Полозово. В районе с. Гординского Красная армия успешно ведет бои против войск А.В. Колчака. Однако в районе с. Красноглинского, что в 16 км к северу от Белорецкого завода, белым частям удалось вклиниться в оборону на 3–5 км.

В сводках от 9 апреля 1919 г. отмечается, что в Оренбургском районе силы красных продолжают отступление по долине р. Большой Ик. В Стерлитамакском районе красным удается занимать линию Зирган в 42 км к югу от Стерлитамака – Дмитриевска. На Бугурусланском направлении осуществляется отход на линию Дмитриевская – Абсалямово в 35 км к востоку от Бугульмы. В Воткинском районе идут длительные бои за населенный пункт Мишкино в 16 км к северу от Воткинского завода. На Пермском направлении ведутся позиционные столкновения на линии станции Кузьма и Омутницкого завода в 66 км к северо-западу от Глазова.

Помимо фронтовых сообщений, в выпуске присутствовали материалы, отражавшие административно-хозяйственные задачи губернского тыла. Колонка под названием «По губернии» позволяет увидеть, что в условиях военного времени местные органы власти продолжали заниматься вопросами развития земли и промыслов.

Так, сообщалось о намерении направить в мае 1919 г. в Козьмодемьянск двух помощников для работ, связанных с развитием рыбоводства. Их деятельность должна была быть направлена на применение препаратов кокса для вывода мальков. Также, согласно ходатайству Краснококшайского уездного земельного отдела (уземотдел) об отпуске средств на организацию огорода площадью в 25 десятин [1]. Коллегия губернского земельного отдела (губземотдел) постановила 1 апреля 1919 г. перевести на организацию огорода 50 000 руб. [1]. Также Краснококшайский уземотдел запрашивал средства на мероприятия по развитию животноводства, в выдаче которых губземотдел отказал.

Таким образом, «Знамя Революции» № 79 (389) от 11 апреля 1919 г. представляет собой ценный источник по истории Гражданской войны в России и региональной жизни Казанской губернии. Его материалы позволяют восстановить информационную политику советской печати в период весеннего наступления А.В. Колчака, выявить особенности региональной политики и проследить, какие фронты и направления воспринимались как наиболее значимые для губернского читателя. Особое внимание к Восточному фронту было обусловлено непосредственной угрозой для Среднего Поволжья и необходимостью вовлечения населения в поддержку советской власти.

В то же время газета отражает не только военные события, но и повседневные задачи тыла: организацию сельскохозяйственных работ, развитие рыбоводства, вопросы финансов. Для изучения истории Марийского края данный источник имеет особое значение, поскольку Царевококшайский и Козьмодемьянский уезды в рассматриваемый период входили в состав Казанской губернии. Следовательно, анализ Казанской губернской периодической печати позволяет расширить представления о том, как события общероссийской Гражданской войны воспринимались и транслировались на региональном уровне.

Источники и литература

1. Знамя Революции. Орган Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в г. Казани и губернии. – 1919 г. – 11 апр. – № 79 (389). Оригинал представлен в фондах ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева».

2. *Домовитова П.Я.* Информационная война политических блоков на «Белом» Урале // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2014. – № 4 (27). – С. 92–103.

3. Обухов Л.А. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) // Власть. – 2012. – № 4. – С. 131–133.

E.A. Groznov

THE ENEMY IS COMPLETELY DEFEATED ON ALL FRONTS, WE MUST DEFEAT HIM IN THE EAST AS WELL! THE CIVIL WAR IN RUSSIA ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "THE BANNER OF THE REVOLUTION

Annotation. The article is an analysis of the newspaper Znamya Revolyutsii. The organ of the Council of Workers', Peasants' and Red Army Deputies in Kazan and the province, No. 79 (389) dated April 11, 1919. Examines the information content of the issue, reflecting the course of hostilities on the fronts of the Civil War, the mobilization rhetoric of the Soviet government, as well as certain aspects of the administrative and economic life of the rear Kazan province. Special attention is paid to the events that took place on the Eastern Front, which was associated with the spring offensive of Admiral A.V.'s army. Kolchak and the immediate significance of this direction for the Middle Volga region.

Keywords: Civil War, Eastern Front, Kazan province, Mari Territory, front, white, red, periodical press, newspapers, posters.

УДК 94(100)1914/19

Г.А. Кривошеенко

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА СЛУЖБЕ ФРОНТА: СРАВНЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и динамики развития военной промышленности двух империй в контексте Первой мировой войны. В работе рассматриваются результаты производств основных систем вооружения в двух империях.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Австро-Венгрия, военное производство.

В годы Первой мировой войны победа на фронте все чаще определялась не только мужеством солдат, но и мощью тыла. Российская империя и Австро-Венгрия, две многонациональные монархии, вступили в войну с разным уровнем промышленного развития и мобилизационных возможностей.

От того, насколько эффективно государства могли мобилизовать свои промышленные ресурсы, зависел исход сражений и целых военных кампаний. В этом контексте особенно интересно сравнить военно-промышленный потенциал двух европейских империй – Российской и Австро-Венгерской.

Перед исследованием данной темы необходимо отметить, что в советской историографии достаточно долго господствовали тезисы о неготовности и отсталости Российской империи по сравнению с другими ведущими странами того времени. Всячески подчеркивалась неспособность царского правительства эффективно организовать военную промышленность и снабжение армии. Например, советские историки отмечали кризисные явления, которые обнаружились раньше всего в «неподготовленной к войне России». Отмечается также недостаток снабжения русской армии снарядами и винтовками [5, с. 543]. Некоторые современные историки и публицисты разделяют подобную точку зрения. В качестве одного из доказательств неготовности русской армии к войне приводятся сравнительные данные по производству основных видов военной продукции в разных странах за весь период войны [8, с. 167–197]. Однако, на наш взгляд, подобный подход не совсем верен и не позволяет получить объективную картину о характере военной промышленности Российской империи. Во-первых, все основные страны-участницы войны выпустили значительную часть всей военной продукции к заключительному этапу войны: в 1917–1918 гг. В это самое время в России начинают происходить революционные события, которые перерастают в полноценную Гражданскую войну. Именно поэтому нас будут интересовать данные за 1914–1916 гг., когда промышленность Российской империи могла полноценно работать и снабжать армию всем необходимым для боевых действий. Во-вторых, часто в научных трудах происходит сравнение российской промышленности со странами первого эшелона модернизации (Великобритания, Франция, США). Российская империя относилась

к группе стран, входивших во второй эшелон модернизации, где капиталистическое развитие хозяйства началось несколько позже, чем в странах первого эшелона. Мы считаем, что для получения более объективных данных промышленное производство России нужно сравнивать именно со странами, входившими во второй эшелон модернизации. Учитывая ряд общих черт, которые были характерны для двух империй, такие как: многонациональный и многоконфессиональный характер, аграрно-индустриальный характер экономики, активный рост пролетариата, мы полагаем, что максимально корректно сравнивать экономику России именно с Австро-Венгрией. Это сравнение наиболее релевантно, так как оно опирается на уникальный комплекс общих черт: схожую структуру экономики, параллельные социально-классовые процессы (формирование пролетариата и буржуазии) и, что особенно важно, непосредственное экономическое и геополитическое взаимодействие двух соседних империй, чего не было в таком объеме с другими европейскими державами.

Сравнение производства винтовок в России и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны является ключевым для понимания конфликта. Именно магазинная винтовка с продольно-скользящим затвором была основным видом вооружения солдат во всех армиях стран-участниц войны. На вооружении Русской Императорской армии с конца XIX в. была принята винтовка системы Мосина-Нагана образца 1891 г. Их производили на трех крупных оружейных заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком. К началу войны в наличии у русской армии оказалось около 4,65 млн винтовок различных систем [6, с. 49]. После начала конфликта с августа до конца 1914 г. заводы России смогли выпустить 134 тыс. винтовок. В 1915 г. – 739 тыс. винтовок, а в 1916 г. – 1,3 млн винтовок [4, с. 131]. В Австрийской империи до начала войны было произведено 2,5 млн винтовок. В 1914 г. – 149 тыс. штук, в 1915 г. – 905 тыс. винтовок, в 1916 г. – приблизительно 1,2 млн. штук [9].

В годы Первой мировой войны пулемет стал ключевым видом вооружения, который радикально поменял тактику боевых действий на всех фронтах. В Русской Императорской армии к началу войны было в наличии 4,2 тыс. пулеметов [6, с. 49]. За пять месяцев боев в 1914 г. было произведено еще 832 штуки. Однако уже

с 1915 г. наблюдается резкий рост продукции. В этом году заводы смогли собрать 4251 экземпляр, а в 1916 г. – 11 090 штук. Наблюдался рост производства практически в 2,6 раза [4, с. 135]. Тем временем в Австро-Венгрии к 1914 г. был на вооружении 2761 пулемет. В 1914 г. произведено 1187 штук, в 1915 г. произвели 3730 пулеметов, а в 1916 г. уже 6335 штук [9]. Рост производства по сравнению с 1915 г. увеличился в 1,6 раза.

Единственным средством прорыва обороны противника в первые годы войны стали артиллерийские орудия. К 1914 г. в русской армии находилось на вооружении 7030 полевых орудий различных калибров [1, с. 168]. В 1915 г. российская промышленность произвела 2118 орудий различных калибров, а в 1916 г. – 5138 пушек [1, с. 172]. Австрийская армия к началу Первой мировой войны имела 2790 артиллерийских систем. В 1915 г. промышленность дунайской монархии произвела 1730 штук, а в 1916 г. – уже 6948 пушек [9].

Однако для того, чтобы винтовки, пулеметы и орудия выполняли свою прямую функцию, необходимо было обеспечить воинские подразделения патронами и снарядами. В России перед войной на вооружении армии было примерно 1,6 млрд патронов [1, с. 260]. Производство было налажено на трех заводах: Петроградском, Тульском и Луганском. Производство патронов перед войной в России постоянно нарастало. Если в 1908 г. всего было произведено 96,4 млн патронов (т.е. примерно 265 тыс. за одни сутки), то к 1913 г. объем производства увеличился примерно в 7 раз и составил 672,9 млн штук за год (примерно 1,8 млн штук за одни сутки) [3, с. 85]. Однако в начале войны темп производства пережил некоторый спад и составил примерно 606 млн патронов (1,6 млн штук за одни сутки), в последующие два года производство увеличилось и составило к 1915 г. 989 млн (2,7 млн штук за одни сутки) и 1,4 млрд к 1916 г. (4 млн штук за одни сутки) [3, с. 86]. Австро-Венгрия перед войной и в самом ее начале несколько отставала от России по объему производства. Перед войной промышленность выпускала примерно по 1 млн патронов в год. Однако мобилизация промышленности привела к неплохим результатам: в 1914 г. ежедневный выпуск составил 2 млн патронов, в 1915 г. составил примерно 3,5–4 млн штук за одни сутки, в 1916 г. – уже 4 млн штук [9].

В начале XX в. снаряды для русской армии производились на семи частных и девяти государственных заводах. Эти предприятия в 1914 г. произвели 104 900 снарядов (8,7 тыс. за один месяц), в 1915 г. – 9 567 888 штук (797 тыс. за один месяц), в 1916 г. – 30 974 678 (примерно 2,5 млн за месяц) [3, с. 105]. В Австро-Венгрии ежемесячный выпуск снарядов для артиллерии достиг 1 млн в месяц до начала войны. К 1914 г. он упал на 300 тыс. штук, в 1915 г. достиг 1,3 млн штук за один месяц, а в 1916 г. – 2 млн за один месяц [9].

Особенностью Первой мировой войны стало первое масштабное применение авиации и бронетехники всеми участниками конфликта на всех театрах военных действий. Ни Россия, ни Австро-Венгрия не остались в стороне от этих технических новинок. В России в 1914 г. изготовлено 14 бронеавтомобилей, в 1915 г. – 56, а в 1916 г. – 86 [2, с. 106]. Кроме того, в годы войны были налажены поставки из союзных стран, которые по объему превосходили отечественное производство в несколько раз. Однако даже такие скромные результаты были значительным достижением по сравнению с тем, что было в армии двуединой монархии, где также было сформировано небольшое количество бронеавтомобильных подразделений, которые включали в себя в основном захваченные и переоборудованные русские и итальянские машины. Точное количество бронемашин, использовавшихся в австро-венгерской армии, неизвестно. По некоторым источникам, их было от трех до пяти, по другим – семь марки «Юновичов» и один или два достроенных марки «Ромфелла» [10, с. 103–104]. К 1914 г. в России на вооружении было 263 самолета. В 1914 г. произведено 525 самолетов, в 1915 г. – 1290, а в 1916 г. – 1850 [7, с. 250]. В Австро-Венгрии к 1914 г. выпустили всего 70 самолетов, в 1915 г. – 338, в 1916 г. – 931 [7, с. 13].

Итак, на основании проведенного исследования мы можем утверждать, что Австро-Венгрия изначально имела некоторые преимущества в производстве большинства вооружений и ресурсов, однако к 1916 г. российская военная промышленность не только догнала, но и в ряде ключевых областей значительно превзошла австро-венгерскую. Это стало возможным благодаря значительным усилиям по мобилизации промышленных ресурсов и адаптации экономики к военным нуждам.

Источники и литература

1. *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Том II. – Москва, 1949.

2. *Барятинский М.Б., Коломиец М.В.* Бронеавтомобили русской армии 1906–1917 гг. – Москва, 2000.

3. *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – Москва, 1986.

4. Генерал В.С. Михайлов, 1875–1929: документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. – Москва, 2007.

5. Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / [Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов и др.]. – Ленинград, 1984.

6. *Лещенко Ю.Н.* Главное артиллерийское управление и производство стрелкового оружия. 1892–1914 гг. // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 11. – С. 49–52.

7. *Обухович В.А., Никифоров А.Ф.* Самолеты Первой мировой войны. – Минск, 2003.

8. *Янтурина В.Р.* Экономика Российской империи. – Санкт-Петербург, 2024.

9. Felix Butschek: Organization of War Economies (Austria-Hungary), in: 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War, ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer D. Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson, issued by Freie Universität Berlin, Berlin 2016-02-19.

10. *Velnar T.* Rojstvo avstro-ogrskih oklepnikov // Na fronti. – 2017. – № 12. – S. 100–105.

G.A. Krivosheenko

INDUSTRY IN THE SERVICE OF THE FRONT: A COMPARISON OF THE PRODUCTION OF THE MAIN MILITARY PRODUCTS OF RUSSIA AND AUSTRIA-HUNGARY DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article is devoted to the analysis of the state and dynamics of the development of the military industry of the two empires in the context of the First World War. The paper examines the results of the production of the main weapons systems in two empires.

Keywords: World War I, Russia, Austria-Hungary, military production.

УДК 94(470.45′1917/1923′:821.161.1)

Е.А. Лепкова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЭЗИЯ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ЦАРИЦЫНСКИХ ГАЗЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА»)

Аннотация. В статье дается представление о разнообразии тем и образов в стихотворениях и прозе на страницах газет, публикуемых в Царицыне в 1918–1919 гг. Автор подчеркивает, что агитация, пропаганда, обличение противника были главными задачами противоборствующих сторон, но сами литературные произведения во многом являлись своеобразным отражением действительности, которая заставляла по новому смотреть на некоторые вещи, исторические события, были своеобразной рефлексией человека на революционные события. В работе использованы преимущественно материалы музея-заповедника «Сталинградская битва».

Ключевые слова: художественная литература, Царицын, Гражданская война, стихи, газеты.

Один из лучших памятников любой эпохи – это яркие и талантливые произведения художественной литературы. Так и с русской литературой о Гражданской войне. Очень интересны творения тех поэтов и писателей, что прошли через горнило Великой русской смуты. Одни из них сражались «за счастье всех трудящихся», другие – «за единую и неделимую Россию». Кто-то делал для себя ясный нравственный выбор, кто-то был лишь косвенно причастен к деяниям одного из противоборствующих лагерей. Но каждый из них – личность, явление в русской литературе, талант, порой незаслуженно забытый. В поэзии эпохи Гражданской войны преобладали лирические жанры – песня, частушка. Жанры литературы эпохи Гражданской войны необычайно разнородны. Здесь мы встречаем и патетическое воззвание, и примитивную, намеренно грубую «агитку». Марши и песни уживаются бок о бок с язвительными эпиграммами. Патетическая лирика неотрывна от сатирического эпоса. Все эти формы проникнуты единым и целостным устремлением. Разнообразие жанров обозначает лишь различие установок, многосложность заданий, стоявших перед поэтами восставшей и борю-

щейся за свое существование революционной страны. Далеко не все произведения возникали при этом целиком заново. Весьма характерными представляются факты переделок старых песен на новый лад, причем степень переработки была весьма различной.

Носителями новой поэзии и литературы были газеты, листовки, журналы, где представители разных сословий писали стихи, рассказы, фельетоны на злободневные темы. В Царицыне после установления советской власти распространялись центральные газеты, такие как «Петроградская правда», московский «Социал-демократ», кроме этого, местная газета «Борьба» – орган царицынского комитета РСДРП(б) и газета «Солдат революции» – с 26 сентября орган Военно-революционного совета Южного фронта, а с 29 октября (с № 69) до конца издания – орган Военно-революционного совета 10-й армии. В фондах музея-заповедника находится подшивка газеты «Солдат революции», несколько номеров газеты «Борьба» и «Призыв». Помимо информационных сводок о событиях в стране и за рубежом печатались различные произведения: стихи, частушки, песни, рассказы. Главными отрицательными героями в большинстве произведений были Краснов, Каледин, царь, поп, офицер. Положительные герои – рабочие, солдаты, крестьяне. Много стихов и рассказов носят обличительно-агрессивный характер, очень напористо и дерзко авторы высказываются в адрес офицеров. Например, «Последние счеты» («Солдат революции» № 1 от 7 августа 1918 г.):

Вы, предательская кучка,
Уподобились ворам
И народ продали русский
Вы немецким юнкерам,
За позорные погоны,
Генеральский громкий чин
Хлеба тысячи вагонов
Вы отправили в Берлин.

Авт. ст. Ташун, И. Башкин [12].

Сюжетная линия стихов и рассказов разнообразна. В стихотворении Андрея Шманова «Беседа генерала Краснова с Господом Богом» генерал Краснов обращается к Богу с просьбой помочь в победе над большевиками. В ответ слышит обвинения во всех бедах и несчастьях народа и развязывании братоубийственной войны:

…Вы расплодили нам попов,
Убийц, разбойников, воров,
Пророков лживых и святых,
Да ляжет весь позор на них.
На брата руку ты поднял,
За это я тебя проклял! [15].

Столь резкие высказывания имели главной целью внушить читателю твердое убеждение в развращенности противников нового общественного строя, их несостоятельности, а главное – невозможности их в дальнейшем занимать лидирующие позиции в стране. Встречаются в газетах немало стихотворений агитационно-пропагандистского характера и названия произведений соответствующие: «Марсельеза бедноты» Б. Чарков; «На баррикады» Ник. Анапский; «Красное знамя»; «За честь и свободу народа» А. Прудников [14; 8].

Часто печатали стихи и песни известных поэтов. Исключительной популярностью в годы Гражданской войны пользовались стихотворения Демьяна Бедного. Центральным образом большинства произведений Бедного следует считать батрака, энергично борющегося с кулацким засильем – «Батрацкая песня». Одной из самых излюбленных сатирических форм поэта была басня, предоставляющая удобные возможности для замаскированного обличения – «Деника-воин», «Кулак Кулакович». Но всего шире распространяется антирелигиозная сатира. С 1918 г. Бедный отдает этому жанру все свое внимание. Осмеянию подвергаются сначала корыстные и сластолюбивые служители культа. Отметим здесь особенно «Землю обетованную». «Расскажу я по-своему всей Рассее об Аароне и Моисее. Вот были мужики: настоящие большевики». Бедный применяет приемы травестирования: за еврейской оболочкой скрывается русская действительность. В поэме действуют иудейские меньшевики и эсеры, Елдад и Модад, анархисты, спекулянты на манной крупе («манне небесной»), жандармы и даже бронированные колесницы! Все это введено в рассказ не только в сатирических, но и в дидактических целях. «Но из библии все ж почерпнем мы урок: пусть былые ошибки послужат нам впрок». «Если дрогнете вы, как евреи когда-то, слабость духа в беде обнаруживши ту же, ваш конец будет многим похуже». Большинство стихов Демьяна Бедного написаны

очень просто, автор за основу брал известные народные песни и переделывал содержание [13]. Например, песня «Красная винтовка» была написана на мотив русской народной песни «Эх, дубинушка, ухнем!». Куплет песни был переделан полностью, а припев изменен частично:

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем,
Да, ухнем! [4].

Интересен такой факт, в сентябре 1918 г. с аэроплана над Царицыном сбрасывали «Послание Демьяна Бедного» – напутствие большевикам, борющимся с белогвардейцами.

Летом – осенью в связи с наступлением на Царицын Донской армии атамана П.Н. Краснова члены Казачьей военной секции Царицына выступают с призывами бороться с генералами. Например, стихи «Братьям Донцам» в газете «Солдат революции» от 27 августа 1918 г. или «Говорят…» Казачьей Военной Секции Царицына:

…Говорят, что не везет,
Всем красновцам с роду,
Я-ж скажу, не зная броду,
Не кидайся в воду.
Говорят и говорят,
Все так рассуждают –
Сами кашу заварят,
А нас потом ругают [2].

Гражданская война требовала предельной мобилизации всех моральных и физических ресурсов. От человека, желавшего ускорить процессы становления новой власти, требовалось не только яростное отрицание отживающих форм жизни, но и глубокий революционный пафос [13]. Авторы стихов нового времени нередко использовали такой литературный прием, как сравнение. Например, в стихотворении Едунова «Красно-крылые орлы» автор сравнивает В. Ленина с С. Разиным, видя в смелом предводителе крестьянского восстания первого революционера, а в Ленине – его успешного последователя. В стихотворении Курпановского «После грозы» сравнивается революция с грозой:

…Гроза прошла, но вблизи
Гроза шумит другая.
Кровавого боя гремят еще раскаты…
…Прочь малодушие, слезы!
Вдали гремят раскаты,
Тут наступления, гроза.
Вперед, революционные
Советские солдаты! [5].

Целая серия рассказов одной сюжетной линией под названием «Раешник» выходила в осенних номерах газеты «Солдат революции». Автор писал под псевдонимом «Дядя Вася» [9]. Основная цель, преследуемая автором, – это в жесткой карикатурной форме высмеять противников большевиков как внутри страны: «кадетов», «генералов», так и за ее пределами – «англичан», «германцев», «французов». В стихах часто воспеваются земледелец и рабочий, выступающие основой власти большевиков, основой Красной армии: «...Соль земли, соль народа!». В канун революционных праздников: годовщины Октябрьской революции, первомайских демонстраций, авторы писали большое количество стихотворений и рассказов революционного характера, в которых революция сравнивается с весной, т.е. с обновлением, возрождением, переходом к чему-то новому, но обязательно прекрасному. Например, «Весна революции» М. Субботина:

Эти алые знамена,
Этот говор, песни шум
Напевают миллионы
Возрожденных, новых дум
Призывают к возрожденью,
К новой жизни, к новым дням
И несут освобожденье
Всем измученным борцам... [11].

Встречаются стихи и рассказы, затрагивающие вопросы морали и нравственности. Несмотря на всю сложность военного времени, авторы в своих произведениях обращались к чувствам людей, к общечеловеческим ценностям. Например, стих – «Две правды» («Деревенская история») Ал. Алтаева [1]. Автор показывает две ситуации и пытается их проанализировать. Первая, когда барин прелюбо-

действует и это не считается грехом с точки зрения церкви. Вторая, когда молодые девушка и юноша полюбили друг друга, вскоре девушка родила ребенка, а молодой человек погиб на войне, не успев с ней обвенчаться. Молодую женщину в деревне заклеймили позором, и она вынуждена была уйти. Через какое-то время ее и ребенка нашли мертвыми. Автор искренне сочувствует девушке и ее ребенку и именно эту любовь воспевает как истинную. Тема любви к девушке, к матери становится очень актуальной в годы Гражданской войны. Женщине-матери, простой русской женщине, проводившей на фронт мужа и сыновей, пережившей горечь невосполнимой утраты, вынесшей на своих плечах нечеловеческие тяготы и невзгоды, но не потерявшей веры, посвящали поэты проникновенные строки. Полны теплоты и нежности стихи матроса С. Степанова, обращенные к матери:

Не плачь, родимая мамаша,
Не надо грудь свою терзать.
Такая, видно, доля наша,
Иль побеждать, иль умирать…
…И ты – иссохшею рукою
Благослови в последний бой.
Не плачь, увидимся с тобою
И жизнью заживем другой [10].

На страницах газет периодически появлялись философские стихотворения – рассуждения о роли человека в истории, о событиях, происходящих в стране. Например, стихотворение М. Джигана «Желание» в газете «Солдат революции» № 4 от 10 августа 1918 г. отмечает стремление человека совершить героический поступок ради свободы человечества: «Когда бы имел я могучие крылья, я в небе поднялся бы поближе к звездам! Но тщетны надежды, напрасны усилья, и сердце тоскует по красочным снам. Когда б я мог голосом с громом сравняться, я людям бы чудную песню пропел; я спел бы о тех, кто умеет сражаться за общее счастье, за общий удел...» [3].

В истории практически не сохранилось сведений о поэтах и писателях периода Гражданской войны – наших земляках. Один из немногих, о ком сохранились сведения, – это Игнатий Семенович Ломакин. Он родился 20 декабря 1885 г. (по старому стилю) в с. Ка-

менный Брод Царицынского уезда Саратовской губернии. Получил хорошее образование: два класса Мариинского земледельческого училища и Московский коммерческий институт. В 1906 г. Ломакин переезжает из Каменного Брода в Царицын, где принимает участие в массовке и попадает в полицию. Вскоре после этого он решает переехать в Москву. Здесь он издал книгу «Гримасы жизни. Картины, наброски». Октябрьский переворот резко изменил ситуацию в стране, свобода творчества стала условным понятием. Летом 1918 г. Ломакин пытался выпустить книгу «Подсолнечная республика», но готовый набор ее был рассыпан красными. Ломакин не разделял взглядов большевиков, и его произведения являются ярким тому подтверждением. Осенью 1918 г. Ломакин вернулся в Царицын и работал в газете «Борьба». Когда Царицын перешел в руки белых, в городе стала выходить газета «Неделимая Россия». С ней Ломакин сотрудничал уже не подневольно, писал заметки, фельетоны и юморески.

В годы Гражданской войны самым действенным стало слово поэтов-сатириков. Известным представителем сатирического жанра в Царицыне был Петр Михайлович Лямин. Тамбовский мещанин, за участие в событиях 1905 г. был выслан из Саратова в Царицын. По данным жандармского управления «за время проживания в Царицыне Лямин в политической жизни не известен, но знакомства ведет с лицами политически неблагонадежными». Лямин печатался в местных газетах – «Волго-Донском крае», «Царицынском вестнике» и др. Многие его сатиры затрагивали вопросы общероссийской действительности, писал он также и о Первой мировой войне. Большинство стихотворений и фельетонов посвящено Царицыну. К событиям 1917 г. Петр Лямин не остался безучастным. Февральскую революцию он приветствовал. Поведение мещан не вызывало у него восхищения. Поэт размышлял над настоящим и будущим России.

В вихре мощного крушенья
Все поставлено вверх дном.
Появились положенья
«Всех и вся» в краю родном.
Заменились взгляды, цели,
Изменился весь уклад.

Таракан ушел из щели
И не прочь от баррикад.
Караси в великом раже
Щук хватают за хвосты,
Дикобразы стали глаже,
Свиньи празднично чисты… [6].

30 июня 1919 г. Царицын был занят войсками Кавказской армии, которой командовал П.Н. Врангель. В период пребывания Кавказской армии в Царицыне издавались две газеты: «Неделимая Россия» и «Голос Руси». Газета «Неделимая Россия», первый номер которой вышел 4 июля 1919 г., являлась изданием Агитационно-информационного бюро штаба Кавказской армии. Газета «Голос Руси», скорее всего, была органом Саратовского отделения отдела пропаганды. Обе газеты публиковали оперативные сводки, постановления, приказы начальника гарнизона, коменданта г. Царицына, сообщали о событиях городской жизни, печатали стихи и фельетоны. В газете «Голос Руси» П. Лямин опубликовал стихотворение «За правое дело»:

За правое дело,
За матушку Русь
Бросайся в бой смело,
Не трусь!...
Взгляни, сколько всюду
Страданий и слез
российский Иуда
Принес.
Пойми, как ужасна
Отчизны стезя,
Что медлить безгласно
Нельзя… [6].

В отличие от периодической печати большевиков в белогвардейских газетах редко встречаются литературные произведения. Объясняется это тем, что белогвардейцы не придавали большого значения агитации и пропаганде среди гражданского населения. Форма подачи и характер произведений более сдержанны, нежели у большевиков. Чаще встречаются лирические стихи и рассказы с глубоким философским смыслом.

В 1919 г. в газете «Неделимая Россия» был опубликован фельетон В. Маркова «Не то к лешему»: «В богатом и сытом Царицыне, где, бывало, ели стерлядку всего за 30 коп. босые волжские грузчики в харчевнях на базаре, стало разыгрываться в лицах известное стихотворение Толстого (старшего) о дьяке, который обжирался в то время, когда голодал народ: “У приказных ворот собирался народ. Густо, Говорит в простоте, что в его животе. Пусто! Дурачье! – сказал дьяк, – из вас должен быть всяк. В теле! Еще в думе вчера мы с трудом осетра Съели!”». Далее автор цитирует чьи-то «нелегальные стихотворения», раскрывающие затронутую Толстым тему: «Комиссар жрет икру. Его вредна нутру Вобла. Осетрину он жрет, а рабочего бьет по лбу. Нам за каторжный труд комиссары дают корку, если ж станешь роптать, могут вмиг тебе дать порку» [7].

Литература периода Гражданской войны носила преимущественно классовый характер. В зависимости от идейных представлений, авторы литературных произведений призывали выступать кто за большевиков, кто за «генералов», при этом глубоко веря в выбранные идеалы. Несомненно, агитация, пропаганда, обличение противника были главными задачами противоборствующих сторон, но сами литературные произведения во многом являлись своеобразным отражением действительности, которая заставляла по новому смотреть на некоторые вещи, исторические события, были своеобразной рефлексией человека, на революционные события. Художественная составляющая большинства стихотворений и рассказов оставляет желать лучшего, потому что написаны они были не профессиональными поэтами, а обычными красноармейцами, решившими не остаться в стороне и высказать свое отношение к историческим событиям. При этом каждое произведение представляет собой маленький кусочек литературной мозаики, многогранной, во многом хаотичной, но непременно интересной, и дающей возможность погрузиться в атмосферу того неспокойного времени.

Источники и литература

1. *Алтаев А.* Две правды (Деревенская история) // Солдат революции. – 1918. – 23 авг. – № 14. Подшивка газет – подарок военного Совета Северо-

Кавказского военного округа С.К. Минину. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/30.

2. Говорят… // Солдат революции. – 1918. – 10 сент. – № 28. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/36.

3. *Джиган М.* Желание // Солдат революции. 1918. 10 авг. – № 4. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/9.

4. Красная винтовка // Солдат революции. 1918. – 7 дек. – № 102. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/207.

5. *Курпановский.* После грозы // Солдат революции. – 1918. – 16 сент. – № 34. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/40.

6. *Лепкова Е.А.* Литература в период Гражданской войны. [Электронный ресурс] https://dzen.ru/a/ZaFBLL33DF1zY5i0?ysclid=msd45o52k2282536367 (дата обращения: 01.08.2026).

7. Неделимая Россия. – 1919. – 17 июля. – № 23. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 327/3.

8. *Прудников А.* За честь и свободу народа // Солдат революции. – 1918. – 17 авг. – № 10. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/22.

9. Раешник // Солдат революции. – 1918. – 19 сент. – № 36. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/73.

10. *Степанов С.* Письмо к матери // Солдат революции. – 1918. – 23 авг. – № 14. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/30.

11. *Субботин М.* Весна революции // Борьба. – 1919. – 1 мая. – № 393. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/30.

12. *Ташун, Башкин И.* Последние счеты // Солдат революции. – 1918. – 7 авг. – № 1. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/4.

13. *Цейтлин А.Г.* Демьян Бедный // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Москва, 1929–1939 [Электронный ресурс] http://demyan-bedniy.ru/library/ceytlin-demyan bedniy.html (дата обращения: 01.07.2026).

14. *Чарков Б.* Марсельеза бедноты / «Солдат революции. – 1918. – 17 авг. – № 10. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/22.

15. *Шманов А.* Беседа генерала Краснова с Господом Богом // Солдат революции. – 1918. – 14 авг. – № 7. Фонды музея-заповедника «Сталинградская битва». КП 14629/16.

E.A. Lepkova

FICTION AND POETRY OF THE CIVIL WAR PERIOD IN THE PAGES OF TSARITSYN NEWSPAPERS (BASED ON THE MATERIALS OF THE "BATTLE OF STALINGRAD" MUSEUM-RESERVE)

Annotation. This article provides an overview of the diversity of themes and images in poetry and prose in newspapers published in Tsaritsyn in 1918–1919. The author emphasizes that agitation, propaganda, and denunciation of the enemy were the primary goals of the warring parties, but the literary works themselves were in many ways a unique reflection of reality, which forced a new perspective on certain things and historical events, and were a unique human reflection on revolutionary events. The work primarily uses materials from the Battle of Stalingrad Museum-Reserve.

Keywords: fiction, Tsaritsyn, Civil War, poetry, newspapers.

УДК 94.47

М.В. Оськин

БОРЬБА ЗА МЯСНОЙ ПАЕК: ОТКОРМ СКОТА ДЛЯ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Продовольственное снабжение фронта в годы Первой мировой войны заключалось в своевременной поставке в действующую армию разнообразной номенклатуры продуктов. Одним из наиболее важных продуктов, наряду с хлебом, являлось мясо. В военный период народное хозяйство России столкнулось с нехваткой достаточного количества мяса, требовавшегося войскам. Поэтому применялись разные методы решения данной задачи, в том числе и откорм скота, чтобы минимизировать ущерб от убоя животных, тем самым сохраняя отечественное стадо крупного рогатого скота на послевоенный период.

Ключевые слова: Министерство земледелия, военное интендантство, откорм скота, откормщик, крупный рогатый скот, мясной паек.

Продовольственное снабжение фронта во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. стало одной из важнейших задач в деле достижения победы. Постоянно увеличивавшаяся в численности

действующая армия требовала все больших объемов снабжения продуктами питания, производство которых легло на сельское хозяйство. Одной из основных составляющих воинского пайка было мясо. Желание решить исход войны одним ударом, помимо прочего, подтолкнуло российское военное интендантство к повышению мясного пайка в сравнении с довоенным периодом в два раза – с полуфунта до фунта (410 г).

Такой паек продержался около двух лет, так как в первую половину войны русская действующая армия не испытала особенных проблем с мясным снабжением, хотя по своим объемам армия потребляла почти столько же мяса, сколько все население империи до войны. В первый год конфликта отвечавшее за закупки продовольствия для армии Министерство земледелия с помощью высоких заготовительных цен сумело насытить армию мясом, а с лета 1915 г. в период Великого Отступления на питание армии шел беженский скот, эвакуируемый с оставляемых территорий Польши, Литвы, Галиции и Западной Белоруссии.

Скота оказалось столь много, что проблема заключалась не в поставках мяса войскам, а в сохранении отведенного в тыл поголовья. Именно теперь в полный рост встал вопрос об откорме скота, на что военным интендантством отводилось полгода. В середине 1915 г. главный начальник Минского военного округа Е.А. Рауш фон Траубенберг телеграфировал, что «земства Могилевской, Смоленской, Калужской, Орловской губерний могут принять на зимнее содержание до 200 тыс. голов скота» [2, л. 1–2]. В свою очередь, главный начальник снабжений Северо-Западного фронта Н.А. Данилов просил Новгородскую губернскую управу «прийти на помощь размещением и содержанием рогатого скота до 100 тыс. голов». Тверскому земству предлагалось взять на содержание 50 тыс. голов скота и овец: на 30 сентября было изъявлено желание взять на содержание 19 135 голов крупного рогатого скота и всего 706 овец. Проблемой при этом стали эпизоотии: «скот прибывал в губернию после нескольких месяцев хронического голодания и зараженным злокачественным ящуром, результатом чего была высокая смертность» [15, л. 13, 23–25].

Откормщики не всегда имели финансовые средства на приобретение подорожавшего фуража, требуя его от властей, раз скот яв-

лялся казенным. Между тем важность откорма не вызывала сомнений, так как за зиму 1916 г. действующая армия существенно пополнилась в численности и готовилась к активной весенне-летней кампании. Письмо профессора П.Н. Кулешова из Липецка от 24 мая по вопросу о реквизиции скота утверждало, что в данный момент откормленного скота нет, а реквизиция тощего скота – «есть уничтожение нашего скотоводства и преступление перед армией» [5, л. 56].

В начале XX столетия хлебный экспорт, вымывавший из России не столько излишек хлебов, сколько требовавшийся для нормального питания населения объем зерна, имел следствием и кризисные явления в отечественном животноводстве как результат нехватки зернового фуража. То есть «постоянный недостаток кормов привел к деградации скота, к увеличению числа малорослых, легковесных и низкопродуктивных животных» [17, с. 286]. Поэтому вопросы откорма скота теми или иными суррогатами (так как зерно вывозилось на экспорт) поднимались и до войны. В 1914 г. были проведены опыты откорма скота под общим руководством инспектора по сельскохозяйственной части Д.М. Бодиско. Особенно удачным явилось применение пареной свеклы (удешевление производства пуда мяса на один рубль). Неплохо показала себя кукуруза (дешевле на 60 коп.), в то время как «картофель является наиболее дорогим, а следовательно, наименее выгодным материалом для откорма, даже при условии высокого процента привеса животных» [16, с. 1256].

Дабы не нарушать работу сельского хозяйства, заготовку скота для армии весной 1916 г. передали в руки земств, проводивших разверстание скота по районам и покупавшим его по поручениям военного интендантства. Летом, когда русские армии атаковали противника (Брусиловский прорыв) и фронт требовал усиления снабжения, на первый план выдвинулась проблема инфраструктурного обеспечения, так как за весну скот худо-бедно удалось подкормить. В своей работе земства столкнулись с такими трудностями, как «несвоевременная подача к станциям сдачи подвижных составов и запаздывание прибытия ко дням сдач интендантских команд и приемщиков». Примечательно, что решить эту задачу окончательно так и не удалось – подгоняемый к станциям скот далеко не сразу отправлялся войскам, а фуража здесь, как правило, не было подготовлено. Так, в октябре, когда фронт стал застывать в позиционной борьбе,

председатель курской губернской земской управы жаловался, что «переданный уездными земствами военному ведомству скот подолгу стоит при станциях погрузки, голодает за трудностью корма его в гурте, теряет в весе, падает или же разбегается за отсутствием надлежащим образом оборудованных при станциях стоянок скота». Формально скот сдан интендантству, но земство не может смириться с тем, что наносится ущерб стране и армии [8, л. 86–87].

Получая все новые наряды (требуемые объемы заготовок) от интендантства, Министерство земледелия пыталось, с одной стороны, сохранить поголовье на долженствующем уровне, а с другой – должно было проводить закупки. Соответственно, чем большим весом обладал скот, тем меньшее количество голов было бы изъято из народного хозяйства для нужд войск. Циркулярная телеграмма отдела заготовок Министерства земледелия (Заготосель) в губернские земские управы от 18 июня констатировала, что «уменьшение количества крупного рогатого скота в империи вызывает необходимость изыскивать меры к возможному увеличению мясного запаса и сохранения тем самым нашего скотоводства от чрезмерного истощения». Основная мера – откорм убойного скота «в целях сокращения количества подлежащих убою животных за счет увеличения прироста мяса и сала». В качестве питания следует активно применять жом (отходы производства) с сахарных заводов, который не используется, почему следует «приступить теперь же к закупке у населения тощего скота с тем, чтобы за счет и риск казны поставить этот скот на откорм в имеющиеся в губернии сахарные заводы» [3, л. 210].

Данную задачу сознавали и в военном интендантстве, отвечавшем за непосредственный гон закупленного скота к войскам на театре военных действий. Так, доклад заведывающего резервными полевыми гуртами скота от 26 июля говорил, что в настоящее время принимаемый скот – худой, так как летом корма хуже, а крестьяне держат скот на выпасах, где он тощает. Для откорма скота требуется не менее 2,5 месяцев, почему надо «теперь же приступить к усиленной заготовке скота и постановке его на откорм при сахарных заводах». Интендант предлагал немедленно приступить к заготовке скота, истощенный скот поставить на откорм на сахарные заводы, организовать бойни при заводах, «дабы немедленно по наступлении морозов начать убой откормленного скота для армии» [18, л. 70–71].

О возникающих перед земствами проблемах говорит июньская телеграмма тамбовского уполномоченного К.Н. Пескова: «откорм скота на заводах не производится, на выпасах откармливается скота очень мало, так как твердые цены не предусматривают разницы расценки по упитанности скота» [9, л. 112]. Говядина являлась главным видом мясного довольствия, но уже с 1915 г. постепенно стали закупаться свинина (ранее использовалось только сало), а затем рыба и птица. Телеграмма Заготоселя губернским земствам и местным уполномоченным от 24 июня предписывала всячески поощрять откорм свиней для нужд армии, так как «свиное мясо и сало требуется для армии в неограниченном количестве». Откорм поросят и свиней, «предназначаемых для сдачи земствам, не должен производиться какими-либо продуктами, оставляющими дурной запах и привкус в мясе и сале (как то: рыбой, падалью и т.п.)» [14, л. 32–33].

Преобладание реквизиционных мер в деле заготовок скота в связи с инфляцией являлось несомненным, и летом 1916 г. Министерство земледелия вырабатывало правила применения этих мер. Во время работы Особой комиссии по установлению принципов разверстки скота в начале июля было обращено внимание, что «ввиду увеличения цен параллельно увеличения живого веса население более склонно сдавать при реквизиции более взрослых животных с большим живым весом, но менее упитанных. Между тем как для армии важнее получить более упитанных животных. Такое положение приводит к уничтожению более крупного, а следовательно, и более лучшего и продуктивного скота, что едва ли желательно с общехозяйственной точки зрения». Поэтому заготовительные органы должны следить за тем, чтобы для армии сдавался максимально откормленный скот [12, л. 2–3].

Между тем владельцы старались более упитанный скот отправлять на нужды городов, где на рынке действовали вольные цены, а власти закупали по установленным ценам, которые, естественно, были меньше вольных. Не желая терять прибыль, скупщики скота увиливали от интендантских закупок. Все тот же уполномоченный Песков 13 августа телеграфировал в Заготосель, что доставляемые земствами скот и овцы – «чрезвычайно тощи». Создается впечатление, что земствами для нарядов «выбирается исключительно мало-

весный скот и тощие овцы с бесшерстной овчиной, бракуемой покупателями». Между тем «главный контингент поступающего скота составляют молодняк и дойные коровенки, в то время как на городские бойни промышленники доставляют скот несравненно лучшего качества» [9, л. 140].

Действительно, летом 1916 г. земства стали активнее заготавливать овец, так как однокоровные хозяйства освобождались от реквизиций скота, и большинство крестьянских дворов уже были однокоровными (большие дворы даже специально делились, чтобы избежать реквизиции коровы) [11, л. 103]. Годом позже, в августе 1917 г., совещание представителей уездных земств Курской губернии «высказало особое пожелание, чтобы поставку для армий крупного рогатого скота заменить с сентября поставкой овец, считая, что последние в сентябре будут находиться в состоянии уже достаточной упитанности» [8, л. 71].

Наконец, в докладе от 17 сентября в Особое Совещание по продовольственному делу Заготосель сообщал: «в течение летнего пастбищного периода животные, принимаемые от населения для нужд армий, вполне удовлетворяли требованиям убойного скота. С наступлением же зимы при весьма высоких ценах на корма не только неизбежно значительное понижение качества поставляемого скота, но проводится необходимость принимать на нужды армии исхудалый скот… ныне, когда в связи с поставками на армию торговля скотом сокращена до крайности и откорм для частных предпринимателей в предстоящий зимний период является невыгодным и бесцельным, нужно ожидать со стороны хозяев особенно усиленной ликвидации скота путем продажи или заготовки мясных продуктов впрок для местных рынков и собственного потребления». Заготосель просил организовать откорм скота, предназначенного для армии: «малоупитанный скот дает при убое только около 40 % мяса (от живого веса), причем количество последнего в питательном отношении очень низкое, так как оно содержит от 50 до 60 % воды». По существующим твердым ценам за пуд живого веса наценка идет только за вес, а не за упитанность, и хозяину невыгодно его откармливать: «на практике получается, что животное худое, но большого роста и с развитым костяком оплачивается по повышенной цене, тогда как животное хорошо упитанное, но меньшего веса оплачи-

вается… даже ниже. В первом случае при убое получается 40–45 % плохого мяса, а во втором – 50–60 % значительно лучшего по качеству» [10, л. 236–241]. На следующий день Особое Совещание вынесло постановление о «необходимости всемерного улучшения качества мяса, поставляемого в армию», где предлагалось «одобрить общие принципы премировки владельцев и отдельных предпринимателей за откорм скота» [13, л. 12].

Нюансы предстоящей осенней заготовки скота для зимнего питания фронта показывают материалы Совещания уполномоченных Министерства земледелия в полосе Юго-Западного фронта 22 сентября 1916 г. в Харькове под председательством окружного уполномоченного южнорусских регионов гофмейстера С.Н. Гербеля. Гербель считал, что в целях сохранения скота следует повысить его откорм, делая это при сахарных заводах. Откорм происходит в срок до ста дней, то есть земствам следует досрочно заготавливать скот, гоня его на заводы. Главноуполномоченный по заготовке скота для армии Н.А. Мельников указал, что «основная цель откорма – производство максимума мяса – не должна быть забыта и в этом отношении следует использовать все возможности. Обстоятельства прошлогодней весны, когда заготовленный армиями скот доведен был до крайней степени истощения, надо считать нетерпимыми и крайне вредными в обстоятельствах переживаемого момента» [11, л. 100–101].

К ноябрю земствами был создан запас купленного скота; в это время крестьяне продавали скот дешевле, ввиду нехватки кормов, и этот скот уходил в города, где в связи с морозами покупали впрок и было где хранить дешевое мясо [9, л. 181]. Соответственно, интендантские органы далеко не всегда могли выдержать получавшуюся конкуренцию, не имея права платить больше установленных цен. Вдобавок, осенью 1916 г. железные дороги стали «пробуксовывать» и сданный для армии скот подолгу не могли вывезти со станций, почему вследствие нехватки фуража и инфраструктуры по содержанию животных начинались болезни и падеж [18, л. 283].

Следовательно, на очередь вновь встал все тот же вопрос – зимний откорм скота для армии. В декабре было решено открыть курсы по подготовке специалистов по откорму скота в Воронежской и Тамбовской губерниях. Изучение теории – в Липецке, а практика – на

Новопокровском свеклосахарном заводе графа А.А. Орлова-Давыдова при станции Мордово Тамбовской губернии. В Воронежской губернии в феврале 1917 г. на откорме находилось 2380 голов скота, и в Курской губернии – 5096 голов [10, л. 15, 175].

По поручению Министерства земледелия Д.М. Бодиско в конце 1916 г. обратился к земствам Тульской, Орловской и Курской губерний с предложением организовать откормочные пункты для скота. Им было признано: «Конца войне еще не видно, но стало на глаз заметным, сколь с каждым днем редеют когда-то обильные стада нашего скота, что угрожает тяжелыми последствиями в будущем как сельскому хозяйству, так и продовольствию городского населения всей России… Единственное верное средство увеличить возможно быстро количество мяса при наличном количестве скота – это изменение системы отправки на позиции сравнительно тощего скота и замена его отправкой скота, откормленного на правильных началах, после трехмесячного его предварительного откорма». В инструкции для откормщиков устанавливалось соотношение вероятных суррогатов: фунт дерти (зерно, измельченное зернодробилками и идущее на корм скоту без специальной очистки) зерновых хлебов по питательности = 1¼ фунта жмыха = 1,5 фунта отрубей. Фунт степного сена = 1,5 фунта яровой соломы = 1¼ фунта пшеничной половы = ¾ фунта сена люцерны = ⅓ фунта мучного корма. Однако из этого проекта почти ничего не вышло, ибо с мест сообщали, что скота для откорма не ставят ввиду отсутствия концентрированных кормов [10, л. 25, 36, 171].

Благие пожелания Министерства земледелия не работали в полную силу просто потому, что в стране не хватало фуражного питания – как полноценного (зерно, сено), так и суррогатов. Письмо профессора П.И. Кулешова от 10 января 1917 г. говорит, что из проекта Мельникова по откорму реквизированного скота ничего не вышло. На многих бойнях «солили мясо столь плохое, что можно сказать в бочки клали не солонину, а скелеты животных. Такая солонина не стоит бочек и соли, которые на нее истрачены». Закон же о реквизиции «уничтожил всякое стремление к откорму скота и вырвал из русского хозяйства крупный племенной скот и самых лучших рабочих волов. Более вредного закона не мог придумать для России и сам Вильгельм» [6, л. 180].

Из регионов доносили, что в стремлении выполнить реквизиционные наряды у владельцев могли забирать и стельных коров, что грозило оставить население не только без мяса, но и без молока [7, л. 114]. Поэтому крестьяне увеличивали поголовье овец и свиней, что производило впечатление устойчивого состояния отечественного животноводства. Между тем это происходило для того, чтобы удовлетворять потребности своей семьи в мясе и выполнять разнарядку по реквизиции, и, следовательно, такое увеличение не свидетельствует о развитии животноводства «вследствие того, что овцы и свиньи имеют гораздо меньшее хозяйственное значение, нежели лошади и коровы» [1, с. 174].

После Февральской революции ситуация с заготовками скота не изменилась, но ухудшилось дело снабжения, почему была сделана ставка на финансовое поощрение, так как поставки фуража падали с каждым месяцем. В 1917 г. казенный скот передавался на откорм земствам на следующих условиях: «скот должен содержаться на усиленном питании с обязательной ежедневной дачей концентрированных кормов, как то: жмыхов, отрубей или муки». При падеже от эпидемий откормщик ответственности не нес и ему доставался теленок при отеле коровы [4, л. 103].

Таким образом, в годы Первой мировой войны отвечавшие за продовольственное снабжение армии военное интендантство и Министерство земледелия предпринимали все возможные усилия, чтобы в надлежащей мере питать войска в окопах. Борьба за мясной паек, дававший белковую часть необходимых организму калорий, велась в том числе и в деле повышения качества поставляемого для армии крупного рогатого скота. Откорм скота должен был усилить поставки мяса войскам и одновременно сохранить стадо страны. Тем не менее предпринимаемые усилия не принесли значительных результатов в силу организационной неповоротливости имперской государственной машины.

Источники и литература

1. *Барынкин В.П.* Крестьянство западных губерний Центра России накануне Октябрьской революции: население, социально-экономические отношения, аграрно-крестьянское движение в 1917 году (по материалам

Калужской, Орловской, Смоленской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 1996.

2. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 580. Оп. 1. Д. 6130.

3. ГАОО. Ф. 666. Оп. 1. Д. 1.

4. ГАОО. Ф. 666. Оп. 1. Д. 4.

5. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055.

6. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068.

7. ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 416.

8. ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 441.

9. ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 489.

10. ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 592.

11. ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 605.

12. ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 418.

13. ГА РФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 69.

14. ГАТвО (Государственный архив Тверской области). Ф. 800. Оп. 1. Д. 3952.

15. ГАТвО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 10202.

16. Известия Министерства земледелия. – 1915. – № 51.

17. *Нефедов С.А.* История Российской империи. Факторный анализ. – Ереван, 2024.

18. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2009. Оп. 1. Д. 21.

M. V. Os'kin

THE STRUGGLE FOR MEAT RATIONS: FATTENING CATTLE FOR THE ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The food supply of the front during the First World War consisted in the timely delivery of a diverse range of products to the active army. Meat was one of the two most important foods along with bread. During the war period, the Russian national economy faced a shortage of sufficient meat required by the troops. Therefore, various methods were used to solve this problem, including fattening livestock, in order to minimize damage from animal slaughter, thereby preserving the domestic cattle herd for the post-war period.

Keywords: Ministry of Agriculture, military quartermaster, fattening of livestock, fattener, cattle, meat ration.

УДК 070:947.8(470.343)

О.М. Петров

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МАРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ФРОНТОВАЯ И ТЫЛОВАЯ ПЕЧАТЬ

Аннотация. В статье рассмотрена военно-политическая деятельность Центрального издательства мари (ЦИМ) в 1918–1921 гг. Анализируется его роль в организации марийской периодической печати, выпуске агитационных материалов. Представлен краткий обзор советской прессы на марийском языке, издававшийся в годы Гражданской войны. Делается вывод, что ЦИМ стало важнейшим инструментом, способствующим укреплению власти в регионе.

Ключевые слова: Центральное издательство мари, Гражданская война, марийская периодическая печать, Наркомнац, Красная армия, пресса.

Период Гражданской войны в России (1918–1921) стал временем, когда печатное слово превратилось в мощное оружие пропаганды, мобилизации и политического воспитания масс. Особое значение в этих условиях приобрела печать на языках нерусских народов, которая позволяла большевикам привлекать на свою сторону массы крестьян и солдат, ранее почти не участвовавших в политической жизни страны. Одним из важнейших центров такой агитационной работы стало Центральное издательство мари в Казани, действовавшее в 1918–1921 гг. и объединившее усилия марийских коммунистов, журналистов и политработников.

Важнейшим фактором, обусловившим необходимость создания издательского органа, стала военно-политическая обстановка. Гражданская война требовала проведения агитации как среди мобилизованных мари, так и в прифронтовой полосе, где значительная часть местного населения не владела русским языком. История Центрального издательства мари берет начало с общегосударственных преобразований, осуществленных советской властью в сфере национальной политики. 26 октября (8 ноября) 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), а уже во второй половине июля 1918 г. в его составе образован Цен-

тральный отдел мари (ЦОМ). Создание ЦОМ явилось прямым следствием решений Второго всероссийского съезда мари, прошедшего в июне 1918 г., на котором марийские делегаты высказались за необходимость иметь собственный представительный орган в структуре Наркомнаца [12, с. 191–193]. На ЦОМ возлагались задачи по проведению в жизнь советской политики среди марийского населения, организации печати и просвещения на родном языке, координации работы местных секций и подготовке административно-национальной автономии мари [6, л. 122–123].

После освобождения Казани от чехословацких войск (сентябрь 1918 г.) Центральный отдел мари развернул деятельность по формированию местных структур. Уже 24 сентября 1918 г. при казанском отделе мари Народного комиссариата по делам национальностей было принято решение об учреждении в его составе подотдела печати (в 1919 г. преобразован в Центральное издательство мари (ЦИМ), в структуру которого также включили секцию агитационно-политической работы [1, л. 22]. Уже через неделю после организации подотдела, 1 октября 1918 г., вышел первый номер газеты «Йошкар кече» («Красный день»). Первый номер открывался приказом № 1, в котором содержался призыв не оказывать помощи контрреволюционерам и выдавать их местоположение советской власти. Газета сразу же заняла активную военно-политическую позицию: на первой полосе были помещены лозунги «Шэмэр калӹк, погӹнӹза!» («Трудящиеся, объединяйтесь!») и «Советӹм пэнгӹдӹн кучӹза!» («Крепко стойте за Советы!»), а также статьи об освобождении Казани от «белочехов», о преступлениях белогвардейцев и призывы к помощи Красной армии [8].

В первые месяцы деятельности подотдел развернул массовый выпуск агитационной продукции. В октябре 1918 г. указывалось, что были переведены и напечатаны следующие листовки: «Цена крови», «Кто за их спиной», «Воззвание к крестьянам», «Что мы празднуем сегодня (25 октября)» – каждое тиражом по 3000 экземпляров [2, л. 2]. Эти агитационные материалы разоблачали политику белогвардейцев и интервентов, призывали крестьян вступать в Красную армию и поддерживать продовольственную диктатуру. Особое внимание уделялось мобилизационным призывам, в газетах и листовках подчеркивалась мысль, что только советская

власть даст марийскому народу свободу, а потому ее надо защищать с оружием в руках.

Важным направлением стало установление связи с воинскими частями. Сотрудники отдела мари и его подотдела печати активно взаимодействовали с Казанским губернским военкоматом и политотделами формирующихся частей. Они организовывали доставку газет и листовок в казармы, а также направляли агитаторов для проведения бесед среди красноармейцев-мари [3, л. 1]. Агитационно-политическая секция занималась подготовкой агитаторов и организацией митингов в военных частях и марийских деревнях. Так, в отчете за декабрь 1918 – январь 1919 г. сообщалось, что было проведено несколько митингов в войсковых частях, а также организованы агитационные поездки в марийские уезды [5, л. 32].

Одним из важнейших шагов Центрального издательства мари в первые месяцы его деятельности стало создание газеты на горномарийском языке. Так как «Йошкар кече» издавалась на луговом наречии, горные мари, населявшие правобережье Волги (прежде всего Козьмодемьянский уезд), оставались вне агитационного поля большевиков. Необходимость издания на горномарийском языке была признана еще в ноябре 1918 г. на заседании Отдела мари в Казани, где постановили: «Издание газеты на горномарийском наречии признать принципиально необходимым... Выпускать ее в неделю один раз и в случае широкой потребности увеличить издание номеров. Приступить к изданию на средства Центрального отдела мари» [4, л. 17]. Однако практическая реализация затянулась из-за отсутствия кадров и шрифтов.

Только 17 января 1919 г. в Казани вышел первый номер газеты «Незерын шамакшы» («Голос бедняка») тиражом 2000 экземпляров. Первые выпуски редактировал В.А. Мухин, который одновременно руководил и «Йошкар кече» [11, с. 57–58]. С 17 августа 1919 г. редактором был официально утвержден в будущем известный горномарийский писатель и журналист Н.В. Игнатьев. В редколлегию входили также П.С. Шорин, С.Г. Эпин, О.А. Кольцова и другие сотрудники ЦИМ. С 11 сентября 1919 г. газета стала выходить под новым названием «Тӧр» («Правда»), а в мае 1920 г. редакция была переведена в Козьмодемьянск и газета стала издаваться непосредственно в центре горномарийской земли [11, с. 60].

Для военных нужд издание этой газеты имело важное значение. Газета активно публиковала материалы о ходе боевых действий, призывала к мобилизации, противодействовала белогвардейской пропаганде. Особое внимание уделялось мобилизации ресурсов: в номерах «Тӧр» регулярно печатались призывы сдавать хлеб для фронта, участвовать в субботниках, помогать семьям красноармейцев. Также публиковались сводки РОСТА, статьи о преступлениях колчаковцев, письма солдат. Например, в номере от 7 октября 1919 г. было опубликовано письмо красноармейца с призывом вступать в ряды Красной армии: «Если ты считаешь себя родным для рабочих и крестьян, не хочешь помочь вражески настроенным людям, желаешь сбросить навсегда цепь эксплуатации и идти по светлой дороге правды, – возьми в руки ружье и иди ко мне, в ряды Красной Армии...» [11, с. 107].

Сложно дать объективную оценку результативности газеты, тем не менее в отчетах Центрального издательства мари за 1920 г. отмечался неуклонный рост ее популярности среди населения. Ответственный редактор подчеркивал, что редакция никогда не копировала слепо материалы из других изданий, но всегда старалась переработать их, сообразуясь с особенностями марийской психологии [7, л. 27]. Важно также отметить, что данное издание стало первой газетой на горномарийском языке и послужило творческой площадкой для первых местных литераторов, сыграв значительную культурно-просветительную роль.

Особо важное значение имели газеты, выходившие непосредственно для красноармейцев-мари. Одной из таких газет стала «Йошкар салтак» («Красный солдат»), выпускавшаяся в Казани политотделом 2-й армии Восточного фронта. Весной 1919 г., в разгар колчаковского наступления, политотдел армии организовал издание газеты «Красный воин» сразу на пяти языках народов Поволжья – татарском, чувашском, удмуртском, кряшенском и марийском. Марийскую версию, получившую название «Йошкар салтак», редактировал В.А. Мухин, а в создании газеты участвовали Н.А. Алексеев, Н.Ф. Бутенин, А.К. Эшкинин, Л.В. Васильев и другие сотрудники Центрального издательства мари [10, с. 38]. Первый номер газеты вышел в конце апреля 1919 г. тиражом 3000 экземпляров, и за короткое время (до июня) удалось выпустить 24 номера [11, с. 121].

Газета носила ярко выраженный агитационно-мобилизационный характер: на ее страницах публиковались фронтовые сводки, призывы к защите советской власти, разоблачительные материалы о зверствах колчаковцев. Вместе с тем публиковались также стихи местных поэтов, народные песни и корреспонденции из марийских деревень, что показывало связь фронта и тыла. Например, в майском номере рассказывалось о работе драматического кружка в Ошламучашской школе, что поднимало боевой дух солдат, читавших о культурной жизни на родине [11, с. 120].

Деятельность Центрального издательства мари не ограничивалась Казанью и Козьмодемьянском. Оно выступало как координационный и организационный центр для создания марийских газет в других губерниях с компактным проживанием марийцев – в Вятской и Уфимской. ЦИМ направлял на места сотрудников, шрифты, бумагу, давал методические указания по содержанию и направлению изданий, обеспечивал связь с центральными партийными органами. В условиях Гражданской войны каждая новая газета становилась дополнительным орудием большевистской агитации, способствовала мобилизации населения и укреплению советской власти в прифронтовых районах.

Так, по инициативе Центрального отдела мари 17 января 1919 г. в Вятке была открыта губернская секция мари при отделе по делам национальностей. Уже 14 февраля 1919 г. секция выпустила первый номер газеты «Мари коммунист». Первый номер вышел тиражом 5000, а к лету тираж достиг 7000 экземпляров [11, с. 70]. С весны 1919 г. в связи с наступлением войск А.В. Колчака и мобилизацией сотрудников секции газета перешла в ведение политотдела 3-й армии Восточного фронта, став полноценным фронтовым изданием. Газета продолжала выходить, но уже с подзаголовком «Орган политотдела 3-й армии» и распространялась в войсках, а также среди населения освобожденных от белых районов. Как и в других марийских газетах того периода содержание «Мари коммунист» было подчинено задачам военного времени: мобилизация на борьбу с Колчаком, разоблачение белогвардейской пропаганды, укрепление дисциплины в армии и тылу. В передовой статье от 22 марта 1919 г. в разгар боев на Восточном фронте газета призывала всех встать на защиту Советской республики, забыв об усталости [11, с. 108].

Из-за острого дефицита бумаги (характерного для всех марийских изданий военного времени) и мобилизации сотрудников в августе 1919 г. выпуск «Мари коммунист» был приостановлен. Вместо нее с 28 апреля 1920 г. стала выходить новая газета – «Мари илыш» («Жизнь мари»), еженедельно, под редакцией В.И. Медведева. Газета продолжала освещать фронтовые события, призывала крестьян к выполнению продразверстки. Однако проблемы с бумагой и финансированием привели к ее закрытию в декабре 1920 г. [11, с. 75–76]. Несмотря на недолгое существование, обе газеты сыграли важную роль в укреплении советской власти в Вятской губернии, где марийское население было разбросано по нескольким уездам (Уржумский, Яранский, Малмыжский и др.) и нуждалось в оперативной информации на родном языке.

Наиболее масштабная работа развернулась в Уфимской губернии, где проживала значительная группа восточных марийцев. После освобождения губернии от колчаковских войск летом 1919 г. ЦОМ командировал в Бирск группу сотрудников: Н.А. Алексеева, В.Е. Бельского, П.И. Вавилова-Монари, В.М. Иванова [9, с. 99]. Их усилиями с 17 сентября стала выходить газета «Совет умландарымаш» («Известия Советов») как орган секции мари Уфимского губернского отдела по делам национальностей. С декабря 1919 г. редакция была переведена в Уфу, где были лучшие типографские возможности. Редакторами были Н.А. Алексеев (первые номера), а с 13 октября 1919 г. – В.Е. Бельский [9, с. 102].

Так как Башкирия стала в годы Гражданской войны ареной ожесточенных боев, больше всех о сражениях и преступлениях колчаковцев писала именно «Совет умландарымаш». Например, в номере от 11 октября 1919 г. приводились подробные описания расстрелов марийцев, грабежей и сожжения деревень при отступлении белых, что должно было вызвать ненависть к врагу и побудить активнее вступать в Красную армию [13, с. 170]. Газета также освещала крестьянские восстания в Уфимской губернии в 1920 г. Так, в деревне Акбарисово Кичкиняшевской волости Белебеевского уезда в конце февраля 1920 г. были убиты продотрядовец, сыновья местного учителя, военком, народный судья, жестоко избиты местные советские активисты. «Совет умландарымаш» на своих страницах осуждала восставших, призывала

сложить оружие и убеждала крестьян не поддаваться антисоветской агитации [13, с. 173].

В конце 1920 г. из-за нехватки бумаги и кадров редакция вновь была переведена в Бирск, где газета стала выходить нерегулярно. 15 января 1921 г. вышел последний № 56 «Совет умландарымаш», после чего газета была переименована в «Маяк». «Маяк» просуществовал недолго – до ноября 1921 г., и его выпуск был окончательно прекращен из-за отсутствия средств и бумаги [11, с. 95]. Несмотря на короткий срок существования, обе газеты сыграли важную роль в политическом просвещении и мобилизации восточных марийцев. Они стали единственным источником информации на родном языке для марийского населения Уфимской губернии.

Помимо Казани, Козьмодемьянска, Вятки, Бирска и Уфы, марийская печать в годы Гражданской войны издавалась также в Елабуге – уездном центре Вятской губернии (с 1920 г. эта территория вошла в состав Татарской АССР). Здесь с 12 мая 1920 г. секция мари при Елабужском уездном Совете выпускала газету «Тул» («Огонь») под редакцией М.Т. Терентьева [11, с. 83]. Хотя за полтора года вышло всего около 20 номеров и газета не отличалась регулярностью, она стала важным информационным средством для местных марийцев. «Тул» ориентировалась на крестьянскую аудиторию и освещала как военно-политические, так и хозяйственные вопросы. В ней публиковались призывы к защите советской власти, объяснялась суть продразверстки и перехода к продналогу, разоблачались враги. В одном из номеров (13 октября 1920 г.) говорилось: «Октябрьская революция пришла к нам как ураган, сбросила сидевших на нашей шее богачей, отдала все бразды правления в руки рабочих и крестьян... Открылась возможность догнать другие народы, преобразовать нашу жизнь. Друзья! Встаньте все против врагов Советской власти» [13, с. 169]. Короткий срок существования «Тул» был обусловлен нехваткой бумаги, кадров и последующей ликвидацией отдела национальностей в Елабуге, однако даже эти немногочисленные выпуски внесли свой вклад и стали важным средством агитации и просвещения для восточных мари в условиях Гражданской войны.

За годы Гражданской войны Центральное издательство мари в Казани стало главным центром марийской печати, непосред-

ственно выпуская не только газеты «Йошкар кече» и «Тӧр», но и координируя издание газет в Вятке, Уфе, Елабуге, а также фронтовые издания для красноармейцев. Всего за период с октября 1918 по 1920 г. ЦИМ издало более 150 наименований различной непериодической литературы – брошюр, листовок, воззваний, плакатов и книг политического, агитационного и просветительского содержания. Тираж каждого издания достигал 3–5 тыс. экземпляров, что в условиях острейшего дефицита бумаги и полиграфических мощностей было значительным достижением. Помимо газет, издательство выпускало учебники, сельскохозяйственные и медицинские брошюры, что способствовало не только агитации, но и просвещению населения, подъему его культурного уровня.

Военно-политическое значение деятельности ЦИМ трудно переоценить. Благодаря слаженной работе издательства и его сотрудников, многие из которых были мобилизованы в армию и работали в политотделах, марийское население получило доступ к оперативной информации на родном языке. Опыт, накопленный Центральным издательством мари в годы войны, стал фундаментом для создания областной печати после образования Марийской автономной области (1920) и подготовки журналистских кадров, которые в дальнейшем развивали марийскую литературу и журналистику. Таким образом, Центральное издательство мари выполнило не только культурно-просветительскую, но и важнейшую военно-политическую функцию, став эффективным средством большевистской агитации в годы Гражданской войны.

Источники и литература

1. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 15.
2. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 22.
3. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 24.
4. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 26.
5. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 29.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 33.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41.
8. Йошкар кече. – 1918. – 1 окт. – № 1.

9. *Петров О.М.* Марийская пресса на переломе эпох: история газеты «Совет умландарымаш» в 1919–1921 годы // Финно-угроведение. – 2025. – № 1 (69). – С. 96–109.

10.*Сануков К.Н.* Владимир Мухин-Сави: очерк жизни и деятельности. – Йошкар-Ола, 2013.

11. *Сергеев М.Т.* Возникновение и развитие печати в Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 2013.

12. Съезды народа мари: документы и материалы. 1917–2004 гг. – Йошкар-Ола, 2008.

13. *Шапиева Н.Н.* Создание советской периодической печати у восточных марийцев в годы Гражданской войны // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25 – С. 167–173.

O.M. Petrov

CENTRAL PUBLISHING HOUSE OF MARI DURING THE CIVIL WAR: FRONT AND REAR PRESS

Annotation. The article examines military and political activities. The Central Publishing House of Mari (CIM) in 1918-1921. His role in the organization of the Mari periodical press and the publication of propaganda materials is analyzed. A brief overview of the Soviet press in the Mari language, published during the Civil War, is presented. It is concluded that the CIM has become the most important tool contributing to the strengthening of power in the region.

Keywords: The Central Mari Publishing House, the Civil War, the Mari periodical press, the People's Commissariat for Nationalities, the Red Army, the press.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.

УДК: 93/94

О.Е. Ащеулов,
О.В. Утяшова

К ВОПРОСУ ОБ ЭВАКУАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В 1941–1942 гг.

Аннотация. В статье анализируется масштабная эвакуация населения, промышленного оборудования из зон, находящихся под угрозой немецкой оккупации, во время Великой Отечественной войны. Основное внимание уделяется организационным аспектам эвакуации, принятым государственными структурами мерам по обеспечению безопасности транспортировки, а также сложностям, с которыми сталкивались власти и население в этот период. Рассматриваются последствия эвакуации для укрепления обороноспособности и экономики СССР, что включает анализ влияния перемещения ключевых производственных мощностей и рабочих кадров на ход войны и дальнейшее развитие страны.

Ключевые слова: эвакуация, Великая Отечественная война, СССР, оборонная промышленность, население.

В истории Великой Отечественной войны значительное место занимает процесс масштабной эвакуации промышленного оборудования, кадровых ресурсов и населения из зон, находящихся под угрозой немецкой оккупации, в более безопасные тыловые регионы СССР. Эта уникальная по своей масштабности и быстроте выполнения операция оказалась ключевым элементом, который не только спас, но и способствовал расширению возможностей советской оборонно-промышленной базы в наиболее критический момент войны. В условиях полного отсутствия заранее подготовленных мер по эвакуации на момент начала боевых действий СССР успешно справился с задачей быстрого и эффективного переноса значи-

тельных объемов производственных мощностей и рабочих кадров, что значительно повлияло на ход войны. В данной работе представлен анализ организации и реализации процесса эвакуации в условиях войны, особое внимание уделяется роли государственных структур, мерам по охране транспортировки и последствиям этих мероприятий для укрепления обороноспособности и экономики СССР.

До начала боевых действий в рамках Великой Отечественной войны в СССР не существовало специализированных планов эвакуации населения и объектов промышленности. Однако состояние данной сферы на начало описываемых событий свидетельствует о том, что определенная подготовка проводилась. 21 апреля 1941 г. было принято постановление о повышении местной ПВО Москвы, создав комиссию под руководством В.П. Пронина для разработки плана эвакуации, но Сталин отверг предложение о частичной эвакуации, призвав прекратить обсуждение темы до необходимости [2, с. 207]. С приближением фронта стало ясно, что необходимо спасать ресурсы и население от возможной оккупации. Уже 23 июня 1941 г. началась эвакуация техники с Московской печатной фабрики, а следующим днем был учрежден Совет по эвакуации, в который вошли выдающиеся политические фигуры. Этот орган занялся координацией переселения людей, предприятий и ценностей с территорий, угрожаемых захватом. Основным фокусом стала эвакуация производственных мощностей, сырья, продовольствия, а также специалистов и призывников. Оставленные ценности на оккупированных территориях подлежали уничтожению. Организацию перевозок, размещение и питание эвакуированных, а также их трудоустройство возложили на местные и центральные органы власти и НКВнуторг СССР [8, с. 93].

В ответ на угрозу немецкой агрессии руководство СССР утвердило дополнительные меры для защиты стратегически важных ресурсов. По указу Совнаркома началась операция по демонтажу и перевозке оборудования с промышленных предприятий. 27 июня Политбюро приняло решение о перевозке из столицы значимых активов, включая государственные запасы драгоценных металлов и камней, коллекцию алмазов и экспонаты Оружейной палаты. На следующий день было заявлено о планах по перемещению финан-

сов на сумму 9,3 млрд руб., что подчеркивало серьезность восприятия угрозы со стороны вражеских войск командованием СССР.

29 июня 1941 г. была принята директива о частичной перестановке наркоматов из Москвы, а также директива о неоставлении врагу транспорта и ресурсов в случае отступления Красной армии. 1 июля началась эвакуация радиостанций, а 2 июля были утверждены расходы на переезд производств и работников.

Условия перевода работников наркоматов были конкретизированы отдельным постановлением, включая правила переезда их семей. Несмотря на обстоятельства, 3 июля 1941 г. Постановлением № 4сс ГКО утвердило планы по артиллерийскому оружию и эвакуации заводов.

5 июля 1941 г. Правительство СССР постановлением № 1823-816сс утверждает положение «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы» и в этот же день принимает специальное постановление № 1825-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время». В вышеуказанных документах нормативно было закреплено решение о переводе важных архивов и одобрена инструкция по эвакуации населения, в том числе организации эвакопунктов и предотвращении беженцев в Москву. Местные органы власти обязаны были обеспечить размещение и заботу о прибывших [3, с. 114]. Также в этот день было принято решение о том, как будет проходить эвакуация семей высших военных и управленческих служащих, предусматривая для них свободу выбора нового места проживания, за исключением столицы и Ленинграда, и гарантируя предоставление всей необходимой поддержки и ресурсов.

7 июля Политбюро распорядилось эвакуировать 532 тыс. человек из Москвы и 500 тыс. из Ленинграда в течение пяти и двух дней соответственно [6, с. 19]. 8 июля было принято решение о переводе наркоматов, комитетов и управлений из Москвы. 9 июля Н.С. Хрущев предложил меры по уничтожению сельскохозяйственной техники и распределению ресурсов в зоне до 150 км от фронта, включая уничтожение невывезенного оборудования и запасов. Сталин 10 июля указал на необходимость уничтожения имущества только при отступлении, сохранения важных частей инфраструктуры и точечного подхода к эвакуации производств.

11 июля 1941 г. было принято постановление ГКО № ГКО-99сс, касающееся эвакуации промышленных объектов. В соответствии с этим документом эвакуационный совет сформировал список из 103 предприятий, подлежащих переносу. Эти предприятия были разбиты на две категории: 97 из них составили основную группу, а оставшиеся шесть вошли в дополнительную. Задача представителей народных комиссариатов заключалась в координации работы по эффективной загрузке, транспортировке и разгрузке оборудования и ресурсов, а также в обеспечении их сопровождения и установки на новых производственных площадках [5, с. 19].

16 июля 1941 г. произошли изменения в составе Совета по эвакуации, закрепленные постановлением ГКО № 407, которое подписал Сталин. Это действие подчеркнуло укрепление стратегического контроля над процессом эвакуации. В тот же день, когда были внесены изменения, Политбюро утвердило перемещение наркоматов из столицы, выделив для поддержки переселяемых лиц 10 млн руб. из государственной казны.

Особое внимание уделялось сохранению комплектности оборудования при демонтаже и перемещении, чтобы на новом месте можно было быстро восстановить производство. 26 сентября 1941 г. было учреждено Управление по эвакуации, задачей которого стало координация процессов организации, приема, размещения и обеспечения нужд эвакуированных лиц. Для выполнения этих функций управление сотрудничало с местными властными структурами республик, краев и областей [8].

Первые пять месяцев войны стали периодом интенсивной эвакуации, как ответ на быстрое продвижение немецких войск и оккупацию значительных территорий Советского Союза. В октябре 1941 г. ГКО поручило НКВД провести мероприятия по уничтожению оборудования предприятий, которые не могли быть эвакуированы из Москвы и Московской области, чтобы предотвратить его попадание в руки врага. Это было частью комплексных мер, направленных на сохранение промышленного потенциала страны и обеспечение фронта необходимыми ресурсами [3].

Архивные и нормативные документы периода Великой Отечественной войны указывают на выделение 1119 предприятий для эвакуации, разбитых на две категории: 412 предприятий обо-

ронного назначения, предназначенных для уничтожения взрывом, и 707 предприятий из гражданских секторов, предусмотренных к разрушению через механическое воздействие и поджог [1]. Сталин внес изменения, сократив список объектов для уничтожения, исключив те, которые не имели стратегической важности, в результате чего число сократилось до 335 предприятий в Москве и области. Одновременно ГКО утвердило меры по эвакуации важных оборонительных заводов и других критически значимых объектов, что привело к перемещению в глубь страны свыше 564 тыс. рабочих и их семей, с общим количеством эвакуированных из Москвы, достигшим 2 млн человек.

В условиях обостряющейся военной обстановки было принято решение об эвакуации столицы в Куйбышев и создано специализированное управление по эвакуации. Это предусматривало перевозку продовольственных запасов, оборудования и сырья из прифронтовых районов всеми доступными средствами транспорта. Важная роль в этом процессе отводилась железнодорожному транспорту, охрана которого была усилена чекистскими структурами НКВД.

Кроме того, было восстановлено экономическое управление НКВД и реорганизовано управление внутренних войск для охраны стратегически важных объектов. Совнарком СССР утвердил график восстановления эвакуированных заводов, с приоритетом на оборонную промышленность. Эвакуация предприятий в тыловые регионы стала возможной благодаря координации усилий наркоматов и Совета по эвакуации, несмотря на крайне сложные условия, включая строительство на пустом месте в суровых погодных условиях. К окончанию 1941 г. успешно перебазированы и возобновили свою работу многие эвакуированные производства, включая 122 завода авиационной отрасли, 43 танковых и 71 предприятие по производству вооружений, распределенные по безопасным тыловым зонам. Это подчеркивает масштабные и результативные действия, направленные на сохранение и укрепление оборонительных способностей СССР в реальных военных условиях.

Быстрая и эффективная эвакуация оборудования и рабочих сил способствовала формированию сильной военно-промышленной инфраструктуры на территориях, удаленных от фронта. В это время

происходила полная перестройка экономики СССР, целью которой было снабжение военных нужд страны необходимыми ресурсами.

К концу весны 1942 г. изменения в военной ситуации снова сделали актуальным вопрос организации эвакуации. На этот раз действия были ограничены меньшим регионом и проводились в сравнительно уменьшенных объемах, затрагивая в основном Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и территорию Северного Кавказа.

22 июня 1942 г. Постановлением ГКО № 1922 была создана специальная комиссия по эвакуации, в которую вошли такие значимые фигуры, как Н.М. Шверник (в качестве председателя), А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, Б.Н. Арутюнов, П.А. Ермолин и В.Н. Меркулов. Комиссия, используя накопленный опыт переселения производственных мощностей и населения 1941 г., координировала возобновление работы эвакуационных пунктов, баз и комитетов, организованных в начале войны.

На заседании комиссии, проходившем 26 июня 1942 г., Микоян представил доклад Сталину, в котором указал, что действующий указ о перемещении гражданского населения на расстояние 30 км от линии фронта касается исключительно Южного и Юго-Западного направлений. Он акцентировал внимание на необходимости расширения этой меры безопасности на Брянский фронт. Помимо этого, Микоян предложил установить для фронтов на Западе и на Северо-Западе, более короткую зону эвакуации, предлагая ограничиться радиусом от 10 до 20 км от фронтовой линии, что, по его мнению, будет достаточно для обеспечения безопасности в данных районах.

4 июля 1942 г., в ответ на обострение обстановки, ГКО утвердил начало эвакуации средств производства, готовой продукции, материалов и сотрудников заводов, управляемых Наркоматом черной металлургии, из Воронежской области. Это решение давало Наркомчермету полномочия на перемещение не только активов, но и персонала вместе с их семьями. Для перевозки 2676 вагонов, загруженных оборудованием, продукцией, материалами и персоналом, Народный комиссариат путей сообщения должен был обеспечить транспорт. Также на Народный комиссариат обороны возлагалась обязанность мобилизации рабочих заводов и создания из них тру-

довых колонн, которые отправлялись бы на Урал для продолжения работы на предприятиях Наркомчермета. В свою очередь Народный комиссариат торговли отвечал за обеспечение эвакуированных людей продовольствием на старте и питанием, включая хлеб и горячие блюда, в процессе перемещения.

27 июля 1942 г., по решению Государственного комитета обороны, было организовано взаимодействие между НКВД и Наркоматом нефтяной промышленности для выполнения специальных операций на Грозненском нефтеперерабатывающем заводе с целью предотвращения его остановки [6, с. 21]. Для этого на выбранных объектах формировались специальные группы, состоящие из агента НКВД, руководителя и представителя партии, которые разрабатывали детальные планы действий. В их задачи входила организация поставок необходимых взрывчатых материалов и оборудования для их использования. Кроме того, на объектах обеспечивалось постоянное присутствие специально назначенного персонала для участия в операциях. Время начала выполнения заданий определялось Военным Советом Северо-Кавказской зоны, который обеспечивал, чтобы команды имели не менее 48 часов на подготовку.

14 августа 1942 г. Государственный комитет обороны принял Постановление № 2173, которое было похоже на предыдущее постановление и касалось подготовки к возможной остановке деятельности объектов, занимающихся добычей и переработкой нефти в Баку, в том числе скважин, хранилищ и заводов, которые не подлежали эвакуации до начала операций. В рамках мероприятий Великой Отечественной войны ответственность за подготовку к потенциальной приостановке работы данных объектов была возложена на заместителя народного комиссара внутренних дел СССР В.Н. Меркулова и заместителя народного комиссара нефтяной промышленности Н.К. Байбакова.

В заключение можно отметить, что масштабная эвакуация в СССР в период 1941–1942 гг., несмотря на сопутствующие трудности и потери, оказалась решающим фактором в сохранении жизней миллионов людей и критически важных производственных ресурсов. Эта операция не только предотвратила захват значительных человеческих и промышленных ресурсов немецкими оккупационными силами, но и способствовала укреплению оборонной мощи

и экономической стабильности СССР в самые тяжелые военные годы. Осуществленная эвакуация позволила быстро восстановить и даже расширить производственные мощности в безопасных тыловых регионах, что сыграло ключевую роль в дальнейшем военно-промышленном потенциале страны. Таким образом, несмотря на значительные вызовы и жертвы, процесс эвакуации демонстрирует выдающуюся способность советской системы управления и логистики к мобилизации и адаптации в условиях экстремального давления военного времени.

Источники и литература

1. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Эвакуация и восстановление предприятий Наркомата вооружения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2022. – № 4 (77). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-i-vosstanovlenie-predpriyatiy-narkomata-vooruzheniya-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 09.04.2024).

2. *Гусев А.В.* Местная противовоздушная оборона Москвы в первом периоде Великой Отечественной войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2011. – № 7(102). – С. 205–213.

3. *Демидов А.М.* Эвакуация производительных сил СССР в начале Великой Отечественной войны и органы госбезопасности // Власть. – 2009. – № 3. – С. 112–115.

4. *Ермолов А.Ю.* Эвакуация предприятий советской танковой промышленности в 1941 г.: уникальное историческое явление или масштабная неудача? // Вестник РУДН. История России. – 2010. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-predpriyatiy-sovetskoy-tankovoy-promyshlennosti-v-1941-g-unikalnoe-istoricheskoe-yavlenie-ili-masshtabnaya-neudacha (дата обращения: 09.04.2024).

5. *Кантор Ю.З.* Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. – Москва, 2019. – С. 9–54.

6. *Куманев Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

7. *Мозохин О.Б.* Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 1 (12). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

evakuatsiya-naseleniya-obektov-promyshlennosti-i-kulturnyh-tsennostey-iz-prifrontovoy-zony-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 09.03.2025).

8. *Мухин М.Ю.* Эвакуация авиапромышленности в 1941 г. // Вестник РУДН. История России. – 2012. – № 3. – С. 86–98.

O.E. Ashcheulov,
O.V. Utyashova

ON THE ISSUE OF THE EVACUATION OF INDUSTRY IN THE USSR IN 1941-1942

Annotation. The article analyzes the large-scale evacuation of the population and industrial equipment from areas under threat of German occupation during the Great Patriotic War. The main focus is on the organizational aspects of the evacuation, the measures taken by state bodies to ensure the safety of transportation, as well as the difficulties faced by the authorities and the population during this period. The consequences of the evacuation for strengthening the defence capability and economy of the USSR are examined, which includes an analysis of the impact of the relocation of key production facilities and workforce on the course of the war and the country's further development.

Keywords: evacuation, Great Patriotic War, USSR, defense industry, population.

УДК 355.484

А.Г. Бахтин

В БОЯХ ЗА ВЕЛИКИЕ ЛУКИ И АНДРЕАПОЛЬ (НЕДОЛГАЯ ВОЙНА КРАСНОАРМЕЙЦА ЕРИНА)

Аннотация. В статье рассказывается о судьбе павшего в 1941 г. в боях за Родину солдата-разведчика Александра Павловича Ерина и его боевого друга Григория Федоровича Арсибекова, уроженцев Санчурского района Кировской области, воевавших в составе 776-го стрелкового полка 214-й стрелковой дивизии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 год, 214-я стрелковая дивизия, 776-й стрелковый полк, А.П. Ерин, Г.Ф. Арсибеков, Великие Луки, Андреаполь.

Существует город с непривычным для средней полосы России античным названием – Андреаполь. Сразу же всплывает в памяти греческий город Адрианополь, современный Эдирне в Турции. Однако ничего греческого в наименовании города в Тверской области нет, это случайное совпадение. Еще в XVII в. здесь было поле, принадлежавшее некоему Андрею, про которое говорили – Андрея поле, появившееся там поселение так и называли, и оно со временем преобразовалось в благозвучное «античное» – Андреаполь.

Место это связано с гибелью в 1941 г. моего деда по матери Александра Павловича Ерина. Погиб он в д. Столбино, которую на картах отыскать никак не удавалось. И только обратившись к картам периода Великой Отечественной войны, понял, где располагалась ныне уже не существующая деревня.

В 2015 г. впервые приехал в небольшой городок Андреаполь (7500 жителей) на берегу Западной Двины. Познакомился и пообщался с заведующим краеведческого музея Валерием Викторовичем Линкевичем. Поговорили об обороне Андреаполя в 1941 г., работе музея, поисковой деятельности. Произвело впечатление знание им массы интересной и ценной информации, пожалел, что все это не записано и не опубликовано. Затем последовали поиски в архивах, по публикациям и в Интернете. Судьба деда в общих чертах стала понятной, хотя о многом до сих пор приходится догадываться и домысливать.

Собирать сведения приходилось из разнообразных источников, долго считал, что материала недостаточно. Его и сейчас недостаточно, но все же намного больше, чем в начале поиска. Пока аккумулировал известия, дочь Анастасия написала небольшую статью на конкурс во Дворце творчества детей и молодежи. Она была отмечена и опубликована как одна из лучших в газете «Йошкар-Ола» под рубрикой «75-летие Великой Победы» [3].

Александр Павлович Ерин родился 7 декабря 1905 г. в многодетной крестьянской семье в д. Студёново, в советское время Люйского сельсовета Санчурского района Кировской области. Отслужил срочную службу в РККА, видимо, в конце 1920-х гг. Вспоминали, что долго в чулане перекидывали с места на место его буденовку с красной звездой, в которой он вернулся со службы. В колхозе «Борец» работал плотником в артели, ездили по району и строили что

Красноармеец Ерин Александр Павлович

требовалось – школы, клубы, дома и т.п. В июне 1941 г. в родной деревне возводили школу, торопились сдать до начала учебного года. Колхозники мало интересовались политикой, и радио отсутствовало, поэтому известие о начале войны встретили как гром среди ясного неба. Уже 29 июня его и Григория Федоровича Арсибекова, 1916 г.р., участника советско-финляндской войны, призвали на военную службу. Их пришли провожать всей деревней. Впоследствии повестки стали таким заурядным явлением, что людей на проводы приходило все меньше, а затем и вовсе только члены семьи. Интересно, что повестки выписывались и на коней, которых отправляли на войну как людей. Полтора месяца проходили обучение в небольшом г. Слободском под Кировом. Александр писал письма, из которых следовало, что он жил заботами мирного времени, переживал за дочь Агнию, 1935 г.р., и беременную жену Людмилу, спрашивал о деревенских, кого еще призвали.

Где-то там в Слободском пересеклись пути деда и 15-летнего Гриши Булатова. Солдаты шли строем с песнями по улицам и занимались военной подготовкой. На них смотрели и завидовали сотни мальчишек, которым тоже хотелось защищать Родину, но возрастом они еще не подходили для военной службы. Подростки переживали, что вот эти бравые солдаты успеют победить фашистов и им

молодым не удастся повоевать и совершить подвиги, прославиться. Тогда никто не мог знать, что почти все эти солдаты погибнут в боях долгой и кровавой войны, а Григорий Петрович Булатов через два года станет разведчиком и, совершив много подвигов, 30 апреля 1945 г. в 14.25 первым водрузит Красное знамя на крыше Рейхстага, более чем на полусутки опередив М. Кантарию и М. Егорова, закрепивших флаг на шпиле.

Пришло время отправляться на фронт, последнее письмо послано с дороги со станции Шахунья. В Санчурск оно пришло 12 августа. В середине августа пополнение зачислили в 214-ю стрелковую дивизию (генерал-майор А.Н. Розанов) в 776-й стрелковый полк 51-го стрелкового корпуса 22-й армии генерала-лейтенанта Ф.А. Ершакова Западного фронта маршала С.К. Тимошенко. О трагических и героических страницах истории 22-й армии имеется литература как отечественных, так и зарубежных авторов [5; 10; 11; 12; 13].

Шли бои за Великие Луки. Город в июле был захвачен немцами, но советские части смогли его отбить и уже месяц удерживали, отбивая вражеские атаки. Советское командование посчитало, что прибывшее пополнение достаточно усилило войска и 21 августа начало наступление. Основной удар наносился силами 29-го и 62-го стрелковых корпусов. 51-й стрелковый корпус (336-й стрелковый полк, 48-я танковая дивизия, 214-я стрелковая дивизия) должен был сковать противостоящие части противника активной обороной. 21 августа часть сил 214-й стрелковой дивизии перешила в наступление в южном направлении. К концу дня удалось продвинуться на 3–5 км в направлении Поречье – Невель. Александр и Григорий стали разведчиками и несколько раз ходили в тыл к противнику, захватывали пленных, добывали важные сведения для наших войск. Первый поход был удачным, взяли «языка». В следующий раз задание выполнили, но понесли потери.

Соотношение сил оказалось не в пользу советских войск. 22 августа юго-восточнее города противник силами 19-й и 20-й танковых, 102-й и 256-й пехотных дивизий перешел в контрнаступление, прорвал фронт 22-й армии и стал обходить наши части. Попытка 62-го стрелкового корпуса и 179-й стрелковой дивизии уничтожить прорвавшегося противника успеха не имела. К вечеру 23 августа

стало очевидно, что армия в окружении. Командарм отдал приказ прорываться на восток. Вели тяжелые бои за Торопец, к которому немцы вышли одновременно с нашими частями. Позднее в отчете Ершаков докладывал, что прорыв начался в ночь на 25 августа. При этом «во время движения артиллерия и автотранспорт подверглись сильному воздействию авиации противника, огня его артиллерий, минометов и танков. В результате большое количество наших артиллерии и автотранспорта было уничтожено на подходах и при прорыве, а частично – уничтожено самими частями. Пехота, прорвавшись вперед, не приняла эффективных мер к обеспечению полного выхода материальной части».

Наступление в этом направлении осуществляла немецкая группа Штумме. Непосредственно на Торопец двигалась 20-я танковая дивизия Штумпфа из 57-го моторизованного корпуса [1; 7] и правее 19-я танковая дивизия Кнобельсдорфа из 40-го моторизованного корпуса вместе со 102-й, 206-й и 256-й пехотными дивизиями. После завершения ликвидации окруженных сил разгромленной 22-й армии, 86-я, 251-я и 253-я пехотные дивизии 23-го армейского корпуса направились на север и северо-восток вслед за танковыми частями для прикрытия удлинившегося левого фланга группы Штумме. К 28 августа 214-я дивизия потеряла почти всю материальную часть и имела 2500 человек личного состава. Вместе с 48-й танковой дивизией, утратившей к тому времени все танки и вследствие этого преобразованной в стрелковую с тем же номером, безуспешно пытались отбить Торопец. «29 августа танковые части Штумпфа в результате непродолжительной атаки захватили Торопец и уже на следующий день продолжили наступление на расположенный на Западной Двине в 45 км к востоко-северо-востоку от Торопца Андреаполь» [5, с. 191]. В тылу советских войск и в их расположении действовали, по воспоминаниям ветеранов, диверсионные группы даже с танками и провокаторы, создававшие панику. Немцы наносили удары по тыловым частям и госпиталям. 7 сентября в своем отчете генерал Ершаков самокритично писал, что «наиболее серьезной ошибкой командования армии надо считать его отрыв от частей, что привело к потере управления войсками в самый ответственный период боя» [5, с. 162]. Так как командующий 22-й армией генерал Ершаков находился в окружении и утратил возможность управле-

ния[1], остатками армии поручили руководить генерал-майору Василию Александровичу Юшкевичу, ранее проявившему себя при командовании 44-м стрелковым корпусом. Его распоряжения вернуть Торопец не могли быть исполнены, немцы, преодолевая сопротивление разрозненных групп красноармейцев и оставляя их в тылу, наступали. Прорыв создал угрозу флангам и тылу 29-й армии генерал-лейтенанта И.И. Масленникова, которой дали приказ отступить и занять оборону по Западной Двине. 29 августа прошли сильные дожди, что ухудшило состояние грунтовых дорог, разбитых двигавшейся техникой. Возросло сопротивление отдельных групп советских войск. Все это затормозило немецкое наступление. Этого оказалось достаточно, чтобы окруженцы смогли пробиться на восток. Колонны отступающих постоянно подвергались атакам вражеской авиации и несли большие потери.

30 августа В.А. Юшкевич докладывал в Ставку: «22-я армия в боях в окружении в районе Великих Лук понесла большие потери, особенно материальной части. Все дивизии армии из окружения вышли численностью от 400 до 4000 человек с небольшим количеством орудий, станковых пулеметов, исчисляемых в ряде дивизий единицами». Вышла к Андреаполю и 214-я дивизия численностью около 800 человек. Впоследствии пробивались еще группы и одиночки. На 1 сентября в дивизии числился 2351 человек. Из техники только 24 автомобиля. На вооружении имелось 944 винтовки, три автомата ППД (пистолет-пулемет Дегтярева), два ручных пулемета ДП (Дегтярев пехотный) и один станковый. Из этого следует, что 1400 бойцов дивизии утратили даже личное оружие. Ершаков 7 сентября докладывал, что из 71 613 человек состава армии «вышло из окружения 20 025 человек, выведено раненых с 21 по 27 августа 7271 человек, не вышло 44 317, в эту цифру входят и убитые». Немцы сообщали о захвате к концу дня 27 августа 34 тыс. пленных. Американский историк Дэвид Гланц, анализируя причины разгрома 22-й армии, отмечает, что они заключались не только в просчетах командования армии, «все беды проистекали еще и из крайне неудовлетворительной боевой выучки как солдат, так и офицеров вплоть до командующих дивизиями, а также вследствие серьезной

[1] Генерал и его штаб смогли выйти из окружения только 5 сентября.

нехватки вооружений и техники, в частности противотанковой и полевой артиллерии и на полковом, и на дивизионном, и на армейском уровне» [5, с. 162]. Попытки остановить немецкое наступление советским командованием предпринимались. Выставлялись заслоны, осуществлялись контратаки, задерживались и направлялись на линию боевого соприкосновения разрозненные группы отступавших красноармейцев. Подтягивались немногочисленные резервы. Были даже случаи расстрелов командиров, не сумевших задержать врага. Так командиры 186-й и 48-й стрелковых дивизий за самовольное оставление позиций были преданы суду военного трибунала [5, с. 155]. Из политдонесения армии от 5 сентября известно, что командир 48-й дивизии полковник Д.Я. Яковлев, до этого проявивший себя при обороне Великих Лук, был расстрелян перед строем 214-й дивизии[2], командира которой тоже отдали под трибунал, но потом оправдали. Инспектировавшие войска Лестев и Маландин 31 августа докладывали: «одного командира мы расстреляли на месте». Однако это не помогало, а лишь усугубляло ситуацию, офицеров не хватало.

В каких условиях происходил выход из окружения бойцов 22-й армии подробно описал участник этих событий солдат Николай Григорьевич Ангенов, выходивший из окружения в течение 65 дней и только лишь 31 октября сумевший пробраться к своим. Он пишет, как плохо были обмундированы, экипированы и вооружены солдаты. Многие не имели хорошей обуви и даже шли босыми, не хватало обмундирования, и бойцы больше напоминали не военнослужащих, а партизан. Оружия мало. «Чего греха таить, надо сказать откровенно, – пишет Н.Г. Ангенов, – мы шли в атаку как говорят тремя эшелонами – первый эшелон с оружием, второй с саперными лопатами, а третий с кулаками». Бежавшие в атаку невооруженные солдаты должны были добыть оружие в бою, т.е. подобрать у погибших или раненых бойцов, вооружиться трофейным. Однажды Николая и сослуживцев отправили в засаду только с бутылками с зажигательной смесью. Они подожгли вражескую бронемашину, но выскочивший экипаж уничтожить было нечем. Более того, если бы немцы знали, что советским солдатам не из чего стрелять, они бы сами распра-

[2] Реабилитирован в 1958 г. «за отсутствием состава преступления».

вились с засадой, но в правильном сознании немецких солдат не допускалось даже предположения, что русские могут идти на задание практически безоружными. В своих воспоминаниях он рисует картины неразберихи в войсках и растерянности командования. Офицеры или вообще отсутствовали, или не брали на себя руководства. Окруженцы, скрываясь, шли лесами. В небе кружили немецкие самолеты, сбрасывая листовки с заманчивыми предложениями сдаться, по дорогам двигались бесконечные колонны вражеских солдат и техники. Местные жители чаще всего участливо относились к окруженцам – кормили, позволяли переночевать в тепле, давали что-то из одежды, подсказывали, как удобнее выйти к своим и не встретиться с немцами. При этом всегда было недоверие, т.к. некоторые соотечественники ругали окруженцев, требовали покинуть их селение из-за опасения наказания от оккупантов и даже агитировали сдаться в плен. И такие находились, но основная масса малыми группами и в одиночку, терпя голод и холод, преодолевая реки, вступая в столкновения с немцами, упрямо пробиралась на восток к линии фронта [4].

Видимо, что-то из этого пришлось пережить и Александру Павловичу. Однажды он попал в плен, но сумел убежать и вернулся через несколько дней в часть. Из этого следует, что выходили они из окружения более-менее организованно – своим подразделением. О пережитых драматичных испытаниях можно только догадываться, они отразились на его внешнем виде – волосы у совсем еще не старого человека стали седыми.

Тем временем группа Штумме, приблизившись к Андреаполю, вынуждена была остановиться. Она оторвалась от тыловых баз снабжения и доставка всего необходимого по разбитым дорогам была осложнена. Дальнейшее продвижение угрожало оголением правого фланга, в то время как упорное сопротивление Красной армии против немецкой 16-й армии у г. Холм к северу создавало угрозу левому флангу. К тому же усилиями 29-й, выходящих из окружения частей 22-й армии и резервов по Западной Двине и у Андреаполя выстраивалась новая линия обороны, и советские войска оказывали все более организованное сопротивление.

Оборонять Андреаполь было важно как железнодорожную станцию и как населенный пункт на водном рубеже – Западной Двине.

1 сентября немцы вышли к Андреаполю. Пока это были небольшие разведывательные группы мотоциклистов и передовые части. Советское командование решило оттеснить врага и установить фронт западнее. Ставка приказала Тимошенко принять меры по «ликвидации врага, проникшего через фронт 22-й армии», Юшкевич и Масленников издали боевые приказы своим 22-й и 29-й армиям в 12:00 и 15:30 1 сентября соответственно. Эти приказы предписывали проведение локальных атак противника в целях укрепления обороны [5, с. 196].

Днем 2 сентября дивизия на окраинах Андреаполя и у д. Колобаново отбила атаку двух батальонов противника, поддержанную 30 танками, и контратакой отбросила их. Вечером, используя успех, решили продолжить контрнаступление. Из 214-й дивизии в сторону д. Столбино на машинах выехал батальон стрелков численностью в 300 солдат. С другой стороны, туда же выдвинулся сводный отряд пограничников (164 человека из состава 53-го железнодорожного полка, 12 из 83-го погранотряда) во главе с капитаном Александром Петровичем Бреховым, начальником 2-го отделения штаба 83-го погранотряда НКВД Западного округа. Предполагалось, что им удастся окружить и уничтожить или отогнать немецких мотоциклистов и передовые части врага от деревень Столбино и Шерихово и стабилизировать фронт в районе д. Митрошино, являвшейся местом соединения дорог и отстоящей от Андреаполя километров на 15. Этим обеспечивалась безопасность железной дороги, проходившей через Андреаполь. Однако сил для выполнения столь значимой задачи оказалось крайне мало. Навстречу красноармейцам уже выходили основные силы 20-й танковой и 251-й пехотной дивизии вермахта (451-й, 459-й и 471-й пехотные полки, 251-й артиллерийский полк, командир генерал-майор Карл Бурдах). Из разрозненных и порой противоречивых сообщений местных жителей следует, что советский стрелковый батальон, немного не добравшись до намеченной цели, погиб в неравном бою. Выехав из леса в поле в районе д. Раменье, батальон наткнулся на немцев и спешился. Мотоциклисты отступили к противоположной опушке леса. Советские солдаты, вытянувшись в цепь пошли в атаку через поле. Когда они приблизились к вражеским позициям, с фланга ударил пулемет. Пытаясь его обойти, красноармейцы попали под огонь второго пулеме-

та с противоположного фланга, атака остановилась, на поле невозможно было найти укрытие. После этого из-за деревьев выползли танки и начали из пулеметов и пушек расстреливать советских солдат, давить их гусеницами. Не успевшие укрыться жители находящейся рядом деревни Раменье наблюдали этот бой, перешедший в избиение. Потом рассказывали, что на деревьях и кустах висели клочья разорванного обмундирования и куски человеческой плоти. В 1960-е гг. в ходе дорожных работ, опять же по рассказам местных жителей, когда машины высыпали в болото песок, всплывали красноармейские шинели. Немногим удалось вернуться к своей опушке, но попытка удержаться и там не удалась. Потом поисковики находили на этом месте останки наших солдат. Так обнаружили погибших бойцов из Кировской области, видимо, входивших в одну команду с Александром Ериным и Григорием Арсибековым, – Работинского и Баженина. В 2015 г. побывал на месте того боя вместе с поисковиком Сергеем Леонидовичем Коротковым, и нашли подошвы от солдатских ботинок, гильзы и другую проржавевшую и изъеденную со временем экипировку.

Батальон не был уничтожен весь, благоприятствовала и наступившая ночь. Остатки его отступили в лес и пытались вернуться за линию фронта. Александр и Григорий среди прочих выглядели более опытными, и им утром 3 сентября поручили разведать пути выхода. В лесу разведчики разделились, пошли в разные стороны. Больше им не суждено было встретиться, у каждого оказалась своя судьба. Вероятно, Александр Ерин вышел на немецкий секрет, был захвачен и приведен в Столбино. По сообщениям партизан, перешедших через фронт 5 сентября 1941 г., в этой небольшой деревушке домов из пяти располагался штаб 451-го пехотного полка 251-й пехотной дивизии [14, л. 10]. Пленного, очевидно, допрашивали. Как вел себя мой дед, неизвестно, но хочется верить, что достойно. Немцы расстреляли пленника тут же в огороде возле забора. Может быть, из-за того, что он им ничего не сказал, или просто не хотели себя связывать необходимостью конвоирования. Закапывать не стали, так как сами покинули деревню тотчас и выехали в направлении д. Шерихово. Только в мае 1942 г., когда Андреаполь был уже освобожден и жители вернулись в Столбино, немолодой крестьянин обнаружил возле забора на своем огороде останки советского солда-

та. К счастью, нашелся медальон и в нем заполненная записка. Она пострадала от влаги, но читалась. По записке узнали, кто погибший и откуда. Произведя захоронение тут же на месте обнаружения останков, 20 мая старик отправил по почте на домашний адрес обнаруженную записку. Эта дата зафиксирована и в «Книге памяти» по Кировской области [8, с. 443]. Ровно через месяц 20 июня письмо оказалось в руках у вдовы. В послевоенных документах по уточнению потерь в мае 1947 г. записано, что «получено 20.06.1942 г. извещение от санитара о его похоронах. Был убит и похоронен в дер. Столбино близ Андреаполя. Учесть погибшим 20 мая 1942 г.».

Но на этом драматические события не завершились. Группа пограничников капитана Брехова благополучно достигла намеченного рубежа западнее д. Столбино и не обнаружила там советского батальона. Не зная о его судьбе и как действовать дальше, но понимая, что они находятся в тылу наступающего противника, расположились возле дороги и умело организовали засады. «3 сентября в 13.30 засада под командой военрука 1-й комендатуры политрука Бондарева обнаружила движение мотоколонны противника из Столбино на Шерихово. Впереди шел грузовой автомобиль с солдатами, за ним – легковой и два штабных, а сзади – еще один автомобиль с солдатами. В первую очередь забросали гранатами легковую и штабные автомобили. Грузовые – бутылками с горючей смесью. В упор был открыт огонь из станкового пулемета, и все автомобили были уничтожены. В это время вторая группа под командованием младшего лейтенанта Баранова, находившаяся в засаде 500 м западнее группы Бондарева, тоже напала на автоколонну противника. Она гранатами и огнем ручного пулемета и автоматов уничтожила штабной, легковой и грузовой автомобили с офицерами и солдатами противника. Немецкие солдаты спешились и стали теснить группы Баранова и Бондарева. Последние с боем оторвались от противника и присоединились к отряду» [6].

Результаты засады оказались значительными: уничтожили 7 автомашин, 11 офицеров и 103 солдата противника. Вернуться к своим оказалось не просто. Только к вечеру 15 сентября пограничники смогли выйти к Западной Двине и ночью переправились на занятый советскими частями берег.

Григорий Федорович Арсибеков

Григорию Арсибекову тоже удалось вывести остатки батальона через фронт. 23 сентября под Андреаполем состоялся бой, о котором известно из обнаруженных В.В. Линкевичем документов, рассказа самого Г.Ф. Арсибекова и справки из Центрального архива военно-медицинских документов (Санкт-Петербург). Григорий Арсибеков был серьезно ранен разорвавшейся миной, находившийся рядом командир погиб, осколками ему срезало полголовы. Сам Григорий, осознав, что теперь он в 26 лет навечно инвалид, не захотел жить. Он рассказывал, что выбрался на бруствер окопа и ждал смерти. Пули свистели рядом, врезались в песок, попадали в шинель, одна в мочку уха. Но не суждено было погибнуть солдату, ослабев от потери крови, он потерял сознание и свалился в окоп. Вскоре санинструктор его подобрал и доставил в полковой полевой медпункт. В тот же день перевезли в медсанбат, и очень оперативно уже на следующий день оказался в эвакуационном госпитале, сначала в 2069-м, затем после ряда госпиталей в Алма-Ате № 3582. Лечился там до 16 мая 1942 г. и был комиссован как негодный к военной службе. Семьи у него не было, характер ранения не давал возможности иметь детей. Жил и работал бухгалтером в родной деревне, потом уехал в полюбившуюся ему Алма-Ату. В 1990 г. вернулся в Йошкар-Олу и дожил до 1993 г., но мне встретиться с ним так и не довелось. Очень об этом сожалею. Нам кажется, что старшее

поколение вечное, а люди смертны и уходят. Сколько всего ценного о боях под Великими Луками и Андреаполем он унес безвозвратно с собой. Племянники и знакомые говорили, что Григорий не рассказывал о войне, впрочем, они его и не расспрашивали.

В 20-х числах сентября 214-ю стрелковую дивизию сняли с фронта и вывели в резерв. В середине октября в ходе немецкой наступательной операции «Тайфун» она вновь попала в окружение под Вязьмой и на этот раз уже вырваться не смогла. Через фронт до конца декабря вышли отдельные группы бойцов и одиночки. С дивизией в окружении погибли и все документы за 1941 г. 27 декабря 214-я стрелковая дивизия была расформирована, и впоследствии с таким номером воевала дивизия 2-го формирования.

Генерала Ф.А. Ершакова назначили командармом 20-й армии. Там же под Вязьмой она попала в окружение. 2 ноября Ершаков попал в плен и умер в концлагере 9 июня 1942 г. [9].

В разведсводке штаба 22-й армии от 19 сентября 1941 г. сообщается, что «в боях с 14 по 17.09 на фронте армии уничтожен… почти весь 451-й пехотный полк 251-й пехотной дивизии» [15, л. 360]. Насколько это донесение соответствовало действительности, сказать сложно. Из немецкой истории дивизии известно, что она продолжила наступление на Калинин и там к 15 февраля 1942 г. была разгромлена в ходе Московской наступательной операции. Еще раз разбита в декабре 1943 г. и расформирована. Сформирована в сентябре 1944 г., вновь разгромлена в январе 1945 г. в Польше и окончательно расформирована в марте [2].

Оборона Андреаполя продолжалась до 7 октября 1941 г., в этот день советские части, опасаясь окружения, организованно по приказу оставили посёлок. Выставленный заслон во главе с Ковалевичем задерживал врага сколько смог. Командира представили к званию Героя Советского Союза посмертно, но оно по неизвестной причине было отклонено. Не спешили награждать в тяжелый 1941 год, когда побед было мало, а поражения частыми. Но эти одиночки и небольшие группы военнослужащих сражались не за награды, за Родину и, отдавая за нее жизнь, верили в Победу и приближали ее.

В октябре того же года у погибшего Александра Павловича родилась дочь Галина, а старшая Агния вскоре пошла в построенную отцом школу. Вдова Людмила Антоновна дожила до октября 1960 г. и умерла от рака, на 19 лет пережив своего погибшего мужа.

Давно нет деревни Столбино, она перестала существовать еще в 1950-е гг. и на ее месте сейчас зарастающее березняком поле. На небольшом песчаном кургане стоит поставленный в 2017 г. при помощи местной администрации памятник солдату Ерину. В 2012 г. последняя жительница покинула Студёново. Но память жива, и она передается через внуков, правнуков и праправнуков погибшего при обороне Андреаполя и Родины солдата. Красноармеец-разведчик Александр Павлович Ерин воевал не долго, около трех недель. Ему не суждено было увидеть Победу, наоборот, пришлось испытывать горечь поражений, но своими усилиями и самой смертью он ее приближал, его гибель не оказалась напрасной, пусть небольшой, но вклад в общую Победу принадлежит и ему. «Быть солдатом – значит жить вечно». Солдат Александр Павлович Ерин и его друг Григорий Федорович Арсибеков навсегда встали в многомиллионный строй защитников Родины.

Источники и литература

1. Hinze, Rolf. Hitze, Frost und Pulverdampf: der Schicksalsweg der 20. Panzer-Division. 4. – Auflage, Meerbusch, 1993.

2. Karl-Wilhelm Maurer Die hessisch-thüringische 251. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg wird vom Jäger zum Gejagten, Verlag Books on Demand, 2008.

3. *Бахтина А.А.* Боевой путь солдата Ерина // Йошкар-Ола. – 2020. – 3 июня. – С. 17.

4. Воспоминания солдата 22-й армии. http://iremember.ru/memoirs/saperi/angenov-nikolay-grigorevich/ (дата обращения 16.04.2016).

5. *Гланц Д.* Крах плана «Барбаросса». – Москва, 2024. Т. II. Сорванный блицкриг.

6. Засады http://survincity.ru/2011/07/zasada/#ixzz3VhC4Joc9 (дата обращения 26.07.2025).

7. *Кариус О.* «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. – Москва, 2004.

8. Книга памяти Российской Федерации. Кировская область.– Киров, 1994.

9. *Мамяченков В.Н.* Командарм Ершаков Ф.А. – генерал с трагической судьбой // Регионы России в военной истории страны. Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 12–13 нояб. 2025 г. – Йошкар-Ола, 2025. – С. 416–425.

10. *Мачуев В.И.* 22-я Армия в начале Великой Отечественной войны (1941 год). – Б. м., б. г.

11. *Нуждин О.И.* Незабытые. О трагедии и подвиге 22-й армии РККА. – Екатеринбург, 2015.

12. *Нуждин О.И.* Оборонительная операция 22-й армии в июне – августе 1941 г. – Екатеринбург, 2002.

13. *Нуждин О.И.* Уральская 22-я армия в боях и сражениях 41-го года. – Екатеринбург, 2015.

14. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 20 гв. СД (174 СД). Оп. 1. Д. 6. Журнал боевых действий дивизии.

15. ЦАМО РФ. Ф. 20 гв. СД (174 СД). Оп. 1. Д. 68. Распоряжения по разведсводкам.

A.G. Bakhtin

IN THE BATTLES FOR VELIKIYE LUKI AND ANDREAPOL (THE SHORT WAR OF RED ARMY SOLDIER ERIN)

Annotation. The article tells the story of the fate of the reconnaissance soldier Alexander Pavlovich Erin, who died in 1941 while fighting for his country, and his comrade Grigory Fedorovich Arsibekov, both natives of the Sanchursky District of the Kirov Region, who fought as part of the 776th Rifle Regiment of the 214th Rifle Division.

Keywords: The Great Patriotic War, 1941, 214th Rifle Division, 776th Rifle Regiment, A.P. Erin, G.F. Arsibekov, Velikiye Luki, Andriopolis.

УДК 94(470.42)

А.Р. Бимеева

ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗА ИМЕНИ ДЗЕРЖИНСКОГО НИКОЛО-ЧЕРЕМШАНСКОГО (МЕЛЕКЕССКОГО) РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Аннотация. В годы существования советской власти работу коллективных хозяйств направляли первичные парторганизации. Парторганизации выполняли ряд политических и хозяйственных функций. В первую очередь они были ответственны за реализацию производственных задач, которые определялись правительством и партией страны. Путем анализа

документов парторганизации колхоза им. Дзержинского Николо-Черемшанского района (с 1943 г. в составе Ульяновской области) рассмотрена работа членов парторганизации колхоза и колхозников в условиях военного и послевоенного времени. Анализ протоколов парторганизации свидетельствует о том, что коммунисты не всегда могли обеспечить абсолютное выполнение планов. Несмотря на материально-технические трудности, колхоз под руководством парторганизации с каждым годом улучшал производственные показатели.

Ключевые слова: первичная парторганизация, коллективное хозяйство, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, коммунист, член парторганизации.

В 1929–1931 гг. стали массово создаваться колхозы. Образованное хозяйство в пос. Согласие Николо-Черемшанского района (с 1943 г. в составе Ульяновской области) стало именоваться колхозом им. Дзержинского. Впоследствии населенный пункт чаще всего стали называть по названию колхоза – «Дзержинск» [9]. Основная масса населения поселка работала в колхозе. На начало Великой Отечественной войны деятельность колхоза направляла кандидатская группа, к концу войны – первичная парторганизация. Парторганизация была призвана выполнять постановления вышестоящих партийных органов, обеспечить авангардную роль коммунистов на производстве, укрепить трудовую дисциплину среди колхозников.

На 1943 г. председателем колхоза являлся И.Е. Бударов (1905 г.р.) [1, л. 9], к 1945 г. – А.М. Никонов, а И.Е. Бударова назначили комсодом [2, 4об.]. В состав правления колхоза входили С.Г. Беляшов, Праведнов, М.Е. Шевадронов. В колхозе работали Р.А. Бантова – счетоводом, К.Ф. Анискин – трактористом, А.И. Шишкова – учетчицей [1, л. 6–6об.]. Секретарем парторганизации был А.С. Анискин [2, л. 4об.]. Преимущественно все эти лица являлись членами партоорганизации колхоза им. Дзержинского.

В годы Великой Отечественной войны выполнение производственных планов являлось первостепенной задачей для членов партоорганизации. Сдерживающим фактором в этом вопросе выступал острый дефицит ресурсов. Ввиду плохой работы комбайна, отсутствия трудовой дисциплины, неорганизованности яслей, недостаточного руководства бригадиров колхоз отставал в реализации производственных планов. В частности, согласно протоколу парт-

организации, на 16 августа 1943 г. из плана 232 га убрали 176 га. Ввиду этого члены парторганизации с 17 августа 1943 г. объявили фронтовую пятидневку, для того чтобы закончить уборку всех колосовых. На 5 августа 1944 г. оставалось из 125 га сжать 45 га, к тому же была готова к уборке и пшеница. Для этого приходилось нанимать дополнительную рабочую силу МТС, т.к. в колхозе не хватало рабочих рук. На собрании парторганизации постановили наладить работу комбайна, создать звенья из колхозниц и наемных лиц. На 7 декабря 1944 г. планировали вывезти 18 ц хлеба в пользу государства, закончить сбор подсолнуха в течение одного дня. В подготовке к весенне-посевной кампании 1945 г. колхоз испытывал значительные материально-технические трудности. Лошади были истощены. Требовалось довести весь скот до средней упитанности, отремонтировать сельхозинвентарь, подготовить семена. Для посева не хватало 6 ц гороха. Агромероприятия проводились плохо, всего на поля вывезли только 40 возов навоза. До 20 февраля 1945 г. необходимо было вывезти 350 возов навоза, собрать 20 т золы, отремонтировать 15 шт. летних ходов, 10 шт. жесткой тары, обучить 20 рабочих волов, 15 коров колхозников и до 23 февраля 1945 г. выполнить снегозадержание на 180 га [1, л. 1–6об.].

Животноводческой фермой на 7 декабря 1945 г. заведовал Шлапов. К тому времени колхоз принял 75 голов крупного рогатого скота, 125 овец, 20 свиней. Имелись случаи падежа скота. С кормами к тому времени дело обстояло неплохо. Запас кормов имелся. Положение на ферме постепенно улучшалось [2, л. 1–1об.].

Помимо производственных задач, члены кандидатской группы колхоза, колхозники, сельчане оказывали непосредственную помощь фронту. На партсобрании от 11 ноября 1943 г. был заслушан доклад И.В. Сталина, посвященный успехам Красной армии на фронте и 26-й годовщине Великой Октябрьской революции. Для помощи фронту коммунисты мобилизовали весь актив колхоза на досрочное выполнение всех государственных обязательств, а также на сбор теплых вещей фронту к 19 ноября 1943 г. В 1944 г. из личных запасов жители села организовали сбор продуктов в фонд Красной армии [1, л. 5, 11].

В первые послевоенные годы стояла новая задача – восстановление народного хозяйства. К марту 1946 г. главой колхоза им. Дзер-

жинского вновь стал И.Е. Бударов [2, л. 2], к 1947 г. – П.Ф. Анискин [5, л. 7]. Документы парторганизации колхоза им. Дзержинского свидетельствуют о том, что коммунисты выполняли организаторскую, просветительскую, агитаторскую функции. На партсобрании от 15 ноября 1946 г. констатировали, что благодаря слаженной работе коммунистов и колхозников три года подряд колхоз на 100 % рассчитывался со всеми видами госпоставок. На 1946 г. в состав парторганизации колхоза им. Дзержинского входили П.Ф. Анискин, А.С. Анискин, А.И. Коровкин, А.И. Шишова, М.С. Савушкин, Н.П. Кабанов, секретарь П.А. Кабаев. Большинство из них обучались в Чувсусканской партийной школе, которая располагалась в соседнем селе Чувашский Сускан. Политическое просвещение требовалось для последующей успешной производственной деятельности колхоза, поскольку планы диктовались как правительством, так и партией страны. Однако не все предпочитали повышать свой политический уровень. Коммунисты парторганизации колхоза им. Дзержинского не регулярно посещали школу [5, л. 3об., 7–7об.]. Возможно, это обусловлено тяжелым материально-бытовым положением, характерным для послевоенного периода. Преодоление материально-бытовых проблем отнимало много сил и оставляло мало времени для умственного развития.

На 23 июня 1948 г. в парторганизации состояло семь членов ВКП (б), на 28 июня 1949 г. – восемь (два – с начальным уровнем образования, шесть – со средним уровнем образования; по национальности – три русских, пять мордва). С 23 июня 1948 г. по 28 июня 1949 г. парторганизация провела 12 партсобраний, обсудила 19 вопросов, выпустила 4 номера стенгазет, 10–12 номеров боевых листков. В состав редколлегии входили А.Г. Кабанов, М. Киселев, А. Коровкина. Агитаторами работали В.П. Анискин, П.А. Кабаев, А. Анискина, М.С. Савушкин, И.П. Семин, А.И. Шишова [5, л. 3об., 7–7 об.].

Существенное внимание коммунисты уделяли развитию животноводства. На начало 1946 г. фермой заведовал член парторганизации М.С. Савушкин. В те годы тяжело обстояло дело с подвозом кормов, которые зачастую расходовались не по назначению. Ежегодно имело место падеж скота, в значительной степени среди крупного рогатого скота, особенно в зимнее время года, когда неблаго-

получно обеспечивали их зимовку. На 20 октября 1946 г. заготовили 1150 ц грубого корма, 1200 ц ржаной и яровой соломы. На ферме насчитывалось 67 голов рогатого скота, 65 овец, 11 рабочих лошадей, 10 быков. Из общего поголовья являлись истощенными рабочие лошади и телята, рожденные в 1946 г. Многие телята были заражены болезнями, ввиду чего требовалось построить новый телятник [4, л. 13]. К середине 1949 г. пало восемь телят [4, л. 1, 5, 13].

Несмотря на трудности, положение в области животноводства с каждым годом улучшалось. В этом можно отметить положительную работу членов парторганизации, правления колхоза и колхозников. В 1948 г. план развития по лошадям выполнили на 100 %, по крупному рогатому скоту – на 120 %, по свиньям – на 100 %, по овцам – на 88 %. Не выполнили план по птицам и овцам. Недостаточно велась работа по подготовке скота к зимовке: не все помещения были подготовлены полностью, не завезли запасы кормов. По животноводческим продуктам с государством колхоз рассчитался полностью. Кроме того, в счет 1949 г. сдали авансом 2796 л молока, 600 кг мяса [7, л. 11–11 об., 13–14 об.]. В целом в послевоенные годы в области развития животноводства были намечены положительные тенденции. В частности, если в 1946 г. всего поголовья скота насчитывалось 140 голов, то в 1947 г. стало 197 голов. В 1946 г. от 10–12 конематок получили приплода одну голову, в 1947 г. – две головы, в 1948 г. – четыре головы, в 1949 г. – одну голову [8, л. 23]. Факты указывают на плодотворную работу членов парторганизации и колхозников колхоза им. Дзержинского.

Весенне-посевная кампания 1946 г. столкнулась со многими значительными трудностями. Не хватало семян для посева, в частности семян гороха и подсолнуха. Тягловая сила была истощена. Хомуты были в надлежащем состоянии, но остро не хватало бычьих хомутов. Хлеб расходовался, как и корма, не по назначению. Трудовая дисциплина была расшатана. В целом весенне-посевная кампания 1946 г. провалилась: на 20 мая 1946 г. из плана 342 га было посеяно всего 130 га. Члены парторганизации и колхозники в этом видели вину МТС, которая не обеспечивала колхозные поля исправными тракторами. В период посева неважно дело обстояло и с обеспечением общественного питания. Сев ранних колосовых требовалось закончить к 27 мая 1946 г., план всего сева выполнить

к 30 мая 1946 г. На 5 августа 1946 г. уборку ржи в основном закончили. Государству сдали 122 ц, всего намолотили 225 ц. Начали уборку пшеницы. На 30 сентября 1946 г. план хлебозаготовки составлял 580 ц, выполнили на указанную дату 316 ц. Августовский план выполнили, за сентябрь сдали 69 ц. Требовалось усилить сдачу хлеба, т.к. за последние пятидневки работали медленнее. К тому времени бригадиром полеводческой бригады являлся П.А. Кабаев [4, л. 4–4об.]. На 1947 г. бригадиром полеводческой бригады был М.С. Савушкин, учетчицей полеводческой бригады – А.И. Шишова, бригадиром тракторной бригады – К.Ф. Анискин, кладовщиком – А. Фролова [3, л. 7–7об.].

Документы протоколов парторганизации свидетельствуют о том, что руководящие посты в колхозе занимали преимущественно коммунисты. Такой подход предполагал двойную заинтересованность коммунистов в результативности труда, поскольку они несли ответственность перед правительством и партией. В то же время это усиливало влияние коммунистов на рядовых колхозников.

Несмотря на материально-технические трудности, колхоз постепенно наращивал свой производственный потенциал. Если в 1946 г. из 420 га сняли урожай 620 ц, то в 1947 г. из посева 340 га собрали 1830 ц. В 1946 г. сев озимых составил 91 га, в 1947 г. – 160 га [6, л. 3об.].

В 1948 г. колхоз им. Дзержинского к весеннему севу подготовился успешнее против 1947 г. Сев провел в более сжатые сроки, агротехнические мероприятия выполнили лучше. По подготовке к севу коммунисты раскреплялись по всем видам работ. Но в период сева не смогли применить живое тягло в достаточном количестве. На прополочной кампании работу парторганизация направляла на быстрейшее завершение. Всего пропололи 410 га. В 1948 г. подъем паров и их обработку провели в срок и на лучшем агротехническом уровне. Против 1947 г. пар подняли на 21 га больше. Живое тягло также не смогли применить в достаточном количестве. В 1948 г. относительно 1947 г. кормов заготовили на 598 ц больше. Однако план заготовки кормов выполнили на 96 %.

По уборке хлебов парторганизация вела широкую разъяснительную работу. Все коммунисты, колхозники были мобилизованы на уборку. Усилиями коммунистов создавались звенья по уборке и се-

нокосу. Уборку провели в более сжатые сроки. В период уборки не во всю силу использовали самосброску. Имелись случаи невыхода на работу колхозников. В целом уборку урожая провели лучше, чем в предыдущем году. Однако ввиду неурожайного года колхоз по хлебопоставкам рассчитался с государством не полностью.

Сев озимых провели в более сжатые сроки, засеяли 181 га. Озимой сев под урожай 1949 г. выполнили на 81 га больше, чем планировалось. Зябь подняли под весь яровой клин: выполнили на 238 га (планировалось на 200 га). В 1948 г. ввиду неурожая колхоз не смог полностью рассчитаться с государством по хлебопостакам: из плана 943 ц сдали 276 ц или 29 % [7, л. 11–11об., 13–13об., 14об.].

В процессе подготовки к весенне-посевной кампании 1949 г. создавалось угрожающее положение. Но члены парторганизации и колхозники успешно справились с севом за 20 дней. Подъем паров прошел более организованно, чем в 1948 г. На 19 июля 1949 г. к уборке урожая подготовились неудовлетворительно, жатва шла медленно. Комбайн работал очень плохо: за восемь дней сжал всего 16 га. План хлебозаготовок на 1949 г. составлял 2121 ц, на 20 августа 1949 г. сдали 840 ц. Оставался только семенной хлеб. Требовалось убрать с полей 120 га пшеницы. Коммунисты организовали для этого декадник, обеспечив работу комбайна, сенокосилки, 4–5 косцов. Планировалось закончить сбор урожая к 1 сентября. На 12 сентября 1949 г. хлебосдачу так и не успели выполнить: оставалось сдать 30 ц просо, 7 ц ржи [5, л. 7об.].

В 1950 г. произошло объединение колхоза им. Дзержинского с колхозами им. Сталина (пос. Лысая Гора), «Пионер» (пос. Пионер), «Волга-Бирля» в крупный колхоз имени Сталина. Председателем объединенного колхоза избрали Е.И. Анисимову, председателя колхоза им. Дзержинского, члена парторганизации [10, с. 2].

Таким образом, на основе протоколов парторганизации колхоза была рассмотрена работа членов парторганизации и колхозников колхоза им. Дзержинского в условиях военного и послевоенного времени. Анализ документов парторганизации свидетельствует о том, что коммунисты не всегда могли обеспечить полное выполнение планов. Преимущественно коммунисты занимали руководящие должности в коллективном хозяйстве, что должно было способствовать лучшей производительности труда. Несмотря на материально-

технические трудности, колхоз им. Дзержинского под руководством парторганизации с каждым годом улучшал производственные показатели, тем самым укреплял и свою материально-техническую базу.

Источники и литература

1. ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 1863. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАНИ УО. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 12.
9. *Семин И.П.* Воспоминания. Запись учащихся Чув-Сусканской ООШ. 1999 г., с. Чувашский Сускан Мелекесского района.
10. Укрупнение колхозов // Красный Черемшан – 1950. – № 38 (1210). – С. 2.

A.R. Bimeeva

THE PARTY ORGANIZATION OF THE DZERZHINSKY COLLECTIVE FARM IN THE NIKOLO-CHEREMSHANSKY (MELEKESSKY) DISTRICT OF THE ULYANOVSK REGION DURING THE WAR YEARS AND THE POST-WAR PERIOD

Annotation. During the years of Soviet rule, the work of collective farms was directed by primary party organizations. The party organizations performed a number of political and economic functions. First and foremost, they were responsible for implementing production tasks that were determined by the government and the party of the country. By analyzing the documents of the party organization of the Dzerzhinsky collective farm in the Nikolo-Cheremshansky District (which, from 1943, was part of the Ulyanovsk Region), the work of the collective farm's party organization members and collective farmers during the war and post-war periods was examined. An analysis of the party organization's records shows that the communists were not always able to ensure the absolute fulfillment of the plans. Despite the material and technical difficulties, the collective farm, under the leadership of the party organization, improved its production indicators year after year.

Keywords: primary party organization, collective farm, Great Patriotic War, restoration of the national economy, communist, member of the party organization.

УДК 94(470.344)«1941/1942»

Е.В. Ермилова,
Т.Ю. Федотова

ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В МАРИИНСКО-ПОСАДСКОМ РАЙОНЕ ЧУВАШСКОЙ АССР

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – прием и размещение эвакуированного населения в Мариинско-Посадском районе Чувашской АССР. На основе архивных документов освещены основные мероприятия, связанные с обеспечением жильем, продуктами, работой, учебой, детскими садами, оказанием единовременной помощи прибывшим эвакуированным из опасных для жизни районов.

Ключевые слова: эвакуированное население, Мариинско-Посадский район Чувашской АССР, прием, размещение, обеспечение продуктами.

В первые же дни войны началась эвакуация из прифронтовой полосы и угрожаемых районов на восток. Это стало важнейшим звеном перестройки жизни страны на военный лад. Уже 27 июня 1941 г. на особом заседании Совнаркома Чувашской АССР было принято постановление «О размещении и устройстве на работу эвакуированного населения из прифронтовой полосы». Согласно документу, эвакуированное население должно было разместиться в населенных пунктах Алатырского, Шумерлинского, Цивильского и Чебоксарского районов и в городах Алатырь, Шумерля, Цивильск и Чебоксары [5]. Кроме перечисленных населенных пунктов, были образованы эвакопункты в городах Алатырь, Канаш, Мариинский Посад, Цивильск, Чебоксары, Шумерля, поселках Вурнары, Ибреси и Козловка, пристани Ильинка и станции Урмары. В этих пунктах обеспечивали людей продовольствием и медицинской помощью. На протяжении июля 1941 г. руководство республики, советские и партийные органы работали в экстренном режиме, принимая ежедневно тысячи человек. С 9 по 28 июля количество эвакуированных выросло с 6700 до 37 155 человек. К 8 сентября 1941 г. в республике проживали уже 56 323 чел., большинство из которых были эвакуированы из Москвы (22 636 чел.)

и Ленинграда (8604 чел.). В ноябре число эвакуированных с прифронтовой территории достигло 62 625 чел. [7, с. 211].

Исследователями Чувашии выполнена большая работа по изучению эвакуации в начале Великой Отечественной войны, что проявилось в научных статьях Н. Андреевой и О. Игнатьевой [1], В.Ф. Питерновой [9], Г.В. Ертмаковой [6], Н.В. Сакович и Г.В. Серебрянской [12], В.В. Тимофеева [13], Л.И. Васильевой [2], в документальной книге В.Н. Иванского [8], а также в диссертационной работе Н.Ю. Толстовой [14]. Конкретно по отдельным районам исследований проводилось мало. Мы же подробнее остановимся на приеме и размещении эвакуированного населения в Мариинско-Посадском районе Чувашской АССР. В фондах Государственного архива современной истории хранятся документы о приеме, размещении, количестве эвакуированных, а также об оказываемой им помощи. Эвакуированные были размещены по селениям Мариинско-Посадского района, а также в самом районном центре – г. Мариинский Посад.

В папке документов «Докладные записки, информации о работе с эвакуированными. Начато 1 декабря 1941 г. Окончено 17 марта 1942 г.» есть «Сведения о количестве эвакуированного населения, проживающего в Мар-Посадском районе (так в документе. – *Авт.*)» [3, л. 6.]. В нем приведены наименования сельских советов, в отдельных графах отмечены количество колхозов или деревень и количество в них эвакуированных, в том числе детей, учтенных по возрастам: 0–3, 3–7, 7–12, 12–15, а также по общему их числу. Документ подписан инструктором РК ВКП(б) Чумаковой. 55 населенных пунктов Мариинско-Посадского района, куда входит и сам г. Мариинский Посад, – это Банновский, Амачкинский, Новинский, Шульгинский, Ердовский, Сотниковский, Алмандаевский, Шоршельский, Водолеевский, Ольдеевский, Астакассинский, Сутчеевский, Кушниковский, Анат.Кассинский (так в документе. – *Авт.*), Магазьский, Яндашевский, Пигаевский, Камаевский сельские советы – в свои колхозы и деревни приняли 2000 чел. эвакуированных, из них больше половины были дети. Если смотреть по числу колхозов и деревень в сельских советах, то нагрузка на принимающую сторону была распределена неравномерно. Например, в Банновском сельском совете три колхоза или деревень, а приняли 93 чел.

В Амачкинском – два, но приняли они 104 чел. Возможно, это зависело от количества домохозяйств в деревнях, куда надо было разместить прибывших, или же от наличия помещения (школы, интернаты и т.п.), пригодного для жилья. Этот вопрос предстоит еще изучить исследователям. В Водолеевском сельском совете жили 72 чел., организованно эвакуированных из г. Рыбинска и вынужденных высадиться с барж в Мариинско-Посадском районе, они обеспечивались своим управлением, который находился в г. Мариинском Посаде [3, л. 6].

Эвакуированных детей всего было 1025 чел.: от 7 до 12 лет – 177 чел., от 12 до 15 лет – 111, остальные 737 – дети от 0 до 7 лет. Поэтому остро стоял вопрос об организации детских яслей и садов, чтобы женщины могли устроиться на работу.

В папке документов сохранилась «Докладная о работе с эвакуированными по Мар.-Посадскому району на 1.XII.41 г.», где говорится также о количестве эвакуированных, местах их проживания, а также об их участии в труде и заработанных трудоднях, которые являлись наболевшим вопросом: «…Большинство эвакуированных, проживающих в колхозах, принимали участие в сельскохозяйственных работах. Часть из них показала хорошие образцы в работе.Так, например, гражданка Трубачева "Новинский с[ельский]/с[овет]" заработала 122,04 трудодня, Дубровинская С. "Новинский с[ельский]/с[овет]" 146,25 трудодней. Шестидесятилетний Юметов Михаил "Новинский к[олхо]з" выработал 94,64 трудодня, Васильева Наталья – "Чодино" – 92,12 трудодня. 15-летний Крючков Станислав "Ольдеевский с[ельский]/с[овет]" выработал 51 трудодень и другие. Но есть эвакуированные, которые не вовлечены в работу, выработали мало трудодней, забрали много продуктов из колхоза. Например, семья эвакуированных, проживающая в д. Водолеево, 9 человек, имея двух 17-летних девушек, заработали всего 6 трудодней, а из колхоза получили хлеба 73 кг» [3, л. 1]. И далее приводятся еще подобные примеры с указаниями имен и фамилий эвакуированных, о количестве заработанных ими трудодней и полученном количестве хлеба.

Также были трудности в приеме, проблемы с обеспечением эвакуированных теплой одеждой. В той же докладной говорится, что «часть эвакуированных прекратила работу с наступлением холодов, за отсутствием теплой одежды и обуви» [3, л. 1].

Острой проблемой в холода было обеспечение эвакуированных топливом: «Большинство сельсоветов района не выполнили решение Исполкома Райсовета о заготовке дров для семей красноармейцев и эвакуированных, следствием чего являются необеспеченность дровами большинства семей эвакуированных. Так, в Амачкинском сельском совете все эвакуированные не обеспечены дровами, нет запаса даже на 1–2 дня. Точно так же Мало-Маклашкинском колхозе проживающие в отдельном доме три семьи эвакуированных совершенно не обеспечены дровами. <…> Наиболее лучше обстоит дело в Банновском с/с, где эвакуированные, проживающие в селениях Иваново и Чодино, обеспечены дровами, выделяется ежемесячно по 0,5 куб. метров; но не обеспечены дровами эвакуированные, проживающие в дер. Банново. Здесь поступили жалобы на неразрешение лесхоза брать валежник из леса. В городе эвакуированные размещены по квартирам, в порядке уплотнения, но некоторые из них не уплатили за квартиру в течение 2–3-х месяцев ввиду отсутствия средств. <…>» [3, л. 1]. В документе говорится, что большинство обеспечены сносным жильем вместе с семьями колхозников или в отдельных пустующих домах. Но есть случаи, когда эвакуированные были помещены в неприспособленных для жилья помещениях [3, л. 1].

Об обеспечении эвакуированного населения были приняты решения и распоряжения исполкома райсовета, утвержденные по вопросам эвакуированного населения в 1941 г., где были выделены вопросы о расквартировании эвакуированного населения из прифронтовой полосы – 17 июля 1941 г. (это было обязательным распоряжением исполкома райсовета), об обеспечении семей военнослужащих и эвакуированного населения топливом – 25 сентября 1941 г. (решение исполкома райсовета), об обеспечении эвакуированного населения теплой одеждой и обувью – 23 сентября 1941 г. (распоряжение исполкома райсовета), продуктами питания – 29 сентября 1941 г. (распоряжение исполкома и райзо), о работе среди эвакуированного населения – 22 октября 1941 г. (решение исполкома райсовета), о фактах невнимательного отношения к эвакуированному населению со стороны председателя колхоза «Наука Ленина» Камаевского сельсовета Борцова. Документ подписан секретарем исполкома райсовета Т. Соколовым [3, л. 7].

Были выделены средства для оказания единовременной помощи эвакуированному населению по Мариинско-Посадскому району 36 000 руб., на содержание дополнительных интернатов и для оказания материальной помощи учащимся – 5000 руб., расширение детсада горсовета – 3000 руб., расширение детских яслей – 3000 руб. [3, л. 8].

Велся учет по использованию средств на оказание помощи эвакуированному населению Мариинско-Посадского района. Сведения на 10 декабря 1941 г.: «…выдана единовременная помощь деньгами (в счет 36 000 р.) – 6725 руб., теплых вещей (в счет 36 000 р.) – 793 руб., перечислено за детские пальто 40 шт., брюки 48 шт., гимнастерки 43 шт. (в счет 36 000 р.) – 4995 руб. 50 коп., выдано детских польт 46 шт. (в счет 5000 р.) – 3625 руб., перечислено за детские польты (в счет 5 тыс. руб.) в количестве 13 шт. – 988 руб., перечислено городским детяслям (в счет 8000 руб.) – 1000 руб. Всего использовано 18 126 руб.» [3, л. 8об.].

Работа с эвакуированным населением велась тщательно. Чтобы создать условия для жизни, работы и учебы, была разработана специальная памятка о том, на что особенно следует обратить внимание при проверке работы с эвакуированными. Первым делом надо было знать количество эвакуированных в селениях, в том числе детей. Вторым пунктом стоит вовлеченность в работу: обеспечены ли работой и где работают. Затем – обеспечены ли дровами и жильем, хлебом, продуктами по линии сельпо, охват детей обучением, обеспечением детей одеждой. Не оставалась без внимания и массово-политическая работа среди эвакуированных, какая работа проявляется со стороны сельсовета, колхоза, учреждения; как выполняются решения и указания райисполкома по работе среди эвакуированных [3, л. 30]. Потом всю информацию надо было представить в райком ВКП(б) к 4 декабря 1941 г. [3, л. 30].

Забота об эвакуированных не прекращалась и в 1942 г. В «Информации о состоянии работы с эвакуированным населением по Мариинско-Посадскому району Чувашской АССР» говорится, что «на 25 июня 1942 г. всего эвакуированного населения, проживающего в Мариинско-Посадском районе, насчитывается 1937 человек, из них трудоспособных 916, участвует в работе 874 человека. Большинство эвакуированного населения проживает в колхозах района

в количестве 1238 человек, из них трудоспособных 549 чел.» [4, л. 28]. В информации подчеркивается количество трудоспособного населения – трудовые руки были очень нужны. Также важно было уделить внимание детям, создание детских садов и выделение средств на их содержание: «Имеется два детских сада: детсад «НАТИ» с охватом 10 чел. и детсад художников с охватом 41 чел.» [4, л. 28].

Необходимо подчеркнуть, что эвакуированные проявили инициативу в создании своих огородов, хозяйств, а мариинскопосадцы помогли им, отнеслись к ним как к своим, можно сказать, родным: «В 1942 г. в целях улучшения своего материального положения многие эвакуированные граждане приняли активное участие в организации индивидуальных огородов. Из 526 семей эвакуированных, проживающих в районе, 492 семьи посадили огороды на площади 24,0 га. <…> наряду с организацией огородов некоторые эвакуированные граждане начинают обзаводиться хозяйством. <…> Надо отметить, что в организации этого хозяйства большую помощь оказали колхозы, выделив семена и помогая обработать участки тем эвакуированным гражданам, которые не в состоянии были это сами сделать, многосемейным» [4, л. 29].

Помощь друг другу шла цепочкой. Тыл помогал фронту. Местные жители помогали фронту и эвакуированным, а эвакуированные, проживающие в г. Мариинский Посад, а также и местные жители, помогали партизанам, фронту – собрали деньги на самолет АНТ-9, ПС-9 или «Крылья Советов» – ближнемагистральный трехдвигательный самолет, один из первых советских многоместных пассажирских самолетов. Проводили собрания, где обсуждались актуальные на тот момент проблемы: «С эвакуированным населением города проведены 4 собрания, на которых ставились вопросы о текущем моменте. В общественной работе особенно активно участвуют эвакуированные жены нач. состава. Ими были собраны подарки партизанам и партизанкам среди эвакуированного населения 80 шт. вещей и 442 руб. деньгами. Организована ячейка МОПРа, на что собрано 1200 р. денег. Собрали более 100 руб. на самолет «Крылья Советов». В данное время продолжается сбор теплой одежды для бойцов Красной Армии. Особенно хорошо прошла подписка на военный заем 1942 года, где эвакуированные жены нач. состава дали 5800 руб. денег для укрепления обороны нашей страны» [4, л. 29].

В общем деле – поддержке фронту и приближения Дня Победы – участвовали все: и местные жители, и эвакуированные.

Подводя итоги, можно сказать, что Мариинско-Посадский район стал одним из средоточий по работе с эвакуированным населением в Чувашской АССР. К числу основных мероприятий, проводимых при приеме и размещении эвакуированного населения, относились: встреча эвакуированных, обеспечение жильем – размещение их по домам, квартирам; оказание единовременной помощи в виде денежных средств, обеспечение хлебом, продуктами, теплой одеждой и одеждой вообще, решение вопросов трудоустройства взрослого населения эвакуированных, а детям младшего возраста – обеспечение детскими садами и яслями, детей школьного возраста – школьным образованием. Общение местных жителей и эвакуированных шло в основном с единодушием. Весной 1942 г. для улучшения своего материального положения многие эвакуированные организовали свои сельскохозяйственные участки, а некоторые и свои хозяйства. В этом им помогли колхозы (с семенами) и жители (в организации и технологии работы) Мариинско-Посадского района Чувашской АССР.

Об организации встречи эвакуированных в Мариинско-Посадском районе Чувашской АССР архивных документов пока не удалось найти, но она была и в перспективе есть вероятность записать от старожилов. Например, в памяти людей сохранились воспоминания о том, как встречали эвакуированных в Козловском районе Чувашской АССР: на гужевой транспорт, на телеги рекомендовано было класть перины, подушки, чтобы эвакуированные из Ленинграда могли присесть. Они были до такой степени истощены и худы, что не могли даже сесть. Об этом было рассказано старожилами руководителю регионального отделения ООД «Поисковое движение России» в Чувашской Республике Е.Г. Шумилову [10]. Подобные воспоминания вполне могли сохраниться и в Мариинско-Посадском муниципальном округе Чувашской Республики.

Источники и литература

1. *Андреева Н., Игнатьева О.* «К чужим, как к своим…» (эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2006. – № 1. – С. 86–90.

2. *Васильева Л.И.* Ишакский детский дом Чувашии в воспоминаниях детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда // Чувашский национальный музей: люди, события, факты: сб. ст. Вып. 16. – Чебоксары, 2021. – С. 87–91.

3. ГАСИ ЧР (Государственный архив современной истории Чувашской Республики). Ф. П-13. Оп. 1. Д. 595. Коробка 40.

4. ГАСИ ЧР. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 632.

5. *Гусарова А.Ю.* Календарь Победы: размещение и устройство на работу эвакуированного населения с прифронтовой полосы https://giachr.archives21.ru/news/931526876 (дата обращения 12.04.2026).

6. *Ертмакова Г.В.* От войны спаслись в Чувашии // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне. – Чебоксары, 2010. – С. 29–35.

7. *Захаров Д.А.* Размещение эвакуированного населения на территории Чувашской АССР в 1941 г. // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2010. – С. 211–212.

8. *Иванский В.Н.* Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии. – Чебоксары, 2014.

9. *Питернова В.Ф.* «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии // Отечественные архивы. – 2004. – № 2. – С. 85–93.

10. ПМА (Полевые материалы авторов). Записано Е.В. Ермиловой и Т.Ю. Федотовой от руководителя регионального отделения ООД «Поисковое движение России» в Чувашской Республике Е.Г. Шумилова, 17 апреля 2026 г. во время Международной научно-практической конференции «Эвакуация во время Великой Отечественной войны» в г. Чебоксары.

12. *Серебрянская Г.В., Сакович Н.В.* Дети в годы Великой Отечественной войны (на примере Волго-Вятского региона) // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. – Оренбург, 2020. – С. 275–278.

13. *Тимофеев В.В.* Детские эвакуированные учреждения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере республик Волго-Вятского региона) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы). – Чебоксары, 2010. – С. 149–154.

14. *Толстова Н.Ю.* Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: автореферат дис. … канд. ист. наук. – Чебоксары, 2023.

E.V. Yermilova,
T.Yu. Fedotova

RECEPTION AND ACCOMMODATION OF THE EVACUATED POPULATION IN THE MARIINSKY-POSADSKY DISTRICT OF THE CHUVASH ASSR

Annotation. The authors of the article focus on the reception and accommodation of the evacuated population in the Mariinsky-Posadsky District of the Chuvash ASSR. Based on archival documents, the article highlights the main measures related to providing housing, food, work, education, kindergartens, and one-time assistance to those who had been evacuated from life-threatening areas.

Keywords: evacuated population, Mariinsky Posad District, Chuvash ASSR, reception, accommodation, food supply.

УДК 37+908

Р.Л. Исхаков

СПЕЦИАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ СССР (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ШКОЛЫ ВВС, 1940–1955)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот факты о системе военных специальных школ Наркомпроса. В дополнение к 17 артиллерийским в 1940 г. были созданы 20 спецшкол ВВС и 7 спецшкол ВМФ. Раскрывается особая роль маршала Жукова Г.К., министра обороны Ворошилова К.Е., заместителя начальника артиллерии РККА генерал-полковника Грендаля В.Д., заслуженного летчика СССР, Героя Советского Союза Громова М.М. Приводятся нормативно-правовые документы функционирования школ. Показана судьба отдельных учеников спецшкол. Особое внимание уделяется Свердловской школе ВВС № 11.

Ключевые слова: всевобуч, положение о спецшколах ВВС, артиллерийские спецшколы, спецшкола ВВС, военно-морские средние школы, Межрегиональная общественная организация воспитанников специальных средних школ Военно-Воздушных Сил.

Специальные школы были созданы в системе Народного комиссариата просвещения СССР для целевой подготовки молодежи

в конкретных военно-учебных заведениях. Те военные спецшколы давали одну привилегию – гарантированное поступление в военное училище и далее лейтенантские кубики в петлицах или лейтенантские нашивки на рукавах. Это были школы восьмых, девятых и десятых классов с военной дисциплиной, военной формой одежды и летними военными лагерями. Кроме обычной общеобразовательной программы там изучались некоторые военные предметы.

Историю военных специальных школ описал выпускник Киевской спецшколы ВВС 1953 года полковник в отставке Толмачев Е.П. [10]. Пребыванию в Краснодарской спецшколе ВВС № 12 посвящена первая часть основанных на дневниковых записях воспоминаний бывшего командующего ракетно-космической обороны (РКО) генерал-полковника авиации Красковского Вольтера Макаровича [7]. (Более подробно о спецшколах – на сайте http://www.ruscadet.ru/, о Свердловской спецшколе ВВС № 11 – http://1723.ru/forums/index.php?act=ST&...t=60#entry50523.) В мемуарах восстанавливаются концептуальные основы национальной системы военного образования.

Дать нашей армии необходимый профессионализм, выковать новую этику и обеспечить развитие фундаментальной военной науки может только специально выстроенная система профессионального военного образования. Как следует строить эту систему? Каковы базовые ступени такого образования? Кто будет учить и учиться в соответствующих заведениях? Попробуем описать возможную модель национального военного образования.

Национальная система профессионального военного образования в России должна включать следующие основные ступени: первичное (начальное, профильное или кадетское), которое будут давать Суворовские (Нахимовские) военные училища, военные лицеи и кадетские корпуса Минобороны РФ; базовое, обеспеченное высшими военными училищами видов Вооруженных Сил РФ; специальное, которое представляет собой систему курсов по подготовке военных кадров по конкретной военной и родственным специальностям, существующим при видах Вооруженных Сил и родах войск. В том числе при назначении на должности в пределах тактического, оперативного или стратегического (государственного) уровня профессиональной компетентности; высшее профессиональное военное образование, получить которое можно будет

в военных академиях видов Вооруженных Сил РФ (по одной на вид); высшее профессиональное государственное образование, которое даст Государственная академия (сейчас это Военная академия Генерального штаба и Академия государственной службы). Профессиональное обучение более сотни тысяч командиров всех уровней проходили более чем в 200 военных училищах РККА и ВМФ, в 19 академиях, на 10 военных факультетах при гражданских вузах, семи военно-морских училищах [4, с. 206].

Одной из составных частей военной подготовки в СССР были специальные школы – средние общеобразовательные учебные заведения Наркомата просвещения, готовившие юношей 8–10-х классов для поступления в различные военные училища. В Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов в 1937 г. возникли так называемые артиллерийские школы, в 1940 г. – военно-морские и военно-воздушные. Инициативы по их созданию находили поддержку у профессиональных военных. Так, будущий маршал Советского Союза Жуков Г.К. помнил, что на его веку ВЦИК специальным декретом ввел в стране всеобщее военное обучение трудящихся (всевобуч) [4, с. 41]. Согласно декрету ВЦИК, с целью создания подготовленного мобилизационного резерва для Красной армии, каждый трудящийся в возрасте от 18 до 40 лет должен был пройти курс военного обучения без отрыва от производства. Женщины и подростки допризывного возраста (16–17 лет) курс военного обучения проходили на добровольных началах; военнослужащие и лица, прошедшие службу в армии, привлекались к занятиям для прохождения переподготовки или в качестве инструкторов. Прошедшие обучение считались военнообязанными [2].

К созданию сети специализированных военных школ подходили постепенно. По решению правительства от 5 мая 1937 г. в экспериментальном порядке пять московских средних школ Наркомата просвещения были ориентированы на подготовку юношей для поступления в военные училища. Обучение в них начиналось с 8-го класса, учебные программы претерпели некоторые изменения в сторону усиленного преподавания военного дела. В соответствии с Положением о специальных школах их выпускники могли после 10-го класса поступать в любое военное училище, однако уже в ноябре 1937 г. в Положение было внесено уточнение, по которому все

спецшколы становились артиллерийскими, а их выпускники шли на комплектование артиллерийских училищ.

Совет народных комиссаров утвердил Положение о спецшколах ВВС, в котором говорилось: «3. Специальные средние школы Военно-воздушных сил комплектуются из числа лучших учащихся средних школ мужского пола, прошедших специальную медицинскую отборочную комиссию ВВС и признанных годными к летной службе, окончивших отлично или хорошо 7 классов полной средней школы или неполную среднюю школу. 4. Математика, физика, химия, география, черчение, общая тактика, тактика ВВС и предметы по специальным службам ВВС преподаются в специальных средних школах Военно-воздушных сил по программам и учебникам, приспособленным к программам военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей и утвержденным Наркомпросом по согласованию с Народным комиссариатом обороны. Остальные предметы преподаются по общим программам и учебникам средних школ… 6. Для руководства военной и политической подготовкой назначаются военный и политический руководители из числа лиц командного и политического состава ВВС Красной армии. 7. Переводные и выпускные испытания учащихся специальных средних школ Военно-воздушных сил производятся в присутствии представителей военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей по назначению начальника Управления учебных заведений ГУ ВВС Красной армии. 8. Все учащиеся специальных средних школ Военно-воздушных сил носят присвоенную им форму одежды. 9. Специальные школы живут по общему школьному уставу… 11. Летние каникулы учащиеся проводят в специальных лагерях. Руководство лагерями, а также содержание учащих и учащихся в этих лагерях возлагается на наркомпросы. При прохождении летной практики при военно-авиационных училищах или частях ВВС учащиеся содержатся за счет Народного комиссариата обороны. 12. Окончившие специальные средние школы Военно-воздушных сил получают особый аттестат и распределяются по военно-авиационным училищам лётчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной армии начальником Управления учебных заведений Главного управления ВВС Красной армии при участии представителей Народных комиссариатов просвещения».

Летом и осенью 1941 г. началась эвакуация спецшкол из западных областей, подальше от приближавшегося фронта – на Алтай, Урал, в Сибирь, Казахстан, где они продолжали работать.

Сталин И.В. считал артиллерию важнейшим средством войны, вспоминал маршал Советского Союза Г.К. Жуков, много уделял внимания ее совершенствованию [4, с. 198]. С 1 января 1939 г. по 22 июня 1941 г. Красная армия получила от промышленности 29 637 полевых орудий, 52 407 минометов, а всего орудий и минометов с учетом танковых пушек 92 578. Подавляющее большинство этого оружия приходилось на войсковую артиллерию, входившую в штат частей и соединений. Непосредственно накануне войны Советский Союз располагал 60 гаубичными и 14 пушечными артиллерийскими полками РГК. Весной 1941 г. Советский Союз начал формирование десяти противотанковых артиллерийских бригад, но полностью укомплектовать их к июню не удалось [4, с. 197].

Возможно, именно артиллерия нуждалась в абитуриентах более других, но после того как начальник артиллерии РККА комкор (впоследствии главный маршал артиллерии) Воронов Н.Н. объявил об этом решении перед всеми учащимися, собранными в здании Московской консерватории, часть ребят, мечтавших стать моряками или летчиками, покинула спецшколы. Мальчишки мечтали о небе и море. Эксперимент затянулся. Только в 1940 г., когда артиллерийские спецшколы выявили все положительные стороны такой формы подготовки молодежи к кадровой военной службе, в дополнение к 17 артиллерийским были созданы 20 спецшкол ВВС и 7 спецшкол ВМФ.

Считается, что идея воссоздания подготовительных военно-учебных заведений была подсказана К.Е. Ворошилову заместителем начальника артиллерии комкором (впоследствии генерал-полковником) Грендалем Владимиром Давыдовичем (1884–1940), ученым-артиллеристом, много сделавшим для организации обучения артиллерийских кадров.

В 1937–1946 гг. функционировали артиллерийские средние школы: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я Московские, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я Ленинградские, 11-я Ростовская, 12-я и 13-я Киевские, 14-я и 15-я Харьковские, 16-я Одесская, 17-я Ереванская артиллерийские спецшколы. Среди выпускников: генерал армии Говоров В. (2-я),

генерал-полковники Лебедев В. (1-я), Неделин В. (16-я), Максимов А. (4-я), Потапов Ю. (2-я), Кончиц В. (2-я), Забегайлов Ю. (8-я), Малиновский Г. (7-я), генерал-лейтенанты Евстигнеев Е. (5-я), Бабешко А., Куликов Ю., Шорников С., Суетин А., Сергеев А. и другие крупные военачальники.

Двадцать спецшкольников-артиллеристов стали Героями Советского Союза. Из них только 2-я Московская взрастила шестерых Героев – лейтенант Фрунзе Т., капитан Прохоренко Н., майор Либман М., генерал армии Говоров В., генерал-лейтенант Новичков С., генерал-майор Микоян С. Другими спецшколами были воспитаны Герои: полковник Барданов А. (4-я), генерал-майор Бутылкин В. (5-я), генерал-лейтенант артиллерии Штанько С. (11-я), полковник Субботин В. (13-я), капитан Чайковский И. (13-я), капитан Поярков В. (14-я), капитан Барвинский А. (14-я), майор Павловский Р. (15-я), капитан Стрижак П. (15-я), капитан Тасуй Б. (15-я), лейтенант Вернидуб П. (16-я), капитан Богаткин В., младший лейтенант Ермолаев В., генерал-майор Зикеев В.

В 1946 г. система специальных артиллерийских школ была реорганизована: на базе 17 школ были созданы 10 артиллерийских подготовительных училищ Министерства Вооруженных Сил СССР. В Москве, около метро «Кропоткинская», в тихом Чертольском переулке стоит памятник – в массивной гранитной плите вырублены в полный рост фигуры офицера, четырех юношей в военной форме и подростка. На граните надпись: «Воспитанникам специальных артиллерийских школ, проявившим мужество и героизм в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов выступил со статьей в газете «Красный флот»: «Быстрый рост флота требует и быстрой, но тщательной подготовки начальствующего и рядового состава…» [8]. Настоящая цель спецшкол, их отличие от подготовительных школ 1920-х гг. выражена в статье: в новых условиях (читай, в условиях надвигающейся угрозы), чтобы при сокращении сроков обучения не снизить его качества, необходимо было вынести за рамки программы военных училищ изучение ряда общевойсковых дисциплин. Для военно-морских училищ с их четрехлетним сроком обучения эта проблема с приближением войны стала особо чувствительной, но актуальность подхода была несомненна для всех военных училищ.

В 1940–1944 гг. функционировали военно-морские средние школы: Московская, Ленинградская, Киевская, Горьковская, Одесская, Бакинская, Тихоокеанская спецшколы ВМФ.

ВКП(б) и Советское правительство развитию советской авиации всегда уделяли очень большое внимание. В 1939 г. Комитет обороны принимает постановление о строительстве девяти новых самолетостроительных заводов и семи авиамоторных; на следующий год еще семь заводов, уже из других отраслей народного хозяйства, перестраиваются на выпуск авиационной продукции. Авиапромышленность к концу 1940 г. возрастает по сравнению с 1939 г. более чем на 70 %. С 1 января 1939 г. по 22 июня 1941 г. Красная армия получила от промышленности 17 745 боевых самолетов. Из них 3719 самолетов нового типа [4, с. 201]. Авиационное строительство захватило и Урал – опорный край державы. В 1939 г. в Химках строится завод № 293 как производственная база ОКБ В.Ф. Болховитинова на территории «Фотолета» (организация, занимавшаяся аэрофотосъемкой). В начале 1940 г. опытный завод уже начал работать. В октябре 1941 г. завод эвакуирован в п. Билимбай Свердловской области. В конце 1942 – начале 1943 г. реэвакуирован в Химки [1].

Интересна история завода № 404 [6]. Свердловские авиаремонтные мастерские (САРМ) ГВФ образованы 16 марта 1939 г. по приказу № 1 начальника Управления ГВФ на базе Свердловских линейных мастерских. Они выполняли техническое обслуживание самолетов, движущихся по воздушным магистралям Москва – Иркутск, Свердловск – Москва и Москва – Магнитогорск. Деятельность завода началась с ремонта самолетов У-2, По-2 и авиадвигателей М-11, М-17, МГ-31. Осенью 1941 г. в их состав влиты эвакуированные Ленинградские авиаремонтные мастерские (затем они перебазированы в Вологду). Предприятие стало производить сборку бомбардировщиков СБ и боевых самолетов И-15, И-16, осуществлять замену двигателей на самолетах ЛИ-2 и ремонт наиболее востребованного в то время двигателя – АШ-62 ИР. С 1 января 1943 г. мастерские преобразованы в АРБ № 404 ГВФ. В послевоенные годы освоен ремонт двигателей АШ-82ФН для Ил-12 и АШ-82Т для самолетов Ил-14.

Расширение материальной базы как следствие повлекло возрастание самого числа авиационных соединений – к июню 1941 г. общее количество авиационных полков в строю по сравнению

с 1939 г. значительно увеличивается [4, с. 201]. Высшим тактическим соединением истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации становится дивизия, преимущественно смешанная, состоявшая из четырех-пяти полков. Каждый полк включал четырепять эскадрилий. Постановлением «О реорганизации авиационных сил Красной Армии» предусматривалось формирование новых частей (106 авиаполков), расширение и укрепление военно-учебных заведений ВВС. К концу мая 1941 г. удалось сформировать и почти полностью укомплектовать 19 полков [4, с. 202].

Накануне войны соотношение между важнейшими родами ВВС было следующим: бомбардировочные авиаполки – 45 %, истребительные – 42 %, штурмовые, разведывательные и другие – 13 % [11]. В апреле 1941 г. начинается формирование пяти воздушно-десантных корпусов [4, с. 202].

Большую роль в создании специальных школ для Военно-воздушных сил сыграл прославленный летчик М.М. Громов, крупнейший знаток проблем обучения высококлассных пилотов. Генерал-полковник авиации (1944), Герой Советского Союза (1934), заслуженный летчик СССР Михаил Михайлович Громов (1899—1985) в 1940–1941 гг. возглавлял Летно-исследовательский институт (ЛИИ). Великую Отечественную войну он начал в звании полковника. С декабря 1941 г. – командир авиадивизии, затем командовал ВВС Калининского фронта, 3-й и 1-й ВА, в 1944 г. возглавил Главное управление боевой подготовки фронтовой авиации, в 1946–1949 гг. командовал дальней авиацией, затем находился на ответственной работе в Министерстве авиационной промышленности СССР.

При непосредственном содействии Громова в мае 1940 г. руководство ВВС обратилось в правительство с просьбой «организовать… авиационные спецшколы Наркомпроса по типу артиллерийских с обязательным ежегодным выходом в лагеря, с организацией общежитий (интернатов) для иногородних учеников». Правительство приняло положительное решение. В постановлении указывалось, что «в целях подготовки кадров для комплектования военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной армии предложить Совнаркомам РСФСР, УССР, БССР, Грузинской ССР и Армянской ССР организовать в системе народ-

ных комиссариатов просвещения 20 специальных средних школ Военно-воздушных сил (в составе восьмого, девятого и десятого классов) в следующих городах: Москве, Ленинграде, Воронеже, Горьком, Саратове, Сталинграде, Иванове, Курске, Свердловске, Ростове-на-Дону, Казани, Краснодаре, Киеве, Ворошиловграде, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Минске, Тбилиси и Ереване» [9].

В 1940–1955 гг. функционировали военно-воздушные средние школы. Каждая спецшкола получила свой номер: 1-я Московская (ст. Заводоуковск Тюменской области), 2-я Ленинградская, 3-я Ивановская, 4-я Курская, 5-я Горьковская, 6-я Воронежская (в Липецке), 7-я Сталинградская, 8-я Саратовская, 9-я Казанская, 10-я Ростовская, 11-я Свердловская, 12-я Краснодарская, 13-я Киевская, 14-я Одесская, 15-я Днепропетровская, 16-я Харьковская, 17-я Тбилисская, 18-я Минская, 19-я Ворошиловградская, 20-я Ереванская спецшколы ВВС [7].

1-ю Московскую спецшколу ВВС окончили ведущий инженер по летным испытаниям авиадвигателей Радий Георгиевич Ленский (1943), прославленные космонавты Владимир Комаров (1945) и Лев Степанович Демин (1945), Одесскую спецшколу ВВС – космонавт генерал-майор Георгий Шонин. В годы Великой Отечественной войны 1-ю Московскую спецшколу эвакуировали в Тюменскую область, размещалась в здании санаторно-лесной школы Заводоуковска (до 1944 г.), куда также был эвакуирован Воронежский авиационный завод. В городе вместе с отцом, преподавателем спецшколы, проживала поэтесса Юлия Друнина. После войны первые четыре года начальником авиационной подготовки в московской спецшколе работал легендарный летчик Алексей Петрович Маресьев. В 1946 г. окончил Ленинградскую спецшколу ВВС летчик-испытатель Герой Советского Союза Эдуард Иванович Кузнецов.

Директором Свердловской спецшколы ВВС в 1941 г. был капитан ВВС Д.С. Серебренников, его заместителем по строевой части и командиром батальона – капитан Казанцев. Учебной частью заведовал гражданский преподаватель О.М. Василюк. Комсоргом ЦК ВЛКСМ, который руководил комсомольской организацией школы ВВС, был Михаил Михайлович Пилипенко (1919–1957), затем – известный уральский поэт-песенник, автор слов известной песни

«Уральская рябинушка»[1]. Он родился в 1919 г. в г. Сумы (Украина) в семье рабочего-столяра. В 1937 г. поступил в Одесский институт водного транспорта, но в 1938 г. оставил его и поступил в Харьковский государственный университет. В 1941 г. (по окончании третьего курса) добровольцем ушел на фронт. Был дважды ранен. В 1942 г. был отправлен на лечение в Свердловск. После выписки работал на Уралмашзаводе. С марта 1944 г. – на комсомольской работе: комсорг ЦК ВЛКСМ школы ВВС № 11, секретарь комитета ВЛКСМ Уралмашзавода, член бюро Свердловского обкома ВЛКСМ. В 1948 г. окончил историко-филологический факультет УрГУ. С 1 июня 1949 г. стал работать в газете «На смену!» – сначала заместителем редактора, потом редактором. Выпустил несколько стихотворных сборников. Прожил всего 37 лет. Похоронен в Екатеринбурге на Ивановском кладбище – недалеко от могилы Павла Петровича Бажова.

Структурно каждая спецшкола была подобна армейскому подразделению: она делилась на роты, взводы во главе с командирами, все подчинялось строгому воинскому распорядку. Надо отметить, что, хотя это и было поначалу непривычно, но нисколько не тяготило учащихся: ведь сюда шли по зову сердца, заранее настроив себя на преодоление любых трудностей.

Начальники (директора) школ назначались из числа гражданских лиц Наркомпросом, но с согласия Управления учебными заведениями ВВС Красной армии. Каждый руководитель школы имел трех заместителей: по учебной работе (завуч), а также по политической и по строевой части. Два последних являлись кадровыми военными. Завуч занимался организацией учебного процесса, ведал канцелярией штаба школы; заместитель по политической части отвечал за политическое воспитание; заместитель по строевой части руководил собственно военным обучением ребят и именовался командиром отдельного батальона. Постоянный состав батальона – преподаватели

[1] Песня стала мировым шлягером. Ее еще в 1954 г. записали на радио и моментально выпустили на пластинках каким-то фантастическим тиражом (точных цифр найти не удалось, но известно, что тираж печатали все заводы грамзаписи Советского Союза – московский, апрелевский, ленинградский, рижский, ташкентский, тбилисский) [9].

и командиры, переменный – учащиеся, объединенные в три роты. Первая рота – выпускная, она состояла из учеников, проходивших курс обучения по программе 10-го класса средней школы; во второй и третьей ротах находились спецшкольники, обучавшиеся, соответственно, по программам 9-го и 8-го классов средней школы. Во главе каждой роты стоял командир, назначаемый из лиц командного состава запаса ВВС, и его помощник – старшина роты, замещавший командира в его отсутствие. Старшина назначался приказом начальника школы из лучших учащихся, постоянно находился при роте и управлял ее жизнью в соответствии с действующими уставами Красной армии. Каждая рота подразделялась на пять взводов. По меркам обычной школы это было пять параллельных классов, во главе каждого также стоял командир, назначавшийся из преподавателей школы (в том числе и из числа женщин). По сути дела, это были обычные классные руководители, однако с более широкими правами и обязанностями, чем их гражданские коллеги. Первым помощником командира взвода являлся, как и в армии, помкомвзвода, который командовал и управлял жизнью взвода во всех случаях отсутствия командира. Помкомвзвода находился в подчинении старшины роты и имел в подчинении командиров отделений своего взвода. Помкомвзвода и командиры отделений также назначались из учащихся школы. Они назывались младшими командирами и обладали соответствующими правами и обязанностями. Нижним звеном в этой «иерархии» являлся сам учащийся, который также имел соответствующие права, но в большей степени – обязанности.

Обучение, обмундирование, питание, а для некоторых учащихся и жилье – все оплачивалось государством. Большинство учащихся школы (местные) жили в своих семьях и каждое утро обязаны были являться к утреннему построению, поверке и зарядке. Затем следовали завтрак, занятия, обед, самоподготовка (приготовление уроков) и ужин, после чего воспитанники отправлялись домой. Иногородние учащиеся проживали в интернате при спецшколе, где царил жесткий распорядок дня с подъемами, построениями и отбоями, т.е. в полном соответствии с Уставом внутренней службы Красной армии. Конечно, ребятам было тяжеловато, зато они не теряли время на дорогу от дома до школы, у них лучше было развито чувство коллективизма, они впоследствии быстрее адаптировались к жиз-

ни воинских коллективов. С введением в Красной армии погон они появились с января 1944 г. и на плечах учащихся спецшкол, приказ народного комиссара обороны СССР № 307 от 26 октября 1943 г. подписан лично И.В. Сталиным.

Приказом Наркомата торговли № 176 от 7 апреля 1943 г. «Об установлении норм питания для учащихся специальных военных школ, находящихся в ведении Наркоматов просвещения союзных республик» были установлены следующие нормы питания: хлеб – 800 г (в день); мясо-рыба – 2200 г (в месяц); жиры – 700 г (в месяц); крупа-макароны – 2700 г (в месяц); сахар – 500 г (в месяц).

Поступление в спецшколу определялось конкурсом аттестатов за семилетку. Большая часть поступивших были отличниками. Допускалось в аттестате не более трех-четырех четверок. Поступавшие проходили строгую медицинскую комиссию. Требования к поступившим были высокие [12]. Специально созданные комиссии проверяли знания абитуриентов по всем общеобразовательным дисциплинам, прежде всего по математике, физике, химии и иностранному языку. Помимо прохождения медицинской комиссии каждый поступающий должен был продемонстрировать свою физическую подготовку на спортивных снарядах. Высоко оценивалось наличие спортивных значков: «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим» и других. Учитывался и интеллектуальный уровень будущих авиаторов. Каждый поступающий должен был заполнить анкету, которая хранилась в его личном деле до окончания школы. По ней велась проверка абитуриентов органами НКВД. Попасть в спецшколу ВВС теперь оказалось довольно трудно: за чистотой ее рядов особенно тщательно следили органы НКВД. В спецшколу не принимали лиц, имеющих родственников за границей или репрессированных. В отношении же юношей, чьи родственники или они сами проживали на временно оккупированной немецкими захватчиками территории, проводилась тщательная проверка: не сотрудничали ли они с немцами. Выяснением этого, по сути, занимались и так называемые мандатные комиссии, которые нередко становились непреодолимой преградой для кого-либо на пути в небо. Недоверие к юношам, стремящимся посвятить себя службе Родине, проявлялось буквально во всем и наносило им серьезные моральные травмы.

Спецшкольники («спецы», как они себя называли) носили особую военную форму одежды, подразделявшуюся на летнюю и зимнюю. Последняя служила также и парадной. Голубые петлицы хлопчатобумажной гимнастерки были украшены эмблемой ВВС – «птичкой» и треугольниками знаков различия, чтобы можно было отличить рядового от командира.

В феврале – августе 1944 г. началась реэвакуация: спецшколы вернулись на свои прежние места и в них снова стали проводить набор учащихся. 11-я спецшкола ВВС находилась на ул. Малышева г. Свердловска в трехэтажном здании под номером № 71. Киевская спецшкола ВВС № 13, которая была эвакуирована на Урал во время войны, влилась в структуру Свердловской спецшколы.

Среди выпускников Свердловской спецшколы ВВС № 11 Герои Советского Союза и России Василий Петрович Борисов, полковник Эдуард Ваганович Елян (по прозвищу «Цыганок»), Юрий Никитич Харченко, заслуженные летчики-испытатели СССР – подполковник Василий Петрович Борисов, майор Юрий Никитович Харченко, заслуженные штурманы-испытатели СССР – полковник Петр Николаевич Черник. Погиб при испытании авиационной и космической техники капитан Юрий Петрович Лапин. Народный артист СССР, оперный певец Борис Штоколов окончил Свердловскую спецшколу. Окончил с отличием специальную школу ВВС № 11 Наркомпроса РСФСР (1941) кандидат исторических наук, доцент Свердловского государственного медицинского института (СГМИ, ныне Уральский государственный медицинский университет) Виктор Андреевич Саматов. Преподавала иностранный язык в спецшколе педагог-новатор Тамара Николаевна Дербукова, будущая заведующая кафедрой иностранных языков Уральского государственного университета.

В Ростове-на-Дону в спецшколе ВВС учился будущий Герой Социалистического Труда, хирург-офтальмолог Святослав Федоров. Московскую спецшколу окончил главный конструктор космического корабля «Буран» Геннадий Дементьев. Во 2-й Ленинградской спецшколе ВВС учился (правда, не доучился) Леонид Быков, снявший легендарный фильм «В бой идут одни “старики”». А Раднэр Муратов, сыгравший в «Джентльменах удачи» Василия Алибабаевича, – выпускник 9-й Казанской школы ВВС.

В январе 2009 г. в Москве состоялась Учредительная конференция Межрегиональной общественной организации (МОО) воспитанников специальных средних школ Военно-воздушных сил. В малом зале Дома ветеранов войны и военной службы на Олимпийском проспекте собрались представители от 14 бывших спецшкол Советского Союза [3]. По данным, которые удалось собрать Е.П.Толмачеву, за 15 лет существования (1940–1955) спецшколы ВВС окончили более 40 000 юношей, которые в дальнейшем связали свою жизнь со службой в авиации страны или стали высококвалифицированными специалистами в других областях. Из славной плеяды Героев Советского Союза этого почетного звания удостоились 23 воспитанника спецшкол, четверо стали дважды Героями, пятеро – Героями Социалистического Труда, 45 – заслуженными летчиками-испытателями, 12 – заслуженными штурманами-испытателями, 42 – заслуженными военными летчиками. 13 воспитанников спецшкол удостоены высоких званий лауреатов Ленинской и Государственной премий [10].

Источники и литература

1. *Васильев В.* Самую знаменитую уральскую песню слушает треть мира // Уральский рабочий. – 2017. – 22 июня.

2. Всеобщее обучение // Большая советская энциклопедия. Т. 5. – Москва, 1971.

3. *Денисов В.* Мальчишки мечтают о небе // Красная звезда. – 2009. – 2 июля.

4. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – Москва, 1971.

5. Испытатели 1: [электронный ресурс]. URL https://testpilot.ru/az_map/avia/zavod-293/ (дата обращения: 20.08.2026).

6. Испытатели 2: [электронный ресурс]. URL https://testpilot.ru/az_map/avia/zavod-404/ (дата обращения: 20.08.2026).

7. *Красковский В.М.* На службе неповторимой Отчизне: воспоминания. – Санкт-Петербург, 2007.

8. Красный флот. – 1940. – 28 июля.

9. Постановление № 2276 Совета народных комиссаров Союза ССР от 6 ноября 1940 г. «Об организации специальных средних школ Военно-воздушных сил». URL https://istmat.org/node/19812 (дата обращения: 20.08.2026).

10. *Толмачев Е.П.* Специальные соединение школы военно-воздушных сил. 1940–1955 гг. // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 3 [элек-

тронный ресурс]. URL https://history.milportal.ru/specialnye-soedinenie-shkoly-voenno-vozdushnyx-sil-1940-1955-gg (дата обращения: 20.08.2026).

11. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 35. Оп. 107559. Д. 13.

12. *Щербаков А.А.* Летчики, самолеты, испытания: [электронный ресурс]. URL www.testpilot.ru (дата обращения: 20.08.2026).

R.L. Iskhakov

SPECIAL MILITARY EDUCATION WITHIN THE SYSTEM OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION OF THE USSR (USING THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK AIR FORCE SCHOOL, 1940–1955)

Annotation. The article introduces into scientific circulation facts about the system of military special schools of the People's Commissariat for Education; in addition to the 17 artillery schools, 20 special schools of the Air Force and 7 special schools of the Navy were established in 1940. The special role of Marshal G.K. Zhukov, Defense Minister K.E. Voroshilov, Deputy Chief of Artillery of the Red Army, Colonel-General V.D. Grendal, and Honored Pilot of the USSR, Hero of the Soviet Union M.M. Gromov is revealed. The regulatory and legal documents governing the operation of the schools are presented. The fate of individual students from special schools is shown. Special attention is paid to the Sverdlovsk Air Force School No. 11.

Keywords: Vsevobuch, Regulations on Special Schools of the Air Force, artillery special schools, special school of the Air Force, naval secondary schools, Interregional Public Organization of Graduates of Special Secondary Schools of the Air Force.

УДК 94(47+57)«1941/1945»

А.Е. Коньшин

ОЦЕНКА БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ Д.А. КУДЫМОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена человека на войне. На основе опубликованных и архивных материалов освещается боевая работа одного из участников Второй мировой войны летчика-истре-

бителя Дмитрия Кудымова, непризнанного Героя Советского Союза. По критериям оценки боевой работы: количеству успешных боевых вылетов, проведенных воздушных боев, сбитых лично и в группе самолетов противника, историки относят его к «сталинским асам». Приемы боевой работы он отработал на японо-китайской войне и успешно применял в годы Великой Отечественной войны в составе ВВС Черноморского и Балтийского флотов. Однако по субъективным причинам его подвиги не получили высшего государственного признания.

Ключевые слова: летчик-истребитель Кудымов Д.А., ВВС Черноморского флота, штурмовка танковых колонн, ВВС Краснознаменного Балтийского флота, защитник трех городов-героев, плавучая батарея «Ниобе», морской конвой, парк «Патриот».

Капитан Кудымов встретил войну 22 июня 1941 г., будучи командиром эскадрильи ВВС Черноморского флота. Полк стоял в г. Очаков и нес боевое дежурство в акватории Черного моря: вел воздушную разведку, охранял бомбардировщики, летавшие в море для уничтожения кораблей противника, сопровождал свои корабли с эвакуируемым населением и оборудованием эвакуируемых предприятий.

Д.А. Кудымов (1909–2003). Краснознаменный Балтийский флот. Фотоальбом. Ленинград. 12 августа 1944 г. Фото Г. Чертова

18 отборных немецко-румынских дивизий, ломая сопротивление малочисленных советских войск, рвались к Одессе. Николаев и Херсон, обороняемые в основном силами народного ополчения, пали в середине августа, а Одесса геройски оборонялась 73 дня, и защитники оставили город по приказу Ставки ВГК уже в середине октября 1941 г. При эвакуации в Крым морем было вывезено 80 тыс. защитников Одессы, 500 орудий, более десятка танков, 160 тракторов, 3,5 тыс. лошадей и 90 тыс. т оборудования заводов. Авиационный полк, в котором служил Д. Кудымов, до последнего защищал небо Николаева и Одессы, сопровождал транспорт с эвакуированным населением и грузами, наносил удары по колоннам наступающего противника, ежедневно совершая 10–15 вылетов. Потери немецко-румынских войск у стен Одессы составили более 200 самолетов, около 100 танков и 160 тыс. солдат, во многом благодаря боевой работе 7-го истребительного авиационного полка [6, с. 36].

В сентябре 1941 г. фашисты захватили Крым. 30 октября началась оборона Севастополя. Гарнизон состоял из 40 тыс. солдат, береговой и корабельной артиллерии и 53 самолетов полка. На строительстве оборонительных сооружений работали ополченцы. После захвата Крыма Гитлер обрушил всю свою мощь на штурм Севастополя – главной военно-морской базы Черноморского флота. Все 250 суток героической обороны Севастополя полк Кудымова принимал непосредственное участие, защищая город с воздуха. Полк покинул небо Севастополя в конце июня 1942 г., а 1 июля Севастополь пал.

За период боевой работы на Черноморском флоте Кудымов совершил 219 успешных боевых вылетов, провел 19 воздушных боев, в которых сбил лично один «Мессершмитт» (Ме-110) и в паре с ведомым еще один Ме-109. При защите г. Николаева он первым применил истребитель Миг-3 при штурмовке колонны немецких танков (на малой высоте), за что был награжден вторым орденом Красного Знамени [3, с. 305].

После обороны Севастополя полк Кудымова был переброшен для защиты г. Новороссийска, куда из Севастополя заблаговременно перевели штаб Черноморского флота. Кроме того, этот город-порт стал важнейшим стратегическим центром, через который вывози-

лось демонтированное промышленное оборудование и эвакуированное население вглубь страны.

Летом 1942 г. полк отправили в тыл на переформирование, поменяли самолеты на новые, в учебном полку осваивали их и перегоняли на север к Ленинграду [6, с. 63].

В декабре 1942 г. майор Кудымов Д.А. получил назначение на Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) в распоряжение 21-го истребительного авиационного полка. Там он принял отдельную истребительную эскадрилью – 12 самолетов И-16 (четыре звена) с дислокацией на аэродроме «Гражданка» на окраине г. Ленинграда. Эскадрилье предписывалось прикрывать от атак истребителей противника тяжелые бомбардировщики Пе-2 и Ил-4 соседнего 57-го авиаполка, летавшие на уничтожение береговых дальнобойных и морских стационарных батарей, а также транспорта противника в море [5, с. 31]. В воздушных боях он не раз встречался с «непобедимыми» асами Люфтваффе. Среди известных побед того времени можно отметить тяжелый бой 12 января 1943 г., когда на сопровождаемые бомбардировщики устремились восемь «Мессершмиттов». В тяжелом бою группа Кудымова сбила четыре истребителя врага, не потеряв ни одного своего истребителя и прикрываемых штурмовиков. Сам командир сбил один истребитель Ме-109 [10, с. 2].

Блестящая победа была одержана 23 февраля 1943 г., когда группа Кудымова в составе восьми И-16, сопровождая бомбардировщики Пе-2, вступила в бой с пятью истребителями врага, которые отчаянно рвались к бомбардировщикам. В бою, улучив момент, Кудымов в лобовой атаке из пушки и пулемета расстрелял и сбил ведущего. Самолет FW-190 «Фоккер» упал на нейтральной полосе. На борту воздушного аса насчитали 29 знаков побед, одержанных пилотом ранее в воздушных боях Франции, Испании и Норвегии [6, с. 82]. Однако мастерство нашего летчика оказалось выше.

В феврале 1943 г. Кудымов в полку отмечал свой день рождения и важное событие в жизни – 10 лет за штурвалом. В связи с этим фронтовой поэт посвятил ему стихотворение «Бесстрашный сокол»:

Бесстрашный сокол наш Кудымов!
Ему сегодня тридцать три.
В любых боях непобедимый,
Таких зовут богатыри.
Бои в Уху, Ханькоу, Нанкин…
Он помнит летопись свою,
Где вражьи стаи наизнанку
Он выворачивал в бою.
Херсон, Одесса, Николаев
И Севастополь дорогой…
Кудымов бил здесь вражьи стаи
Всей силой мести огневой…

Об этом писала газета «Красный Балтийский Флот» 23 августа 1943 г. [10, с. 3].

В его боевой биографии действительно есть героическая страница: секретная спецкомандировка в Китай с целью оказания помощи в японо-китайской войне 1937–1938 гг. в составе ВВС Гоминьдана (правящая партия Китая). В этой войне он лично сбил два японских самолета ДБ-92 и в группе 45 самолетов типа И-96, но 18 февраля 1938 г. в бою был сбит и тяжело ранен. После лечения в госпитале г. Ханькоу в мае 1938 г. вернулся в Советский Союз [9, с. 11]. За героические подвиги в небе Китая Кудымов был награжден орденом Красного Знамени (08.03.1938). Сбитые самолеты в небе Китая не вошли в зачет, как не подтвержденные документально [2]. Возможно, из-за секретности миссии победы летчика в летную книжку заносить было нельзя.

Летом 1943 г. по настоянию врачей Д.А. Кудымову дали месяц отпуска для восстановления сил. К этому времени его боевой счет составлял 425 боевых вылетов и 40 воздушных боев, дважды был сбит самолетами противника и трижды подбит зенитками врага. Приезжал на родину в г. Кудымкар, в Верх-Юсьву, встречался в трудовых коллективах, а председатель Коми-Пермяцкого окрисполкома И.С. Софронов просил подбить за него один фашистский самолет [7, л. 8]. Об этом писали в той же газете «Красный Балтийский Флот».

С ноября 1943 г. майор Кудымов служил заместителем командира 21-го полка по летной подготовке и на самолете «Олег Кошевой» принимал участие в наиболее ответственных боевых операциях,

таких как потопление в порту финского г. Котка немецкой самоходной плавучей батареи «Ниобе» 16 июля 1944 г., для атаки которого командование ВВС КБФ использовало 153 самолета разных типов [12, с. 2].

«Всего за период Отечественной войны майор Д.А. Кудымов совершил 344 боевых вылета, провел 43 воздушных боя, в которых сбил лично – 6 и в группе с ведомым – 4 самолета противника», – писали в представлении к званию Героя Советского Союза 30 августа 1944 г. [8]. Однако руководство, хотя и согласовало представление к званию Героя, но при этом «допустили досадную ошибку», отметив, что он «сбил лично и в группе 4 самолета противника». Поэтому представление к званию Героя Советского Союза не было реализовано.

На Балтике его ценили. В 1943–1944 гг. майор Кудымов был в центре внимания балтийской прессы. Газета «Летчики Балтики» 3 января 1944 г. опубликовала его фотографию с надписью «Майор Д.А. Кудымов – защитник трех городов-героев: Ленинграда, Одессы и Севастополя» [4, л. 13]. Газета «Ленинградская правда» 3 марта и 2 июля 1944 г. помещала его фотографию и сообщала, что «летчик-истребитель Д.А. Кудымов – защитник г. Ленинграда. На его боевом счету 9 сбитых самолетов противника. Отважный летчик награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и 3 медалями за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя» [11, с. 1, 3]. Газета «Красный Флот» 2 сентября под его фотографией поместила: «Летчик-истребитель майор Д.А. Кудымов совершил 530 боевых вылетов, лично сбил 8 самолетов врага и 4 в групповых боях» [12, с. 1]. Известны также три пространные публикации в ленинградских газетах о его боевой работе на Балтике.

Осенью 1944 г. Кудымов получил новое назначение и перешел в Управление 9-й штурмовой авиационной дивизии ВМФ. В 1945 г. дивизия перебазировалась на аэродромы Польши, потом Германии. На своем Як-9 с надписью «Олег Кошевой» с боями долетел до Берлина и оставил свою подпись на стене рейхстага. За годы боевых действий он совершил 553 боевых вылета и лично сбил 12 самолетов противника (с учетом боевой работы в небе Китая) [1, биография].

Таким образом, можно отметить, что боевая работа Д.А. Кудымова в разных источниках оценивается по-разному. Балтийская пресса, боевые товарищи о нем отзывались с достоинством, уважением и любовью, а командование полка, «высокие начальники» умаляли его подвиги. Здесь, очевидно, имеет место конфликт характеров. Кудымов, кавалер орденов Красного Знамени, видимо, вел себя независимо, что не всегда нравилось. Когда терпение кончилось, он при первой возможности покинул 21-й полк 8-й авиадивизии Краснознаменного Балтийского флота и перешел в 9-ю авиационную дивизию ВВС Военно-Морского флота СССР.

Жители округа, земляки по достоинству оценивают ратный труд летчика Д.А. Кудымова, и «за 553 боевых вылета и сбитые 12 самолетов врага», каждый из которых являлся героическим подвигом, принято решение Общественного совета Коми-Пермяцкого округа установить памятник в г. Кудымкаре. По нашему мнению, этот памятник Дмитрию Александровичу Кудымову будет установлен вполне заслуженно. Героем он всенародно признан.

Дмитрий Александрович закончил службу в 1953 г. в звании полковника, имея пять орденов Красного Знамени, медали «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Ленинграда» и др.

Что касается официального документа о присвоении Д.А. Кудымову звания Героя Советского Союза, то его пока нет. В течение 10 лет Совет ветеранов Коми-Пермяцкого округа, другие общественные организации письменно обращались в Министерство обороны РФ, центральные органы власти и к Президенту РФ с ходатайством о присвоении Кудымову звания Героя Советского Союза (России). В апреле 2022 г. на официальном сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа» и в Музейно-храмовом комплексе «Дорога памяти» в парке «Патриот» в Москве появилась информация о том, что Дмитрий Александрович Кудымов является Героем Советского Союза и ему вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», но без указания даты [3, с. 306]. Вопрос остается открытым.

Источники и литература

1. *Абрамов А.М.* Сайт Красные Соколы. Советские летчики. 1936–1953. (Поименный алфавитный список, биография Кудымова Д.А.).

2. *Быков М.Ю.* Все асы Сталина. 1936–1953. – Москва, 2014.

3. *Коньшин А.Е.* Коми-Пермяцкий округ в Великой Отечественной войне. Энцикл. словарь. – Киров, 2025.

4. КПКМ (Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка). ОФ. 2046.

5. *Кудымов Д.А.* Крылом к крылу. Воспоминания. – Таллинн, 1987.

6. *Кудымов Д.А.* Огненная высота. Воспоминания. – Пермь, 1980.

7. ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 200. Оп. 53. Д. 115.

8. Подвиг народа. Электронный сайт МО РФ. URL: https://podvignaroda.ru/?#tab=navHome (дата обращения: 06.07.2026).

9. *Сидорчик А.* Удар генерала Фынь По. Как советские летчики совершили подвиг для Китая // АИФ. – 2015. – 11 июля.

10. *Сцепуро Е.* Защитник трех городов-героев // Красный Балтийский Флот. – 1943. – 11 февр.

11. *Сцепуро Е.* На самолете Олег Кошевой // Ленинградская правда. – 1944. – 3 марта; 2 июля.

12. *Чертов Г.* Орденоносец летчик-истребитель майор Кудымов Д.А. // Красный Флот. – 1944. – 2 сент.

A.E. Konshin

ASSESSING THE COMBAT PERFORMANCE OF FIGHTER PILOT D.A. KUDYMOV IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

Annotation. The article is devoted to understanding the phenomenon of a person's place in war. Based on published and archival materials, it examines the combat activities of one of the participants in World War II – fighter pilot Dmitry Kudymov, an unrecognized Hero of the Soviet Union. Based on the criteria for assessing combat performance – the number of successful combat missions, the number of aerial battles conducted, and the number of enemy aircraft shot down personally and as part of a group – historians classify him as one of the "Stalin's aces." He honed his combat techniques during the Sino-Japanese War and successfully applied them in the Great Patriotic War while serving in the air forces of the Black Sea and Baltic Fleets. However, for subjective reasons, his work did not receive the highest state recognition.

Keywords: fighter pilot D.A. Kudymov, Black Sea Fleet Air Force, ground attack on tank columns, Baltic Fleet Air Force of the Red Banner, defender of three Hero Cities, floating battery "Niobe", naval convoy, Patriot Park.

УДК 355.484

В.Н. Мамяченков

ГЕНЕРАЛ С УРАЛА, КАКИХ БЫЛО МАЛО… (ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Г.Н. МИКУШЕВ)

Аннотация. Статья посвящена героической судьбе одного из советских генералов, войска которых в 1941 г. первыми встретили внезапное нападение нацистской Германии на СССР. Подробно анализируется биография исследуемой личности и короткий, но славный боевой путь командира дивизии генерал-майора Г.Н. Микушева. Подчеркивается, что в отличие от большинства других советских военачальников, он хорошо подготовил свою дивизию к вражескому нападению. При написании статьи автор использовал необходимую литературу, а также информацию с сайтов сети Интернет, посвященных истории Второй мировой войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 год, генерал-майор Микушев Г.Н., 41-я стрелковая дивизия, героическая гибель.

В последние годы исследователи истории Великой Отечественной войны отмечают значительный рост интереса к личности генерала Г.Н. Микушева, командовавшего в 1941 г. 41-й стрелковой дивизией и погибшего 12 сентября того же года. На наш взгляд, главную роль здесь сыграли два обстоятельства. Первое – это то, что в 1990-е и в более поздние годы российские архивы становились все более доступными для исследователей истории Великой Отечественной войны, и особенно это касалось самого трудного ее периода – 1941–1942 гг. А второе – это повсеместное распространение Интернета, ставшего хранилищем самой различной информации.

Хотя, конечно, нельзя сказать, что интерес к этой личности отсутствовал в прошедшем веке: имя Микушева там все-таки «обозначилось» в историографии прошедшей войны. И первой публикацией о нем стала статья В.И. Срыбника, майора запаса, бывшего работника политотдела 41-й стрелковой дивизии, в кунгурской районной газете «Искра» в 1966 г. [6]. Затем появились книги А.Н. Щеколдина и В.Н. Варзакова [1], а также сборник «Год 1941. Юго-Западный фронт» с воспоминаниями того же В.И. Срыбника [7]. Но в сборнике было опубликовано около 60 статей, также написанных исключительно в бодро-патриотическом духе, на фоне которых ста-

тья о генерале Микушеве ничем особенным не выделялась. Наконец, в 1985 г., к 40-летию Победы, в уже упомянутой газете «Искра» появилась статья В.М. Колобова «Генерал Микушев» [3].

Кто же такой был генерал-майор Георгий Николаевич Микушев и чем он прославился? Наш герой по национальности был зырянином и родился 24 мая 1898 г. в уральском городе Кунгур тогдашней Пермской губернии (напомним, что тогда в ее состав входила и нынешняя Свердловская область, а Екатеринбург был всего лишь уездным городом) в обычной небогатой рабочей семье переселенцев из Усть-Сысольска (современный Сыктывкар, столица Республики Коми). О его детстве практически ничего не известно. Мы знаем только, что в 1916 г. он окончил реальное училище в том же Кунгуре и добровольно решил пойти на фронт. Но его начальство, видимо, оценив образовательный уровень юноши, а также острую нехватку офицерского состава, направило его в Алексеевское военное училище в Москве. Впрочем, московская учеба длилась недолго: уже в декабре того же 1916 г. Микушев окончил ускоренный курс подготовки младших офицеров и в начале следующего года в чине прапорщика (напомним, что в царской армии это – первый офицерский чин) был направлен в запасной пехотный полк. Там он прослужил до августа 1917 г., после чего был уже отправлен на фронт. Как известно, на фронте люди растут быстро (конечно, те, кто выживает): Микушева сразу же назначили командиром роты. И, надо сказать, он оправдал это доверие: за смелость и умелое руководство ротой в том же 1917 г. ему был присвоен уже чин подпоручика (в современном значении – лейтенанта).

Но в 1917 г. Российскую империю, как известно, потрясают сразу две революции, и армия просто разваливается. В январе 1918 г. Микушев был демобилизован и вернулся в родной Кунгур. Но, судя по всему, гражданская служба его не слишком привлекала, и в августе 1918 г. он добровольно вступил в Красную армию, где опять-таки сразу же был назначен командиром роты. А дальше началась его военная карьера: сначала начальник оперативной части бригады, затем – адъютант командира бригады и далее по восходящей. Вместе с армией Микушев в качестве красного командира исколесил всю Россию. Сначала он воевал на Восточном фронте, где прошел с боями от Приволжья до Забайкалья, а осенью 1920 г. был уже на

Южном фронте, где участвовал в Перекопско-Чонгарской операции против армии барона П.Н. Врангеля. Гражданская война завершилась для Микушина только в 1921 г., когда он воевал против оставшихся отрядов Н.И. Махно.

После окончания Гражданской войны Микушев остался в армии и постепенно продвигался по служебной лестнице (не забыв для успешного роста карьеры вступить в партию). При этом он сменил целый ряд должностей от помощника начальника штаба полка и помощника начальника штаба знаменитой 25-й Чапаевской стрелковой дивизии до командира стрелкового полка этой же дивизии. Такому продвижению способствовало и то, что Микушев постоянно повышал свой военно-образовательный уровень: в конце 1920-х гг. он окончил стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава, а в дальнейшем заочно окончил и Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Пика своей военной карьеры Микушев достиг в августе 1939 г., когда стал командиром 41-й стрелковой дивизии Киевского особого военного округа. В июне 1940 г. после переаттестации ему было присвоено звание генерал-майора. Надо сказать, что Микушева всегда отличало ревностное отношение к службе, а поэтому возглавляемые им полк и дивизия всегда были в числе лучших. Кроме того, ему была свойственна независимость и смелость мышления, что особенно ярко и проявилось накануне и с началом Великой Отечественной войны. И, наконец, он обладал интуицией профессионального военного, которая не обманула его в июне 1941 г. Что же касается его человеческих качеств, то маршал Голиков Ф.И. в своих послевоенных мемуарах написал, что у Микушева «…характерными чертами являлись скромность, сдержанность, немногословие, высокая дисциплинированность и исполнительность, точность и аккуратность в выполнении всех своих служебных обязанностей, большая вдумчивость» [4].

Микушев был убежден в скором начале войны, а поэтому интенсивно готовил командиров и бойцов дивизии к боевым действиям. Его не успокоило даже известное заявление ТАСС (фактически – заявление советского правительства) от 14 июня 1941 г. о том, что якобы готовящееся вторжение Германии на территорию СССР является всего лишь необоснованным слухом. Как известно, это заявле-

Генерал-майор Г.Н. Микушев. 1940 г.

ние дорого обошлось советской армии и всему советскому народу. Таким образом, к началу войны личный состав дивизии оборудовал 50-километровый оборонительный рубеж вдоль государственной границы. А в середине июня 1941 г. генерал Микушев отдал распоряжение командирам полков вернуть личный состав с полевых занятий и строительных работ в места постоянной дислокации. В субботу 21 июня 1941 г. комдив приказал привести все части в полную боевую готовность [4]. При этом надо понимать, что все это он делал фактически под свою личную ответственность, мало того – рискуя своей военной карьерой и даже чем-то большим. Дело в том, что в это тревожное время откровенно не поощрялись и всячески пресекались даже малейшие разговоры о возможной войне с Германией.

Здесь будет уместно напомнить судьбу одного из героев обороны Брестской крепости командира 44-го полка 42-й дивизии, Героя Советского Союза майора Гаврилова П.М. Вот как об этом написал

известный писатель С.С. Смирнов: «Со свойственным ему прямодушием Гаврилов в беседе с бойцами и командирами не раз говорил, что война не за горами, что опасный сосед за Бугом способен на все и Гитлеру ничего не стоит разорвать мирный договор с Советским Союзом, как рвал он до этого другие международные соглашения… Нашелся человек, написавший на Гаврилова заявление в дивизионную партийную комиссию. Его обвиняли в том, что он говорит о неизбежности войны с Германией и этим сеет тревожные настроения среди своих подчиненных. Обвинение было очень серьезным… Комиссия назначила слушание его персонального дела на 27 июня 1941 года» [5, с. 130]. От себя добавим: получается, что только начавшаяся война оправдала действия Гаврилова.

Дивизия генерала Микушева была практически полностью укомплектована личным составом и обеспечена материальной частью, но ее командир был лишен права заранее поднять ее по боевой тревоге и занять подготовленные укрепленные позиции – за это он бы уж точно поплатился своей головой. Здесь опять-таки уместно вспомнить мужественный поступок командующего советским Военно-морским флотом адмирала Кузнецова Н.Г., который в ночь на 22 июня отдал приказ о приведении флотов в полную боевую готовность, что позволило избежать потерь кораблей и морской авиации. Но и он, будучи в ранге наркома, при этом очень сильно рисковал, о чем убедительно рассказывается в художественном фильме «Адмирал Кузнецов».

Возникает вопрос: почему же так мало у нас оказалось командиров, которые бы решились хотя бы на какие-то действенные меры по подготовке к отражению уже весьма вероятной агрессии? Ответ, конечно, кроется в той обстановке, которая царила в советских Вооруженных Силах накануне войны. А обстановка эта была создана, во-первых, массовыми необоснованными репрессиями среди командного состава армии и флота в 1937–1938 гг., а во-вторых – жесточайшим подавлением малейшего проявления инициативы «снизу» без согласования ее в вышестоящими инстанциями. В результате большинство командиров просто боялись эту инициативу проявить и ждали руководящих указаний из вышестоящих штабов.

А ведь даже та подготовка к вторжению, которую провел генерал Микушев, уже дала возможность его дивизии достойно встретить

превосходящего ее по силе врага: против дивизии генерала выступило пять гитлеровских пехотных дивизий, за которыми во втором эшелоне следовал моторизированный корпус из отборных соединений СС. При этом в воздухе господствовала немецкая авиация, наша авиация, как известно, уже в первые часы войны понесла громадные потери опять-таки, что там ни говори, вследствие беспечности ее командиров. Именно за это сполна расплатился командующий авиацией Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Птухин Е.С., который был в итоге осужден военным трибуналом и расстрелян. (Кстати, командующий ВВС соседнего Западного фронта генерал-майор Копец И.И. просто застрелился в день начала войны.)

Между тем 41-я стрелковая дивизия целых пять долгих дней удерживала Рава-Русский укрепленный район. Могла бы она оборонять его и дальше, но это грозило окружением, поскольку соседние дивизии быстро отступали. Дивизия Микушева потеряла около трети личного состава, но отошла организованно и боеспособности не потеряла. Время было выиграно не только героической обороной, но и периодическими вылазками с контратаками, во время которых даже брались пленные. Немцы никак не ожидали подобного отпора от, как им казалось, уже полностью деморализованных советских войск. Например, генерал Микушев, правильно оценив обстановку, ударил во фланг 262-й немецкой дивизии, которая, как впоследствии было отмечено в официальных немецких документах, «оказалась подвержена боязни противника и отступила» [4]. Стоит ли говорить, что в первые тяжкие дни Великой Отечественной войны таких случаев было чрезвычайно мало.

Бывший работник политотдела дивизии В.И. Срыбник вспоминал: «В сводке Совинформбюро от 23 июня сообщалось, что “…на Рава-Русском направлении противник, вклинившийся с утра на нашу территорию, во второй половине дня контратакой наших войск был разбит и отброшен за госграницу”». О славных боевых делах защитников приграничных рубежей у Равы-Русской узнала вся страна… С 22 по 26 июня длились кровопролитные бои на подступах к Раве-Русской. Фашисты, обладая значительным перевесом сил, так и не смогли сломить железной стойкости воинов 41-й дивизии, вместе с которыми дрались бойцы и командиры

91-го погранотряда, возглавляемого майором Малым Я.Д., и подразделения укрепрайона, которыми командовал полковник Сысоев Ф.С. Дивизия отошла только по приказу, полученному из штаба 6-й армии». А уже упомянутый нами маршал Советского Союза Голиков Ф.И. подвиг 41-й стрелковой дивизии по своей значимости сравнил с подвигом героев обороны Брестской крепости [7, с. 57, 60].

После выхода к своим дивизия получила задачу прикрывать отход главных сил 6-й армии и несколько дней отбивала немецкие атаки. При этом снова попала в окружение и опять вырвалась из него (!). Пройдя с 9 по 16 июля процесс доукомплектования (и даже еще не закончив его) она вновь была брошена в бой и отличилась уже в оборонительных боях под Киевом и Белой Церковью. Но, к великому сожалению, именно в этих боях и сложил голову славный командир 41-й дивизии генерал-майор Микушев. Произошло это 12 сентября 1941 г. близ пос. Козелец, находящегося в 40 км от железнодорожной станции Бобровицына линии Киев – Нежин. В критическую минуту боя командир дивизии лично повел бойцов в контратаку, находясь непосредственно в первой цепи атакующих. Конечно, прямо скажем, не генеральское это дело – идти в атаку под огнем врага. Но не всегда даже испытанный командир может сдержать свои эмоции. В результате советская армия потеряла замечательного военачальника, который (в этом можно не сомневаться), останься он в живых, в течение войны наверняка бы дорос до должности командарма, а может быть – и выше.

Генерал-майор Микушев сначала был похоронен в Киеве на территории Ботанического сада, а в 1966 г. со всеми почестями перезахоронен на Лукьяновском военном кладбище. Обидно осознавать, что героическая деятельность генерала Микушева на посту командира дивизии своевременно никак не была отмечена. Оправданием этому может быть лишь то, что в тяжком для страны сентябре 1941 г. соответствующим начальникам часто было не до распределения наград. Только в преддверии празднования 20-й годовщины Победы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 г. он «за мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками» был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Место захоронения Г.Н. Микушева на Лукьяновском военном кладбище г. Киева

Памятная доска на месте гибели Г.Н. Микушева

Награда, прямо скажем, не соответствующая его большому вкладу в события горького и памятного 1941 г. Нам остается только верить, что Золотая Звезда героя все-таки найдет героического генерала даже спустя многие десятилетия после его гибели. Ведь не зря говорится, что никто не забыт и ничто не забыто…

Источники и литература

1. *Варзаков В.Н.* Железный комдив: [Командир 41-й стрелковой дивизии Г.Н. Микушев. 1898–1941]. – Пермь, 1968.

2. Из летописи земли кунгурской: Сб. ист.-краевед. материалов. – Пермь, 1967.

3. *Колобов В.М.* Генерал Микушев // Искра (Кунгур). – 1985. – 7 мая.

4. РИА «Новости». История «железного комдива» Георгия Микушева [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20260520/achiya-2093580365.html (дата обращения: 28.08.2026).

5. *Смирнов С.С.* Брестская крепость. – Москва, 1969.

6. *Срыбник В.* Такие не умирают // Искра (Кунгур). – 1966. – 21 июня.

7. *Срыбник В.И.* Добрая слава // Год 1941. Юго-Западный фронт. – Львов, 1970. – С. 56–62.

V.N. Mamyachenkov

A GENERAL FROM THE URALS, OF WHICH THERE WERE FEW... (MAJOR GENERAL G.N. MIKUSHEV)

Annotation. This article is dedicated to the heroic fate of one of the Soviet generals whose troops were the first to respond to Nazi Germany's surprise attack on the USSR in 1941. It analyzes in detail the biography of this individual and the short but glorious combat career of division commander Major General G.N. Mikushev. It emphasizes that, unlike most other Soviet military leaders, he prepared his division well for the enemy attack. In writing this article, the author consulted relevant literature, as well as information from websites devoted to the history of World War II.

Keywords: Great Patriotic War; 1941; Major General G.N. Mikushev; 41st Rifle Division; heroic death.

УДК 930.2

А.А. Рязанов

АКТЫ КУЛЬТУРНОГО ГЕНОЦИДА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы проведения немецкими захватчиками культурного геноцида по отношению к культурным ценностям на временной оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Различные примеры уничтожения культурных ценностей и памятников архитектуры и истории показывают выверенную политику борьбы с исторической памятью и самоидентичностью советского народа.

Ключевые слова: культурный геноцид, культурные ценности, архитектура.

Культурный геноцид – целенаправленное и систематическое уничтожение культурных ценностей определенной национальной или религиозной группы с целью лишить эту группу самобытности, подорвать ее существование как уникального сообщества [1, с. 4]. Культурный геноцид является составной частью политики

геноцида, которая осуществлялась на оккупированной территории СССР. В документах определяется, что культурный геноцид не был спонтанным решением командиров и руководителей на местах, то была четкая и выверенная политика по уничтожению культурных ценностей, направленная на подрыв национальной идентичности и изменение исторической памяти народа для его не только физического уничтожения, но уничтожения его культурного наследия, для подрыва идеологического и морального состояния.

Фашистское командование отдавало конкретные приказы и распоряжения, касающиеся проведения политики культурного геноцида. Так, например, генерал-фельдмаршал фон Рейхенау, бывший командующий 6-й немецкой армии, 10 октября 1941 г. издал приказ: «О поведении войск на Востоке»: «Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру. Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения» [5, с. 9]. Данный приказ показывает, что борьбу против культуры и истории вели армейские части вермахта. Но были созданы и специальные части, и службы для проведения операций по уничтожению, а также по вывозу из СССР культурных ценностей.

Данные культурного геноцида использовалось советскими обвинителями на международном военном трибунале в Нюрнберге, особенно в адрес подсудимого Альфреда Розенберга, который с 1928 г. руководил «Боевым союзом за немецкую культуру», в годы войны занимал должность министра по делам оккупированных восточных территорий. Из выступления помощника Главного обвинителя от СССР М.Ю. Рагинского: «Розенберг имел широко разветвленный аппарат по разграблению культурных ценностей, многочисленные штабы и уполномоченных. Айнзацштаб «Розенберг» и начальник штаба «Розенберг» Утикаль были центром, куда стекались все нити, центром, который координировал преступную деятельность многих грабительских организаций, вдохновляемых и направляемых гитлеровским правительством и германским верховным военным командованием» [1, с. 37]. Так как культурный геноцид базировался на научной и идеологической основе, то некоторые культурные ценно-

сти должны быть уничтожены, а другие должны были стать частью нацистских трофеев. Такой подход определял особенности отбора культурного материала и его использование в научных и идеологических работах.

Еще в годы войны начался процесс государственной оценки ущерба объектам культуры. Как отмечается в документах: «Только в 23 районах Московской области, подвергавшихся оккупации, немцы полностью разрушили 537 деревень, 4363 жилых дома, уничтожили 947 школ, 159 больниц, 54 детских сада и яслей, 491 клуб» [5, с. 9]. В приказе захваченного частями Красной армии 512-го немецкого полка за подписью полковника Шитнига говорится: «Зона подлежащая смотря по обстоятельствам эвакуации, должна представлять собою после отхода войск пустыню... В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой дома, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы. Мероприятие по созданию опустошенной зоны должно быть подготовлено и проведено беспощадно и полностью» [2, с. 53].

Нельзя не сказать об актах вандализма и уничтожения культурных ценностей в Ленинградской области. Утраты музейного фонда катастрофические: в Екатерининском дворце-музее (современный город Пушкин; до 1992 г. – Царское Село) до войны по инвентарным описям числилось 42 172 предмета, за период войны был утрачен 30 151 предмет; в Александровском дворце г. Пушкина до войны по инвентарным описям числилось 30 382 предмета, за период войны было утрачено 22 628 предметов; в Павловском дворце-музее до войны по инвентарным описям числилось по 22 133 предмета, за период войны было утрачено 8715 предметов; в Гатчинском дворце-музее до войны по инвентарным описям числилось 54 030 предметов, за период войны утрачено 38 152 предмета; в дворцах-музеях Петергофа до войны по инвентарным описям числилось 31 511 предметов, за период войны было утрачено 16 700 предметов [1, с. 13].

При отступлении немецко-фашистских войск и их союзников проводились операции по вывозу ценностей, а также по уничтожению того, что нельзя было вывезти. Проводилось повсеместное

минирование дворцов и памятников архитектуры. Был заминирован дворец Марли при отступлении немцев из Петродворца. При отступлении в январе 1944 г. немецкие захватчики подготовили полное уничтожение того, что еще оставалось от Екатерининского дворца и примыкающих к нему зданий. С этой целью в нижнем этаже сохранившейся части дворца, а также под Камероновской галереей было заложено 11 больших авиабомб замедленного действия весом от одной до трех тонн [1, с. 35]. Данный пример показывает, что немецкое командование использовало тактику «выжженной земли», чтобы ничего не оставлять после себя. Уничтожению подвергалось все, что могло быть использовано Красной армией.

В годы войны была создана комиссия по охране и восстановлению архитектурных памятников при Академии архитектуры СССР. Ее задачей было ведение подробного учета разрушений и повреждений, нанесенным неприятелем памятникам русского зодчества. Из акта обследования архитектурных памятников г. Калинина от 31 марта 1942 г. следует: «Многочисленные архитектурные памятники г. Калинина в результате временной оккупации города немецкими войсками с 13 октября по 15–16 декабря 1941 года оказались в той или иной мере поврежденными или вовсе разрушенными» [4, с. 5]. Из акта обследования архитектурных памятников г. Калуги от 31 марта 1942 г. следует: «Комиссия обследовала архитектурные памятники города в количестве 35, из которых 12 оказались поврежденными в результате оккупации города немецкими войсками» [4, с. 13]. Из акта обследования архитектурных памятников архитектуры г. Богородицк Тульской области от 15 июня 1942 г. следует: «Вступившие в г. Богородицк 15 ноября немецко-фашистские войска разгромили город. Захватчики беспощадно жгли и грабили город и находящийся в нем большой санаторий. Город был буквально выжжен. По данным горсовета в городе сохранилось только 20 % прежней жилой застройки» [4, с. 24].

Большое количество повреждений зданий и сооружений отмечалось при деятельности вражеской авиации и артиллерии. В Севастополе, еще до захвата города, фашистские стервятники много раз пытались сбросить бомбы на выдающийся памятник – севастопольскую панораму. Наконец, фашистским пиратам удалось совершить чудовищное злодеяние – панорама была сожжена фашисткой

авиацией [5, с. 10]. Но полотно было вывезено и отреставрировано. И вновь было открыто для посещения, чтобы люди могли оценить мощь и грандиозность панорамы, посвященной обороне Севастополя 1854–1855 гг.

Противники России всегда были нацелены, чтобы уничтожать, что связано с героическим прошлым, и данные методы используются и в XXI в. Современный украинский неонацизм использует те же методы, что использовала нацистская Германия в годы Второй мировой войны. По сообщениям ИТАР-ТАСС от 10 июля 2026 г.: «Удар украинского беспилотника по зданию музея-панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 годов» стал атакой не только на объект культурного наследия, но и на один из главных символов исторической памяти города-героя и всей России» [3]. Данный пример показывает, что культурный геноцид, преступления против культуры и истории остаются преступными методами в рамках ведения военных действий. Борьба против культуры приобретает символическое значение и выступает приемом воздействия на противника.

Таким образом, культурный геноцид является частью борьбы с исторической памятью народа и подрыва его национального самосознания. Уничтожение уникальных культурных ценностей и исторических памятников являлось целенаправленной политикой немецких захватчиков и их союзников на оккупированной территории СССР. Важно сохранять культурное достояние нашего народа, ведь именно через него передается народная память. Современные попытки борьбы с памятниками и историческими ценностями показывают их важность и влияние, поэтому их сохранение и развитие является первоочередной задачей современного российского общества и государства.

Источники и литература

1. Культурный геноцид. Преступления нацизма против культуры в годы Великой Отечественной войны. Информационно-аналитические материалы. – Москва, 2025.

2. *Левин Д.В.* Ничего не забудем и ничего не простим фашистским преступникам. – Саратов, 1942.

3. «Мы точно панораму никому не отдадим»: в России ответили на удар по символу Севастополя // ИТАР-ТАСС от 10 июля 2026 [Электрон-

ный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/27719803 (дата обращения: 30.08.2026).

4. Памятники зодчества, разрушенные или поврежденные немецкими захватчиками. Документы и материалы. Вып. 1. – Москва, 1942**.**

5. *Яковлев М.* Чудовищные злодеяния немецких захватчиков. – Москва, 1942.

A.A. Ryazanov

ACTS OF CULTURAL GENOCIDE ON THE OCCUPIED TERRITORY OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Annotation. The article examines the issues of the German invaders carrying out cultural genocide against cultural values in the temporarily occupied territory of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. Various examples of the destruction of cultural values and architectural and historical monuments demonstrate a deliberate policy aimed at combating the historical memory and self-identity of the Soviet people.

Keywords: cultural genocide, cultural values, architecture.

УДК 94(47).084.8«1941/45»

С.В. Стариков

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ: ИСТОКИ ЕДИНСТВА И ГЕРОИЗМА СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье речь идет об истоках единства и героизма советского народа в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется вопросам формирования основ единения советских людей разных национальностей в предвоенное десятилетие. Их героизм и самопожертвование стали важнейшими факторами победы Советского Союза над нацизмом и во многом определили эти качества нашего народа в послевоенные десятилетия, героизм и подвиги участников СВО.

Ключевые слова: Родина, СССР, Великая Отечественная война, подвиг, советский народ, героизм, национальность, единство.

2026 год, объявленный Президентом Российской Федерации Годом единства народов России, вновь и вновь возвращает историков к анализу традиционных ценностей российской цивилизации, среди которых взаимодействие, сотрудничество объединившихся в едином государстве разных национальностей стали основой их жизнедеятельности, важнейшим фактором существования единого многонационального государства и общества.

История многонациональной российской государственности рождалась в течение столетий. Уже к началу XX в. сложилось российское содружество наций, сформировались основные принципы общежития, взаимодействие с государством, служение своему Отечеству, определились межконфессиональные отношения, важнейшие психологические и ментальные черты многонационального народа России. Эти основы не смогли сломать ни Великая Российская революция начала XX в., ни Гражданская война 1918–1920 гг.

Большевики, пришедшие к власти в России, исходя из своей ультрареволюционной идеологии, попытались сначала увязать дальнейшее развитие страны с мировой революцией. В.И. Ленин неоднократно повторял, что нам не надо бояться развала старой России, ибо для нас главное не то, где проходит государственная граница, а то, насколько будет прочным союз пролетариата отдельных наций, против буржуазии каких угодно наций. Этот умозрительный классовый подход отменял такие понятия, как Родина, Отечество, патриотизм.

Но под напором объективных обстоятельств, тяжелейшего кризиса, в котором оказалась Россия после Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, правящая РКП(б) неизбежно делала более прагматические шаги укрепления первого в мире государства рабочих и крестьян.

Провозглашение РСФСР в январе 1918 г., отказ от политики «военного коммунизма» в 1921 г., переход к НЭП, ставка на переходный период от капитализма к социализму, сплочение советских республик, возникших на постимперской территории, и образование СССР в 1922 г. возвратили правящую партию к истокам российской цивилизации и государственности.

В этом контексте особенно хотелось бы обратить внимание на следующее. Пережив переходные 1920-е гг., огромную роль в ста-

новлении нового советского государства и общества сыграла дальновидная и востребованная обществом политика нового лидера страны И.В. Сталина. В апреле 1925 г. он обосновал и предложил партии и стране общенациональную идею, реальную перспективу и конкретный план построения социализма в одной отдельно взятой стране.

Вопреки сопротивлению левого крыла партии в лице Троцкого, Каменева и Зиновьева, остававшихся на позициях подготовки мировой революции, опираясь на своих соратников, учитывая международное положение СССР и необходимость ускоренной внутренней модернизации, Сталин получил поддержку не только партийного аппарата, Пленума и XIV съезда ВКП(б), но широких слоев населения – интеллигенции, рабочих, крестьян. Сталинская модель развития страны была востребована государством и обществом, ибо указывала реальные пути развития страны на ближайшие 10–15 лет, обосновала важнейшие направления преобразований, а главное – реально достижимые цели и результаты.

Форсированная индустриализация страны, коллективизация деревни, культурная революция вывели страну к новому качественному состоянию – построению экономического фундамента социализма, что констатировал XVII съезд ВКП(б) в январе 1934 г., вошедший в историю как съезд победителей. Новый курс Сталина 1934–1936 гг., конституционная реформа, возвращение к традициям российской цивилизации в образовании, науке, культуре, мировоззрении человека и гражданина СССР сформировали действительно новую общность людей – советский народ, воспринявший преобразования как свое кровное дело.

Несмотря на большие издержки и затраты социалистической реконструкции страны 1926–1940 гг., СССР к началу Великой Отечественной войны представлял собой индустриальное государство с высокими темпами роста, имевшее экономический потенциал, который обеспечил разгром германского нацизма и японского милитаризма в 1945 г. И сделал это советский народ, реализовавший планы Сталина и ставший народом-победителем.

Постоянная угроза войны требовала форсированного развития обороноспособности страны, подготовки армии и советского народа к грядущему столкновению с нацистской Германией и ее сателлитами.

Германские нацисты, разрабатывая план молниеносной войны против СССР, проигнорировали эти внутренние пружины силы Советского Союза. Немцы рассчитывали, что советское многонациональное государство сразу рухнет как «карточный домик», как только войска вермахта пересекут советские границы, а красноармейцы станут массово сдаваться в плен, и «сталинский режим» развалится под напором германской армии и коллаборационистов.

Немецкие офицеры были удивлены обратным. Начальник сухопутный войск Вермахта генерал Ф. Гальдер в своем дневнике заметил: «Русские всюду сражаются до последнего человека, а если оказываются в окружении, то переодеваются в крестьян и уходят в партизаны» [2, с. 87].

В первые недели и месяцы войны, германские войска, пользуясь огромным потенциалом, военно-техническим превосходством в местах прорыва советской обороны, окружали целые дивизии и соединения Красной армии, создавали «котлы» на фронте. Но благодаря героизму, стойкости и мужеству советских солдат и офицеров, идущих в бой «За Родину, за Сталина!», уже к середине июля 1941 г. план блицкрига дал свою первую и серьёзную трещину: директивы вермахту № 33 о повороте танковой армады Гудериана на юг, № 34 о переходе немецких частей к обороне на ряде участков фронта на московском направлении были следствием все возрастающего героического сопротивления бойцов Красной армии на фронте.

Молодые лейтенанты, прошедшие двухмесячные курсы, командуя вновь сформированными частями, вынесли на своих плечах основную тяжесть боев 1941 г. Защита Отечества объединила на полях сражений советских людей разных национальностей из разных регионов, республик и областей. Это было не просто единение людей, а органическое единство разных национальностей, которых объединяло общее чувство – защита Советской социалистической Родины и достижение Победы. Героизм советских людей на фронтах Великой Отечественной и в тылу имел, таким образом, глубинные истоки и мощные стержневые основы, поколебать которые никому было не дано. Новая общность – советский народ – стала одним из важнейших источников нашей победы.

Брестскую крепость летом 1941 г. защищали представители более 30 разных национальностей. Из тех погибших защитников кре-

пости, чьи имена удалось восстановить, было 180 русских, 41 украинец, 32 белоруса и несколько человек других национальностей [1, с. 87].

Один из первых Героев Советского Союза Николай Францевич Гастелло совершил свой бессмертный подвиг 26 июня 1941 г. на территории Белоруссии. В первые дни войны, когда германская авиация захватила господство в воздухе, советские летчики на самолетах дальней авиации вылетали на задания по уничтожению самолетов люфтваффе и моторизованных соединений противника. Уже за первые три недели войны с СССР люфтваффе потерял безвозвратно 550 боевых самолетов, еще 336 машин нуждались в длительном ремонте, то есть был потерян каждый третий самолет [3, с. 668]. Огнем зенитной артиллерии противника самолет Гастелло был подбит. Вражеский снаряд повредил топливный бак, что вызвало пожар на борту, и Гастелло приказал членам экипажа прыгать с парашютами. Это был единственный шанс спастись. Но экипаж остался со своим командиром с единой мыслью не допустить врага на родную землю. Капитан Гастелло развернулся на горящем самолете и повел его в самую гущу вражеской техники. Столб огня объял пламенем танки и механизированную колонну врага с горючим и боеприпасами. Такой дорогой ценой заплатили немецкие захватчики за смерть Гастелло и его героического экипажа.

Экипаж Гастелло был советским многонациональным: сам капитан Гастелло – белорус, члены экипажа – лейтенанты Анатолий Акимович Бурденюк – штурман экипажа, украинец; стрелок Григорий Николаевич Скоробогатый – русский; старший сержант стрелок-радист Алексей Александрович Калинин – ненец. В 1958 г. они посмертно были награждены орденами Отечественной войны 1-й степени.

В октябрьские дни 1941 г. на огненных рубежах Московской битвы стояли подольские курсанты – молодые 17–18-летние парни артиллерийского и пехотного училищ, принявшие жестокий бой с армадой немецких танков и моторизованных частей вермахта на Варшавском шоссе, близ с. Ильинское. Один из первых курсантов ППУ С.А. Штерн вспоминал: «Здесь встретились курсанты самых разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, чуваши, марийцы, грузины, армяне, абхазцы. Многонациональность не ме-

шала нам понимать друг друга, потому что объединяло нас всех глубокое чувство любви к Родине» [6, с. 20].

За две недели боев они уничтожили 100 танков и около 5 тыс. живой силы противника. Курсанты стояли насмерть и не оставили своих рубежей. Приказ Верховного командования задержать немецкие войска был выполнен ценою жизни. Из 3,5 тыс. курсантов 2,5 тыс. отдали жизнь за Родину. Три стальных богатыря напоминают сегодня об этом бессмертном подвиге.

16 ноября 1941 г. на волоколамском направлении, где немецкие танки рьяно рвались к Москве, 28 героев-панфиловцев, вооруженных противотанковыми ружьями, бутылками с зажигательной смесью и гранатами уничтожали немецкие танки у разъезда Дубосеково, пали смертью храбрых, но враг не прошел. Всем 28 бойцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Это были бойцы 316-й дивизии генерала Ивана Васильевича Панфилова, которая комплектовалась на территории Средней Азии и включила в свой состав представителей разных национальностей: русских, киргизов, казахов и других. Сегодня их подвиг увековечен в шести монументальных фигурах воинов, символизирующих представителей шести национальностей, спаянных единой целью и волей защитить Москву и Советскую Родину.

В крупнейших битвах Великой Отечественной войны – Сталинградской, Ржевской, Курской – в 1942–1943 гг. сражались с врагом представители всех наций и народов СССР. Государство и общество выдержало испытание войной.

В завершающий период войны Ставка Верховного Главнокомандующего образовала четыре украинских, три белорусских, три прибалтийских фронта, которые нанесли 10 сталинских ударов по врагу в 1944 г., осуществили великую освободительную миссию в Европе в 1944–1945 гг. Эти фронты объединили воинов – представителей всех народов Советского Союза.

Никакого антисталинского фронта в годы Великой Отечественной войны не существовало. Были коллаборационисты и предатели, которые действовали на оккупированных территориях Украины, Белоруссии, России, Кавказа, Крыма, Прибалтики со своими отрядами как части СС, вермахта, как палачи, каратели и были справедливо осуждены международными трибуналами послевоенных лет как нацистские преступники.

Истинными героями, защитниками Отечества на оккупированной территории являлись партизаны, подпольщики и все те, кто оказывал сопротивление планам оккупантов, громил их живую силу и технику, координировал свои действия со Ставкой Верховного главнокомандования, ЦШПД, поднимал восстания в концлагерях.

Как не вспомнить сегодня имена славных украинцев, воевавших с нацизмом в Великую Отечественную. Истинные герои украинского народа – Людмила Михайловна Павличенко, снайпер, уничтожившая 309 солдат и офицеров противника; Сидор Артемьевич Ковпак, руководитель партизан, гений скрытного перемещения. После выполнения ряда сложных и долгих маневров партизаны неожиданно атаковали там, где их совсем не ожидали, создавая эффект присутствия в нескольких местах сразу. Они сеяли панику среди фашистов, подрывая танки, уничтожая склады, пуская под откос поезда и исчезая без следа; Иван Никитович Кожедуб, летчик-истребитель, трижды Герой Советского Союза. К концу войны гвардии майор И. Кожедуб совершил 330 боевых вылетов, в 120 воздушных боях сбил 62 самолета противника [4, с. 346].

В немецком концлагере Собибор восстание поднял советский офицер Александр Аронович Печерский – офицер Красной армии, участник Великой Отечественной войны, организатор восстания в лагере смерти. Это было единственное успешное восстание в немецком концлагере. В октябре 1941 г. Печерский оказался в окружении под Вязьмой, был ранен и попал в плен. Его сначала посадили в подвал, который называли «еврейский погреб», а 18 сентября 1943 г. в составе группы заключенных-евреев Печерский был отправлен в лагерь смерти Собибор. 14 октября 1943 г. узники лагеря подняли восстание. План удался лишь частично – восставшие смогли убить 12 эсэсовцев из персонала лагеря, но завладеть оружейным складом не удалось. Охрана открыла огонь по заключенным, и они вынуждены были прорываться из лагеря через минные поля. Все оставшиеся в лагере и пойманные после побега были убиты нацистами и коллаборационистами. До конца войны дожили лишь 42 участника восстания. Восемь евреев из числа бывших советских военнопленных Печерский привел в Белоруссию, где они вступили в партизанские отряды. 22 октября 1943 г. Александр Печерский с несколькими товарищами вступил в партизанский отряд имени

Щорса, где воевал подрывником, пока советские войска не освободили Белоруссию. Остальные попали в отряд имени Фрунзе. В партизанском отряде Александр Печерский вместе с боевой группой пустил под откос два немецких эшелона [7].

В победные майские дни 1945 г. знамя Победы над рейхстагом стремились установить несколько групп советских воинов. Среди них были всем хорошо известные: русский Михаил Егоров, грузин Мелитон Кантария. А также забытый в советское и постсоветское время украинец лейтенант Алексей Берест, командир штурмовой группы, возглавивший выполнение боевой задачи по водружению знамени на куполе здания Рейхстага 30 апреля 1945 г. 7 июля 2025 г. указом Президента России Владимира Путина Алексею Прокопьевичу Бересту посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации – за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны.

Патриотизм, трудовой энтузиазм, приоритет общественного над личным, дружба народов, взаимоуважение, ответственность перед государством и обществом – важнейшие признаки советской общности людей. Они с невиданной силой проявили себя в годы тяжелых испытаний.

Таким образом, предложенная Сталиным альтернатива развития СССР выдержала проверку временем, истории и полностью себя оправдала. Советская страна и в годы холодной войны оставалась сильной державой и превратилась в центр мировой системы социализма. Но после кончины Сталина в 1953 г. вся его эпоха и политика подверглись небывалой фальсификации в историографии и в значительной степени обыденном сознании. Только сегодня правда истории начинает занимать надлежащее ей место.

Отсутствие сильного, харизматичного, дальновидного, прозорливого лидера страны во второй половине XX в., неудачные реформы, наряду с планами и перманентной политикой Запада расшатать Советский Союз, обозначили серьезные проблемы в развитии советского общества и государства. И все-таки заложенные в прошлом традиционные коды российской цивилизации не исчезли. Они сохранялись в сознании и ментальности нашего народа и во второй половине XX в. во многом героями и участниками Великой Отечественной.

Начало нового века и тысячелетия вновь поставило Россию перед выбором и испытаниями. Защита Отечества снова стала приоритетной задачей государства и общества. Более четырех лет продолжается СВО. Народ Донбасса, Новороссии и воины России противостоят неонацистам. Российские бойцы демонстрируют образцы великой доблести, мужества и героизма, которые могут быть сравнимы с подвигами воинов Красной армии, победивших нацизм и фашизм в Европе и в Азии в 1945 г.

Мужество и героизм наших солдат и офицеров – главный источник наших побед. Те, кто сейчас сражается с нацизмом, продолжают дело своих дедов и прадедов. Российский солдат и сегодня несет великую освободительную миссию. Читая истории героев СВО, поражаешься, как много в них общего с историями той войны, 80-летней давности. Просыпаются все те лучшие качества наших людей, которые проявлялись в Великую Отечественную войну Советского Союза.

2 декабря 2022 г. в районе Клещеевки, под Бахмутом, на территории ДНР был сбит российский бомбардировщик Су-24М. Его экипаж в составе командира Александра Антонова и штурмана Владимира Никишина направили горящий самолет в колонну скопления вражеской бронетехники. Летчики заставили нацистов дорого заплатить за свои жизни, сорвав наступление врага. Спустя 81 год Александр Антонов и Владимир Никишин повторили подвиг Героя Советского Союза Николая Гастелло и его экипажа. Посмертно им присвоено звание Героев Российской Федерации.

472 участникам СВО присвоено звание Героев Российской Федерации. Героями России стали наши земляки: Дамир Эдуардович Шаймарданов, командир танковой роты, старший лейтенант, геройски погибший в бою; Леонид Владимирович Рыжов, начальник управления общевойсковой армии, гвардии полковник; Сергей Вячеславович Иштуганов, зам. командира десантно-штурмовой бригады, гвардии подполковник; Иванов Анатолий Георгиевич, младший лейтенант противотанкового взвода десантно-штурмового полка Министерства обороны Российской Федерации. Поколение фронтовиков Великой Отечественной гордилось бы такими внуками и правнуками.

Маршал Георгий Константинович Жуков обстоятельно подчеркивал значимость нашей Великой Победы в 1945 г.: «Время не име-

ет власти над величием всего, что мы пережили в войну. А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе» [5, с. 3].

В братской семье советских людей ключевые позиции занимал русский народ, так было во все века российской истории. В этой связи хотелось бы напомнить слова Иосифа Сталина на банкете в честь победы СССР в Великой Отечественной войне 24 мая 1945 г. Верховный главнокомандующий просто и ясно сказал об особой миссии русского народа в нашей истории: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».) Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941−1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!» (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)» [8, с. 196–197].

Сегодня важно рассматривать нашу российскую историю как единый и неразрывный процесс развития российской цивилизации. История древней и средневековой Руси, Российской империи, Со-

ветского Союза и современной РФ – единая неделимая история нашего Отечества. Ее надо знать, изучать, гордиться. А всем тем, кто сегодня стремится отбросить, посеять смуту, ослабить и унизить Россию, стоит напомнить завет нашего великого предка – защитника земли русской, благоверного и великого князя Александра Невского: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет! На том стояла и стоит русская земля!»

Источники и литература

1. *Вдовин А.И.* Великая Отечественная война. – Москва, 2025.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945. – Москва, 2005.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. – Москва, 2015.
4. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. – Москва, 1985.
5. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – Москва, 2022.
6. *Панков Д.Д.* Подольские курсанты в битве за Москву. – Москва, 2008.
7. *Печерский А.А., Гейликман М.И.* Александр Печерский. Прорыв в бессмертие. – Москва, 2013.
8. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – Москва, 1952.

S.V. Starikov

THEY FOUGHT FOR THEIR HOMELAND: THE SOURCES OF THE UNITY AND HEROISM OF THE SOVIET PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Annotation. The article discusses the roots of the unity and heroism of the Soviet people during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the issues of forming the foundations of unity among Soviet people of different nationalities in the pre-war decade. Their heroism and self-sacrifice became the most important factors in the Soviet Union's victory over Nazism and largely determined these qualities of our people in the post-war decades, as well as the heroism and deeds of the participants in the Special Military Operation.

Keywords: Motherland, USSR, Great Patriotic War, feat, Soviet people, heroism, nationality, unity.

УДК 314.4

Н.А. Араловец

ФАКТОРЫ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ В 1941–1945 гг.: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ РСФСР

Аннотация. Автор рассматривает жилищные условия, характер питания, особенности медицинского обслуживания городского населения глубокого тыла РСФСР. Отмечает влияние этих факторов на распространение заболеваемости и увеличение смертности населения. Особое внимание уделяется эвакуированным. Обращает внимание на основные классы болезней и причины смерти, распространенные среди коренных и эвакуированных жителей в условиях военного времени. Показывает развитие новых заболеваний и причин смерти населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, РСФСР, тыловые районы, повседневная жизнь, заболеваемость, смертность, причины смерти.

Войны значительно ухудшают повседневную жизнь, увеличивают распространение болезней и смертности от них, негативно влияют на состояние здоровья населения в целом. Важно изучать эти явления и процессы, в том числе в исторической ретроспективе. Это дает возможность историкам показать накопленный опыт жизни населения в тяжелейших и опаснейших условиях военной повседневности.

Нападение Германии на СССР, довольно быстрое продвижение немецко-фашистских захватчиков по советской территории обусловило эвакуацию населения в тыл из районов, прежде всего опасных для жизни и здоровья, находившихся под угрозой оккупации.

В статье на основе архивных и опубликованных данных текущей медицинской и санитарной статистики, а также мемуаров рассматривается влияние военной повседневности тыловых районов РСФСР, располагавшихся в тылу в течение всего периода войны, не подвергавшихся бомбежкам и обстрелам, т.е. в глубоком тылу (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), на состояние здоровья населения. Изучается преимущественно городское население, включая эвакуированное, особенности их заболеваемости и смертности.

Состав эвакуированных характеризовался демографическим, социальным, национальным, профессиональным разнообразием. Среди эвакуированного населения численно преобладали женщины [8, с. 63, 67–68, 72–73, 76–77; 10, с. 204–208].

Эвакуация людей из мест постоянного проживания проходила в опасных условиях для их жизни и здоровья. Эвакуированные длительное время могли ожидать посадки, затем попадали в переполненный транспорт. В ходе эвакуации сложные проблемы возникали с питанием, особенно больных, пожилых и детей. Кроме того, дороги в тыловые районы часто обстреливались, подвергались бомбежкам. Все это вызывало сильнейшие стрессовые ситуации, перенапряжение не только физических, но и морально-психологических сил, что негативно влияло на состояние здоровья эвакуированного населения в целом.

Однако прибытие эвакуированных в тыл порождало многочисленные проблемы по их размещению, трудоустройству, продовольственному снабжению, медицинскому обслуживанию и др. К тому же в тыловых районах, особенно в начале войны, жилищная ситуация имела ограниченные возможности, промышленное, продовольственное, медицинское снабжение было крайне затруднено, их запасные резервы практически отсутствовали. Такая ситуация была в целом характерна для Сибири, Урала, Дальнего Востока, тыловых районов Поволжья.

Эвакуированные рабочие, служащие и члены их семей размещались не только в городских поселениях, но и в сельской местности. Им предоставлялись места в общежитиях (использовали помещения школ, клубов), а также в квартирах и частных домах. Проживание эвакуированных и членов их семей и в городах, и в сельской местности отличалось значительной теснотой и скученностью.

Тесно и скучено жили в городских общежитиях. Кроме того, в общежитиях отсутствовали водопровод и канализация. Ощущалась острая нехватка мебели, кухонь для всех проживавших. Эвакуированное население, размещенное в сельской местности, оказалось в более тяжелой ситуации из-за удаленности мест их проживания от предприятий и организаций. Это заметно сокращало время для отдыха.

Проживание эвакуированных с семьями в квартирах в результате уплотнения местных жителей приводило к тому, что в одной квартире могли жить несколько семей. Средняя норма на человека составляла примерно 3 кв. м.

Особенно тяжелая жилищная ситуация складывалась в начальный период войны. Так, в 1941 г. рабочие предприятий, эвакуированных в Поволжье и на Урал, с лета до осени 1941 г. жили в палатках. В 1942 г. эвакуированные размещались в землянках, в неблагоустроенных каркасных бараках. К тому же возникали трудности с малочисленными водопроводными колонками, отоплением жилья в холодное время, его освещением и т.д. Скученность оставалась характерной и для жилищных условий эвакуированных, размещавшихся в частных домах [4, с. 220; 7, с. 13; 12, с. 233–237].

Строительство жилья как упрощенного типа, так и индивидуального за счет государственного бюджета и кредитования, ремонт жилых помещений, санитарная обработка жилищ, несмотря на положительные изменения в жилищных условиях эвакуированного населения, осуществлялись трудно и медленно [9, с 50–52].

Тяжелые жилищные условия сопровождались заметным ухудшением количества и качества питания. Война принесла существенные изменения в питание населения. Система снабжения, существовавшая в мирной жизни, была значительно трансформирована в соответствии с требованиями военного времени: в 1941 г. с июля по октябрь осуществлялся переход на карточную систему. Все население было разбито на категории, в зависимости от которой происходило снабжение продуктами. Рабочие первой категории снабжались лучше, чем рабочие и служащие других категорий. В первую категорию входили рабочие оборонной, угольной, нефтяной промышленности, т.е. ведущих отраслей производства, а также транспорта, строек и т.д. Эта категория на одного человека в день получала: хлеба 800 г,

сахара и кондитерских изделий на одного человека в месяц 800 г. Важно отметить, что такие рабочие преобладали в индустриально развитых городах Урала, а также в Татарской АССР, Куйбышевской и Саратовской областях. Служащие обеспечивались аналогичными продуктами заметно меньше, соответственно – 500 г и 600 г. Нормы снабжения понижались для иждивенцев (400 г и 400 г) и детей в возрасте до 12 лет (400 г и 600 г).

Ко второй категории относились рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства. Сюда также входили остальные горожане. Рабочие второй категории получали на одного человека в день хлеба 600 г, сахара и кондитерских изделий 600 г; служащие – 400 г и 600 г; иждивенцы – 400 г и 400 г; дети до 12 лет – 400 г и 400 г. Таким образом, питание детей и взрослых было недостаточным для полноценного функционирования организма.

В 1942 г. вводились дополнительные карточки для питания отдельных категорий населения: рабочих, трудившихся на тяжелых работах, беременных и кормящих женщин, доноров и больных. Дополнительное горячее питание получали рабочие, выполнявшие и перевыполнявшие установленные производственные нормы. Питание организовывалось для детей как дошкольных, так и школьных возрастов. Заметную роль в улучшении питания населения играло развивавшееся огородничество, особенно в связи с принятием 7 апреля 1942 г. постановления СНК СССР «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» [3, л. 234–235]. Однако, несмотря на вводимое дополнительное питание, продовольственное снабжение населения оставалось крайне недостаточным.

Вместе с тем освобождение территорий от немецко-фашистских захватчиков обусловило необходимость выделения продовольствия для населения. Осенью 1943 г. такое продовольствие было выделено. Вместе с тем были понижены нормы снабжения. С 21 ноября 1943 г. рабочие стали получать по карточкам 500–700 г; служащие – 400–500 г; иждивенцы и дети – 300 г. С 1945 г. стали постепенно восстанавливаться нормы выдачи хлеба, действовавшие до ноября 1943 г. [4, с. 30–33].

Нормы продуктового снабжения населения были низкими. Такое снабжение обусловило постоянное недоедание и у взрослых, и у детей, включая эвакуированных. К тому же отмечались частые

нарушения установленных норм выдачи продуктов. Осложняло продуктовую ситуацию отсутствие снабжения продуктами питания членов семей работников промышленных предприятий. Низкие нормы продовольственного снабжения населения сочетались с завышенными физическими и морально-психологическими нагрузками. Рабочий день работников многих промышленных предприятий составлял 11 часов, без выходных. Рабочие оборонных заводов часто не покидали своих мест и в ночное время, отдыхали около станков [1, с. 401; 6, с. 248].

Помимо количественного снижения обеспечения продуктами питания, понижалось и их качество. Снижение количества и качества питания фиксировалось и в заводских столовых.

Существенное нарушение условий, необходимых для нормальной жизнедеятельности населения, усиливало в военное время роль эффективной медицинской помощи. Тем более что эта сложная ситуация была длительной.

В годы войны в тылу работали больницы и поликлиники, сохранялись и медицинские кадры. Вместе с тем потребности населения тыла, в том числе эвакуированного в медицинской помощи, не были полностью реализованы, ее не хватало, особенно в сельской местности. Ситуация в значительной степени осложнялась мобилизацией на фронт врачей и среднего медицинского персонала и их острой нехваткой в тыловых районах. Нехватка специалистов заметно осложняла медицинское обслуживание населения тыла, существенно повышала текущую нагрузку на врачей и средний медицинский персонал. Важно отметить, что в 1941 и 1942 гг. в тылу на врачей и медицинских сестер падали наиболее тяжелые нагрузки. Об этом свидетельствуют данные Наркомздрава РСФСР за 1941–1945 гг. [2, л. 2]. Нехватка специалистов приводила в отдельных случаях к ошибочным диагнозам и лечению. К тому же не хватало медицинского оборудования, необходимых лекарственных препаратов, перевязочных средств и материалов. Особые трудности возникали в начальный период войны, в условиях перестройки медицинской помощи населению с мирной на военную.

Наряду с этим в тылу на многих крупных предприятиях создавались медико-санитарные части, здравпункты, а также поликлиники и профилактории. В тыловых районах работали поликлиники.

В условиях инфекционной опасности постоянно проводились необходимые противоэпидемические мероприятия. Такие мероприятия организовывались и в тылу, и в армии. Осуществлялись массовые прививки населению. Появлялись новые противомикробные лекарственные препараты, в том числе сульфаниламидные. Эти препараты защищали организм от инфекционного поражения. Повышался уровень квалификации у врачей и среднего медицинского персонала, включая диагностику и лечение инфекционных болезней [11, л. 2–2об.; 1, с. 285–286, 440, 497, 561–562; 5, с. 104–109]. Все это способствовало снижению, прежде всего, инфекционной опасности. В то же время такая опасность сохранялась.

Плохое питание, значительные нагрузки, переживаемые стрессы, трудности медицинского и медикаментозного обслуживания ослабляли иммунитет у большинства населения. Все это создавало опасность для распространения как острых, так и хронических инфекционных заболеваний. В тылу развитие получили острые инфекционные болезни, прежде всего, острые респираторные вирусные инфекции, воспаление легких (пневмония), дифтерия, сыпной тиф, корь, скарлатина, коклюш и др. Опасность распространения этих заболеваний заметно усиливалась в условиях скученного проживания эвакуированного населения. В тыловых районах значительно увеличилось заболевание корью: данные статистики фиксировали эту опасную болезнь в 1942, 1944 и 1945 гг. Случаи заболевания населения сыпным тифом преобладали в 1943 г. Однако таких случаев было немало в 1942 и 1944 гг. К тому же в 1944 г. и особенно в 1945 г. отмечалось развитие возвратного тифа. Острые инфекционные болезни, такие как корь, скарлатина, коклюш, дифтерия, были характерны для детей. Однако ими болело и взрослое население. В годы войны эта опасность усиливалась [8, с. 94]. Важно отметить, что в условиях войны возникала реальная опасность быстрого распространения инфекционных болезней в тылу, на фронте и на оккупированных территориях.

Активное распространение получили хронические инфекционные заболевания: туберкулез, особенно органов дыхания, венерические болезни, малярия и др. Сложность этих болезней заключалась в длительном характере их протекания, а также в сохранении в организме возбудителя на протяжении не только месяцев, но и лет. Такие заболевания ухудшали состояние здоровья населения в целом.

В условиях военного времени повысилась заболеваемость населения сердечно-сосудистыми и онкологическими, преимущественно злокачественными болезнями. Это явление свидетельствовало о развитии в особых условиях военного времени эпидемиологического перехода.

Распространение заболеваний обусловило увеличение смертности населения практически во всех возрастных группах. Показатели мужской смертности в трудоспособном возрасте были выше, чем у женщин. Возникшая ситуация была стабильной, несмотря на численное преобладание в тылу женщин. Мужчины, оставшиеся в тылу, в основном имели серьезные болезни, в их составе были и инвалиды. Тяжелейшие условия военного времени значительно ослабляли иммунитет нездоровых людей, способствовали не только повышению их заболеваемости, но и смертности. Мужчины и женщины умирали от острых и хронических инфекций, болезней органов дыхания, а также сердечно-сосудистых заболеваний. Высокий уровень имела материнская смертность, прежде всего от родовых и послеродовых болезней, послеродового сепсиса, а также абортов [8, с. 118–121].

Таким образом, стремительное и длительное ухудшение условий жизни большинства населения тыла, включая эвакуированных, заметно усилившиеся физические и морально-психологические нагрузки влияли на развитие болезней, непосредственно связанных с экзогенными факторами. Инфекции острого и хронического происхождения существенно подрывали здоровье населения, что непосредственно отражалось на высоких показателях смертности, прежде всего мужчин трудоспособного возраста. Наряду с этим в результате проведения санитарно-гигиенических мероприятий масштабных эпидемий удалось избежать.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война, 1941–1945: энцикл. – Москва, 1985.

2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 8009. Оп. 6. Д. 115.

3. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199.

4. *Зинич М.С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. – Москва, 2019.

5. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск, 1991.

6. *Кваша А.Я.* Цена побед // СССР: демографический диагноз. – Москва, 1990. – С. 241–251.

7. *Магид А.* Солдаты в рабочих ватниках: страницы из дневника. – Москва, 1969.

8. Население России в XX в.: ист. очерки. Т. 2. – Москва, 2001.

9. О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения: постановление Совета Народных Комиссаров СССР, 13 сентября 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет. Т. 3: 1941–1952 гг. – Москва, 1968.

10. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. – Москва, 1999.

11. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 550.

12. *Федотов В.В.* Условия жизни эвакуированного населения в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вояджер: мир и человек. – 2017. – № 8. – С. 233–237.

N.A. Aralovets

FACTORS OF MORBIDITY AND MORTALITY IN 1941-1945: DAILY LIFE OF CITIZENS IN THE REAR REGIONS OF THE RSFSR

Annotation. The author examines the housing conditions, the nature of the food supply, and the medical care provided to the urban population in the deep rear of the RSFSR. He notes the impact of these factors on the spread of diseases and the increase in mortality rates. Special attention is given to the evacuees. The author highlights the main classes of diseases and causes of death among the indigenous and evacuated residents during wartime. He also examines the development of new diseases and causes of death among the population.

Keywords: The Great Patriotic War, the RSFSR, rear areas, everyday life, morbidity, mortality, and causes of death.

УДК 94(470.343)

А.С. Ладина

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ И ДОСУГ НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается специфика культурной жизни и форм досуга населения Марийской АССР в условиях военного времени. Анализируется работа учреждений культуры – театров, кинотеатров, клубов, изб-читален, библиотек. Особое внимание уделено роли самодеятельного творчества и просветительских мероприятий как механизмов поддержания морального духа населения и социальной сплоченности. Одним из главных источников для реконструкции культурной повседневности республики стала газета «Марийская правда», в которой публиковались афиши и статьи о культурных мероприятиях региона.

Ключевые слова: Марийская АССР, Великая Отечественная война, досуг, театры, кинотеатры, библиотеки, Государственный оптический институт.

Война, несмотря на всю свою жестокость, не могла упразднить потребность человека в культуре и отдыхе. В условиях предельного напряжения моральных и физических сил культура стала инструментом психологической разгрузки и поддержания морального духа. Культурная жизнь Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны претерпела существенные изменения: столкнувшись с нехваткой ресурсов и кадров, учреждения культуры тем не менее не прекращали работы и оставались важнейшими точками притяжения для жителей республики.

В региональной историографии социокультурная жизнь Марийской АССР в годы войны рассматривалась преимущественно в рамках общих исследований. Ю.Ю. Цыкина ряд своих работ посвятила марийской музыкальной культуре и театрам в военный период [40; 41; 42]. О.А. Кошкина в своей монографии о строительстве оборонительных рубежей пишет, что в редкие минуты отдыха рабочие устраивали самодеятельные концерты, читали книги, обсуждали новости с фронта [1]. В статье О.А. Кошкиной и П.О. Леханова отмечается, что культурные мероприятия помогали эвакуированным

интегрироваться в новое сообщество, находить общий язык с местными жителями и другими эвакуированными [2]. А.Б. Филонова в своей диссертации рассмотрела вопрос об участии женщин Марийской АССР в культурно-просветительских мероприятиях [39]. Деятельность библиотек и изб-читален Марийской АССР изучала А.В. Рыбалка [37; 38]. Отдельные сюжеты о деятельности учреждений культуры в годы войны затрагивались в статьях Е.И. Николаевой, посвященных «Марийской правде» как историческому источнику по изучению внепроизводственной жизни населения [35]. О.В. Николаева рассмотрела вопрос о мероприятиях в честь календарных и национальных праздников в детских учреждениях в годы войны [36]. Важным источником для изучения темы стала периодическая печать, а именно газета «Марийская правда», где публиковались афиши культурных мероприятий республики.

Центральным учреждением культурной жизни Йошкар-Олы военного периода являлся Марийский государственный театр. На его сцене проходили торжественные заседания, посвященные государственным праздникам, – годовщинам Великой Октябрьской революции, Дню Красной Армии и Военно-морского флота, Первомаю [17]. После официальных церемоний, как правило, давались спектакли или концерты: такое сочетание торжественной части с художественным представлением стало устойчивой формой праздничного мероприятия, отвечавшей одновременно идеологическим и психологическим запросам аудитории. Новогодний бал-маскарад, прошедший в Маргостеатре 31 декабря 1941 г. [7], свидетельствует о том, что даже в первые, самые тяжелые месяцы войны стремление сохранить хотя бы видимость мирной праздничности не исчезало.

С началом войны артисты активно включились в дело помощи фронту, давая концерты как для солдат, отбывающих на фронт, так и для трудового населения республики. В конце июня 1941 г. артисты Марийского государственного театра дали концерт в Пектубаево. Программа посвящалась борьбе советского народа с фашистскими захватчиками и включала отрывки из пьес (например, «Лейтенант Огнев»), «Песню о Родине», «Марш танкистов», «Тачанку», исполненные хором [42].

В 1942 г. работа по культурному обслуживанию воинских частей развернулась еще более активно. За время с 1 января по 5 мая 1942 г.

Маргостеатром было поставлено на призывных пунктах для отъезжающих на фронт бойцов восемь концертов, в подшефной части показаны спектакли «Слава», «Не было ни гроша да вдруг алтын», «Взаимная любовь», на которых присутствовало 3000 бойцов [42].

В 1942 г. на сцене Маргостеатра была показана пьеса Корнейчука «Платон Кречет»; в 1943 г. – «Петр Крымов»; к 8 Марта 1944 г. силами русской труппы был поставлен спектакль К. Симонова «Жди меня» [25] – произведение, само название которого превратилось в годы войны в символ надежды и верности. Репертуар театра отражал характерное для военного времени сочетание злободневной патриотической драматургии и классики, которая давала зрителям ощущение причастности к непреходящим культурным ценностям.

Кроме местных коллективов, в театре выступали коллективы и солисты лучших театров СССР. Так, 7 сентября 1941 г. в помещении Маргостеатра состоялся дневной концерт московских артистов – Клары Милич, Днепрова, Любарского, Долинской и Сеймович [3]. 12 и 13 сентября состоялся концерт солиста ГАБТ, заслуженного артиста РСФСР А. Батурина при участии солистки ГАБТ Алемасовой и артистки МХАТ Михайловской [5]. В начале октября 1941 г. в помещении Маргостеатра прошел творческий вечер писателя-юмориста, сотрудника журнала «Крокодил» В. Ардова, прочитавшего юмористические рассказы на военную тематику [6]. 15 августа 1942 г. прошли гастроли государственного джазового оркестра «Молдавия» [11]. С 17 октября 1942 г. начались гастрольные спектакли Сталинградского областного театра оперетты. В течение четырех вечеров прозвучали отрывки из оперетт «Свадьба в Малиновке», «На берегу Амура», «Корневильские колокола», «Цыганский барон», «Цыганская любовь», а также наиболее известные отрывки из оперетт «Баядерка», «Сильва» и «Жрица огня». В мае 1943 г. в здании театра прошел концерт Красноармейского оркестра Эн-ской части. Были исполнены произведения П.И. Чайковского, М.И. Глинки, Н.П. Радкевича, Дж. Верди и др. [19]. В июне и июле того же года в г. Йошкар-Оле были проведены концерты лауреата всесоюзных и международных конкурсов Б. Гольдштейн, лауреата Всесоюзного конкурса пианистов Арнольда Каплана, вечера песни солистки ВГКО Веры Духовской, а также вечера эстрады артистов ВГКО (Кустинский, Вдовенко) [20]. В октябре 1943 г. состоя-

лись концерты мастеров оперного театра. Выступали С.М. Казбанов, Н.Н. Пустоветова, Я.Г. Шейн, Анна и Александра Гацулины, О.В. Обухова и др. [21].

В ноябре 1943 г. для жителей столицы Марийской АССР выступали артисты Черновицкого украинского театра, который проработал в республике в течение пяти месяцев. Зрители прослушали оперетты «Дай сердцу волю, заведет в неволю», «Цыганка Аза», оперы «Запорожец за Дунаем» С.С. Гулак-Артемовского, «Майская ночь» Н.А. Римского-Корсакова и др. [29]. Театр значительно обогатил культурную жизнь столицы республики: его артисты участвовали в праздничных концертах, показывали спектакли для взрослой аудитории и специальные дневные представления для детей [22; 24]. Присутствие эвакуированного театрального коллектива создавало редкую возможность для жителей Йошкар-Олы познакомиться с иной театральной традицией и на несколько часов оторваться от тягот военного быта. В апреле 1944 г. в зале заседаний Верховного Совета Марийской АССР состоялся вечер подведения итогов работы этого коллектива. Программа включала «Полонез» Д. Поппера в исполнении виолончелиста Гака, вокальные произведения в исполнении артистов Поваляевой и Чеплинской, продемонстрировала свое мастерство балетная пара Юониченко и Винерт [29].

В августе состоялись концерты артистки Ленинградской государственной эстрады Елены Легар, исполнившей лирические, шуточные и джазовые песни [32]. В сентябре в Маргостеатре прошел концерт-балет, организованный силами польских патриотов во главе с М. Айхнером и Ю. Провизоном. Программа включала юмористические сценки «Катюша и Маруся», «Испанский танец», «Чардаш», состав исполнителей был любительский [33].

Поскольку в 1942 г. бюджет на искусство уменьшился, некоторые учреждения искусств переехали в здание Марийского государственного театра. Там расположились хор радиокомитета, филармония, ансамбль песни и пляски, самодеятельные коллективы [42]. В фойе Маргостеатра в период войны проходили выставки картин П.С. Добрынина, Б.И. Осипова, И.М. Пландина, М.Г. Платунова.

Национальный ансамбль песни и пляски Марийской государственной филармонии за 1942 г. дал 152 концерта и 52 спектакля для

79 187 зрителей. В планах на 1941 г. были гастроли по 10 городам РСФСР, однако в связи с начавшейся войной все концерты прошли на небольших колхозных площадках районов. Всего состоялось 447 концертов, которые посетили 130 000 зрителей [40].

Среди постановок Русского драматического театра наибольшим спросом в воинских частях пользовались спектакли «Русский лес» и «Питомцы славы». Для бойцов Красной армии в г. Йошкар-Оле было поставлено 9 шефских спектаклей и 2 концерта. На периферии для Красной армии дано 9 концертов и для уходящих в армию 29 концертов [40].

В годы войны не переставал работать колхозный театр в Козьмодемьянске, который также служил площадкой для торжественных собраний и культурных мероприятий. В феврале 1942 г. в его зале собралось более 700 рабочих и служащих для участия в торжественном заседании, посвященном годовщине Красной армии [9].

В 1941 г. в соответствии с приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР от 28 июля 1941 г. за № 409 активно начал функционировать вновь созданный хозрасчетный коллектив в составе 12 человек – безработных и эвакуированных актеров. Труппа приступила к работе с 20 августа. К 14 сентября были подготовлены пьесы «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Поздняя любовь» А.Н. Островского и четыре одноактных оборонных миниатюры. С начала своей деятельности по 15 января 1942 г. в районах республики коллектив поставил 52 спектакля, из них пять детских утренников [41].

В 1942 г. артисты Маргостеатра стали инициаторами создания в Марийской республике кукольного театра. Первой была поставлена маленькая агитационная сценка «Бабка и курица», рассказывавшая о приключениях наивной бабушки и ее курицы, оказавшихся в Западной Белоруссии. Следующие представления «Петрушка у фашистов» и «Петрушка и дружок», поставленные артистами-энтузиастами, составили первую программу нового театра [42]. Спектакли «Петрушка у фашистов», «Аленка и гусенок», «Красная шапочка», «Волшебная галоша». В течение года театр поставил девять пьес – сказки, пьесы для младшего и среднего возраста, агитационные сценки – не только в городе, но и в районах республики. За 1942 г. дано 69 спектаклей, на которых присутствовало свыше 17 000 человек.

Кинотеатры «Рекорд» и «Октябрь», расположившийся в здании Воскресенского собора, являлись, наряду с театром, важнейшим очагом культурной жизни Йошкар-Олы. В условиях войны кино выполняло двойную функцию: с одной стороны, служило мощным инструментом идеологического воздействия, формируя образ врага и укрепляя патриотические настроения; с другой – давало населению столь необходимое психологическое переключение, хотя бы на час-полтора позволяя уйти от изнурительной реальности. Кинофестивали, приуроченные к государственным праздникам, включали как художественные, так и документальные фильмы. В период зимних каникул 1944 г. для школьников демонстрировались картины «Тимур и его команда», «Сибиряки», «Таинственный остров» [22]. К 75-летию со дня рождения В.И. Ленина 21 и 22 апреля 1945 г. в кинотеатре «Рекорд» показывали фильм «Ленин в октябре» [34]. Перед началом киносеансов в дни Первомая 1944 г. выступали артисты кукольного театра и Марийской государственной филармонии [30] – такое сочетание эстрадного выступления и кинопоказа превращало поход в кино в настоящее культурное событие.

Существенную роль в культурной жизни республики играла Марийская государственная филармония, коллективы которой выступали на предприятиях, в госпиталях, воинских частях и в клубах. В 1943 г. состоялись концерты композиторов К.Р. Гейста, А.И. Искандарова, Л.Н. Сахарова, К.А. Смирнова, Н.А. Сидушкина. 6 апреля 1944 г. солисты Маргосфилармонии приняли участие в лекции-концерте Т.Г. Розовой на тему «Н.А. Римский-Корсаков» в лекционном зале парткабинета [28].

Художественная самодеятельность, активно развивавшаяся в рабочих клубах и домах культуры, служила дополнительным ресурсом культурного обслуживания населения в условиях, когда профессиональные учреждения не могли охватить всю аудиторию. Клуб Марийского бумажного комбината, клуб в Козьмодемьянске и аналогичные учреждения в районных центрах регулярно принимали самодеятельные коллективы и становились местами коллективного отдыха рабочих и служащих. В начале 1941 г. в Марийской республике имелось 16 районных Домов культуры, 92 колхозных клуба и 727 кружков художественной самодеятельности. К 1943 г. количество кружков снизилось до 206 [38]. Также создавались и но-

вые любительские объединения с привлечением приезжих деятелей искусств. В 1944 г. при Сотнурском Доме культуры начал свою работу художественный кружок, сформировавшийся из эвакуированных эстонцев. В апреле состоялся концерт для населения Марийской республики. Программа включала эстонские народные песни и пляски, а также классический балет и русские песни [41].

В 1942 г. в зале заседаний Верховного Совета Марийской АССР состоялся вечер, подготовленный силами самих учащихся йошкар-олинских школ: ученический духовой оркестр под руководством десятиклассника Покровского, авторские поэмы и музыкальные сочинения школьников свидетельствовали о том, что творческий потенциал молодежи не исчезал даже в самые тяжелые годы [10].

Республиканская библиотека также сохраняла свою деятельность в военные годы. Но деятельность ее немного изменилась – работникам предписывалось проводить громкие читки, политические информации, лекции и беседы. Поэтому возле библиотек устанавливались витрины с газетами, щиты с газетными вырезками, знакомившие читателей с наиболее важными событиями жизни страны. Только в г. Йошкар-Оле в начале 1942 г. была установлена 41 витрина с газетой «Марийская правда», 11 – «Марий коммуна», 7 – «Правда», 16 – «Известия» [37].

Именно в зале Республиканской библиотеки в январе 1944 г. Республиканское правление Союза польских патриотов организовало праздник елки для польских детей и их родителей [23] – факт, примечательный с точки зрения многонационального состава эвакуированного в Марийскую АССР населения и попыток сохранить культурную идентичность перемещенных людей в условиях чужого края.

Кроме того, в зале библиотеки проходили публичные заседания Ученого совета Государственного оптического института, на которых проводились защиты диссертаций. 14 мая 1943 г. состоялась защита докторской диссертации кандидата химических наук Ю.Н. Гороховского на тему «Спектральное исследование фотографических слоев». Официальными оппонентами выступили доктор физико-математических наук, академик С.И. Вавилов, доктор физико-математических наук, академик А.Н. Теренин и доктор химических наук К.В. Чибисов [18]. 26 июня 1944 г. прошла успешная

защита диссертации по теме «Метод расчета эжектора больших скоростей» П.М. Ковревского на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук [31].

Государственный оптический институт (ГОИ), эвакуированный в столицу Марийской республики, стал одним из крупнейших научных центров, функционировавших в годы войны на территории Марийской АССР. Сотрудники института часто читали лекции для местного населения. Например, 10 сентября 1941 г. в помещении Дома Советов состоялась лекция профессора Вейнберга «Невидимый свет и его применение в войне» [4]. В парткабинете для старшеклассников устраивались лекции на международные темы и литературные вечера [22]. В лекционном зале парткабинета горкома ВКП(б) читались доклады на исторические и общественно-политические темы [16]. Сотрудники эвакуированных учреждений участвовали в организации культурно-просветительской работы, выступая перед рабочими коллективами и в школах.

Также сотрудники ГОИ устраивали и публичные защиты диссертаций, которые могли посещать все желающие. Так, в годы Великой Отечественной войны в Йошкар-Оле защитили свои диссертации на соискание ученой степени кандидата наук А.А. Волькенштейн (тема «Наружное освещение при маскировке») [24], И.Р. Протас (тема «Коллоидно-химические свойства галоидного серебра»), П.П. Феофилов (тема «Аннаотропия молекул и поляризация люминесценции») [26], Я.И. Гарловин (тема «Зависимость инфракрасных полос поглощения от состава и строения стекла») и др. [27; 28]. А 19 января 1943 г. в парткабинете состоялась лекция академика С.И. Вавилова, посвященная 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона [12].

Еще одним научным учреждением являлся Научно-краеведческий музей Марийской АССР, который с июля 1941 по 1943 г. прерывал свою работу. В период войны сотрудниками музея был собран богатый материал по участникам боевых действий и труженикам тыла, были организованы передвижные выставки и началось создание отдела «Великая Отечественная война и участие в ней Марийской АССР».

Кроме посещения лекций и концертов население республики могло самостоятельно знакомиться с новинками литературы, кото-

рые появлялись на полках книжного магазина. Литература выпускалась на русском и марийском языках. К 25-летию РККА Союз советских писателей Марийской АССР выпустил литературно-художественный альманах «За Родину» на марийском языке, включавший фронтовые стихи, поэму о «богатырском племени» и очерки о тружениках тыла [13] – это издание стало свидетельством того, что национальная литература республики продолжала развиваться, осмысляя военную действительность через призму родного языка и культуры. В годы войны также вышли сборники стихов и поэмы Миклая Казакова, Семена Вишневского, Макса Майна и др.

Городской агитационный пункт Йошкар-Олы выполнял функцию своеобразного культурно-просветительского центра для широкой аудитории. Здесь регулярно проводились литературно-художественные вечера, лекции, семинары и инструктивные доклады для руководителей агитколлективов; к каждому государственному празднику приурочивался особый цикл мероприятий. В январе – феврале 1942 г. горком ВКП(б) провел в агитпункте и на предприятиях свыше 70 лекций и докладов об Отечественной войне и Красной армии [8]; занятия университета марксизма-ленинизма выходного дня и обзоры художественной литературы [14], лекции для молодежи с показом фильмов [12; 13] складывались в насыщенную программу, рассчитанную на самые разные категории слушателей.

Свободное время жителей республики, сколь редким оно ни было, заполнялось и неорганизованными формами досуга. Городские парки и сады, несмотря на военное время, продолжали использоваться для прогулок; лыжные соревнования в зимний период превращались в массовые праздники, собиравшие сотни участников. Художественное оформление города к государственным праздникам, которым ведали главный архитектор Суриков и начальник горкомхоза Андрияшин [15], создавало праздничную атмосферу, нарушавшую монотонность военного быта. Несмотря на скудость материальных ресурсов, стремление сохранить внешние приметы нормальной жизни – флаги, портреты, лозунги на улицах в дни торжеств – отражало глубинную потребность общества в символах, противостоявших распаду привычного уклада.

Таким образом, культурная жизнь Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны, при всех вынужденных ограничениях,

не замерла, но трансформировалась, приспосабливаясь к новым условиям. Театр, кино, самодеятельность, лекции и праздничные мероприятия выполняли в военном тылу функцию психологической реабилитации населения, не позволяя усталости и горю поглотить человека целиком. Эвакуация научных учреждений, прежде всего Государственного оптического института, обогатила интеллектуальную жизнь Йошкар-Олы, привнеся в нее новые кадры и новые культурные практики. Искусство в годы войны перестало быть просто развлечением, оно стало неотъемлемой частью той невидимой работы духа, без которой победа над врагом была бы невозможна.

Источники и литература

1. *Кошкина О.А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. – Йошкар-Ола, 2013.
2. *Кошкина О.А., Леханов П.О.* Проблемы быта и социальной адаптации жителей Москвы и Московской области в условиях эвакуации в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2024. – № 3 (71). – С. 55–65.
3. Марийская правда. – 1941. – 8 сент.
4. Марийская правда. – 1941. – 10 сент.
5. Марийская правда. – 1941. – 12 сент.
6. Марийская правда. – 1941. – 5 окт.
7. Марийская правда. –1941. – 26 дек.
8. Марийская правда. –1942. – 19 февр.
9. Марийская правда. –1942. – 25 февр.
10. Марийская правда. –1942. –27 февр.
11. Марийская правда. – 1942. – 16 авг.
12. Марийская правда. –1943. – 17 янв.
13. Марийская правда. –1943. – 10 февр.
14. Марийская правда. –1943. – 16 февр.
15. Марийская правда. –1943. – 19 февр.
16. Марийская правда. –1943. – 20 февр.
17. Марийская правда. –1943. – 28 апр.
18. Марийская правда. –1943. – 30 апр.
19. Марийская правда. –1943. – 26 мая.
20. Марийская правда. –1943. – 13 окт.
21. Марийская правда. –1943. – 19 нояб.
22. Марийская правда. –1944. – 5 янв.

23. Марийская правда. –1944. – 8 янв.
24. Марийская правда. –1944. – 25 февр.
25. Марийская правда. –1944. – 10 марта.
26. Марийская правда. –1944. – 19 марта.
27. Марийская правда. – 1944. – 4 апр.
28. Марийская правда. – 1944. – 5 апр.
29. Марийская правда. – 1944. – 11 апр.
30. Марийская правда. – 1944. – 1 мая.
31. Марийская правда. – 1944. – 14 июня.
32. Марийская правда. – 1944. – 13 авг.
33. Марийская правда. – 1944. – 2 сент.
34. Марийская правда. – 1945. – 21–22 апр.
35. *Николаева Е.И.* «Марийская правда» военных лет как исторический источник по изучению внепроизводственной жизни «человека тыла» в годы Великой Отечественной войны // Марийский архивный ежегодник. 2012. – № 12. – С. 123–127.
36. *Николаева О.В.* Детские праздники в Йошкар-Оле в годы Великой Отечественной войны // Трудясь в тылу, мы фронту помогали: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Йошкар-Ола, 2025. – С. 141–146.
37. *Рыбалка А.В.* Культурно-просветительная работа библиотек Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧГУ. – 2010. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitelnaya-rabota-bibliotek-mariyskoy-assr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 11.08.2026).
38. *Рыбалка А.В.* Культурно-просветительная работа Домов культуры, клубов и изб-читален в Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник ЧГУ. – 2013. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitelnaya-rabota-domov-kultury-klubov-i-izb-chitalen-v-mariyskoy-assr-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg (дата обращения: 11.08.2026).
39. *Филонова А.Б.* Женщины Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2019.
40. *Цыкина Ю.Ю.* Гастрольная политика Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Глобус: гуманитарные науки. – 2019. – № 3 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gastrolnaya-politika-mariyskoy-assr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 11.08.2026).
41. *Цыкина Ю.Ю.* Вклад эвакуированных деятелей искусства в развитие культуры и образования Марийской АССР (1941–1945 гг.) // Сервис+. –

2025. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-evakuirovannyh-deyateley-iskusstva-v-razvitie-kultury-i-obrazovaniya-mariyskoy-assr-1941-1945-gg (дата обращения: 11.08.2026).

42. *Цыкина Ю.Ю.* Театральные коллективы Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2023. – № 4 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnye-kollektivy-mariyskoy-assr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 11.08.2026).

A.S. Ladina

CULTURAL LIFE AND LEISURE ACTIVITIES OF THE POPULATION OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Annotation. The article examines the specifics of cultural life and leisure activities of the population of the Mari ASSR in wartime conditions. The work of cultural institutions – theatres, cinemas, clubs, reading rooms, and libraries – is analysed. Special attention is paid to the role of amateur creative work and educational events as mechanisms for maintaining the population's morale and social cohesion. One of the main sources for reconstructing the cultural everyday life of the republic was the newspaper «Mariyskaya Pravda» which published posters and articles about cultural events in the region.

Keywords: Mari ASSR, Great Patriotic War, leisure activities, theaters, cinemas, libraries, State Optical Institute.

УДК 61(092)

С.В. Маркова

НИКОЛАЙ НИЛОВИЧ БУРДЕНКО В ВОРОНЕЖЕ. 1918–1923 гг.

Аннотация. Статья посвящена воронежскому периоду в жизни академика Н.Н. Бурденко. В 1918 г. он приехал в Воронеж вместе с профессорско-преподавательским составом Юрьевского университета и в течение пяти «голодных» лет работал заведующим кафедрой факультетской хирургии медицинского факультета Воронежского (бывшего Юрьевского) университета. В статье раскрыта многогранная деятельность профессора

Н.Н. Бурденко в Воронеже в годы революции и Гражданской войны, его вклад в высшее медицинское и военно-медицинское образование, воронежское здравоохранение.

Ключевые слова: Н.Н. Бурденко, медицинский факультет Воронежского университета, Воронежский медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

В 2026 г. выдающемуся русскому хирургу XX века Николаю Ниловичу Бурденко (1876–1946) исполнилось 150 лет со дня рождения. В самые тяжелые годы Великой Российской революции, в годы голода и разрухи, политической неразберихи, холода, эпидемий «испанки», сыпного и возвратного тифа Николай Нилович жил и работал в Воронеже. В Воронеже раскрывается не только лечебная, научная и педагогическая работа Николая Ниловича, но и многогранная общественная деятельность. Гражданская позиция талантливого хирурга особенно ярко проявилась в его воронежский период.

Пятилетнее пребывание Н.Н. Бурденко в Воронеже связано с эвакуацией Императорского Юрьевского (до 1893 г. – Дерптского) университета в г. Воронеж в 1918 г., г. Юрьев (вновь переименован немцами в Дерпт, сейчас г. Тарту, Эстония) был оккупирован кайзеровскими войсками [9]. Российскому университету было приказано покинуть немецкий город. Совнарком Советской России 8 июня 1918 г. постановил «исходатайствовать у Германского правительства разрешения на выезд из г. Юрьева тем профессорам, которые персонально соответствуют требованиям, предъявляемым представителям науки в новых социальных условиях» [6, с. 126–134].

В составе Юрьевского университета находился старейший в России медицинский факультет, где преподавал профессор Н.Н. Бурденко. Бурденко вспоминал как к нему приходили немецкие студенты и просили его остаться в Юрьеве – Дерпте: «…передо мной была дилемма: остаться в старом мире, где все привычно, где все известно или пуститься в страну, где все непривычно, все неизвестно, все ново и где раздается грозный клич во имя иного будущего… Я сказал Цеге: “Будущее там, еду домой!”» [3, с. 68]. Выходец из семьи пензенских мещан, демократ и патриот Н.Н. Бурденко предпочел возвращение на родину устроенному буржуазному быту.

Место размещения Юрьевского университета советским правительством было выбрано в г. Воронеже. После переезда в Воронеж

летом 1918 г. Юрьевский университет стал Воронежским университетом [9, с. 47]. Благодаря организаторским способностям, энергии и авторитету профессора Н.Н. Бурденко, имя которого уже тогда было хорошо известно, он становится самым деятельным членом организационного Комитета по устройству университета в Воронеже и представителем его в Москве.

Бурденко Н.Н. приехал в Воронеж ординарным профессором кафедры факультетской хирургии, здесь принял заведование кафедрой и клиникой факультетской хирургии. Для размещения хирургической клиники Бурденко выбрал лечебницу на 60 коек Воронежской Николаевской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Хирургическое отделение лечебницы было хорошо оборудовано и принимало раненых и гражданских пациентов. Профессор Бурденко поселился в маленькой и сырой комнате «три на восемь аршин» деревянного флигеля-пристройки во дворе общины [7, с. 3].

Первая лекция по хирургии в Воронеже была прочитана в амбулатории при лечебнице Николаевской общины. В неотапливаемом помещении была поставлена печка-буржуйка. «Расхаживая вокруг нее и согревая руки, Николай Нилович излагал жадно слушавшим его студентам основы хирургии. В дальнейшем аудитория кафедры была организована в церкви общины» [2, с.10]. В 1920 г. кафедра получила дополнительные 50 коек в больнице бывшего Воронежского Михайловского кадетского корпуса, там же была оборудована студенческая аудитория на 120 мест.

Глубокой осенью 1920 г. клиника Бурденко в Николаевской общине временно закрылась для приема пациентов – не было дров для отопления помещений. Город Воронеж находился в прифронтовой зоне полыхающей в России Гражданской войны. В 1919 г. Воронеж занимали части белых, вместе с белыми из Воронежа ушла в эмиграцию часть профессуры Воронежского университета. По воспоминаниям профессоров медицинского факультета Воронежского университета В.И. Боброва и В.Н. Воронцова, опасаясь еврейских погромов «которым грозили шкуровцы или мамонтовцы», Николай Нилович приказал ординатору университетской клиники факультетской хирургии спрятать в амбулатории семьи евреев – врачей [4, с. 162].

В 1920–1921 гг. в Воронежской губернии вспыхнуло крестьянское восстание, экономика была окончательно разрушена, не хватало дров, керосина, продовольствия. Разгоралась все шире и шире эпидемия сыпного тифа. В этих условиях Н.Н. Бурденко проводил поистине героическую работу. Он продолжал занятия со студентами и вел пациентов в своей клинике – клинике факультетской хирургии медицинского факультета ВГУ. Несколько раз клиника Бурденко закрывалась в связи с отсутствием отопления, здания сырели, в операционной обвалился потолок, весь коллектив клиники (кроме заведующего Н.Н. Бурденко) переболел сыпным тифом. В своих воспоминаниях Н.Н. Бурденко назвал воронежские годы «голодными». Не хватало белья, медикаментов, сотрудники кафедры получали продовольственные пайки, которые позволяли лишь не умереть от голода.

Газета «Воронежская Коммуна» отмечала «ужасное положение» преподавателей Воронежского университета: «Особенно больно дает себя почувствовать квартирный вопрос. Профессора буквально кочуют с места на место, их уплотняют, выселяют, беспокоят… Что касается снабжения университетских работников продовольствием и предметами первой необходимости, хотя им и полагается паек, на самом деле попадают крохи… В зависимости от этого стоит вопрос о значительном недокомплекте профессоров и преподавателей… университет может остаться без лекторского и преподавательского персонала». В этой же статье особо отмечаются профессора медицинского факультета и в их числе Н.Н. Бурденко как оказывающие огромную помощь воронежскому здравоохранению [1]. Действительно, кроме лечебной работы в клинике и чтения лекций по хирургии медицинского факультета Воронежского университета Николай Нилович был вынужден заменять отсутствующих профессоров на других кафедрах, так он более года читал курс по кафедре кожных и венерических болезней. Сразу по приезде в Воронеж в 1918 г. Бурденко был избран председателем комиссии социального обеспечения по определению инвалидности военной и трудовой при Воронежском отделе Народного комиссариата. Несколько раз профессор Бурденко замещал декана медицинского факультета ВГУ, он был приглашен хирургом-консультантом в отдел здравоохранения Воронежского губернского отдела здравоохранения, опе-

рировал во всех госпиталях Воронежа. Николай Нилович активно включился в организацию союза больничных касс Воронежской губернии и Воронежской общегородской больничной кассы, находил время сотрудничать в журнале «Бюллетень социального страхования» [8]. Факультетская клиника под руководством Н.Н. Бурденко в 1919–1920 гг. фактически превратилась в военный госпиталь. В январе 1920 г. профессор Н.Н. Бурденко, по свежим впечатлениям от своей военной работы, кроме лекционного курса по факультетской хирургии, урологии, начал читать свой курс для студентов и врачей по военно-полевой хирургии.

По традиции Юрьевского университета Николай Нилович создает Воронежское медицинское сообщество и становится ее председателем. Он неоднократно выступал с блестящими докладами на заседаниях сообщества.

Военно-санитарное управление РККА возглавлял З.П. Соловьев, он с энергией борется за организацию медицинского обслуживания Красной армии, привлекает лучшие медицинские кадры, помогает внедрять военно-медицинский организационный опыт Первой мировой войны, новейшие методы лечения. Н.Н. Бурденко был привлечен в качестве эксперта и автора, он был хорошо известен по организаторской работе в Российском обществе Красного Креста в Первой мировой войне. Бурденко в 1917 г. неоднократно выступал на совещаниях представителей врачебно-санитарных организаций от губернских до армейских с докладами на тему: «К вопросу об устройстве управления в военно-санитарном ведомстве» [3, с. 94.], исполнял обязанности Главного военно-санитарного инспектора Временного правительства (до июня 1917 г.). Как вспоминал сам Бурденко: «Мне, вместе с З.П. Соловьевым, казалось необходимым воспользоваться здоровыми остатками русской армии, вышедшими из мировой войны… Многие непорядки в системе эвакуации вносили вспышки тифозных эпидемий – коечный фонд был недостаточен, санитарных поездов не хватало» [3, с. 68]. В сентябре 1920 г. по вызову Главного военно-санитарного управления Красной армии и Народного комиссариата здравоохранения Н.Н. Бурденко выехал в Москву для участия в советско-польской войне, чтобы возглавить военно-хирургическую работу. Но ввиду заключения мира был оставлен при Главном военно-санитарном управлении для состав-

ления «Положения о военно-санитарной службе Красной Армии». После завершения профессор вернулся в Воронеж к кафедре и клинике. Но для медицинского факультета ВГУ этот визит имел иные последствия, профессора Бурденко власти желали видеть в Москве, а не в Воронеже. В октябре 1921 г. постановлением Государственного Ученого совета Н.Н. Бурденко был утвержден профессором кафедры оперативной хирургии 1-го Московского государственного университета. Однако до замещения его новым заведующим оставался в Воронеже и продолжил занятия со студентами и руководство клиникой.

В Воронеже профессор Бурденко и его кафедра не только сумели преодолеть все трудности, но и достичь больших результатов. Проводилась громадная работа по оказанию помощи населению и раненым, развивалась хирургия, готовились хирургические кадры, получило начало нейрохирургия, орто-травматология, лечение костного туберкулеза. Впервые в Воронеже в клинике Бурденко было произведено переливание крови, в июне 1922 г. Н.Н. Бурденко выступил на очередном годовом заседании Русского хирургического общества им. Н.И. Пирогова с докладом «О пластике твердой мозговой оболочки». В Воронежской клинике впервые экспериментально и клинически был разработан метод лечения гнойных воспалительных процессов фильтратами культур по А.М. Безредка [3, с. 95]. Ассистент и ученик Н.Н. Бурденко, будущий профессор, В.И. Бобров подготовил диссертацию на тему: «Топографо-анатомическое исследование 12-перстной кишки и забрюшинной клетчатки в ее окружности», защитили диссертации ассистент кафедры факультетской хирургии Н.В. Словцов и ординатор П.С. Богушевский.

В марте 1923 г. состоялся отъезд Н.Н. Бурденко в Москву. В прощальном адресе Н.Н. Бурденко от медицинского факультета Воронежского университета были написаны следующие строки: «Вы были бесконечно дороги и для профессуры, и для студенчества, ваше имя пользовалось громадной популярностью и в городе среди населения, поднимая на месте авторитет Университета, и в центре, создавая ему хорошую славу. Причину этого следует искать в исключительных свойствах вашей личности… На глазах старейших представителей Юрьевского (ныне Воронежского) Университета

идет непрерывный рост Вашей личности, как представителя науки и большого талантливого администратора» [5, л. 63–65].

Воронежский период в жизни Н.Н. Бурденко завершился, но и после переезда в Москву при каждой возможности он помогал и клинике, и Воронежскому университету. Некоторые друзья и ученики Н.Н. Бурденко уехали вслед за любимым учителем. За время работы профессора Н.Н. Бурденко на медицинском факультете Воронежского университета с 1919 по 1922 г. было подготовлено 385 врачей.

Источники и литература

1. *Боб*. О Государственном университете // Воронежская коммуна. – 1920. – 27 окт.

2. *Боброва Н.В*. История кафедры факультетской хирургии (Воспоминания профессора Н.В. Бобровой). – Воронеж, 2008.

3. *Багдасарьян С.М.* Материалы к биографии Н.Н. Бурденко. [1876–1946]. – Москва, 1950.

4. *Багдасарьян С.М.* Николай Нилович Бурденко: Жизнь и деятельность. – Москва, 1948.

5. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 33. Оп. 3. Д. 5а.

6. *Карпачев М.Д*. Основание Воронежского государственного университета // Высшее образование в России. – 2018. – № 8–9. – С. 126–134.

7. Материальное обеспечение профессоров ВГУ за 1919–1920 гг. // Воронежский университет. – 2013. – 21 нояб.

8. Профессор Бурденко – для рабочих // Воронежская Коммуна. – 1923. – 4 марта.

9. *Сент-Илер К.К*. К истории Воронежского университета. – Воронеж, 2016.

S.V. Markova

NIKOLAI NILOVICH BURDENKO IN VORONEZH. 1918-1923.

Annotation. The article is devoted to the Voronezh period in the life of Academician N.N. Burdenko. In 1918, he came to Voronezh together with the faculty of Yuryev University, and for five “hungry” years he worked as the head of the Department of Faculty Surgery at the Medical Faculty of Voronezh (formerly Yuryev) University. The article reveals the multifaceted activities of Pro-

fessor N.N. Burdenko in Voronezh, his contribution to higher medical education and healthcare in Voronezh.

Keywords: N.N. Burdenko, Medical Faculty of Voronezh University, N.N. Burdenko Voronezh Medical University.

УДК 94(470.343)

К.А. Олина

МЕЖДУ ОТЧЕТАМИ И ВОСПОМИНАНИЯМИ: ЭВАКУАЦИЯ «КРЕМЛЕВСКОГО ИНТЕРНАТА» В Г. КОЗЬМОДЕМЬЯНСК МАРИЙСКОЙ АССР (1941–1943)

Аннотация. Статья посвящена истории пребывания в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. школьного интерната Лечебно-санитарного управления Кремля, где воспитывались дети сотрудников советских правительственных учреждений. На основе документов Государственного архива Республики Марий Эл и личных воспоминаний воспитанницы интерната Р.С. Чирковой из документального фонда Муниципального учреждения «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» реконструированы ключевые аспекты функционирования эвакуированного учебного учреждения: размещение и материально-бытовое обеспечение, динамика численности воспитанников, структура финансирования и расходов, организация образовательного и воспитательного процессов. Особое внимание уделено сопряжению официальной статистики с человеческой историей – это позволяет раскрыть не только административные механизмы эвакуации, но и повседневность детей в тылу, эмоциональные опоры и роль местного общества в адаптации эвакуированных. Статья подчеркивает ценность фрагментарных архивных данных и воспоминаний для воссоздания целостной картины истории повседневности военного времени.

Ключевые слова: школьный интернат Лечебно-санитарного управления Кремля, Марийская АССР, эвакуация, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., воспоминания детей войны, повседневная жизнь, Государственный архив Республики Марий Эл, г. Козьмодемьянск Горномарийского района.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Марийская АССР стала одним из регионов, куда из прифронтовых территорий

эвакуировали детские учреждения. По данным на 1 января 1942 г., на территории республики размещалось 22 детских дома общего типа и 3 специальных (коррекционных), причем 17 из них были эвакуированы из гг. Москвы, Выборга, Мурманска, Украинской ССР, с количеством воспитанников – 1538 чел. [4, л. 9].

Прибывшим детским учреждениям было предоставлено «12 неплохих школьных зданий, помещения 2-х домов отдыха, 2-х детских садов, 1 здание – дача Совнаркома» [2, л. 119]. Так, детский интернат для детей сотрудников Государственного издательства художественной литературы «Гослитиздат» РСФСР временно разместили в Цибикнурском детском доме Йошкар-Олинского района. Детский сад № 34 Московской фабрики «Красный Октябрь» нашел пристанище в г. Волжске Волжского района. Люльпанский детский дом частично укомплектовали детьми из г. Мурманска [4, л. 1–2], а дачу Совета народных комиссаров Марийской АССР на станции Куяр Йошкар-Олинского района предоставили «Выборгскому детдому» [4, л. 9].

В титульном списке детских домов и специальных школ Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) Марийской АССР на 1 января 1942 г. среди прочих под номером десять значился «Школьный интернат Лечсанупра Кремля», который был направлен в г. Козьмодемьянск Горномарийского района [4, л. 9].

С 1928 по 1953 г. Лечебно-санитарное управление Кремля (Лечсанупр Кремля, ЛСУ Кремля, ЛСУК) являлось эмблемой кремлевской медицины, предоставляя медицинское обслуживание правящей советской верхушке: членам правительства СССР, членам Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, членам ревизионной комиссии Центрального комитета ВКП(б) и др. К 1941 г. структура Лечсанупра Кремля включала в себя: центральную поликлинику, поликлинику № 2, Кремлевскую больницу, а также санатории и дома отдыха (в том числе «Барвиха») и целый ряд медицинских, административных и хозяйственных подразделений, куда прикреплялись и выдающиеся деятели науки, техники, литературы, Герои Советского Союза, лица, работавшие в Кремле.

В условиях стремительно ухудшавшейся обстановки на фронтах Великой Отечественной войны Советом народных комиссаров СССР и Центральным комитетом ВКП(б) в числе других эвакуаци-

онных мер было принято решение от 20 июля 1941 г. «Об эвакуации медицинского оборудования и медикаментов Лечебно-санитарного управления Кремля». 22 июля 1941 г. в «запасную столицу СССР», г. Куйбышев, отправилась первая группа ЛСУК, состоявшая из 25 медицинских работников. В этот же день 43-й школьный интернат Лечсануправа Кремля, где воспитывались дети членов советского правительства, прибыл в Марийскую АССР [4, л. 22–22об.]. Это было закрытое учебное заведение с полным государственным обеспечением: проживанием, питанием, медицинским обслуживанием.

Тема эвакуации школьного интерната Лечебно-санитарного управления Кремля в г. Козьмодемьянск Марийской АССР является не изученной. Специальных исследовательских работ не опубликовано, а в публикациях и изданиях по истории ЛСУК этот вопрос не получил целостного освещения. Единичное упоминание можно найти в статье Н.Ф. Ретина «Лечебно-санитарное управление Кремля в Самарской эвакуации 1941–1943 гг.», где подробно описывается процесс эвакуации учреждения, структура управления в г. Куйбышеве, а также ликвидация больнично-поликлинического отделения в «запасной столице СССР» в 1943 г. Об эвакуации интерната даются лишь фрагментарные сведения [10].

В фондах Государственного архива Республики Марий Эл найдено скромное количество информации о пребывании в Марийской АССР эвакуированного интерната, поэтому собранные по крупицам данные представляют особенную ценность для дополнения картины событий военного периода. При этом за сухими архивными строками скрываются живые человеческие истории – и особенно пронзительно они звучат в воспоминаниях тех, кто лично пережил эвакуацию, будучи ребенком.

Путь в эвакуацию был непростым: как упоминала воспитанница интерната Р.С. Чиркова в своем письме, датированным ноябрем 1999 г. и хранящимся в документальном фонде муниципального учреждения «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», уже вскоре после начала войны ее вместе с братом провожала в эвакуацию мама, работавшая врачом в Кремлевской больнице. Дети отправились на пароходе в г. Козьмодемьянск: «Как сейчас помню, как мы сходим по трапу с братом, и нас ведут куда-то. Мне было 10 лет, брату – 15,5 лет» [9, л. 1]. Даже опасное проис-

шествие – падение бомбы в реку Волгу за кормой судна – дети восприняли сдержанно: в их возрасте война ощущалась иначе, чем для взрослых. При этом Р.С. Чиркова до конца жизни сохранила чувство глубокой благодарности к городу, который стал для эвакуированных «замечательным и очень дорогим» [9, л. 2].

В г. Козьмодемьянске Горномарийского района ребят вместе с педагогическим составом разместили в доме № 43 по улице Чернышевского. Быт интерната сохранился в тех же воспоминаниях: «Деревянное одноэтажное здание с треугольной крышей в середине было для нас спальней, где 4–6 комнат наполняли железные простые кровати. В углу каждой комнаты спала вожатая. А директор с семьей расположились справа от входной центральной двери в отдельной комнате» [9, л. 2]. Воспитатели строго следили за детьми: «не спускали с нас глаз, далеко нас не отпускали и никуда не возили (не до жиру, быть бы живу)» [9, л. 2–3].

Начальником «Кремлевского интерната», а именно с таким названием учебное учреждение чаще всего фигурировало в отчетах Народного комиссариата просвещения Марийской АССР, был назначен Федор Васильевич Киселев. В списках эвакуированного населения, проживавшего в г. Козьмодемьянске на 1 сентября 1942 г., записано, что он 1909 года рождения, уроженец Ленинского района Москвы, специальность – техник по электроприборам, работавший в Лечсанупре Кремля электротехником [8, л. 11об.]. Федор Васильевич прибыл вместе с женой Вассой Григорьевной (Гавриловной) Киселевой, 1910 года рождения, уроженкой п. Гродеково Приморского края, бухгалтером по специальности, которая на 1 сентября 1942 г. трудилась на Козьмодемьянском плодоварочном заводе Наркомата пищевой промышленности Марийской АССР [7, л. 238об.; 8, л. 11об.], и дочерью Евгенией Федоровной Киселевой, 1930 года рождения, уроженкой Ленинского района Москвы, ученицей [8, л. 11об.]. Здесь же дается информация о воспитанниках интерната ЛСУ Кремля (на 1 сентября 1942 г. их количество составило 72 чел.): фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, местожительство до эвакуации; и прибывшем с ним составе (акушерка и буфетчица Кремлевской больницы, два технических служащих, повар и помощник повара столовой Лечсанупра Кремля, врач и помощник врача) [8, л. 12–13].

Примечательно также то, что в списках эвакуированного населения, прибывшего в г. Йошкар-Олу в период с 20 июля по 4 августа 1941 г., значились и сотрудники санатория Кремля, лаборатории Кремля, Кремлевской больницы и Кремлевской столовой, часть из которых были направлены в Троицко-Посадский сельсовет Горномарийского района [7, л. 238]. Исходя из этого, можно предположить, что в Марийскую АССР был эвакуирован не только школьный интернат вместе с сопровождающим персоналом, но и отдельные сотрудники ЛСУК.

Из годового отчета школьного интерната Лечебно-санитарного управления Кремля по форме ОД-2, направленной Народным комиссариатом просвещения РСФСР, за период с 22 июля по 31 декабря 1941 г. можно узнать следующие статистические данные. Число детских мест, принятых на финансирование – 90 чел., но фактически состояло детей по списку на 22 июля 1941 г. – 86 чел., а на 1 января 1942 г. – 83 чел. При этом в течение отчетного периода дополнительно из Москвы было принято 15 чел., а затем 18 чел. выбыло к родителям. Возрастной состав детей был таким: 7 лет и менее – 2 чел., от 8 до 11 лет – 37 чел., от 12 до 14 лет – 33 чел., от 15 лет и старше – 11 чел. Дополнительно было указано количество членов и кандидатов ВЛКСМ – 7 чел., пионеров – 74 чел. [4, л. 22].

Площадь здания, предоставленного интернату, составляла 300 кв. м, из которых 210 кв. м отводилось под спальни. Вместе с воспитанниками прибыл и персонал: воспитатели – 2 чел., пионервожатые – 1 чел., врачебно-медицинский персонал – 1 чел., административно-хозяйственный и обслуживающий персонал – 9 чел. [4, л. 22–22об.]

Что касалось бюджета, то сумма всех поступлений за период с 22 июля 1941 г. до конца года равнялась 105 409 руб. 21 коп., из которых бюджетные средства составляли 75 000 руб., средства родителей – 21 794 руб. 36 коп., прочие поступления – 8614 руб. 85 коп. [4, л. 22об.]. Израсходовано было 99 197 руб. 79 коп., основной пункт расходов – питание и заготовка продовольствия – 60 485 руб. 63 коп. [4, л. 22об.]. Р.С. Чиркова с теплотой писала: «Местные поварихи пекли большие – с мужскую ладонь – пирожки с капустой, а большому куску и сердце радуется. До сих пор помню, как это было вкусно! А кусочек черного хлеба мы клали в печурку-голландку.

И сейчас горячий кусочек черного бородинского очень выручает – не надо покупать печенья (очень большая экономия). Это с тех пор, я уверена, что наш черный вкуснее всякого другого хлеба и всегда выручит, даже в наш кризисный затянувшийся период» [9, л. 3]. Это наглядно показывает, насколько значимой была статья расходов на питание: она занимала более 60 % всех трат интерната. При этом экономия достигалась не за счет ухудшения рациона, а благодаря рациональным бытовым приемам и поддержке жителей г. Козьмодемьянска – и именно такие детали помогали детям не просто выживать в тяжелых условиях, но и сохранять теплые воспоминания, которые поддерживали их даже спустя годы.

Денежных средств на обмундирование в 1941 г. потрачено не было, хотя Р.С. Чиркова вспоминала: «…валенок и шубок никто не захватил, а взрослые говорили, что война на несколько месяцев и скоро закончится» [9, л. 2]. Аналогичная оценка ситуации дается в письме секретаря Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнарева секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о прибытии и размещении эвакуированного населения в г. Йошкар-Оле: «Нужно отметить, что и эвакуированные из Москвы также приезжают в легкой одежде (многие заявляют, что им при отъезде сказали: «Через месяц вернетесь в Москву»). Такое легкомысленное отношение со стороны отправляющих эвакуируемых, да и самих эвакуируемых может привести к ненужным жертвам и т.п., так как зиму, видимо, всем эвакуируемым придется жить здесь, а морозы в М[арийской] АССР доходят до 50°С» [1, л. 1–3]. Это подчеркивает острую нехватку теплой одежды у эвакуированных, а отсутствие расходов на обмундирование в бюджете интерната не означало, что потребности в одежде не было – скорее, это свидетельствовало о дефиците финансовых ресурсов и вынужденной зависимости от внешних поставок, благотворительности или перераспределения имеющихся теплых вещей.

Остальные пункты расходов «Кремлевского интерната» за неполный 1941 г. включали 247 руб. 45 коп. на учебные пособия, 16 929 руб. 42 коп. на заработную плату персоналу и 21 535 руб. 29 коп. прочих затрат [4, л. 22–22об.]

Не менее важной была и эмоциональная сторона жизни в эвакуации. В воспоминаниях Р.С. Чирковой сохранилось несколько свет-

лых эпизодов о зиме в г. Козьмодемьянске: «Весь город запомнился тихим и добрым, однако праздничный вечер состоялся. Я танцевала «лошадку» в большой группе девочек. Взрослые сшили нам белые платьица и дали длинные ленты-поводья» [9, л. 4]. Такие моменты показывают, как даже в тяжелое время воспитатели старались подарить детям радость и ощущение заботы. А в ее строчках: «Широкая Волга, снег, санки – мы катались почти в полной темноте (наверное, маскировка такая была тогда)» [9, л. 3] запечатлен и радостный зимний досуг ребят, и подтверждение исторических фактов о проведении светомаскировки, которая вводилась в отдельных городах и районах республики постановлением суженного заседания СНК Марийской АССР от 5 ноября 1941 г.: «Совет народных комиссаров Марийской АССР постановляет: 1. Ввести режим полного затемнения населенных пунктов в ночное время на территории районов: Еласовского, Горномарийского, Юринского, Йошкар-Олинского…» [6, л. 55]. Таким образом, простые человеческие воспоминания в очередной раз становятся своеобразным дополнением к официальным данным.

Годовой отчет интерната Лечсанупра Кремля за 1942 г. демонстрирует статистические изменения. Число мест под финансирование сократилось с 90 чел. до 80 чел. – интернат перешел к чуть более скромным плановым показателям. Фактическая численность заметно упала: с 83 детей на начало 1942 г. до 53 чел. на начало 1943 г. – причиной стало возвращение 30 детей к родным при отсутствии новых поступлений. Возрастная структура также трансформировалась: доля младших детей (до 11 лет) уменьшилась, а доля подростков (12–14 лет) стала доминирующей (29 чел. из 53 чел.) [5, л. 24]. Это может отражать как естественный рост детей, так и особенности возвращения из эвакуации: младших чаще забирали родственники, старших оставляли в интернате дольше. Так, врачу-гинекологу филиала Центральной поликлиники ЛСУК, находившейся в г. Куйбышеве, Серафиме Наумовне Эйцис-Паньшиной предоставлялся отпуск для поездки за детьми в г. Козьмодемьянск [10, с. 310].

О количественном снижении воспитанников интерната упоминается и в справке Наркомпроса Марийской АССР на 11 мая 1943 г.: «Недовыполнение контингента идет за счет ведомствен-

ных детских домов: недоукомплектован Параньгинский детский дом № 2, Волжский, Кремлевский и др.» [3, л. 11]. Таким образом, динамика численности воспитанников отражает общую тенденцию военного времени – постепенное возвращение эвакуированных детей в семьи.

Пропорционально общей численности учащихся интерната ЛСУ Кремля сократилось и количество комсомольцев и пионеров: с 7 и 74 чел. в 1941 г. до 3 и 43 чел. в 1942 г. [5, л. 24]. При этом неизменность площадей (300 кв. м общей и 210 кв. м спален) на фоне уменьшения числа детей привела к росту обеспеченности площадью на одного воспитанника. В условиях военного времени это можно расценивать как положительный фактор, снижавший риски, связанные с теснотой и распространением заболеваний.

Штат персонала сократился с 13 до 9,5 единиц [5, л. 24об.]. Вероятно, для оптимизации расходов произошло перераспределение обязанностей, а отдельные должности (в частности пионервожатый) были упразднены.

Сравнение финансовых данных требует учета разной продолжительности отчетных периодов: за 1941 г. представлены сведения лишь за 5,5 месяцев, тогда как за 1942 г. – за полный календарный год. Бюджетное финансирование выросло с 75 000 руб. (5,5 месяцев) до 194 100 руб. (12 месяцев). При пересчете на год показатель 1941 г. составил бы ориентировочно 163 600 руб., то есть в 1942 г. объем бюджетных средств оказался существенно выше. Взносы родителей, напротив, в годовом выражении снизились: расчетный показатель 1941 г. около 47 500 руб., фактический за 1942 г. – 43 453 руб. 85 коп., что, вероятно, связано с уменьшением числа воспитанников. Уровень прочих поступлений в 1942 г. остался примерно на прежнем уровне [5, л. 24об.]

Общие расходы 1942 г. выросли, но не радикально (226 478 руб. 34 коп.). Основными статьями оставались питание (136 800 руб.) и заработная плата персоналу (37 600 руб.) Появилась статья расходов на обмундирование – 2500 руб.; при этом учебные расходы не зафиксированы, что может объясняться достаточной закупкой прошлого года [5, л. 24об.]

Важным элементом снабжения стали поступления в натуральной форме, оцененные примерно в 15 000 руб. [5, л. 24об.] Наличие

подсобного хозяйства подтверждается справкой Наркомпроса Марийской АССР от 15 апреля 1943 г. «Для развития подсобных хозяйств в детских домах составлен план весеннего сева, утверждена на заседании Совнаркома площадь земли по культурам, по линии Упол[номоченного] нар[одного] ком[иссариата] заг[отовок] детским домам дано право на заготовку картофеля, [Всесоюзное объединение] «Союзсортсемовощ» [Министерства сельского хозяйства СССР] выделил огородных семян. Однако сведения с мест свидетельствуют, что исполкомы райсоветов не выделяют необходимого количества земли. Так, например, Горномарийский исполком Кремлевскому детдому выделил только 2 га вместо 19,57 га, утвержденных Совнаркомом» [3, л. 6–6об.] Подобная практика была широко распространена в детских учреждениях военного периода и рассматривалась как важный механизм самообеспечения.

Воспитательно-образовательный процесс в интернате Лечебно-санитарного управления Кремля сохранялся на высоком уровне. Согласно докладу Наркомпроса Марийской АССР от 25 ноября 1942 г., в республике функционировало 22 детских учреждения (2415 воспитанников), из них 17 – эвакуированных, включая 7 школьных интернатов, среди которых числился и «Кремлевский» (контингент эвакуированных воспитанников – 1367 человек) [2, л. 119]. Отмечалось удовлетворительное состояние воспитательной работы, организованное самообслуживание и трудовое обучение. Успеваемость по всем интернатам достигала 98 %, в ряде учреждений – 100 %, а в интернате ЛСУК на конец первой четверти 1942 учебного года составила 99 % [2, л. 123]. Сама Р.С. Чиркова упоминала свою учительницу – Капитолину Ипполитовну – и подчеркивала, что «учились хорошо» [9, л. 4]. Эти факты свидетельствуют о том, что даже в экстремальных условиях эвакуации удалось сохранить не только жизнеобеспечение детей, но и полноценный учебный процесс, а трудовое воспитание и самообслуживание стали неотъемлемой частью повседневной жизни воспитанников.

Повседневная жизнь детей в эвакуации складывалась из множества мелких, но дорогих сердцу деталей: катания на санках по заснеженной Волге, празднования Нового года в сшитых своими руками костюмах, простых радостей вроде пышных пирожков с капустой –

их пекли для ребят жители города, которые и сами несли тяготы военного времени. «Местные люди были простые, скромные, мало говорящие, милые, почти все одинаково одетые, с бледноватыми лицами. Цвет одежды – серо-бежевый, выцветший», – вспоминала Р.С. Чиркова [9, л. 3–4]. Именно из таких штрихов и сформировалось общее впечатление о г. Козьмодемьянске: несмотря на все трудности, он оставался для детей добрым и уютным – словно давал тихую опору в неспокойное время.

После того как наступление врага под Москвой было остановлено, стартовал поэтапный процесс возвращения в столицу эвакуированных правительственных учреждений. С января 1942 г. ведущие специалисты ЛСУК группами переезжали из г. Куйбышева в Москву, и к апрелю 1943 г. вернулись последние сотрудники Лечсануправа Кремля [10, л. 307–308]. Поэтому закономерно то, что в этот и последующие периоды интернат больше не фигурировал в документах Народного комиссариата просвещения Марийской АССР.

Таким образом, история пребывания школьного интерната Лечебно-санитарного управления Кремля в г. Козьмодемьянске Марийской АССР отражает сложный, но системный подход к эвакуации и размещению воспитанников: от предоставления помещений и формирования штата до организации питания, учебного процесса и постепенного возвращения в столицу СССР по мере стабилизации обстановки. Архивные документы и личные воспоминания позволяют увидеть не только сухие цифры в отчетах и докладных записках, но и живой быт, трудности и радости детей в тылу в контексте региональных особенностей Марийской АССР – что является ценным дополнением к более целостному восприятию картины событий военного периода.

Источники и литература

1. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 29.
2. ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 100.
3. ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 156.
4. ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 169.
5. ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 198.

6. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 70.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-1106. Оп. 1. Д. 2.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-1106. Оп. 1. Д. 25.
9. Документальный фонд МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Воспоминания Р.С. Чирковой.
10. *Ретин Н.Ф.* Лечебно-санитарное управление Кремля в Самарской эвакуации 1941–1943 гг. // Самарский край в истории России. Вып. 6. Материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина, г. Самара, 22–23 нояб. 2016 г. – Самара, 2017. – С. 300–314.

K.A. Olina

BETWEEN REPORTS AND MEMORIES: THE EVACUATION OF THE "KREMLIN INTERNAT" IN THE CITY OF KOZMODYAMYSK, MARI ASSR (1941-1943)

Annotation. The article is devoted to the history of the school-boarding house of the Medical and Sanitary Administration of the Kremlin, which was located in the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941-1945 and which educated the children of employees of Soviet government institutions. Based on documents from the State Archive of the Republic of Mari El and the personal recollections of R.S. Chirkova, a pupil of the boarding school, from the documentary fund of the Municipal Institution "Kozmodemyansk Cultural and Historical Museum Complex," the key aspects of the functioning of the evacuated educational institution have been reconstructed: its accommodation and material and household support, the dynamics of the number of pupils, the structure of funding and expenditures, and the organization of educational and upbringing processes. Particular attention is paid to linking official statistics with human history – this makes it possible to reveal not only the administrative mechanisms of evacuation but also the everyday life of children in the rear, their emotional support systems, and the role of local society in the adaptation of evacuees.

Keywords: school boarding school of the Medical and Sanitary Administration of the Kremlin, Mari Autonomous Soviet Socialist Republic, evacuation, Great Patriotic War of 1941-1945, memoirs of war children, everyday life, State Archive of the Republic of Mari El, the city of Kozmodemyansk, Gornomariysky District.

УДК 94(407.42)

Е.А. Рогашова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты работы органов государственной власти с обращениями граждан, проживающих на территории Ульяновской области в 1943–1945 гг. по материалам Государственного архива новейшей истории Ульяновской области. Особое внимание обращается на работу с обращениями от военнослужащих и их семей.

Ключевые слова: Ульяновская область, Великая Отечественная война, региональные государственные органы, обращения граждан.

Задача работы с обратной связью со стороны населения для органов государственной власти была очень важной и ответственной во все времена существования Советского Союза. Обратиться с жалобой, обращением, предложением гражданин СССР мог через огромное количество структур, начиная от советских органов власти, заканчивая партийными. Также он мог действовать через свои профессиональные и профильные организации и СМИ. Большое количество населения пользовалось этими возможностями, когда сталкивалось с жизненными и бытовыми проблемами, неустроенностью в окружающем пространстве, правовой несправедливостью. Подобная обратная связь всячески поддерживалась и поощрялась государством, давая возможность напрямую увидеть проблему и ускорить ее решение.

Во время войны решение этой задачи резко усложнилось. Очень много людей из системы государственного управления ушло на фронт, одновременно резко усилился поток распоряжений из Москвы (страна перешла на мобилизационный режим военного времени), кадров для обработки поступающей от населения корреспонденции не хватало; ресурсов, чтобы помочь гражданину в бытовых вопросах тоже. А проблем у населения стало значительно больше, поток обращений, с одной стороны, значительно вырос, а с другой – серьезно замедлился, что заставляло Москву и ЦК ВКП(б) постоян-

но следить за данным направлением работы партийных структур, справедливо предполагая, что именно первичные партийные ячейки на местах могут максимально быстро разобраться в значительном количестве проблем граждан.

19 января 1943 г. на карте РСФСР появилась Ульяновская область, а уже в феврале 1943 г. ее руководителям пришлось воплощать в жизнь Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 г. Укомплектование и создание отделов гособеспечения затянулось. В секретном докладе И.Н. Терентьеву от заместителя заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Кокорева отмечались следующие проблемы в работе создаваемых структур: работники не знают обязанностей, не уточнено количество семей военнослужащих в районах, не определена степень их нуждаемости, не начаты выплаты пособий, не оформлены документы на льготы и т.д., и т.п. В отделы уже идут массово жалобы на невыплату пенсий и пособий, на плохие жилищные условия, а оттуда поступают только «формальные отписки», причем регистрация обращений ведется плохо.

Ряд решений исполкома горсовета и бюро горкома ВКП(б) Мелекесса [Димитровград] от 12 и 17 ноября 1942 г., 18 февраля и 3 марта 1943 г. и др. об улучшении работы с семьями военнослужащих не выполнены. Например, из 76 полученных только за март 1943 г. жалоб, писем и заявлений по городу Мелекессу приняты меры в установленный срок только по 58 жалобам. Из 1700 семей комначсостава совершенно не имеют топлива 82 семьи. 230 детей военнослужащих не посещают школу, потому что не имеют обуви и одежды. Особенно плохо обстоит дело с трудообучением инвалидов войны – из 289 человек обучаются только трое. В Богдашкинском районе 375 детей фронтовиков школьного возраста пропускают занятия по той же причине. Также в районе имеются случаи неполучения семьями пособий (с октября 1942 г.) и хлеба (с января 1943 г.). А в Сенгилеевском районе в течение двух месяцев не осуществлялась подвозка дров семье фронтовика, в которой пятеро детей в возрасте до семи лет [1, л. 1–2]. В том же районе 60-летнего отца двух фронтовиков Егорова исключили из колхоза, выгнали с приусадебного участка, не разрешив выкопать посаженный картофель.

Еще одним примером плохой административной работы, несмотря на, казалось бы, жесткий перекрестный контроль административных структур, может служить следующий случай. Жена фронтовика-офицера Брант, не имея квартиры, подала 18 августа 1943 г. заявление в отдел гособеспечения при горисполкоме о предоставлении жилой площади. Уже 5 октября 1943 г. Ленинский райсовет сообщил, что квартира предоставлена, о чем было сообщено на фронт, откуда пришло письмо с благодарностью. Но после этого выяснилось, что Брант получила не квартиру, а только ордер. И только 10 декабря 1943 г. после вмешательства горкома ВКП(б) заявление было удовлетворено [4, л. 28об.].

Но можно отметить, что не всегда находились подтверждения описанным гражданами ситуациям. Например, отчет отмечает, что «факты тяжелого положения семей военнослужащих, *взятых из писем на фронт военной цензурой* [курсив автора] по Сенгилеевскому и Богдашкинскому районам, не подтвердились».

Интересны выводы, к которым по результатам проверки приходит заместитель заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Кокорев: «неудовлетворительное выполнение постановления ЦК ВКП(б)… является следствием того, что Райкомы, Райисполкомы не до конца поняли политического значения этого важнейшего решения… не разъяснили его партийному, советскому и комсомольскому активу, руководителям предприятий, учреждений, совхозов и колхозов… [которые продолжают] бездушно относиться к запросам и нуждам семей военнослужащих… объясняют [ситуацию] отсутствием фондов на продукты питания, промтовары, одежду и обувь и не принимают мер к [их] изысканию из местных ресурсов… не организуют пошивку, ремонт… сбор продуктов у населения, колхозов и совхозов». Кроме того, по мнению партийца, отделы гособеспечения формализуют работу через отписки или пересылку обращений в другие организации [1, л. 1–2].

То есть экономико-финансовые и кадровые показатели, которые очевидны, все провалы в реализации вышестоящая структура – обком ВКП(б) по Ульяновской области – пытается свести к организационному и личному фактору. Что, конечно же, не приведет к исправлению ситуации до самого конца войны и первые годы после ее окончания.

Тем не менее хотелось бы отметить, что помощь военнослужащим и их семьям в Ульяновской области во время войны оказывалась в тех масштабах и в тех возможных формах, на которые хватало скудных региональных ресурсов военного времени. Например, 12 марта 1943 г. секретарь РК ВКП(б) Николаевского района Н. Мельников докладывал обкому ВКП(б) Ульяновской области, что в районе было обследовано 3122 семьи военнослужащих, включая 307 семей комсостава и эвакуированных, из них: 420 семей – это матери с детьми; 79 детей-сирот возраста до 14 лет; 2683 семьи трудоустроено в колхозах, предприятиях и учреждениях; 2811 семей имеют собственную квартиру; 1240 семей имеют запас топлива на месяц и больше; 2263 семьи обеспечены одеждой и обувью; 2374 семьи имеют личный скот.

Чем смогли помочь партийные и другие организации семьям военнослужащих за вторую половину 1942 г.: трудоустроены были 316 семей, ремонт или предоставление новой квартиры получили 156 семей, с заготовкой топлива помогли 739 семьям, помощь в приобретении одежды и обуви получили 211 семей и т.д. Что касается обеспечения быта семей, то колхозы и организации в порядке помощи отпустили семьям военнослужащих 1152 пуда хлебных продуктов, 129 ц овощей и картофеля, 1737 возов дров и др. Кроме того, собирались денежные средства, одежда, обувь, масло, молоко, крупы и т.д. Однако, как отмечается в отчете, оказанная помощь не закрывает всех потребностей, фонды, выданные на район, слишком малы для этого [2, л. 5]. Подобные месячники помощи семьям военнослужащих будут проводиться регулярно, несмотря на все трудности военного времени. Например, в ноябре 1943 г. населением были собраны 1,3 млн руб., 284 т хлеба, 623 т овощей, 2226 пар обуви, 280 тыс. кубометров дров, 750 голов скота, 5986 квартир отремонтировано, 516 человек нашли работу, 2612 детей снова стали посещать школу (до этого не было одежды и обуви) и т.д. [4, л. 28об.].

Интересно отметить, что в одном из отчетов Ульяновского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) от 1944 г. отмечалось, что большую помощь многодетным семьям военнослужащих оказывают тимуровские команды, которых в области 324, и в них участвуют 2115 чел. [5, л. 108об.].

Аналогичная ситуация была во всех районах Ульяновской области. Таким образом, в условиях военного времени работа с жалобами и обращениями военнослужащих (мобилизованных и демобилизованных) и их семей приобрела политический характер, но ее эффективность была ограничена теми малыми ресурсами, которые можно было привлечь на территории Ульяновской области. Например, заведующий военным отделом обкома ВКП(б) Кокорев докладывал в декабре 1944 г. И.Н. Терентьеву о «фактах бюрократизма в рассмотрении жалоб фронтовиков и их семей». В общем отделе облисполкома на момент проверки было 114 неразрешенных жалоб от семей военнослужащих и фронтовиков. Некоторые от апреля 1944 г. «Рассылая жалобы в райисполкомы [общий отдел Облисполкома] не требовал с них исполнения… вследствие этого [помимо лежащих в районных исполкомах не рассмотренных обращений] было обнаружено, что за 1944 г. утеряно 26 жалоб фронтовиков и их семей», – отмечается в справке. В райсоветах же, соответственно, работа с обращениями передавалась «второстепенным работникам, с которых никто не требовал исполнения». Для примера, жалоба красноармейца Г.И. Гаврилова о срочной помощи его семье, *полученная из ЦК ВКП(б) 14 июня [1944 г.], пролежала в райсовете до 9 декабря 1944 г., после чего в Облсовет сообщили, что Гаврилов в помощи не нуждается* [курсив автора] [6, л. 12–13]. Об этой же «бесконтрольности» сообщал прокурор Ульяновской области Шленский И.Н. Терентьеву также в декабре 1944 г., доводя информацию о последовавших наказаниях. Кстати, интересный момент: в качестве одного из нарушений прокурор называет отсутствие на соответствующих письмах пометки «красноармейская» и то, что они хранятся с общими жалобами [6, л. 14].

Подобная «волокита», говоря языком документов тех лет, наблюдается, к сожалению, по всем направлениям работы, даже там, где не надо было разбираться и изыскивать дополнительные возможности и ресурсы. В качестве небольшого примера приведем следующий факт. На 1 января 1945 г. в Ульяновской области было подано 1414 заявлений на выплату пособия многодетным одиноким матерям, а рассмотрено из них всего 1301 [7, л. 5].

В августе 1946 г. заместитель уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ульяновской области А. Волков сообщал И.Н. Терен-

тьеву о том, как выполняется постановление ЦК ВКП(б) от 27 мая 1946 г. «О политической работе среди демобилизуемых из вооруженных сил Союза ССР» в Ульяновской области. И отмечал, что в Сталинском районе г. Ульяновска заявления и жалобы демобилизованных «месяцами не рассматриваются». В райжилуправлении на 20 июля 1946 г. оказалось 57 заявлений о предоставлении и ремонте квартир. Из них 11 жалоб лежат без движения по 4–5 месяцев. Например, демобилизованный Миронычев заявление о квартире подал 25 января, однако его жилищно-бытовые условия работники райжилуправления не обследовали и мер по заявлению не приняли. В отделе гособеспечения по 2–3 месяца лежат заявления демобилизованных. Всего 13 жалоб [8, л. 66]. И уже 4 сентября 1946 г. первый секретарь Ульяновского областного комитета ВКП(б) отчитывался перед председателем КПК при ЦК ВКП(б) А.А. Андреевым о том, что удалось сделать и исправить [8, л. 85–86].

Помимо обращений граждан, проживающих непосредственно на территории Ульяновской области, отдельным потоком в партийные органы шли письма от фронтовиков непосредственно из зоны боевых действий. Письма, в которых военнослужащие пытались помочь своим семьям, оставшимся в тылу. Например, заведующему военным отделом Ульяновского обкома ВКП(б) пришло письмо от 4 апреля 1943 г. от начальника политотдела 33-й отдельной лыжной бригады подполковника Щербакова, в котором тот писал о бедственном положении своей семьи (жены и двоих детей), проживающей по эвакуации в с. Паньшино Радищевского района. Весь 1942 г. семья продовольствием обеспечивалась не регулярно, а с 1 января 1943 г. совершенно не получала продовольственной помощи. Также в письме указывалось, что письма об этом неоднократно отправлялись в Радищевский РК ВКП(б), но оставались без ответа [2, л. 17]. Письмо было получено Ульяновским обкомом ВКП(б) 23 апреля 1943 г., а уже 3 мая 1943 г. заведующий военным отделом Ульяновского обкома ВКП(б) Кокорев отправил письмо секретарю Радищевского РК ВКП(б), где указывал, что «военный отдел… считает… факт нетерпимым и просит немедленно проверить, кто является виновником задержки ответов… и за неприятие мер к оказанию помощи семье привлечь к ответственности» [2, л. 20].

Как мы отмечали выше, партийные органы контролировали не только собственную систему взаимодействия с населением, но и следили за тем, как другие органы государственной власти справляются с этим направлением работы. Показательным можно назвать письмо от 18 декабря 1944 г. в Ульяновский обком ВКП(б) от прокурора области, старшего советника юстиции Шленского о вопиющих случаях, имеющих место в Кузоватовском районе Ульяновской области. Директор Кузоватовского свиносовхоза М.Ф. Тычинский в апреле и июне 1944 г. незаконно выселял из квартир семьи военнослужащих, используя угрозы и грубую силу, в зимнее время отдельные семьи жили без воды и т.д. «Тычинский бездушно и преступно относится… к семьям военнослужащих, проживающих на территории совхоза», – пишет Шленский в конце своего доклада, – «прошу дать согласие на привлечение Тычинского к уголовной ответственности за бездушно-бюрократическое отношение к семьям военнослужащих и за нарушение закона констатирующего право сохранения жилой площади за семьями военнослужащих на весь период военного времени» [3, л. 212].

Несмотря на то что к 1946 г. в г. Ульяновске насчитывалось 148 первичных партийных организаций (на приблизительно 150 тыс. чел. населения), а в г. Мелекессе – 32 (на приблизительно 33 тыс. чел. населения), они все равно не справлялись. Как отмечалось уполномоченным КПК при ЦК ВКП(б) по Ульяновской области Мироновым в его докладе И.Н. Терентьеву: «вопросы организации приема посетителей, своевременного и внимательного отношения к разбору их жалоб и заявлений не являются предметом обсуждений партийных организаций… поэтому… до сих пор не изжиты элементы волокиты и бюрократизма и нечуткого отношения к трудящимся». В докладе приводятся многочисленные примеры нарушения сроков рассмотрения обращений граждан (например, одна из жалоб рассматривалась 117 дней) и всевозможных ситуаций, когда вместо помощи гражданин получает отписку, потому что «имеют место факты, когда жалобы вместо их разрешения, по существу, направляются той организации, на которую жалуются» [8, л. 94].

Такая же ситуация сохранялась и в советских органах. Например, в исполком облсовета за период с 1 января по 15 мая 1946 г. поступило 1195 жалоб и заявлений трудящихся. Из них было рассмотрено 991 заявление, из них: 188 направлено на разрешение Ис-

полкомов райсоветов (по 68 нет ответов, а сроки нарушены – по 23 заявлениям прошло более 45 дней); 323 удовлетворены облисполкомом; 371 направлены на исполнение райисполкомам; 297 отказано, как необоснованным.

По своему характеру наибольшее количество обращений поступало на: оказание материальной помощи (165), предоставление льгот по налогам (134), выдачи ссуд на строительство и покупку домов (45), предоставление жилплощади (28), возврат изъятых домов (24), назначение пенсий и пособий (23) и др. Наибольшее количество обращений поступает по Ульяновску (106) и Мелекессу (50), а что касается районов, то это – Карсунский (48) и Инзенский (42) районы [9, л. 1].

Инструктор обкома ВКП(б) по Ульяновской области Скрипов сообщает заведующему оргинструкторским отделом обкома Аксенову, что также проблемой при работе с обращениями граждан является отсутствие контроля (примеры подобного были приведены выше в статье) за работой с теми обращениями, которые были отосланы на места и в организации, отвечающие за эти направления. Их не контролируют – есть ли ответ, что сделано по обращению, – а они считаются как выполненные. Например, демобилизованный из РККА Антипов подал заявление на ссуду на покупку дома (Богдашкинский район), его обращение переслали в райсовет, оттуда оно ушло в колхозное правление, где должны принять решение – выдать вместо ссуды неиспользуемый дом или нет. А в исполкоме дело отмечено как завершенное, а ведь окончательное решение по нему пока отсутствует [9, л. 1об.].

Но следует отметить, что проблемы в работе с обращениями граждан были и в самих первичных партийных организациях. Например, время рассмотрения апелляций исключенных из партии людей было очень значительным. А в советское время лишение партбилета и статуса коммуниста закрывало очень много возможностей и в карьерном росте, и в обычной жизни. Причем сам обком ВКП(б) Ульяновской области понимал, что данная ситуация не допустима, и даже принял внутреннее постановление (от 31 января 1946 г.) о том, что любая апелляция должна быть рассмотрена в двухнедельный срок, и в течение февраля 1946 г. должны быть рассмотрены все апелляции за прошлые года (например, член ВКП(б) Долматов

ждет восстановления его в партии полтора года), но, к сожалению, исправить положение не удалось, и количество апелляций, которые Ульяновский обком ВКП(б) брал в работу, постоянно снижалось, несмотря на то что количество апелляций непрерывно возрастало. Так, если за период с 1 февраля по 1 июля 1946 г. были пересмотрены 460 дел (в среднем 92 в месяц), то с 1 июля по 17 сентября 1946 г. – 204 дела (в среднем 68 в месяц), а с 18 сентября по 13 ноября 1946 г. апелляции коммунистов совсем не рассматривались, и уже скопилось 280 дел (194 – на восстановление в партии, 80 – по утере документов, 6 – по снятию партвзыскания), – отмечалось в справке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ульяновской области Миронова [8, л. 146–148].

В заключение хотелось бы отметить, что все-таки подобные должностные нарушения со стороны людей, ответственных за работу с обращениями граждан, наказывались по закону, а нанесенный ущерб пытались исправить. То есть обратная связь работала, выполняя свою главную задачу. Например, только за октябрь – ноябрь 1944 г. за «бездушное отношение к семьям военнослужащих, за административное выселение из квартиры семьи фронтовика» предан суду по ст. 109УК комендант общежития Чердаклинского спиртзавода, наказывается председатель Сунгурского сельсовета Новоспасского района за уменьшение норм выдачи хлеба семьям военнослужащих, директор совхоза «Красная звезда» пошел под суд за незаконное увольнение жен офицеров и др., а также дисциплинарные взыскания получили двое человек, ответственные за «волокиту по рассмотрению заявлений и жалоб» [6, л. 17].

Источники и литература

1. ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 8. Оп. 1. Д. 33
2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 124
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 259
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 102
5. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 103
6. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 23
7. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 129
8. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 255
9. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 4. Д. 266

E.A. Rogashova

INTERACTION OF THE POPULATION WITH THE AUTHORITIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION)

Annotation. The article examines some aspects of the interaction of state authorities with appeals from citizens living in the Ulyanovsk region in 1943–1945, based on the materials of the State Archive of the Contemporary History of the Ulyanovsk Region. Particular attention is paid to handling inquiries from military personnel and their families.

Keywords: Ulyanovsk Region, Great Patriotic War, regional state authorities, citizens' appeals.

УДК 93/94

В.П. Сапожникова

ТРУДОВОЙ ФРОНТ В ТЫЛУ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТРОИТЕЛЕЙ СУРСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР (1941–1942)

Аннотация. В данной статье рассматривается повседневная жизнь гражданского населения Мордовской АССР, мобилизованного на строительство Сурского оборонительного рубежа в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сурский рубеж, Мордовская АССР.

Великая Отечественная война является одним из самых трагических периодов в истории: сколько людей не вернулось домой, сколько было искалечено судеб! Благодаря мужеству, героизму, самопожертвованию советские люди боролись за жизнь и свободу страны. Их сила духа внесла весомый вклад в победу над фашистскими захватчиками.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. коснулась всех поколений людей. Солдаты и офицеры на поле боя сражались с врагом, но и на территории тыла были герои, которые отдавали свои жизни ради победы в Великой Отечественной войне: подростки,

женщины, дети обеспечивали фронт всем необходимым. Они заменяли своих мужей, отцов на предприятиях, колхозах и совхозах, где увеличивались показатели в работе, развивалась наука и культура.

Важным историческим этапом в жизни Мордовской АССР в период Великой Отечественной войны было строительство Сурского рубежа, где тысячи жителей проявили невероятную стойкость и самопожертвование: работа в сложных условиях, голод.

Осенью 1941 г. немецкие захватчики продвигались в сторону Москвы, главным опасением властей был проход врага в сторону Поволжья и Урала, где находилась основная производственная и транспортная база страны. Туда эвакуировали большую часть предприятий и производился выпуск техники: танков, самолетов, боеприпасов. В связи с этим властями СССР было принято решение начать строительство оборонительного сооружения на правом берегу р. Сура. Протяженность составляла более 380 км, проходящая по территориям Ульяновской, Пензенской, Куйбышевской, Мордовской областей. Более 80 км пролегало по территории Мордовии.

13 октября 1941 г. вышло Постановление ГКО СССР № 782 «Об оборонительном строительстве», которое послужило отправной точкой в строительстве Сурского рубежа. В нем было прописано, что необходимо было выделить 300 тыс. чел. в саперную армию на строительство оборонительной линии типа полевых укреплений [3].

23 ноября 1941 г. вышло Постановление СНК и бюро обкома ВКП(б) Мордовской АССР о строительстве специальных укреплений, проходящих на территории Мордовской АССР, где говорилось о мобилизации населения и транспорта на трудовые работы. Был подробно прописан список необходимых вещей, которые нужно было взять с собой; обозначено проживание и питание работающих; прикреплены планы строительства. Рабочих нужно было разместить на прилегающих территориях от трассы строительства: Кочкуровский, Большеберезниковский, Дубенский районах. А также в постановлении говорилось о том, что рабочие уезжали на трудовую повинность не менее чем на 30 суток [4].

В связи с этим Постановление от 23 ноября послужило отправной точкой организации работ в Мордовской АССР: районы стали собирать людей на строительство Сурского рубежа. В Постановле-

нии исполкома райсовета и бюро РК ВКП(б) Ладского района «О мобилизации рабочей силы и транспорта на строительство спецукреплений» от 24 ноября 1941 г. были прописаны дата и количество людей поименно, которые должны были отправиться на строительство рубежа. А прокурору Зайцеву было поручено проследить о надлежащем поведении мобилизованных [6, с. 24].

Строительство Сурского рубежа – это героический подвиг, который совершили местные жители. В основном в строительстве были задействованы старики, женщины и подростки, которые остались работать в тылу. Они столкнулись с тяжелыми условиями, которые им приходилось переносить в суровую зиму. Мобилизованным жителям вручали повестки, призыв не был добровольным, поэтому многие жители не всегда понимали, что от них требовалось. Времени на сборы не давали, люди в срочном порядке отправлялись на строительные работы. Больше повезло тем, кто жил недалеко от железной дороги, остальным же приходилось ехать на лошадях или идти пешком. Например, жительница из Большеберезниковского района вспоминала: «Шли пешком, с собой несли хлеб, ложку, тарелку и кружку. В деревне остались только беременные и женщины с грудными детьми…» [5, с. 282].

Селили работников у местных жителей, чьих разрешений власти не спрашивали. Больше повезло тем, кто проживал в домах по 10–15 человек, остальные жили в хижинах, сараях, иногда в шалашах. У многих рабочих строительные работы от места проживания находились далеко, поэтому им приходилось ходить пешком по 5–10 км. Продукты питания распределялись через местные колхозы или тыловые хозяйства. Но постоянные перебои со снабжением оборачивались массовым недоеданием и голодом. Работа по строительству Сурского рубежа была очень энергозатратной, а истощенные от голода люди неспособны были копать, участились случаи дезертирства.

Зима 1941–1942 гг. выдалась аномально холодной, грунт приходилось разламывать вручную с помощью лома, кирок, топоров, которые находились в дефиците. Из-за нехватки инвентаря люди вынуждены были работать голыми руками. Труд носил принудительный характер, были регламентированы суточные нормы выработки: для женщин – 1,75 куб. м грунта, а для мужчин – 2 куб. м. Выходные

дни не предусматривались. Работы осуществлялись в строжайшей дисциплине, за нарушение которой наказывали с учетом военного времени. Были зафиксированы случаи дезертирства, но абсолютное большинство мобилизованных трудилось из последних сил. Ветеран Великой Отечественной войны А.А. Чернышев работал на Сурском рубеже в возрасте 16 лет. Он вспоминал как проходили работы «от темна до темна» [1, с. 224].

О сложной жизни бойцов мы можем узнать из докладной записки уполномоченных обкома и СНК МАССР А.Н. Ермолаева и А.И. Хайна (не ранее 16 декабря 1941 г., № 58), где указано, что снабжение людей продуктами питания и фуражом лошадей обстоят крайне плохо «особенно в районах Лямбирском, Краснослободском, Ромодановском, Старошайговском, Старосиндровском и Ельниковском». Отмечено, что у многих мобилизованных работников еда закончилась еще до прибытия на работу, а инструментов не хватало на всех людей: «Прибывшие люди не имели достаточного количества необходимого инструмента, например, на 3000 человек Лямбирского района было привезено 162 лома» [7, с. 73–74].

В докладной записке № 64 заместителя председателя СНК МАССР И.М. Кшнякина председателю СНК МАССР В.В. Верендякину от 20 декабря 1941 г. отмечалось, что людей отправляли на работы без инструментов и продуктов питания: «В числе мобилизованных есть подростки (из Инсарского района имелись даже учащиеся школ), беременные женщины и нетрудоспособные старики, старухи и больные» [8, с. 532–534].

Из докладной записки комиссара батальона П.Ф. Барабанова от 27 декабря 1941 г. № 73 можно увидеть критическую нехватку продуктов питания: «800 г хлеба в день», «как можно работать на такой работе, где люди кайлят камень и глину…». Также в своем докладе он попросил, чтобы работникам организовали привоз одежды и обуви: «…дело очень плохое… направьте по одной подводе из колхоза с обувью» [9, с. 89–90].

Строительство Сурского оборонительного рубежа на территории Мордовской АССР – это героический подвиг населения тыла. Вопреки дефициту инвентаря, голоду, суровой зиме 1941–1942 гг., мобилизованные жители близлежащих регионов обеспечили создание стратегического узла обороны.

…В тылу глубоком, стороне мордовской,
У берегов красавицы Суры,
Собрали женщин, стариков, подростков
Окопы рыть и строить рубежи.
Их тяжкий труд был подвигу подобен,
Кирка, лопата, голод, холод, страх...
Шли похоронки, но никто не дрогнул,
А верили в нацизма скорый крах… [2].

Источники и литература

1. Великая Отечественная война: устная история: Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны. Т. 5. – Саранск, 2017.

2. *Мальченкова Т.В.* Сурский рубеж [Электронный ресурс]. https://stihi.ru/2023/11/09/6839?ysclid=mthgqriwjg381904067https://www. (дата обращения: 20.08.2026).

3. Постановление Государственного комитета обороны от 13 октября 1941 г. «Об оборонительном строительстве» № ГКО-782 сс. // Строительство оборонительного рубежа на территории Марийской АССР (1941–1942 гг.): Сб. док. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 15–16.

4. Постановление Совета народных комиссаров и бюро обкома ВКП(б) Мордовской АССР от 23 ноября 1941 г. «О строительстве специальных укреплений, проходящих по территории Мордовской АССР» // Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Док. и материалы. – Саранск, 1962. – С. 72–75.

5. Сурский рубеж: фронт за линией фронта: сб. док. и материалов. – Саранск, 2025.

6. Сурский рубеж. Фронт в тылу: (К 80-летию строительства Сурского оборонительного рубежа): фотоальбом.– Саранск, 2021.

7. ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 262.

8. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 64.

9. ЦГА РМ. Ф. 76-П. Оп. 1. Д. 124.

V.P. Sapozhnikova

LABOR FRONT IN THE BACKGROUND: DAILY LIFE OF THE CONSTRUCTION WORKERS OF THE SUR DEFENSIVE LINE ON THE TERRITORY OF THE MORDOVIAN ASSR (1941-1942)

Annotation. This article examines the everyday life of the civilian population of the Mordovian ASSR, which was mobilized to build the Sursky defensive line in 1941-1942.

Keywords: The Great Patriotic War, the Sursky Line, the Mordovian ASSR.

УДК 94(470.344)«1941/1945»

Н.Б. Смирнова

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ ЭВАКУИРОВАННЫХ В ЧУВАШИЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СТАВШИХ ДОЛГОЖИТЕЛЯМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ Г.Н. КСЕНОФОНТОВА «ДОЛГОЖИТЕЛИ ЧУВАШИИ»)

Аннотация. В статье на основе четырех биографий, опубликованных в книге Г.Н. Ксенофонтова «Долгожители Чувашии», изучаются личные истории эвакуированных в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны, впоследствии ставших долгожителями. Рассматриваются различные типы эвакуации и постэвакуационная адаптация. Делается вывод, что оседлость на новом месте, физический труд и психологическая устойчивость способствовали долголетию, независимо от генетической предрасположенности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, Чувашская АССР, долгожители, адаптация.

В годы Великой Отечественной войны жители западных и центральных регионов Советского Союза были вынуждены эвакуироваться в глубокий тыл, чтобы избежать ужасов немецкой оккупации и геноцида. Чувашская АССР стала одним из регионов, принявших значительное число эвакуированных – как организованных, так и стихийных беженцев из прифронтовых зон. По данным историков, общее число граждан, эвакуированных в годы войны в Чувашию, превышало 70 тыс. чел., из которых более 30 тыс. – дети.

Традиционно исторические исследования были сосредоточены на демографических потерях и экономических аспектах этой масштабной миграции. Однако менее изученной остается судьба тех эвакуированных, которые после окончания войны не вернулись на родину, а остались в принимающих регионах. Там они сформировали новые социальные связи и в ряде случаев продемонстрировали феноменальное долголетие.

В настоящей статье на основе четырех личных историй анализируется взаимосвязь между обстоятельствами эвакуации, довоенным

жизненным опытом и постэвакуационной адаптацией с феноменом долгожительства. В качестве источников были использованы публикации о долгожителях, собранные краеведом Г.Н. Ксенофонтовым [1]. Несмотря на публицистический характер, эти материалы содержат верифицируемые факты (даты рождения, места эвакуации, семейные обстоятельства, возраст смерти) и могут рассматриваться как ценный первичный источник для социально-демографического и геронтологического анализа.

Первый рассматриваемый случай – биография Анастасии Елизаровны Евдокимовой (1890–1992). Уроженка Можайского района Московской области, она к началу войны потеряла двух мужей и 11 из 14 детей. В 1941 г., получив похоронки на сына и третьего мужа, она столкнулась с новым ударом: указом Верховного Главнокомандующего о немедленной эвакуации из прифронтовых районов. «На сборы дали ровно двое суток», – рассказывала впоследствии ее дочь. С двумя дочерьми и скудным имуществом Анастасия Евдокимова была погружена в товарный вагон и отправлена в Чувашию, в Козловский район. Несколько семей разместили в деревнях Еметкинского сельского совета. Такой тип эвакуации можно назвать принудительным, организованным, но чрезвычайно травмирующим: потеря жилья, резкая смена привычных условий, полная неопределенность. На новом месте эвакуированных приняли доброжелательно. Так как А.Е. Евдокимова была неграмотной, ее определили свинаркой на свиноферму, где она трудилась до глубокой старости. После войны она пыталась вернуться в Подмосковье, но не получилось, дом, где она жила, был уничтожен прямым попаданием авиабомбы. Таким образом, эвакуация стала для долгожительницы пожизненным переселением. Анастасия Елизаровна прожила 102 года, не дожив всего 11 дней до 103. По собственным словам и наблюдениям родственников, секрет ее долголетия заключался в жестком режиме: она употребляла только чай и кипяченую воду, полностью отказалась от спиртного, ела строго по часам и малыми порциями. Важную роль, по мнению родственников, играли также генетические факторы: ее родная сестра Анисия умерла в возрасте 100 лет [1, с. 173–174].

Эвакуированная Соломея Осиповна Петрова (1896–2001) родилась в Западной Белоруссии в многодетной крестьянской семье.

С малых лет была вынуждена работать на помещика, убирала и молотила хлеб за 10 коп. в день. К началу войны С.О. Петрова уже была вдовой с семью детьми (муж умер в 1937 г.) и оказалась в результате эвакуации в г. Ядрин Чувашской АССР. К сожалению, источники не сохранили подробностей маршрута и условий переезда, однако сам факт эвакуации из захваченной впоследствии Западной Белоруссии не вызывает сомнений. После войны С.О. Петрова, в отличие от А.Е. Евдокимовой, не выражала желания вернуться. Соломея Осиповна осталась в Ядрине, где жила с дочерью. Репортаж, опубликованный в сентябре 1996 г. к ее столетию, рисует образ удивительно бодрой и остроумной женщины: рука не дрожит, она уверенно подносит ложку ко рту, сама моет посуду и поддерживает порядок в доме. С.О. Петрова шутила: «В районе, наверное, нет больше такого имени, как у меня. А потому, видимо, так долго я прожила. Была бы Марией, давно бы там была» [1, с. 476]. На вопрос о нуждах ответила без жалоб: «Хожу, убираюсь сама, ложки, тарелки мою. Приносят в месяц 150 тысяч рублей пенсии – ну и ладно». Соломея Осиповна умерла 28 апреля 2001 г. в возрасте 104 лет, продемонстрировав, что психологическая устойчивость, чувство юмора и отсутствие привычки жаловаться могут быть не менее важными факторами долголетия, чем диета или генетика.

Третий случай занимает особое место, поскольку представляет собой уникальный тип «реэвакуации» – не по приказу, а по собственному решению, причем пешком. Матрена Григорьевна Гузняева (1901–2004) родилась в Чувашии, в с. Порецкое. Перед войной она уехала с мужем на заработки в Ивановскую область. В 1941 г., услышав известие о нападении Германии, приняла решение немедленно вернуться на родину. М.Г. Гузняева самостоятельно погрузила нехитрые пожитки на санки и тронулась в путь. Добиралась пешком ровно две недели, по дороге прося милостыню, чтобы не умереть от голода [1, с. 354]. Данный тип эвакуации – индивидуальный, немеханизированный, вынужденный – является, безусловно, самым экстремальным из всех рассматриваемых.

Гузняева М.Г. обладала большой закалкой, выработанной еще в молодости: после того как первый муж уехал на заработки и не вернулся, она работала на лесозаготовках наравне с мужчинами, хо-

дила по найму «в люди», пережила голод 1921 г. Такой опыт выживания помог ей успешно преодолеть двухнедельный пеший переход.

Примечательно, что М.Г. Гузняева, в отличие от строгой в питании А.Е. Евдокимовой, не придерживалась никаких диет, «даже не прочь была пропустить рюмку одну, другую по большим праздникам. Как она сама говорила: «Чтоб густую кровь разжижить, да настроение поднять» [1, с. 355]. До конца жизни долгожительница сохраняла физическую силу и хорошую память, находилась на надомном социальном обслуживании и скончалась 26 июля 2004 г. в возрасте 102 лет. Ее сын от первого брака, Н.С. Мишутин, стал известным детским писателем, членом Союза писателей СССР, но умер от фронтовых ран в возрасте 50 лет; тем не менее сам факт гордости за сына, возможно, служил дополнительным психологическим ресурсом долголетия.

Сергей Иванович Анисимов (1909–2008) – единственный представитель мужского пола в данной подборке. Он родился во Владимирской области и был одиннадцатым, самым младшим ребенком в семье. Рано повзрослев (с 15 лет – единственный кормилец семьи), работал подручным в котельной на Дзержинском заводе (Горьковская, ныне Нижегородская область), по вечерам учился, в 1935 г. окончил химико-технологический техникум. Великая Отечественная война застала его в Дзержинске. Он хотел отправиться на фронт добровольцем, но как специалист по производству взрывоопасных веществ был нужен в тылу. В начале 1943 г. его перевели на завод им. В.И. Чапаева в Чебоксары, где он прошел путь от простого рабочего до заместителя начальника цеха по технике безопасности. Хотя это не было эвакуацией в полной мере, он все равно был вынужден сменить место жительства в условиях военного времени.

После войны С.И. Анисимов остался в Чебоксарах, несмотря на то что многие эвакуированные вернулись на родину. Общий трудовой стаж С.И. Анисимова составил 60 лет. Он работал также начальником пионерского лагеря и в городских теплосетях. Интересно, что в семье Анисимовых раньше не было долгожителей, а его случай считается исключением. Дочь С.И. Анисимова отмечала, что секрет его долголетия – в закалке, полученной в раннем возрасте, когда он с 15 лет работал для нормального существования всей семьи. Несмотря на инвалидность по зрению, он любил гулять по

саду, сохранял бодрость духа и не верил своему возрасту: «Таких годов-то не бывает...». С.И. Анисимов пережил жену и двоих детей, имел четырех правнучек, умер 7 октября 2008 г. в возрасте 99 лет, не дожив всего года до векового юбилея [1, с. 602–603]. Его пример показывает, что даже при отсутствии генетической предрасположенности и при относительно высокой социальной защищенности можно приблизиться к столетнему рубежу за счет образа жизни и психологической установки.

Таким образом, анализ данных личных историй позволяет сделать вывод, что эвакуация в военные годы, несмотря на ее травматичность, парадоксальным образом создала условия для долгой жизни некоторых беженцев. На наш взгляд, этому способствовали такие факторы, как оседлость на новом месте, регулярный физический труд и психологическая устойчивость. Генетическая предрасположенность не всегда являлась обязательным условием для достижения долголетия. Опыт этих четырех долгожителей показывает, что даже в условиях сложных испытаний и вынужденных перемещений возможно сохранить здоровье и прожить долгую жизнь, если найти в себе внутренние силы и мотивацию.

Источники и литература

1. *Ксенофонтов Г.Н.* Долгожители Чувашии. – Чебоксары, 2009.

N.B. Smirnova

PERSONAL STORIES OF THOSE EVACUATED TO CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR WHO BECAME CENTENARIANS (BASED ON THE MATERIALS OF G.N. KSENOFONTOV'S BOOK «THE CENTENARIANS OF CHUVASHIA»)

Annotation. Based on four biographies published in G.N. Ksenofontov's book "The Centenarians of Chuvashia", the article examines the personal stories of those evacuated to the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War, who later became centenarians. Various types of evacuation and post-evacuation adaptation are considered. It is concluded that settling in a new place, physical labor and psychological stability contributed to longevity, regardless of genetic predisposition.

Keywords: The Great Patriotic War, evacuation, Chuvash ASSR, centenarians, adaptation.

УДК 94(470.344)«1941/1945»

В.Г. Харитонова

АГИТАЦИОННО-МАССОВАЯ РАБОТА НА СЕЛЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧУВАШСКОЙ АССР)

Аннотация. В статье рассматривается агитационно-массовая работа, организованная в годы Великой Отечественной войны среди сельского населения в Чувашской АССР. Содержание пропаганды и агитации определялись задачами, стоящими перед сельским хозяйством республики в обеспечении потребностей фронта и тыла. Формы и методы работы были обусловлены военно-политической обстановкой. Пропаганда выступала как одна из важнейших средств мобилизации трудовой активности сельчан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская АССР, агитационно-массовая работа, сельское население, формы и методы.

Агитационно-массовая работа среди сельского населения в годы Великой Отечественной войны была одной из важнейших задач государственной политики. Она была направлена на поднятие трудового энтузиазма колхозников, укрепление трудовой дисциплины, на обеспечение своевременного выполнения производственных и военно-оборонных задач, оказание всемерной помощи фронту, на патриотическое воспитание населения.

Тема получила освещение в основном работах, посвященных изучению роли партийных и комсомольских органов в налаживании работы промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, подъема трудового героизма населения в трудные военные годы, в обобщающих трудах по истории Чувашии [20, с. 237; 28, с. 234–246; 29, с. 315]. Особенности агитационно-массовой работы на селе изучены А.В. Космовским [22]. Отдельные вопросы агитационно-массовой работы в республике в годы войны были рассмотрены в статьях В.Г. Харитоновой [32; 33; 34]. В региональных исследованиях тема также изучалась [21; 23].

На современном этапе изучения истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. поставленная в статье тема вновь привлекает внимание исследователей. Расширение источниковой базы позволяет с новых позиций оценить методы и формы пропаган-

ды и агитации в военных условиях. Основной материал по теме научного изыскания извлечен из фондов Государственного архива современной истории Чувашской Республики, также привлечены публикации в газетах военного времени, опубликованные источники.

В статье рассмотрены вопросы организации агитационно-пропагандистской работы в сельской местности, формы и методы, сложности и особенности, связанные с проведением массовых мероприятий, значение и результаты деятельности по мобилизации населения в борьбе с врагом под девизом «Все для фронта, все для Победы!».

Вопросы организации агитационно-массовой работы были на повестке дня всех партийных, советских, комсомольских и исполнительных органов власти в годы Великой Отечественной войны. В постановлении пленума Чувашского обкома ВКП(б) от 19 октября 1941 г. подчеркивалось: «Партийные организации являются тем цементом, который скрепляет работу военных, советских и хозяйственных организаций. Усиление партийно-политической работы прямым и непосредственным образом влияет на укрепление боеспособности партийных организаций, на улучшение работы всех звеньев советского и хозяйственного аппарата. Пленум обязывает секретарей райкомов ВКП(б) лично руководить политической агитацией в массах, систематически выступать с докладами перед массами, инструктировать агитаторов по вопросам текущего момента о их практических задачах, принять немедленные меры по резкому улучшению работы политпросветучреждений, комсомольских и профсоюзных организаций, работы районных газет…» [2, л. 1–3]. Необходимо отметить, что эти задачи были актуальными в деятельности партийных органов всех уровней на протяжении военных лет. Непосредственное руководство агитационно-пропагандистской работой в сельской местности осуществляли сельские райкомы партии, первичные парторганизации, депутаты, а также хозяйственный, советский и комсомольский актив. В ней принимали участие также исполкомы Советов, агитколлективы и культурно-просветительные учреждения. Большая работа проводилась средствами массовой информации [1; 4; 7; 8; 11].

Методы и формы работы были разнообразными: митинги, лекции и беседы, читка газет и сводок Совинформбюро, наглядная

агитация, обмен письмами между фронтом и тылом, изучение партийных документов, социалистические соревнования и т.д. В сфере сельского хозяйства они прежде всего были направлены на решение основных сельскохозяйственных задач: уборки, заготовки сельскохозяйственной продукции, проведения основных агротехнических мероприятий, развития отраслей сельского хозяйства, выполнения планов. Обращалось пристальное внимание на налаживание повседневной жизни сельчан в условиях войны, подготовку населения к противовоздушной обороне, распространение среди населения военных знаний, работу среди эвакуированного населения, оказание помощи фронтовикам, разъяснение решений партии и правительства, ознакомление с обстановкой на фронтах и т.д.

Постановка политико-массовой работы началась с первых месяцев начала войны. В июле 1941 г. Чебоксарский райком ВКП(б) организовал коллективное слушание 3 июля выступление по радио И.В. Сталина, после совещания районного актива в июле во всех колхозах были проведены митинги и собрания, в них приняли участие более 8 тыс. жителей. В районном центре на лекции «Великая Отечественная война советского народа» присутствовало 280 чел. На совещании директоров школ и заведующих изб-читален повесткой дня стал вопрос «О массово-политической работе среди населения и подготовке к новому учебному году». Мероприятия охватывали все слои населения. На собраниях партийных организаций рассматривались вопросы о военной учебе, об охране имущества и о противопожарных мерах. На заседаниях бюро райкома в повестке дня стояли следующие темы: о подготовке к уборке и заготовке сельскохозяйственных продуктов, о торговле, о подготовке населения к противовоздушной обороне и о постановке политической пропаганды и агитации, заслушивались руководители агитколлективов райкома ВЛКСМ. Отмечалось, что во всех сельских советах, колхозах, школах, больницах появились лозунги, призывающие к борьбе с германским фашизмом [3, л. 8–12]. Подобная работа проводилась по всей республике, были и недоработки. В октябре 1941 г. VIII пленум обкома ВКП(б) отметил, что «не все партийные, советские и земельные органы сумели возглавить производственную активность колхозников» [2, л. 6]. В ходе подготовки к уборке урожая 1941 г. в республике было выпущено 132 тыс. экземпляров

лозунгов, плакатов, листовок, тираж республиканских и районных газет увеличился. Агитколлективы пополнились за счет сельской интеллигенции, комсомольцев, передовиков производства [29, с. 328]. В июле 1942 г. бюро обкома партии принял постановление «О массово-политической работе в период подготовки и проведения уборки урожая в 1942 году». На основании данного документа в колхозы, совхозы, МТС были направлены работники районного актива, горкомам партии было рекомендовано выделить в помощь районным парторганизациям от 35 до 50 агитаторов, улучшить работу кинопередвижек, шире освещать в печати опыт проведения массово-политической работы в деревне. В итоге в период уборки урожая работали 7815 агитаторов из числа сельских активистов, передовиков производства и 1406 агитаторов из городского и районного звена [4, л. 24; 5, л. 91–92]. Одновременно обращалось внимание на улучшение устной политической агитации, на необходимость создания групп внештатных лекторов при обкоме, горкомах и райкомах ВКП(б), на агитацию на родных языках, в том числе на чувашском [5, л. 116–117]. Чувашский обком ВЛКСМ в 1942 г. поставил задачу: «на основе широкого развертывания массово-политической работы среди колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов добиться активного участия всего сельского населения на полевых работах, максимального использования комбайнов и простых уборочных машин» [12, л. 3]. На селе при проведении уборочных работ 1942 г. были привлечены 5848 постоянных агитаторов из сельских комсомольцев и молодежи, передовых колхозников, сельской интеллигенции, 700 агитаторов из городского, районного комсомольского актива, все они проходили обучение на различных семинарах и курсах. Было организовано 12 агитбригад в районных центрах, 9 – в колхозах и одна детская бригада в Явлейском колхозе Алатырского района. В районы были переданы 600 библиотечек политической и художественной литературы, 300 тыс. экземпляров лозунгов [12, л. 4]. План работы Синяльского сельского совета Чебоксарского района на октябрь 1942 г. предполагал обсуждение ряда тем: совещание агитколлектива по вопросу о подготовке к 24-й годовщине Октябрьской революции; о текущей политике и помощи эвакуированным; организация тимуровских бригад во всех колхозах; читка газет и беседа на международные темы; организация комиссии по

проверке предоктябрьского соцсоревнования [13, л. 62]. Республиканское совещание председателей сельских советов в 1943 г. обсудило задачи подготовки и проведения весеннего сева и рекомендовало им активнее включиться в подготовку и в проведение сельскохозяйственных работ [9, л. 1–5]. Состояние агитационно-массовой работы в республике в 1943 г. рассматривалось на XV Пленуме обкома партии, где анализировался опыт работы агитаторов [6, л. 1–26]. По вопросу «Об организации политических докладов для сельского населения» бюро обкома партии приняло решение проводить собрания колхозников с докладами и беседами о текущих военных и политических событиях не реже одного раза в течение 1–1,5 месяца. На лекциях слушатели задавали достаточно много вопросов, в том числе и на международные темы, их интересовали политика Японии, отношение Турции к СССР, положение в Финляндии, события в Дании, Испании, вторжение союзников в Северную Францию, ситуация в Югославии, партизанское движение и др. [8, л. 102–103; 16, л. 3]. При подведении итогов работы в 1943 г. была отмечена «значительная работа идейно-политической деятельности парторганизаций села в успешном проведении сельскохозяйственных работ 1943 г., досрочном выполнении колхозами обязательств перед государствоми в организации продажи хлеба колхозниками из своих запасов» [11, л. 93–96].

Огромную роль в агитационно-пропагандистской работе играла официальная пресса. Районные газеты в освещении материалов перестроили свою работу, стали акцентировать внимание на теме патриотизма рабочих, колхозников, советской интеллигенции. Перед ними ставилась задача: «мобилизовать всех трудящихся на не бывалый трудовой энтузиазм и готовность в любое время выступить с оружием в руках в защиту родины». Отдел пропаганды и агитации обкома партии отвечал за тиражи и материалы, публиковавшиеся в газетах, указывал на недостатки в их работе, давал рекомендации местным авторам корреспонденций [7, л. 51–54; 19, л. 27–28]. В ноябре 1941 г. обком ВКП(б) за подписью секретаря обкома партии по пропаганде Т. Ахазова рекомендовал районным газетам публикацию в каждом номере сообщений Совинформбюро, уделять большое внимание освещению преступлений фашистов на временно оккупированных территориях [17, л. 126]. С началом

войны ряд средств массовой информации в республике были закрыты, сокращены тиражи, не хватало бумаги, кадров, но проблемы решались. Так, в целях оперативного ознакомления горожан с событиями в стране и на фронте бюро Алатырского горкома, когда не выходила городская газета, стало выпускать листовки [10, л. 21]. Было принято решение в связи с сокращением лимитов на подписку 1943 г. по всей республике организовать так называемые «газетные» витрины, устанавливался порядок использования снятых с витрин газет для обеспечения потребностей мест коллективного пользования. При этом разрешалось выделить каждой избе-читальне и сельской библиотеке по одному экземпляру газет: «Красная Чувашия», «Чăвашкоммуни», «Правда» или «Известия», «Комсомольская Правда» и журналов «Спутник агитатора» или «Крестьянка», «Политпросветработа», обеспечить снабжение воинских частей районными изданиями. Республиканские и районные газеты были востребованы на фронте, несмотря на трудности с тиражами, все заявки воинских частей старались выполнить. К примеру, в 1943 г. в воинскую часть был выслан один экземпляр районной газеты «Совет Ялаве» («Знамя Советов»), изданной в Советском районе Чувашии [14, л. 12]. Одновременно запрещался прием подписки на районные газеты за пределы своего района и прием подписки республиканских изданий за пределы ЧАССР [18, л. 124–124об.].

Особое внимание обращалось на работу местных радиовещаний, радиоузлов и приемников коллективного пользования. До особого указания местное вещание было запрещено, согласно постановлению СНК СССР № 1750 от 25 июня 1941 г., директивами НКВД Чувашской АССР и обкома ВКП(б) от 27 декабря 1941 г. предлагалось изъять все без исключения радиоприемники, находящиеся в индивидуальном пользовании [18, л. 30]. На приемники коллективного пользования, установленные в клубах, ленинских уголках, находящихся в ведении партийных и общественных организаций, выдавались регистрационные удостоверения, устанавливался жесткий контроль за их использованием [17, л. 32, 65]. В отчете о работе радиокомитета за 1943 г. отмечалось, что редакция «Последних известий» передала 3200 статей и заметок, в том числе на тему уборки урожая – более 400, о завершении сельскохозяйственного года – более 200, о хлебозакупках – 180 материалов. Сектор пропаганды

и агитации организовал 108 передач на сельскохозяйственные темы, ряд передач были посвящены политбеседам, по изучению книги И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и др. В феврале – марте 1943 г. начато художественное и музыкальное вещание [36, с. 269–273]. Республиканский радиокомитет с целью расширения радиосети и обслуживания широких слоев населения проводил трансляцию последних вестей по телефонным проводам, для разъяснения сообщений Совинформбюро в районах выделяли ответственных агитаторов – комсомольцев. Через агитаторов колхозники и сельские жители узнавали о положении на фронтах, о текущей ситуации и ходе сельскохозяйственных работ в республике. Большая часть агитаторов принимала непосредственное участие в работе общественных хозяйств, являлись организаторами труда в бригадах, зачинщиками социалистических соревнований, сами показывали образцы трудового героизма. К агитационной работе широко привлекались ученики старших классов. Ученики Турдаковской неполной средней школы Кувакинского района в 1942 г. провели 39 бесед, 245 читок, выпустили 8 номеров общеколхозных и 12 номеров бригадных стенных газет, при этом ими было выработано почти 12 тыс. трудодней [12, л. 7]. Велась работа библиотеками, избами-читальнями, агитколлективами. В избе-читальне д. Кожары Красноармейского района на прослушивание информаций Совинформбюро собиралось большинство жителей, они тут же могли получить разъяснения по другим вопросам, интересующим их. В выпусках стенной газеты подробно рассказывалось о достижениях и недостатках в работе колхоза и в целом по сельсовету [35]. В докладе И.М. Чарыкова на пленуме обкома партии «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Чувашской областной организации» был отмечен положительный опыт работы агитколлектива колхоза «Дружба» Урмарского района, состоящего из 40 участников. Лучшие агитаторы-производственники выполняли нормы на 200 и более процентов на уборке урожая 1943 г. Колхоз также выполнял и перевыполнял плановые показатели в производстве сельскохозяйственной продукции [26]. С первых дней войны Ядринская районная библиотека перестроила работу: «повседневно всеми имеющимися средствами разъяснять населению характер и цели Великой Отечественной войны совет-

ского народа против фашистских захватчиков, мобилизовать трудящихся на всемерную помощь фронту». Наряду с традиционными формами (лекции, информации, беседы) библиотека занималась наглядной агитацией (выставки, альбомы, фотовыставки) [25].

Сильнейшими средствами в агитационно-пропагандистской работе стали наглядные материалы. Чтобы быть действенными, они должны были быть понятными, выразительными, доходчивыми и, что особенно важно, политически грамотно составленными, в том числе и для работы самих агитаторов. В 1941 г. в помощь агитаторам была составлена «Памятка сельского агитатора на уборке урожая» тиражом 300 экземпляров. Повсеместно появлялись сатирические «Окна ТАСС», лозунги, плакаты, выставки, создавались специальные группы, умеющих рисовать для подготовки наглядных документов. При их подготовке возникал вопрос о применении чувашского языка. В октябре 1942 г. в одном из инструктивных материалов отмечалось, что «на предприятиях, в учреждениях и колхозах почти отсутствуют лозунги на чувашском языке». Все лозунги предполагалось выполнить на двух языках: чувашском и русском. Примерный перечень текстов лозунгов как на русском, так и на чувашском языках рассылался по учреждениям, в основном они касались разных вопросов организации работ, экономии, необходимости помощи фронту и т.д. Приведем некоторые из них: «Фронтовик арăмĕ! Санăн упăшку инçетри фронтра кил-çуртна, ачу-пăчуна хÿтĕлесе çапăçать. Хĕрÿллĕ ĕçпе ăна хăвăртрах киле çĕнтерÿпе тавраннă пулăш!» («Жена фронтовика! Твой муж на фронте сражается, защищая дом и детей. Достойным трудом помоги ему быстрее вернуться с Победой!»); «Чугун и сталь – это танки и самолеты, пушки и снаряды. Экономьте металл!» [14, л. 148; 18, л. 100]. Часто в качестве лекторов приглашали специалистов со знанием других языков (татарского, мордовского), а для работы среди эвакуированного населения, особенно прибывших из республик Прибалтики, со знанием латышского, литовского и эстонского языков [15, л. 23, 32].

Переписка сельчан с фронтовиками, отдельными воинскими частями, земляками стала массовым явлением в годы войны. Коллективные обращения как колхозников, так и письма с фронта несли общественно-политический и идеологический характер, направленный на мобилизацию сил и средств на борьбу с врагом. В информа-

ционной справке обкома ВЛКСМ об агитационно-массовой работе на уборке урожая 1942 г. подчеркивалось, что «многие комсомольские организации установили и держат связь с бойцами, командирами и политработниками действующей Красной Армии». К примеру, Стемасский колхоз Алатырского района получил письмо, адресованное «лучшей девушке колхоза». Письмо вручили колхознице Лариной, которая ежедневно перевыполняла нормы выработки. Предварительно письмо было зачитано на собрании молодежи. В письме красноармейцы принимали обещание «разгромить и уничтожить ненавистного врага и одновременно просили девушек колхоза самоотверженно и честно трудиться в колхозе». Традиционный характер приобрели поездки делегаций сельчан на фронт для встречи с воинскими частями, над которыми они установили шефство, в основном с подарками, и принятие делегаций с фронта в сельских коллективах. Такой взаимный отчет между фронтовиками и тружениками села усиливал значимость общих усилий, направленных на борьбу с фашистскими захватчиками и мобилизацию сил на достижение Победы [12, л. 8].

Основными сложностями, которые возникали при организации массовой агитационно-пропагандистской работы стали проблема нехватки подготовленных для данной деятельности кадров, ограничение ресурсов для издания агитационных материалов, проведения массовых мероприятий, необходимость пересмотра форм и методов агитации и пропаганды в условиях военного времени. В качестве региональной особенности надо отметить потребность учета языковой ситуации, в основном важность ведения агитационной работы на чувашском и русском языках, и уже в связи с прибытием в республику эвакуированного населения привлечение специалистов со знанием языков других народов. Конечно же сказывались социально-экономические трудности в республике и сложная обстановка на полях сражений в первые годы войны.

Агитационно-массовая работа сыграла важную роль в мобилизации сельского населения на самоотверженный труд во имя Победы. Она способствовала повышению трудовой активности колхозников, формированию чувства единства фронта и тыла, а также выполнению хозяйственных и военно-оборонных задач. Несмотря на сложности, система агитационно-пропагандистской работы

была гибкой и предполагала координацию различных средств воздействия. Основные вопросы обсуждались на пленумах, заседаниях обкома и районных комитетов партии. Степень идеологического воздействия зависела от знаний и зачастую личных качеств агитаторов, поэтому пристальное внимание уделялось их подготовке (семинары, совещания, курсы, передача личного опыта, анализ проведенных работ).

Несмотря на неимоверные трудности, труженики сельского хозяйства Чувашии внесли значимый вклад в развитие отрасли, прилагая все силы для достижения Победы. При подведении итогов 1942 г. на пленуме обкома ВКП(б) отмечалось, что колхозы Чувашии собрали хороший урожай зерновых, овощных, кормовых и технических культур, успешно выполнили планы по развитию животноводства. Выполнены были и государственные задания по сдаче основной продукции сельского хозяйства. При выполнении государственных планов заготовок и закупок продукции выросла доля колхозов [4, л. 1–16; 24; 31, с. 76–77]. За успехи в сельском хозяйстве в 1942 и 1943 гг. Чувашия дважды удостаивалась переходящего Красного знамени Государственного комитета обороны (ГКО) и вторых денежных премий за получение высоких урожаев зерновых культур и выполнение сдачи государству продуктов сельского хозяйства. Анализ данных валовой продукции сельского хозяйства Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны показал, что оно достаточно неплохо функционировало в тяжелейших условиях военного времени [27, с. 249, 251].

В годы Великой Отечественной войны, как отмечают исследователи, «колоссальное напряжение всех ресурсов советской деревни в период военного лихолетья, ограничение внутреннего потребления, патриотические установки массового сознания, многообразие форм и практик прямого кризисного управления в рамках мобилизационной модели позволили обеспечить рост товарности сельского хозяйства и необходимый уровень продовольственной и сырьевой безопасности страны» [30, с. 167].

Источники и литература

1. ГАСИ ЧР (Государственный архив современной истории Чувашской Республики). Ф. П-1. Оп. 23. Д. 3.

2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 63.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 260.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 414.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 428.
6. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 719.
7. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 726.
8. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 731.
9. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 784.
10. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 793.
11. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 965.
12. ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 232.
13. ГАСИ ЧР. Ф. П-171. Оп. 1. Д. 772.
14. ГАСИ ЧР. Ф. П-428. Оп. 1. Д. 122.
15. ГАСИ ЧР. Ф. П-700. Оп. 4. Д. 569.
16. ГАСИ ЧР. Ф. П-700. Оп. 4. Д. 753.
17. ГАСИ ЧР. Ф. П-1737. Оп. 1. Д. 42.
18. ГАСИ ЧР. Ф. П-1737. Оп. 1. Д. 71.
19. ГАСИ ЧР. Ф. П-1737. Оп. 1. Д. 90.
20. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945. – Чебоксары, 2001.
21. *Кабирова А.* Агитация и пропаганда населения в период 1941–1945 гг. (на материалах Татарстана) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2013. – № 3/4. – С. 84–92.
22. *Космовский А.В.* О некоторых формах и методах массово-политической работы в селах Чувашии в первые годы Великой Отечественной войны // Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма. – Чебоксары, 1972. – С. 100–108.
23. *Кошкина О.А.* Организация агитации и пропаганды в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. Исторические науки. – 2024. – № 3. – С. 45–53.
24. Красная Чувашия. – 1942. – 31 марта.
25. Красная Чувашия. – 1944. – 21 июля.
26. Красная Чувашия. – 1944. – 4 нояб.
27. *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Чувашской АССР во время Великой Отечественной войны и его восстановление в первые послевоенные годы // Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 5–7 мая 2025 г.). – Чебоксары, 2025.
28. Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. – Чебоксары, 1978.

29. Очерки истории Чувашской областной партийной организации КПСС. – Чебоксары, 1974.

30. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991). – Пенза, 2022.

31. Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны. 2015: Стат. сб. – Чебоксары, 2015.

32. *Харитонова В.Г.* Национальный и языковой факторы агитационно-пропагандистской работы накануне и в годы Великой Отечественной войны в Чувашской АССР // Регионы России в военной истории страны. Выпуск VI: сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 13–14 нояб. 2024 г. – Йошкар-Ола, 2024. – С. 267–281.

33. *Харитонова В.Г.* Некоторые аспекты агитационно-массовой работы на строительстве оборонных рубежей в Чувашии // Трудовой подвиг народа: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. в рамках межрегион. марафона «Рубежи Победы». – Чебоксары, 2022. – С. 55–66.

34. Х*аритонова В.Г.* Пропагандистская и агитационная работа в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2023. – № 1. – С. 83–92.

35. Чăваш коммуни. – 1943. – 25 дек. – № 304.

36. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.). Сб. док. и материалов. – Чебоксары, 1975.

V.G. Kharitonova

MASS PROPAGANDA WORKIN RURAL AREAS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHUVASH ASSR)

Annotation. The article examines the mass propaganda work organized during the Great Patriotic War among the rural population in the Chuvash ASSR. The content of propaganda and agitation was determined by the tasks facing the agriculture of the republic in meeting the needs of the front and rear. The forms and methods of work were determined by the military-political situation. Propaganda was one of the most important means of mobilizing the labor activity of the villagers.

Keywords: the Great Patriotic War, the Chuvash ASSR, mass agitation, rural population, forms and methods.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

УДК 94(470.344)«1941/1945»:930.25

А.Ю. Гусарова

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОДГОТОВКЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА СУРСКОГО И КАЗАНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ

Аннотация. В статье представлен опыт Государственного исторического архива Чувашской Республики по подготовке сборника документов о строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей. На основе анализа архивных материалов выявлены и систематизированы документы, отражающие организацию строительства, мобилизацию населения, обеспечение рабочих, поощрение за труд, поддержание рубежей в боеспособном состоянии и др. Охарактеризована структура сборника, показана видовая и тематическая специфика вошедших в издание архивных документов.

Ключевые слова: Сурский оборонительный рубеж, Казанский оборонительный рубеж, Великая Отечественная война, архивное дело, историческая память, оборонительное строительство, Чувашская АССР, документальное издание, трудовой подвиг.

Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – одна из знаковых страниц в истории Чувашии. Важным шагом в сохранении памяти об этом подвиге стало учреждение в 2022 г. новой памятной даты в календаре республики: 28 октября отмечается День памяти строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. Соответствующий Указ был подписан Главой Чувашской Республики О.А. Николаевым 6 декабря 2021 г. [14].

85 лет отделяют нас от напряженных месяцев 1941–1942 гг., когда в условиях стремительно надвигающейся угрозы сотни тысяч людей трудились над возведением оборонительных рубежей. Эти рубежи стали не только важным элементом стратегической обороны страны, но и свидетельством массового трудового подвига, во многом остающегося в тени крупных сражений Великой Отечественной войны. Публикация и осмысление документальных свидетельств тех событий – важный шаг к сохранению исторической памяти.

В фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики сосредоточен большой массив документов, всесторонне раскрывающих историю строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей. После выхода Указа Главы Чувашской Республики от 9 мая 2020 г. № 134 [13] об объявлении 2021 года в Чувашской Республике Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, архивисты приступили к углубленному исследованию этой темы. В результате к началу 2021 г. было просмотрено более 2 тыс. дел из 140 фондов и выявлено 465 документов на 1009 листах по теме сооружения оборонительных рубежей. Это обширный пласт информации, характеризующий процесс мобилизации населения на работу, организацию быта и питания рабочих, поощрение за самоотверженный труд, поддержание рубежей в боеспособном состоянии, их ликвидацию и другие вопросы.

Проведенная работа позволила не только сформировать репрезентативную документальную базу, но и выявить ключевые комплексы источников, отражающих специфику тылового оборонительного строительства в регионе. Систематизация выявленных документов легла в основу подготовки тематического сборника «Протянули на сотни километров противотанковые рвы и заграждения…»: возведение на территории Чувашии Сурского и Казанского оборонительных рубежей (по документам государственных архивов Чувашской Республики)» [12], презентация которого состоялась 22 июня 2021 г. В настоящей статье представлен опыт Государственного исторического архива Чувашской Республики по созданию этого сборника.

Сведения о строительстве оборонительных сооружений на территории Чувашской АССР встречаются в ряде археографических

публикаций как советского, так и новейшего времени. Однако характер этих изданий носил преимущественно фрагментарный характер: в них публиковался ограниченный круг документов, либо органично вписанный в общий контекст истории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [15], либо представленный в виде тематического раздела, дающего лишь общее представление о возведении масштабных оборонительных объектов [5, 10]. Ни одно из предшествующих изданий не ставило целью исчерпывающее раскрытие темы. В этом отношении настоящее издание призвано восполнить этот пробел: в нем впервые предпринята попытка представить историю строительства оборонительных рубежей на территории Чувашской АССР максимально полно, с опорой на широкий круг документальных источников и их последовательную систематизацию.

Настоящий сборник состоит из документов и материалов, извлеченных из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) и Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Выявление производилось по фондам, содержащим информационные материалы за интересующий период времени, с учетом специфики выбранной исследовательской темы. Далеко не во всех изученных фондах оказались документы определенной нами проблематики, но и в тех, где результат поиска оказался положительным, было обнаружено значительное количество документов.

Таким образом, в сборник вошли 68 архивных фондов из ГИА ЧР: фонд Совета Министров Чувашской Республики (Ф. Р-203); фонд Верховного Совета Чувашской Республики (Ф. Р-1041); фонд Военного комиссариата Чувашской АССР (Ф. Р-11); 9 фондов райвоенкоматов; 3 фонда городских Советов депутатов трудящихся; 17 фондов районных Советов депутатов трудящихся; 33 фонда сельских Советов депутатов трудящихся; фонд колхоза «Победа Октября» Иваньково-Ленинского сельсовета Алатырского района (Ф. Р-1869), фонд Ирх-Сирм-Ронгинской сельхозартели им. Ленина Алмандаевского сельсовета Мариинско-Посадского района (Ф. Р-996) и фонд Чувашской республиканской конторы Государственного банка СССР (Ф. Р-868); 28 фондов из ГАСИ ЧР. Кроме того, в сборник включены отдельные материалы газеты

«Красная Чувашия» за 1941–1942 гг. [6; 7; 8]. Данное периодическое издание служило официальным публикатором того времени, поэтому все правительственные распоряжения в обязательном порядке помещались на его страницах. В силу указанного обстоятельства указы о награждении передовиков производства и наиболее отличившихся лиц даны по газетной публикации с оговоркой о наличии архивных документов (как итоговых, так и черновых материалов).

Видовой состав документов, содержащих информационные материалы по интересующей нас теме, разнообразен и включает в себя материалы официального делопроизводства (протоколы совещаний, заседаний и т.п.); нормативные указания органов управления (постановления, распоряжения, приказы, указы); переписку между учреждениями разных уровней по гражданской и военной линии и их подразделениями, должностными лицами по конкретным вопросам; регистрационно-справочную документацию (ведомости, списки, акты, пояснительные записки, заявки и т.п.); отчетные данные (докладные записки, отчеты, доклады, рапорты); характеристики на отдельных лиц, статистические данные (количество премированных работников, мобилизованных, дезертиров) и т.д.

Такая видовая и фондовая разнородность источников отражает многоуровневый характер организации оборонительного строительства: от республиканских директив до локальной реализации на уровне сельсовета.

Сборник состоит из четырех разделов, в которые в хронологической последовательности включено полностью или в извлечениях 228 документов, охватывающих период с 26 октября 1941 по 6 марта 1945 г. Публикуемые документы и материалы отражают историю строительства на территории Чувашии Сурского и Казанского оборонительных рубежей, обеспечение их боеготовности и ликвидацию в последующие три года. Большая часть документов публикуется впервые. Ранее публиковавшиеся документы воспроизводятся как представляющие важное значение для раскрытия темы.

Первый раздел сборника «Организационная работа и мобилизация населения (26–31 октября 1941 г.)» содержит 51 документ и посвящен начальному этапу работ – недолгому по времени, но ис-

ключительно значимому с точки зрения организации строительства оборонительных рубежей. Представленные материалы демонстрируют, насколько серьезным воспринимался поставленный перед Чувашской АССР объем задач: это видно по степени вовлеченности органов государственного, военного и партийного управления всех уровней.

Основу раздела составляют распорядительные акты – постановления Совнаркома Чувашской АССР и Чувашского обкома ВКП(б), распоряжения исполкомов райсоветов и Военного комиссариата Чувашской АССР, – которые свидетельствуют о проработанности организационных механизмов. Существенную часть документов раздела образуют протоколы заседаний исполкомов рай- и сельсоветов, а также бюро райкомов ВКП(б). Несмотря на типовое сходство этих документов по содержанию и подходам к решению задач, они различаются формальными особенностями оформления. Документы сельсоветов, содержащие исключительно общие распоряжения по мобилизации и повторяющие формулировки постановления Совнаркома Чувашской АССР от 28 октября 1941 г., в сборник не включены. При этом опубликованные документы дают возможность оценить не только управленческую реакцию на вызовы военного времени, но и специфику принятия решений на местах, а также настроения и установки конкретных должностных лиц. Особую ценность представляют протоколы, включающие списки мобилизованных. Эти документы дают возможность проанализировать социально-демографический состав привлеченного к работам населения – в частности его гендерную, возрастную и социальную структуру.

Второй раздел сборника – «Строительство рубежей (ноябрь 1941 г. – 23 февраля 1942 г.)» – посвящен непосредственному возведению участков Сурского и Казанского оборонительных рубежей на территории Чувашской АССР. В него вошло 124 документа, видовой состав которых заметно отличается от материалов первого раздела, что обусловлено спецификой этапа: на смену преимущественно организационным решениям приходят документы, фиксирующие ход работ, снабжение, дисциплину и поощрение участников строительства. Распорядительные документы отражают меры, предпринимавшиеся республиканскими и районными властями для

обеспечения строительства инвентарем, техникой, помещениями, продовольствием и товарами первой необходимости, а также для организации охраны уже возведенных сооружений. Протоколы заседаний исполкомов рай- и сельсоветов и бюро райкомов ВКП(б) подтверждают, что мобилизация населения продолжалась, и позволяют проследить динамику работ на отдельных участках.

Особую ценность представляет переписка руководителей армейских управлений оборонительных работ и начальников военно-полевых строительств (ВПС) с должностными лицами: она не только демонстрирует достигнутые результаты, но прежде всего фиксирует трудности в обеспечении и снабжении, с которыми сталкивались строители. Комплекс документов иного профиля – приказы, спецсообщения НКВД и наркомата юстиции, докладные записки, информационные отчеты, политинформации и т.п. – позволяет реконструировать атмосферу на ВПС, оценить состояние трудовой дисциплины и настроения людей.

Отдельный пласт источников посвящен организации социалистического соревнования: приказы по ВПС фиксируют его проведение между бригадами и участками, а договоры о соревновании между ВПС и социалистические обязательства дополняют эту картину. Интерес представляют и материалы стахановских слетов.

Значительная группа документов связана с поощрением и награждением отличившихся строителей. В нее входят приказы о поощрении передовиков по декадным итогам работ, списки лиц, представленных к денежному премированию и награждению, материалы рассмотрения кандидатур на заседаниях райкомов ВКП(б), а также Указы Президиума Верховного Совета Чувашской АССР о вручении почетных грамот. Существенную часть этой группы составляют характеристики на конкретных лиц; в фондах также сохранилось немало производственных характеристик на передовиков и стахановцев, нередко с приложенными автобиографиями. Ввиду большого объема этих материалов в сборник вошли лишь наиболее показательные документы, раскрывающие личный вклад участников строительства.

Завершающий этап строительства отражен в комплексе отчетных документов (рапортах, телеграммах, актах приемки), которые дают количественную и качественную оценку выполненных работ.

Раздел третий «Охрана рубежей и поддержание их боеготовности (25 февраля 1942 г. – 5 марта 1944 г.)» объединяет 63 документа, позволяющих проследить, как на практике обеспечивалась сохранность и боеспособность оборонительных рубежей. Материалы раздела комплексно отражают как нормативную базу, так и фактическое исполнение задач по охране и ремонту сооружений. Базу нормативного регулирования составили распорядительные документы Наркомата обороны СССР, в том числе директивы, указания и инструкции штаба Московского военного округа и Военного комиссариата Чувашской АССР, определявшие требования к содержанию рубежей в состоянии боевой готовности. Практическую реализацию этих требований отражают акты, рапорты, отчеты и докладные записки комендантов тыловых оборонительных рубежей: в них зафиксированы меры по подготовке к паводку и результаты обследования рубежей после весеннего разлива рек. Значимым организационным изменением стало закрепление ответственности за сохранность сооружений за исполкомами райсоветов. Соответствующие распорядительные акты местных органов власти закрепляли обязанности по охране объектов. Протокольные материалы райисполкомов и их переписка с Совнаркомом Чувашской АССР содержат широкий спектр организационных вопросов, включая обеспечение боеготовности оборонительных рубежей и решение финансовых задач.

Острым становится вопрос в необходимости проведения новой мобилизации населения на ремонтные работы на разрушенных участках рубежей. Для ее правового оформления была принята соответствующая нормативная база, а также утверждены плановые показатели по районам республики. Степень выполнения мобилизационных планов и состояние трудовой дисциплины оценивались на основании информационных отчетов, спецсообщений и переписки между руководством тыловых оборонительных рубежей и республиканскими органами власти. Помимо ремонтно-восстановительных работ, на рубежах велось строительство газоубежищ – документы по этому направлению также включены в раздел, что подчеркивает комплексный характер оборонительных мероприятий.

Отдельную группу источников составляют документы о поощрении отличившихся работников: в раздел включены Указ Прези-

диума Верховного Совета Чувашской АССР, протоколы вручения наград и иные материалы, подтверждающие продолжение практики награждения на данном этапе.

Четвертый, последний раздел сборника «Ликвидация рубежей (17 марта 1944 г. – 6 марта 1945 г.)» содержит 11 документов, характеризующих процесс демонтажа оборонительных рубежей и последующее использование материалов, полученных при их разборе, в интересах народного хозяйства. Правовой основой для проведения этих мероприятий послужило постановление особого заседания Совнаркома Чувашской АССР от 17 марта 1944 г. [1, л. 20–20об.].

Основу документального комплекса раздела составляет переписка между райисполкомами и Совнаркомом Чувашской АССР, посвященная организации учета стройматериалов, оценке возможностей их дальнейшего применения, а также представлению отчетов о ходе реализации материальных ценностей и имущества. Отдельное место в составе раздела занимает корреспонденция с начальником инженерных войск ПриВО, в которой раскрываются финансовые аспекты распоряжения имуществом, полученным в результате разборки оборонительных сооружений.

Сборник подготовлен в соответствии с действующими правилами издания исторических документов [9; 11]. Как правило, документы публикуются целиком или в извлечениях, что оговорено в заголовке. Официальные документы воспроизводятся со всеми реквизитами, резолюциями и пометами, за исключением малозначимых делопроизводственных. Все документы снабжены редакционными заголовками.

Подавляющее большинство документов, вошедших в сборник, составлено на русском языке; лишь три документа представлены на чувашском [2, л. 30; 3, л. 5об.; 4, л. 15об.–16]. Они публикуются без перевода на язык издания – в оригинальной языковой версии. Для обеспечения доступности содержания перевод текстов на русский язык помещен в научно-справочном аппарате издания – в примечаниях (комментариях).

Научно-справочный аппарат сборника включает комментарии по тексту и содержанию документов, географический и именной указатели, терминологический словарь, списки сокращений, источников и литературы.

Издание рассчитано на широкий круг читателей: как специалистов-историков, так и всех, кто интересуется историей Чувашской Республики.

Источники и литература

1. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-203. Оп. 14. Д. 17.

2. ГИА ЧР. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 213.

3. ГИА ЧР. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 62.

4. ГИА ЧР. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 126.

5. *Козлов Ф.Н.* Казанский и Сурский оборонительные рубежи // В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи. – Чебоксары, 2015. – С. 12–41.

6. Красная Чувашия. – 1941. – 19 дек.

7. Красная Чувашия. – 1942. – 15 янв.

8. Красная Чувашия. – 1942. – 18, 19 марта.

9. Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. – Москва, 2022.

10. Организация военно-полевого строительства на территории Чувашии // Под грифом «секретно». Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сб. док. – Чебоксары, 2016. – С. 231–261.

11. Правила издания исторических документов в СССР. – Москва, 1990.

12. «Протянули на сотни километров противотанковые рвы и заграждения...»: возведение на территории Чувашии Сурского и Казанского оборонительных рубежей (по документам государственных архивов Чувашской Республики): сб. док. и материалов. – Чебоксары, 2021.

13. Указ Главы Чувашской Республики от 09.05.2020 № 134 «Об объявлении в Чувашской Республике 2021 года Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/2100202005130002 (дата обращения: 28.07.2026).

14. Указ Главы Чувашской Республики от 06.12.2021 № 201 «О Дне памяти строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей» [Электронный ресурс]. URL: https://glava.cap.ru/doc/laws/2021/12/06/decree-201/?ysclid=ms4f4bknqw779315608 (дата обращения: 28.07.2026).

15. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): сб. док. и материалов. – Чебоксары, 1975.

A.Yu. Gusarova

EXPERIENCE OF THE STATE HISTORICAL ARCHIVE OF THE CHUVASH REPUBLIC IN PREPARING A DOCUMENTARY PUBLICATION ON THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE SURSKY AND KAZAN DEFENSIVE LINES

Annotation. The article presents the experience of the State Historical Archive of the Chuvash Republic in preparing a collection of documents on the construction of the Sursky and Kazan defensive lines. Based on the analysis of archival materials, documents reflecting the organization of construction, mobilization of the population, provision of workers, encouragement for work, maintenance of frontiers in a combat-ready state, etc. have been identified and systematized. The structure of the collection is characterized, the species and thematic specifics of the archival documents included in the publication are shown.

Keywords: Sursky defensive line, Kazan defensive line, Great Patriotic War, archival work, historical memory, defensive construction, Chuvash ASSR, documentary publication, labor feat.

УДК 372.893

Т.Ю. Ерёмина

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСОБИЯХ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ НАШЕГО КРАЯ»

Аннотация. В статье отмечается, что государственная политика направлена на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Автор считает, что школьное историческое образование в наибольшей степени реализует указанные приоритеты государственной политики. С 1 сентября 2025 г. в 5–7 классах общеобразовательных организаций Российской Федерации в рамках учебного предмета «История» введен учебный курс «История нашего края». Автор отмечает, что в учебных пособиях по истории нашего края нашли отражение события военной истории Вятского края. Отметим также высокий уровень патриотизма вятских жителей, их героизм и мужество в годы военных испытаний.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, курс «История нашего края», Кировская область, Великая Отечественная война, Специальная военная операция.

Сегодня основой государственной политики является формирование суверенной системы образования, ориентированной на единство образовательного и воспитательного пространства. Л.О. Володина полагает, что «недооценка роли субъективного фактора (политики государства) в развитии процесса глобализации может спровоцировать навязывание вненациональных ценностей и, как следствие, – разрушение институциональной матрицы отдельной страны, ее национальной безопасности» [1, с. 52]. Поэтому Российская Федерация проводит активную политику, направленную на защиту национальных интересов, укрепляет свои возможности в области образования и воспитания подрастающего поколения. «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8], «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [9] закрепляют один из ключевых приоритетов развития нашего государства – защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Считаем, что школьное историческое образование в наибольшей степени реализует указанные приоритеты государственной политики. В Концепции преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, обозначен многоуровневый подход к истории [6]. Он предполагает сочетание курса отечественной истории с историей населяющих российское государство народов, с историей регионов и локальной историей (прошлое родного села, города, региона). Поэтому наряду с общероссийской историей, не меньшее внимание должно уделяться и региональной истории.

С 1 сентября 2025 г. в 5–7 классах общеобразовательных организаций Российской Федерации в рамках учебного предмета «История» введен новый учебный курс «История нашего края». Рассмотрим, как в учебных пособиях по данному курсу отражены события военной истории Кировской области с древнейших времен до наших дней.

Об особом характере вятской государственности в древности говорится в пособии по истории нашего края для 5-го класса (§ 28 «Вечевая республика. Управление, экономика, общество»): «В от-

личие от других земель в Вятке не было княжеской власти, наблюдался военизированный характер исполнительной власти... Необходимость защиты от золотоордынских отрядов и разбойных походов северных соседей способствовало формированию государственного образования Вятской Земли, или Вятской республики с центром в городе Вятке» [3, с. 142]. Далее авторы повествуют об успешной борьбе вятчан с Золотой Ордой, которую вел весь русский народ со времен Дмитрия Донского (1350–1389) (§ 29 «Вятчане в борьбе с Золотой Ордой. Воевода Костя Юрьев»). В 1392 г. «…вятское войско… совместно с новгородцами и устюжанами разгромило подвластные Золотой Орде города Волжской Булгарии Жукотин (другое название – Джукетау; находился близ современного города Чистополь Республики Татарстан) и Казань (Кошан)… Наиболее известен смелый и успешный поход воеводы Кости Юрьева, осуществленный по рекам Вятке, Каме и Волге в 1471 году» [3, с. 146].

В военной истории Вятского края есть очень интересные события. Так, по одним данным в 1418 г. (по другим – в 1421 г.) произошла битва вятчан с устюжанами во Вздерихинском (Раздерихинском) овраге. «По легенде, приняв отряд устюжан за ордынское войско, вятчане под покровом ночи “своя своих не познаша и побиша” (своих не узнали и побили). Отряд устюжан привел на Вятку Анфал Никитин, сторонник московского великого князя Василия I (1371–1425) и противник находившегося в Вятке наместника Михаила Россохина. Здесь Анфал сложил свою голову, погиб и его сын Нестор. Оплакав устюжан, вятчане учредили впоследствии в память об убиенных самобытный праздник, сопровождаемый свистом и пляской, – наследием языческих традиций – свистопляска, свистунья» [3, с. 148–149]. Использовали на этом празднике глиняные свистульки – отсюда происходит традиция изготовления дымковской глиняной игрушки, одного из брендов Вятского края.

Патриотический настрой вятских жителей особенно ярко проявился во время Отечественной войны 1812 г. (§ 10–11 «Отечественная война 1812 года. Вятская губерния в первой половине XIX века» пособия для 6-го класса). Так, мещанин города Слободского Петр Смолин писал в прошении на имя вятского губернатора: «Со крестом в сердце и с оружием в руках за великое поставлю себе счастье пролить кровь мою на ратном поле… Мне 17-й год, но рука крепка,

оружие не выпадет из оной…» [4, с. 53]. Всего по Вятской губернии «было собрано 830 ополченцев (733 пехотинца и 97 конных) и несколько сот добровольцев. Они были присоединены к Казанскому ополчению» [4, с. 53]. Вятчане доблестно сражались под Дрезденом и Магдебургом (ныне города в Германии), а также под Глогау (ныне город в Польше). На нужды фронта работали предприятия Вятской губернии: «На Ижевском заводе, где обычно изготовляли 800 ружей в год, в 1812 году произвели 5877 ружей, а в 1814 году – свыше 10 тысяч. По губернии также шел сбор пожертвований для войск деньгами, оружием, хлебом, золотыми и серебряными вещами» [4, с. 53]. Уроженкой Вятской губернии была Надежда Андреевна Дурова (1783–1866), первая в России женщина-офицер («кавалерист-девица»). Авторы представили в пособии историческую справку и отрывок из ее автобиографических записок [4, с. 61–62].

Русско-японская война 1904–1905 гг. привела к росту патриотических настроений во всех уголках страны, в том числе в Вятской губернии (§ 15 «Вятская губерния в начале XX века» пособия для 6-го класса). «Всего за время войны в действующую армию и военно-морской флот из нашего края призвали почти 25 тыс. человек. Призыв затрагивал жителей практически всех уездов. Только из Котельничского уезда во время первой волны мобилизации призвали 4,5 тыс. человек. Жители Вятского края активно участвовали в сборе пожертвований для армии и флота, а также в помощи раненым воинам, инвалидам, сиротам и вдовам» [4, с. 89]. Вятчане участвовали во всех крупных сражениях русско-японской войны. Вятские были среди экипажа крейсера «Варяг», при обороне Порт-Артура. «Вятские люди сражались на Маньчжурском театре военных действий – при Ляояне, Шахэ, Сандепу, Мукдене, участвовали в трагическом Цусимском сражении» [4, с. 90]. Среди наиболее известных героев русско-японской войны – уроженцев Вятской губернии – хотелось бы отметить Василия Федоровича Бабушкина (1877–1924), награжденного Георгиевскими крестами всех степеней. Вот как его характеризовал командир крейсера «Баян» А.А. Попов: «Не было смелого и опасного предприятия, в которое Бабушкин не вызвался бы охотником. Нужно ли было ночью ловить и выживать японских шпионов, сигналивших огнями, Бабушкин первый вызывается. Выбирают ли охотников на сторожевые паровые катера, которые долж-

ны были брать на абордаж японские брандеры, Бабушкин непременно в числе их» [7, с. 287]. Он отличался отменной физической силой и после окончания службы во флоте стал выступать в цирке с силовыми аттракционами (его называли «вторым Поддубным»).

В учебном пособии для 7-го класса (§ 1–2 «Вятская губерния в годы Великой российской революции») авторы следующим образом характеризуют начало Первой мировой войны: «Известие о войне вызвало патриотический подъем населения, который ярко проявился на июльских манифестациях в Вятке. “Держитесь стойко и помните, что герои бывают не только на войне. Жертвуйте, чем можете... Спасите Родину – вот наш пароль...” – говорил в те дни вятский губернатор Андрей Гаврилович Чернявский» [5, с. 6]. Вятский край испытал на себе тяготы военного времени: губерния была объявлена «на положении чрезвычайной охраны», повседневностью стали мобилизации, рост цен, нехватка рабочих рук на заводах, письма с войны, госпитали, беженцы и военнопленные. Одновременно развернулась масштабная благотворительная деятельность.

Кировской области в годы Великой Отечественной войны посвящены три параграфа в пособии «История нашего края» для 7-го класса: § 6–7 «Наш край в период тяжелых испытаний войной», § 8 «Город трудовой доблести», § 9–10 «Кировчане – Герои страны». Население Кировской области продемонстрировало высокий уровень патриотизма, что проявилось в большом количестве людей разных социальных групп, которые ушли на фронт добровольцами. «Только за первую неделю войны заявления с просьбой направить на фронт написали более трех тысяч жителей области, из них более тысячи – женщины. К октябрю 1941 года в армию ушло более 140 тысяч человек. Всего в годы войны было мобилизовано около 600 тысяч человек» [5, с. 52]. Кроме того, вятский характер проявился в героизме наших солдат и командиров: Героями Советского Союза стали более 200, а полными кавалерами ордена Славы – более 40 жителей региона. Кировская область стала родиной двух Маршалов Победы: Ивана Степановича Конева (1897–1973) и Леонида Александровича Говорова (1897–1955) [2, с. 100]. Среди кировчан есть и знаменосец Победы Григорий Петрович Булатов (1925–1973) [5, с. 69]. На всю страну прогремела слава Героев-широнинцев, повторивших бессмертный подвиг панфиловцев. «В марте 1943 года взвод лейтенан-

та Петра Николаевича Широнина (1906–1968) удержал позицию, уничтожив 16 танков и более 100 солдат противника» [5, с. 70–71].

Велика роль Кировской области в размещении эвакуированных промышленных предприятий для успешного восстановления выпуска военной продукции. «В цехах Коломенского паровозостроительного завода стали производить легкие танки Т-60, Т-70, самоходные артиллерийские установки и знаменитые БМ-13, более известные как «Катюши». Кроме того, в Кирове выпускались и комплектующие к авиационной технике. На заводе № 32 создавалось вооружение для самого массового самолета в истории авиации – штурмовика Ил-2, а на заводе № 266 – сложнейшее электрооборудование для бомбардировщика Пе-2» [5, с. 63]. Кировская область приняла более 250 тыс. эвакуированных, главным образом из блокадного Ленинграда и Ленинградской области. «Край стал крупнейшим медицинским центром страны. К началу 1942 года в Кирове развернулось 18 госпиталей, рассчитанных на 13 тысяч раненых, а к концу года в области действовало 50 эвакуационных и тыловых госпиталей различной специализации и подчинения, где за время войны прошли лечение около пятисот тысяч солдат и офицеров» [5, с. 57].

Авторы учебного пособия «История нашего края. Кировская область» в § 14 «Герои Отечества – участники специальной военной операции» рассказали об инициативе участников боевых действий по формированию отдельного Кировского батальона «Вятка» в связи с проведением спецоперации. Представители Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» отметили, что Вооруженные Силы России «проходят нелегкие испытания в специальной военной операции по защите населения республик Донбасса, денацификации и демилитаризации преступных нацистских формирований на территории Украины» [5, с. 99–100].

Некоторые наши земляки удостоены высокого звания «Герой Российской Федерации». Они являются истинными продолжателями бессмертных подвигов Героев Великой Отечественной войны. Например, Владислав Николаевич Головин (родился в 1997 г.), позывной «Струна» в марте – мае 2022 г. командовал группой спецназа в боевых действиях при освобождении г. Мариуполя. В ходе боя, прикрывая собой подчиненного, офицер получил минно-взрывное

ранение. С 24 декабря 2024 г. он стал начальником главного штаба Движения «Юнармия» [5, с.101].

Таким образом, в учебных пособиях «История нашего края. Кировская область» нашли отражение события военной истории Вятского края. Авторы пособий также отмечают высокий уровень патриотизма вятских жителей, их героизм и мужество в годы военных испытаний.

Источники и литература

1. *Володина Л.О.* Теоретико-методологические основы концепта «историческое просвещение» // Образовательное пространство в информационную эпоху: сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф. (3 июня 2025 г.). – Москва, 2025. – С. 50–61.

2. *Ерёмина Т.Ю.* Кировская область в годы Великой Отечественной войны: некоторые страницы истории // Историко-педагогические аспекты изучения и сохранения наследия Великой Отечественной войны: уроки истории и современные вызовы: XXIX Всерос. с междунар. участием ист.-пед. чтения (25–28 марта 2025 г.). – Екатеринбург, 2025. – С. 97–103.

3. История нашего края. Кировская область. 5 класс / М.С. Судовиков, П.Н. Шарабаров. – Киров, 2025.

4. История нашего края. Кировская область. 6 класс / М.С. Судовиков, П.Н. Шарабаров. – Киров, 2025.

5. История нашего края. Кировская область. 7 класс / М.С. Судовиков, П.Н. Шарабаров. – Киров, 2025.

6. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Электронный ресурс]. URL: http://www.instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf (дата обращения: 22.05.2026).

7. *Першина Ю.В., Ерёмина Т.Ю.* Вятский богатырь Василий Бабушкин как хранитель традиционных духовно-нравственных ценностей // Высокое служение Отечеству: персоналии в историко-культурной жизни российской провинции (к 75-летию академика АН РТ Н.М. Валеева): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 сент. 2024 г.). – Казань, 2024. – С. 284–294.

8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

[Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 22.05.2026).

9. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/ (дата обращения: 22.05.2026).

T.Yu. Eremina

MILITARY HISTORY OF THE KIROV REGION IN THE TEXTBOOKS FOR THE COURSE “HISTORY OF OUR REGION”

Annotation. The article notes that state policy is aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The author believes that school history education best implements these state policy priorities. Starting September 1, 2025, a course titled “History of Our Region” was introduced as part of the History subject in grades 5-7 of general education institutions in the Russian Federation. The author believes that the military events of the Vyatka region are reflected in textbooks on the history of our region. We also note the high level of patriotism of the Vyatka residents, their heroism, and courage during the trials of war.

Keywords: Traditional Russian spiritual and moral values, the course “History of our region”, Kirov region, the Great Patriotic War, special military operation.

УДК 94(470.41)«1941»

Е.В. Ермилова,
Т.Ю. Федотова

УСТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – УРОЖЕНЦЕВ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР, ПОГИБШИХ В ОРШАНСКОМ РАЙОНЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – работа Нурлатского клуба поисковиков «Легенда» под руководством В.С. Малыгина, который занимается установлением судеб военнослужащих, уроженцев Октябрьского района Татарской АССР, погибших во время Великой Отечественной

войны 1941–1945 гг., в том числе и бойцов, оборонявших 40-километровый Днепровский рубеж от Орши до Шклова в июле 1941 г. в Оршанском районе Витебской области. Впервые вводятся в научный оборот воспоминания дочери красноармейца 18-й дивизии В.М.(О.) Ермилова П.В. Димитриевой (Ермиловой) из жизни военного времени и содержание фронтового письма бойца той же дивизии К.Н. Морозова, которое подтверждает реальные события, описанные в воспоминаниях В.Ю. Казанцева «Восемнадцатая дивизия» (Казань, 1968).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, уроженцы Октябрьского района Татарской АССР в составе 18-й дивизии, оборона линии Днепра, не пропавшие без вести защитники Отечества.

Рано утром 22 июня 1941 г. Брестская крепость подверглась ураганному артиллерийскому обстрелу. Тысячи советских солдат встали на защиту Брестской крепости, нашей Родины. Еще тысячи спешили им на помощь. Среди них были и уроженцы Октябрьского района Татарской АССР. Многие из них погибли в июле 1941 г., в их дома пришли извещения: «пропал без вести». Эта статья – попытка осветить дело восстановления имен и судеб тех, кто родился на земле Октябрьского района Татарской АССР, отдал жизнь за Родину на левом берегу Днепра и остался «без вести пропавшим» на десятилетия. Установлением судеб военнослужащих – уроженцев Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республика Татарстан) занимается в основном Нурлатский клуб поисковиков «Легенда».

Военно-патриотический клуб «Легенда» под руководством Владимира Сергеевича Малыгина работает по уточнению сведений об уроженцах района, участвовавших в Великой Отечественной войне и пропавших без вести на фронте. Проект «Вернуть доброе имя в семью» Ассоциации «Клуб Воинской Славы» стал победителем Фонда президентских грантов в 2025 г. Проект направлен на поиск сведений о военнослужащих Марийской и Татарской АССР, которые считаются пропавшими без вести, военнослужащих, которые награждены орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны, но сведения о награждении не дошли до членов их семей [2]. При нахождении места захоронения они публикуют имена защитников Родины в социальной сети «Одноклассники», Нурлатской районной газете «Дружба», которая издается дубляжом еще на двух

языках – на татарском «Дуслык» и чувашском «Туслăх», просят откликнуться родственников для вручения похоронок. Жители Нурлатского района Республики Татарстан с благодарностью воспринимают деятельность военно-патриотического клуба «Легенда». Несмотря на то что прошло более 80 лет со дня окончания войны, потомки и родственники погибших, получая похоронку, не могут не проронить слезу. Скорбно радуются местонахождению последнего приюта родственника, считавшегося без вести пропавшим [17, с. 99]. По представлениям чувашского и, возможно, других народов, у каждого человека должно быть свое место (захоронения), известное потомкам, родственникам, чтобы они знали, где это место, по возможности могли прийти поклониться, помянуть. Тогда солдат не считается пропавшим без вести. В одном из текстов чувашских рекрутских песен[1] уходящие в солдаты просят не говорить о них, что они пропали, если от них долго не будет вестей. Вероятно, имеется в виду «пропали без вести», поскольку, согласно чувашским традиционным представлениям, если известно, что человек погиб, а также место его захоронения, то он не пропал бесследно, а нахо-

[1] *Эпирех каятпăр та ял-ял урлă*
Аслă хуласене шыраса.
Аслă хуласене те çитсе кĕрсен
Вун ик çыру ярсан та тупас çук.
Вун ик çыру ярсан та тупаймасан –
Çухалчĕ пуль тесе ан калăр.

Мы да уходим через деревни
В поисках больших городов.
Если в большие города да войдем,
И, отправив двенадцать писем, да [нас] не найти.
Если и, отправив двенадцать писем, да [нас] не найдете, –
Не говорите, что, наверное, пропали.

Текст рекрутской песни записан известным чувашским музыкальным деятелем, композитором и фольклористом С.М. Максимовым, приезжавшим в 1951 г. в д. Михайловка Киселевского (ныне Прокопьевского) района Кемеровской области. В этой деревне жили чуваши, переселившиеся с разных мест Поволжья, в том числе и из Чистопольского уезда Казанской губернии, в который входил Октябрьский район Татарской АССР. Вполне возможно, что пели ее наши земляки.

дится в определенном месте *вырăн* – месте погребения его праха, останков, указывающем на завершение земного бытия человека [5, с. 249]. Поэтому для семьи очень важно найти погибшего на войне родственника.

В рубрике «Просим откликнуться!» под заглавием «Доброе имя – в семью» в газете «Дружба» по алфавиту публикуются фамилии, имена, отчества, указывается год, место рождения, мобилизации, службы и дата гибели защитников Отечества, уроженцев Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Среди них много погибших и на подступах к Брестской крепости. Одинаковы дата и место их гибели: 14.07.1941 г., Беларусь, Витебская область, Оршанский район, лев. берег р. Днепр, д. 11003123. Там же сложил голову и наш родственник Василий Михайлович (Осипович) Ермилов (он был приемным сыном в семье, поэтому отчество в разных документах разное), 1908 г.р., уроженец д. Якушкино, мобилизованный Октябрьским РВК. Он служил в 18-й стрелковой дивизии, погиб 14 июля 1941 г. Дата выбытия из воинской части в сведениях разнится: 14 июля 1941 г. и октябрь 1941 г. В документе, уточняющем потери, в «Именном списке по форме [нрзб] по Октябрьскому райвоенкомату Татарской АССР, можно считать как пропавшие без вести» под пунктом 28 стоит имя Василия Михайловича Ермилова, 1908 г.р., где указаны в графе о семье: жена Мавра Ермилова и домашний адрес: Татарская АССР, Октябрьский р-н, д. Якушкино [3].

Перечислим имена его боевых товарищей, призванных тем же военкоматом, служивших в 18-й дивизии и погибших вместе с ним в один день. Мы допускаем, что это не полный список всех уроженцев Октябрьского района Татарской АССР, погибших 14 июля 1941 г. в Оршанском районе Витебской области:

Арбузов Алексей Тимофеевич, 1909 г.р., с. Егоркино (Караульная Гора);

Бабуркин Семен Романович, 1908 г.р., с. Илюткино (Вишневая Поляна);

Бабушкин Василий Андреевич, 1925 г.р., с. Вишневая Поляна;

Багаев Петр Яковлевич, 1910 г.р., д. Якушкино;

Волков Павел Сергеевич, 1908 г.р., с. Караульная Гора [7];

Ермилов Василий Осипович, 1908 г.р., д. Якушкино;

Крылов Иван Николаевич, 1910 г.р., с. Вишневая Поляна;

Кутдусов Гиляз Кутдусович, 1909 г.р., д. Ерыкла;

Леонтьев Кирилл Прокофьевич, 1906 г.р., с. Старые Челны;

Лизунов Василий Кондратьевич, 1906 г.р., с. Андреевка;

Маланин Иван Михайлович, 1910 г.р., д. Абляскино;

Маликов Ефим Васильевич, 1907 г.р., с. Богдашкино;

Матросов Степан Николаевич, 1906 г.р., с. Старые Челны;

Мещанов Михаил Степанович, 1911 г.р., с. Богдашкино;

Михайлов Иван Егорович, 1905 г.р., с. Богдашкино;

Морозов Кирилл Николаевич, 1910 г.р., д. Якушкино;

Мугайнутдинов Мирсаит Минхаирович, 1905 г.р., с. Кривое Озеро;

Муртазин Гариф Муртазович, 1908 г.р., с. Бурметьево;

Мухаметзянов Минахмет Шакирович, 1907 г.р., с. Кривое Озеро;

Мухаметов Вагиз Хуснулгатинович, 1907 г.р., п. Верхний Нурлат;

Мухаметсадыков Муртаза, 1906 г.р., с. Бурметьево, с. Кривое Озеро;

Мухутдинов Нургата Мухутдинович, 1909 г.р., с. Бурметьево, с. Кривое Озеро [8];

Низамутдинов Шарифулла, 1910 г.р., с. Бурметьево, с. Кривое Озеро;

Нуруллин Ярулла Нуруллович, 1910 г.р., с. Фомкино;

Нягашкин Федор Ефимович, 1909 г.р., с. Андреевка;

Овчинников Иван Константинович, 1910 г.р., с. Вишневая Поляна;

Попов Константин Арсентьевич, 1906 г.р., с. Старые Челны;

Савельев Гурий Федорович, 1907 г.р., с. Богдашкино;

Савельев Семен Иванович, 1906 г.р., с. Богдашкино;

Садрутдинов Сахабутдин Садрутдинович, 1905 г.р., с. Курманаево;

Салахов Тагир Салахович, 1900 г.р., с. Фомкино (Бикулово);

Сафиуллин Исхак Сафиуллович, 1910 г.р., д. Средние Челны;

Сидоров Илья Константинович, 1905 г.р., с. Старые Челны;

Степанов Николай Иванович, 1909 г.р., с. Илюткино (Гайтанкино);

Сулейманов Суфиян Сулейманович, 1907 г.р., д. Средние Челны [9];

Трофимов Николай Алексеевич, 1908 г.р., д. Ерепкино (Аксумла);

Тухватуллин Касим Гайфуллович, 1914 г.р., п. Верхний Нурлат;

Файзуллин Файзулла Нуруллович, 1918 г.р., с. Новое Иглайкино;

Фатхуллин Шафик Сафиуллович, 1910 г.р., с. Фомкино;
Хабибуллин Халиулла Хабибуллович, 1908 г.р., с. Бикулово;
Хайбуллин Шарифулла Калимуллович, 1913 г.р., с. Степное Озеро;
Хайрутдинов Зайнутдин Хайрутдинович, 1910 г.р., с. Курманаево;
Хамитвалиев Валиахмет, 1910 г.р., с. Бурметьево;
Хузиахметов Мирсаит Хузиахметович, 1908 г.р., д. Старая Ерыкла;
Хуснулгатин Хаматгата Файзутдинович, 1909 г.р., с. Бурметьево;
Черепанов Михаил Григорьевич, 1909 г.р., с. Старые Челны;
Шапкин Семен Антонович, 1906 г.р., с. Вишневая Поляна [10].

Все они погибли в ожесточенном неравном бою с врагом в Оршанском районе Витебской области Беларуси на 23-й день войны – 14 июля 1941 г. в день, когда здесь был произведен самый первый залп легендарной «Катюши» [13; 14; 15; 16].

О подвигах бойцов и командиров 18-й стрелковой дивизии, созданной в Татарии еще в 1939 г., в которой в июле 1941 г. сражались и уроженцы Октябрьского района Татарской АССР, подполковник Казанцев В.Ю. написал воспоминания, которые были опубликованы и изданы под общей редакцией подполковника в запасе Тагирова С.А. в 1968 г. в Казани [6]. Эта книга повествует о кровопролитных боях на одном из самых ответственных участков обороны Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны. Автор воспоминаний и издатели книги увековечили память о земляках-командирах, политработниках, возглавлявших батальоны и полки воинов Татарии [6, с. 3]. Подвиги 18-й дивизии высоко оценены бывшим командующим 20-й армией, в составе которой она сражалась. Начальник Краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова Военной академии имени М.В. Фрунзе Герой Советского Союза генерал армии Павел Алексеевич Курочкин в ответ на обращение к нему написал: «Стремление общественности города Казани и газеты «Советская Татария» отметить подвиги героев 18-й дивизии и подробнее осветить ее боевые дела в эти тяжелые дни войны заслуживает, по нашему мнению, самой широкой поддержки. У меня, как у командующего 20-й армией, навсегда сохранится самое лучшее впечатление о 18-й дивизии, о всех ее солдатах, командирах и политработниках. Трудные испытания начального периода минувшей войны казанцы прошли с честью. Они сражались доблестно и стойко…» [6, с. 4].

Чтобы представить положение дел на Днепре в начале войны и попытаться понять ситуацию, в которой оказались наш родственник и его боевые товарищи, земляки в составе 18-й дивизии, приведем краткое переложение письма П.А. Курочкина, опубликованного в этой книге: «После прорыва немцев к Минску, а затем к Березине, воинам Красной армии пришлось срочно занимать оборону по Днепру и севернее Орши, вплоть до Витебска, чтобы сдержать здесь наступление врага. Восемнадцатая дивизия обороняла те самые исторические «Смоленские ворота» – участок, где Днепр и Западная Двина сближаются, открывая путь на Москву. Тридцатикилометровый участок обороны армии, на левом ее фланге, от деревни Щетинка вблизи южной окраины Орши до г. Копысь заняла 18-я стрелковая дивизия. Военный совет 20-й армии поставил ей задачу: “Прочно оборонять рубеж реки Днепр, не допустить форсирования его танками противника”. С рассветом 10 июля враг перешел в наступление. На дивизию обрушился удар 18-й танковой и части сил 29-й моторизованной немецких дивизий, входивших в состав 2-й танковой группы генерала Гудериана – лучшего гитлеровского практика и теоретика “танковой войны”. Особенно тяжело пришлось 316-му стрелковому полку, оборонявшему Копысь. Однако к чести солдат и офицеров этого полка, возглавляемых майором Максимцевым, нужно сказать, что они героически отразили первый яростный натиск 18-й танковой дивизии и в течение суток не позволяли ей форсировать Днепр. Лишь днем 11 июля, когда противник ввел в действие против 18-й стрелковой дивизии десятки бомбардировщиков, ему удалось ценой больших потерь, под прикрытием дымовой завесы, переправить через Днепр мотопехоту и танки, занять Копысь и несколько пунктов севернее этого города» [5, с. 4–5].

А наши войска должны были возможно дольше удерживать линию Днепра. Поэтому дивизии была поставлена задача восстановить утраченное положение. Как пишет генерал армии Курочкин П.А.: «Я хорошо представлял себе трудность этой задачи. В начале войны, когда у наших войск еще отсутствовал опыт, отбросить назад танковые части немцев означало совершить подвиг. Этого подвига мы потребовали от 18-й стрелковой дивизии. Иного выхода не существовало. Для ее поддержки была направлена 1-я мотострелковая дивизия, которая в последующие дни сражалась бок о бок с казан-

цами» [6, с. 5]. Понимали трудность этой задачи и наши солдаты. Некоторые написали письмо домой, сообщив коротко о значимых для них событиях последних дней, часов, минут… Многие письма дошли, содержание их потомки помнят по сей день – для многих это было последним письмом от дорогого человека с фронта.

На наш взгляд, важно успеть записать сохранившиеся со времен 1941–1945 гг. воспоминания тыловиков, детей войны, детей солдат доблестной 18-й дивизии. Они помогут нам хотя бы немного восстановить картину событий, произошедших в начале и во время войны, знать о том, в каких условиях бойцам нашей армии – нашим родным и близким – приходилось воевать с врагом, чтобы не пропустить его вглубь нашей страны, защищать Родину. Хотелось бы привести в пример дорогую память, сохранившуюся об ушедшем на фронт отце, которую мы записали в июне 2015 г. от Прасковьи Васильевны Димитриевой (в девичестве Ермиловой) – дочери Ермилова Василия Михайловича (Осиповича) [4], воевавшего в 18-й дивизии. Из устных рассказов женщин-односельчанок и своей матери Мавры Афанасьевны[2] она помнит, что Кирилл Николаевич Морозов, боевой друг ее отца, написал домой письмо с фронта. Несколько строчек из которого Прасковья Васильевна помнит наизусть, потому что в них – память об отце: ««*Çӳлелле пăхсан тӗтӗм, çăмăр пек пуля çăвать, шурлăхра тăратпăр, вӗтлӗх, типӗ çӗре тухма çук.Ваççилипе ыталанса уйрăлтăмăр, урăх пӗр-пӗрне курас çук…» – тесе çырнă Мурус Кирюшӗ, Микулай пичче ывăлӗ çыру çырнă тет çапла. Ваççилийӗ – ман атте»* («Если вверх смотреть – дым; пули – как дождь, в болоте находимся, [вокруг] кустарники[3], заросли, нельзя выйти на сухую землю. С Василием попрощались, обнявшись, больше не увидеть нам друг друга…» – говорили, что так написал домой

[2] Ермилова (Цыганова) Мавра Афанасьевна, 16.04.1902 г.р., уроженка д. Якушкино Егоркинской волости Чистопольского уезда (ныне Нурлатского района) Казанской губернии (ныне Республики Татарстан).

[3] В книге В.Ю. Казанцева «Восемнадцатая дивизия» не раз встречаем слова о мелком лесе, кустарниках на Днепре. На с. 20 читаем: «В район командного пункта дивизии прибыли ночью. Среди *мелкого леса и кустарников* (курсив наш. – Авт.) несколько замаскированных палаток». На с. 32: «Горела Орша, горели Бабиничи, Копысь, горел *кустарник* (курсив наш. – Авт.) у Днепра».

Кирюш Муруза, сын дяди Мигулая. Василий, [о котором говорится в письме], – это мой папа) [12]. Кирилл Николаевич Морозов [11] – боевой товарищ, односельчанин Василия Осиповича Ермилова, тоже погиб 14 июля 1941 г. в Оршанском районе Витебской области Беларуси. Это воспоминание Прасковья Васильевна хранит в сердце. Она и ее четыре брата: Федор, Виктор, Петр и Александр, как и многие дети войны, выросли впроголодь, без отца, но трудились не покладая рук, чтобы приблизить Победу, работали в тылу, в послевоенные годы восстанавливали страну, братья служили в армии, все они стали достойными гражданами своей страны. Вспоминая свое военное детство, Прасковья Васильевна Ермилова говорила, что к ее матери время от времени приходила русская односельчанка, тетя Аксинья Багаева, и осторожно, с глубокой надеждой в голосе, тихо спрашивала: «Мавра, весточки нет?». Их мужья отправились на войну в один день, каждая семья ждала вестей с фронта. Муж Аксиньи Багаев Петр Яковлевич, 1910 г.р., тоже погиб 14 июля 1941 г. в Оршанском районе Витебской области. Это стало известно совсем недавно, по результатам поисков военно-патриотического клуба «Легенда», а в начале пришло извещение «Пропал без вести». На сайте «Память народа», в документе, уточняющем потери [1], стоит печать «пропал без вести» и записано со слов родственников, что от П.Я. Багаева было получено письмо с дороги в августе 1941 г. Видимо, это было последнее письмо, отправленное в июле с Оршанского района Витебской области Беларуси. Спасибо работникам военно-полевой почты. Бок о бок сражались наши воины – разных национальностей: чуваши, русские, татары и др. – у всех была одна цель: освободить Родину от фашистов и вернуться к своим близким. Очень многим не суждено было вернуться. Но они живы в памяти своих родных.

Прошло много времени, но память о погибших на левом берегу Днепра (д. 11003123) до сих пор не увековечена. Имена сложивших голову защитников Отечества не должны быть преданы забвению. Открытие мемориальной доски, установление памятного объекта на месте их гибели явилось бы шагом к сохранению памяти. Низкий поклон все защитникам Родины!

Большие потери, невосполнимые утраты, разрушения были трагедией не только для белорусского народа, к которому ужасы войны

пришли первыми, но и для всех народов, сыны и дочери которых погибли на защите Родины. Благодаря бескорыстной кропотливой работе военно-патриотического клуба «Легенда» родственники погибших защитников Отечества имеют возможность узнать судьбу своих родственников, предков, которые считались «Без вести пропавшими», гордиться ими и скорбно радоваться, что они не пропали без вести, а совершили ратный подвиг – пали смертью храбрых на поле боя за Родину.

Источники и литература

1. Багаев Петр Яковлевич // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie62207044/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DБагаев%26first_name%3DПетр%26middle_name%3DЯковлевич (дата обращения: 15.04.2026).

2. Вернуть доброе имя в семью // Интересный контент в группе Общество татарских краеведов Республики Марий Эл в ОК (Одноклассники) // URL: https://m.ok.ru/group/53774593818755/topic/156407387317635?ysclid=mo4s0ay7ln722352516 (дата обращения: 18.04.2026).

3. Ермилов Василий Михайлович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie59108820/ (дата обращения: 22.07.2026).

4. Ермилов Василий Осипович // Виртуальный музей Великой Отечественной войны Республики Татарстан. Бессмертный полк Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: https://tatfrontu.ru/card/544628 (дата обращения: 18.04.2026).

5. *Исмагилова Е.И., Федотова Е.В.* Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. – 2022. – № 2. – С. 241–257.

6. *Казанцев В.Ю.* Восемнадцатая дивизия. – Казань, 1968.

7. *Малыгин В.* Доброе имя – в семью // Дружба. – 2025. – 23 мая. – № 20 (11309). – С. 7.

8. *Малыгин В.* Доброе имя – в семью // Дружба. – 2025. – 11 июля. – № 27 (11316). – С. 9.

9. *Малыгин В.* Доброе имя – в семью // Дружба. – 2025. – 18 июля. – № 28 (11317). – С. 8.

10. *Малыгин В.* Доброе имя – в семью // Дружба. – 2025. – 25 июля. – № 29 (11318). – С. 9.

11. Морозов Кирилл Николаевич // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat12771007/?backurl=%2Fheroes%2

F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DМорозов%26first_name%3DКирилл%26middle_name%3DНиколаевич (дата обращения: 03.05.2026).

12. Полевые материалы авторов (ПМА). Записано 30.06.2015 г. Е.В. Ермиловой в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан Российской Федерации от П.В. Димитриевой (Ермиловой), 08.08.1929 г.р., уроженки д. Якушкино Октябрьского района Татарской АССР.

13. *Сосновская А.* Из архива музейного комплекса истории и культуры Оршанщины. URL: https://www.orshanka.by/?p=68907(дата обращения: 18.04.2026).

14. *Сосновская А.* Мемориал «За нашу Советскую Родину» («Катюша»). URL: https://borlib.by/novosti-biblioteki-ru/10787-memorial-za-nashu-sovetskuyu-rodinu-katyusha (дата обращения: 18.04.2026).

15. *Тарас А.Е.* Легенда и факты о первом боевом залпе «Катюши». URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1776535586&tld=ru&lang=ru&name=pervye.pdf&text=книга%20о%20первом%20выстреле%20Катюши%2014%20июля%201941%20г.&url=https%3A%2F%2Fepizodyspace.ru%2Fbibl% (дата обращения: 18.04.2026).

16. *Тарас А.* Страницы прошлого. Статьи по истории Беларуси. – Минск, 2017.

17. *Федотова Е.В., Федотова Т.Ю.* Красноармеец Кирилл Петрович Ермилов – участник Смоленского оборонительного сражения у города Ярцево в июле – октябре 1941 года // Великие сыны России: битва за Москву (к 75-летию битвы за освобождение Москвы в Великой Отечественной войне): Сб. материалов Открытого респ. конкурса-фестиваля науч.-исслед. и творческих работ (Чебоксары, 27 нояб. 2016 г.). – Чебоксары, 2018. – С. 94–100.

E.V. Yermilova,
T.Yu. Fedotova

DETERMINATION OF THE FATE OF MILITARY PERSONNEL – NATIVES OF THE OKTYABRSKY DISTRICT OF THE TATAR ASSR, WHO DIED IN THE ORSHANSKY DISTRICT OF THE VITEBSK REGION OF THE BELARUS SSR

Annotation. The authors of the article focus on the work of the Nurlat search and recovery club “Legenda,” led by V.S. Malygin, which is engaged in establishing the fates of military personnel who were natives of the Oktyabrsky District of the Tatar ASSR and who died during the Great Patriotic War of 1941–1945, including the soldiers who defended the 40-kilometer Dnieper line from Orsha to Shklov in July 1941 in the Orsha District of the Vitebsk Re-

gion. For the first time, the memoirs of P.V. Dimitrieva (Ermilova), the daughter of V.M. (O.) Ermilov, a Red Army soldier of the 18th Division, are being introduced into scholarly circulation. They concern life during the war. Also being introduced is the content of a front-line letter from K.N. Morozov, a soldier in the same division, which confirms the real events described in V.Yu. Kazantsev's memoirs "The Eighteenth Division" (Kazan, 1968).

Keywords: the Great Patriotic War, natives of the Oktyabrsky District of the Tatar ASSR who served in the 18th Division, defense of the Dnieper Line, defenders of the Fatherland who were not reported missing.

УДК 378

Т.И. Жаркова

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Аннотация: В статье представлены, раскрыты и рассмотрены понятия «глобализация», «историческая память», «патриотизм», данные в «Педагогическом энциклопедическом словаре», в «Тематическом словаре методических терминов по иностранному языку», а также в научных трудах историка Г.Б. Могильницкого. Отмечена необходимость воспитания у студентов неязыковых вузов патриотизма и патриотических чувств, любви к своей Родине и своему Отечеству.

Ключевые слова: 81-летие Победы, Великая Отечественная война, историческая память, патриотизм, воспитание патриотических чувств.

Нам дана короткая жизнь,
но память об отданной за благое дело жизни вечна.

Марк Туллий Цицерон

Глобальные изменения в мировом масштабе, вызванные обострением геополитической ситуации, привели к «необходимости объединения всего прогрессивного человечества в целях спасения цивилизации» [7]. Всем известно, что социальный заказ отечественного образования для преподавателей вузов, неязыковых в том числе, в настоящее время – это человеческий потенциал. Перед нами поставлена важная / необходимая / глобальная для социума задача –

воспитание гражданина, причем гражданина успешного, гражданина – носителя общенациональных ценностей. Нам необходимо воспитать человека, готового в любой момент защитить свою семью, свой дом / свое Отечество / свою Родину.

Иноязычное образование также призвано сегодня формировать, развивать и совершенствовать личность обучающегося, в нашем случае личность студента неязыкового вуза, причем личность языковую и поликультурную, личность, способную легко и быстро адаптироваться в современном, быстро меняющемся мире, личность, способную к межкультурному взаимодействию, личность толерантную и эмпатийную, личность, способную к успешной реализации межкультурной коммуникации, реализации диалога многонациональных лингвокультур.

Историческая память, связывающая поколение с поколением, а также формирующая представление современного социума о прошлом, настоящем и будущем, очень важна не только для обучающихся, но и для нас всех. Очень важна историческая память и как элемент национальной идентичности, «не менее, а даже более важной для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты» [8].

Попп И.А. и Бурова А.И. понимают под исторической памятью «часть исторического сознания, подпитывающаяся как из систематизированных, так и несистематизированных источников информации. В качестве систематизированных источников чаще всего выделяют образовательные организации. В качестве несистематизированных, случайных источников информации могут выступать СМИ, произведения искусства и так далее. Следует отметить, что на студенческую молодежь в РФ большее влияние оказывают именно несистематизированные источники информации» [6].

Празднование 81-летия Победы в Великой Отечественной войне в честь наших героев и участников Специальной военной операции сегодня, в память о подвигах всех наших предков, сражавшихся в разные исторические периоды за свою землю, за свою Родину, свое Отечество, укрепляет историческую память, выражающуюся в известном изречении русской советской поэтессы, прозаика и драматурга, военного корреспондента Ольги Федоровны Берггольц (1910–1975): *«Никто не забыт, ничто не забыто»*, ставшим лозун-

гом для сохранения исторической памяти о подвигах народа в Великой Отечественной войне. Глубокий и очень важный смысл вложен в эту известную фразу: ни один человек, ни один из участников Великой Отечественной войны, ни один из защитников нашей необъятной Родины не должен быть забыт, их совершенные подвиги тоже и трудовые в том числе.

Как жаль, что немногие дожили до великого и знаменательного события не только в нашей стране, но и во всем цивилизованном мире – дня Победы. Мы должны сохранить о них память, память историческую. Мы должны умело предоставлять нашим студентам правдивую информацию / сведения о прошлом нашей страны, нашего региона для передачи накопленного общественного опыта, другими словами, формировать у них историческую память, формировать хранилище, своеобразный арсенал исторического опыта русского народа и народов, населяющих нашу многонациональную Родину (190 народов с общей численностью более 147 млн чел.).

Историческая память – это своего рода исторические ценности народа / нации, ее «генетический код», своего рода «накопитель», которые передаются из поколения в поколение. Но необходимо акцентировать внимание на том, что, по словам Г.Б. Могильницкого, она «меняет свое содержание на разных этапах развития исторической науки» [5]. Не секрет, что на Западе хотят «переписать» историю, приписать себе подвиги и заслуги в Победе во Второй мировой войне. Мы должны помочь подрастающему поколению сохранить правдивую память, память историческую, которую формируют, развивают знания, а также близкие родственники, принявшие участие в борьбе с фашистами во время Великой Отечественной войны.

Память о войне – это не только дань уважения подвигу наших предков, но и основа для формирования патриотизма, «любви к отечеству, к родной земле, к своей культурной среде. С этими естественными основаниями патриотизма как природного чувства соединяется его нравственное значение как *обязанности* и *добродетели*» [7]. И не только. А также укрепления гражданского самосознания и противодействия попыткам искажения истории.

Сохранение исторической памяти в России сталкивается с рядом серьезных проблем / вызовов: снижение интереса среди под-

растающего поколения к Великой Отечественной войне; искажение истории / исторических фактов; попытки «переписать историю»; принизить роль советского солдата в Великой Победе над фашизмом.

Итак, на повестке дня – задача воспитания достойного гражданина своего Отечества, гражданина глубоко любящего свою Родину, и малую в том числе [2]. Теме воспитания патриотизма и преданности своей семье, стране, Родине должно уделяться особое внимание как в школе, так и в вузе, как на уроке / занятии / лекции, так и во внеурочное время. Задачи воспитания и обучения возлагаются на учителей / преподавателей, одним словом, педагогов.

Важность анализа исторической памяти состоит в том, что региональные особенности, специфическая городская культура, тип социальных ценностей, социальных связей (сильные, слабые) социально-экономического, социально-политического, социокультурного развития определяют специфику полиментальности, патриотичности, социального самочувствия, политической ориентации и исторической памяти [1].

В заключение можно сказать, что историческая память – это не просто прошлое, а живая нить, причем нить, связывающая прошлое, настоящее и будущее, нить, позволяющая всем нам понять себя, идентичность и наше место в мире. Именно поэтому мы должны научить обучающихся хранить память о прошлом: «Память о прошлом… Нет это не просто свойство человеческого сознания, его способность сохранить следы минувшего. Память – это связующее звено между прошлым и грядущим, чтобы облегчить цель жизни в будущем. Из памяти народной мы черпаем силы для новых свершений, она вдохновляет на труд и на подвиг. Пока народ жив, самая нетленная память – это память, которая, переходя от поколения к поколению, вечно будет гореть в сердце народном» [1]. Сохранение и переосмысление исторической памяти – это не только наша ответственность, но и гарантия процветания будущих поколений. Мы должны знать и помнить, что «из памяти народной мы черпаем силы для новых свершений, она вдохновляет на труд и на подвиг. Пока народ жив, самая нетленная память – это память, которая, переходя от поколения к поколению, вечно будет гореть в сердце народном» [1].

Источники и литература

1. Актуальные проблемы исторической памяти в современном социуме: историзация, семиотика : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, студентов и практиков (г. Пенза, 10 нояб. 2021 г.). – Пенза, 2022.

2. Воспитание личности в процессе обучения иностранному языку и культуре в XXI веке: теория и практика. Моногр. / под науч. ред. Г.В. Сороковых, Т.И. Жарковой. – Москва, 2021.

3. *Гиляревский В.П.* Война: Морские летчики. О боевом пути 47-го штурмового авиаполка ВВС ВМФ: в 2-х кн. Книга 2. Балтика. – Москва, 1992.

4. *Жаркова Т.И., Сороковых Г.В.* Тематический словарь методических терминов по иностранному языку. – Москва, 2017.

5. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. – Москва, 1989.

6. *Попп И.А., Бурова А.И.* Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: практико-ориентированный подход (на примере реализации всероссийского студенческого патриотического проекта «Живая история») // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 1. – С. 129–134.

7. Педагогический энциклопедический словарь. – Москва, 2003.

8. *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11. – № 3(37). – С. 21–41.

T.I. Zharkova

HISTORICAL MEMORY OF THE TANKERS OF THE URAL VOLUNTEER TANK CORPS

Annotation. This article presents, explores, and examines the concepts of “globalization,” “historical memory,” and “patriotism,” as found in the “Pedagogical Encyclopedic Dictionary,” the “Thematic Dictionary of Methodological Terms in Foreign Languages,” and the scholarly works of historian G.B. Mogilnitsky. It emphasizes the need to foster patriotism and patriotic feelings, as well as love for one’s homeland and fatherland, in students at non-linguistic universities.

Keywords: 81st anniversary of Victory, the Great Patriotic War, historical memory, patriotism, fostering patriotic feelings.

УДК 94(470)

Д.В. Кирюхин

«ЕГО УРОКИ БЫЛИ ДЛЯ НАС КАК УРОКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДОБРОТЫ» – ВЕТЕРАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, УЧИТЕЛЬ ШКОЛЫ № 13 Г. ГОРЬКОГО Н.П. ЧЕРВОЧКИН

Аннотация. Статья посвящена личности одного из педагогов школы № 13 города Горького (в настоящее время – МАОУ «Гимназия № 13» г. Нижнего Новгорода) Николаю Прокопьевичу Червочкину, сведения о котором доступны по воспоминаниям его бывших благодарных учеников и документам военного времени, которые постепенно становятся доступными благодаря проекту «Память народа». Биографический материал, посвященный учителю математики и герою Великой Отечественной войны, в ближайшее время будет подготовлен в рамках гимназического проекта «Книга Памяти Гимназии № 13».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, учителя-фронтовики, школа № 13 г. Горького, группа «Поиск», В.А. Черемушкина, Н.П. Червочкин, воспоминания.

Профессия учителя является одной из самых мирных и гуманных, однако в нелегкие для нашей страны годы Великой Отечественной войны сотни тысяч педагогов сражались на боевых и трудовых фронтах, сменив привычные мел и указку на автоматы или токарные станки. А после победы они с таким же энтузиазмом и огнем в глазах вернулись к своей мирной профессии – учить и воспитывать молодое подрастающее послевоенное поколение. Учитель-фронтовик – это благородный, умный, добрый человек, который готов помочь в любую минуту, ведь его память хранит эпизоды, когда такая помощь представляла угрозу для жизни, но была необходима товарищам, своей стране.

Школа № 13 г. Горького начинает свою историю в 1936 г. [4] (статус Гимназии, который школа имеет сегодня, она получит лишь в 1996 г.) [3]. Изначально на месте нового здания располагалась церковь Троицы Живоначальной (Троицкая Верхнепосадская церковь), построенная в 1856–1867 гг. [5, с. 6]. Первое здание школы № 13 находилось в доме 34 по улице Лядова, такое имя с 1944 по 1990 г. носила улица Большая Печерская [6]. Классы были сформированы

из девятиклассников школы № 4, откуда было переведено и большинство учителей. С каждым годом количество классов увеличивалось, вскоре вместо одной смены стало две [4].

Имена многих учителей-фронтовиков Великой Отечественной войны, работавших в школе в 1960–1970-е гг., мы знаем сегодня во многом благодаря работе школьной группы «Поиск», которая под руководством учителя истории Веры Александровны Черемушкиной собирала ценнейший источниковый материал и вела переписку с их родными и выпускниками школы разных лет. Силами группы в школе был создан музей пионерии и к 40-летнему юбилею Великой Победы школьный стенд «Они защищали Родину», на котором были размещены фотографии заместителя директора по административно-хозяйственной части Клавдии Кирилловны Степановой, учителя технологии Веры Андреевны Белышевой (Шатиловой), учителя химии, участника Парада Победы на Красной Площади в 1945 г. Сергея Васильевича Роганова и учителя физики Алексея Ивановича Удалова [1, с. 550]. К сожалению, многие из найденных и собранных группой «Поиск» материалов были утеряны в середине 1990-х гг. С 2017 г. в Гимназии реализуется проект «Книга Памяти», в рамках которого осуществляются попытки сохранить наследие прошлого, создав музейно-выставочное пространство.

Совсем недавно в материалах архива Гимназии было найдено письмо 1988 г., написанное В.А. Черемушкиной, выпускницей школы 1971 г., Галине Вадимовне Воронковой (в настоящее время – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина), в котором она вспоминает своего учителя математики Николая Прокопьевича Червочкина. Она пишет: «Он обращался к нам на “вы”, никогда не повышал голоса. Жаль только, что учил он нас всего год. Его уроки математики были для нас уроками человеческой доброты» [2]. Особенно вспоминаются выпускнице учителя, «которые были с нами, когда нам было лет 11–13. Как важно, чтобы в этот период рождения личности рядом оказался добрый и мудрый человек!» [2]. Галина Вадимовна отмечает, что всех учителей в те годы объединяло одно качество – увлеченность своим предметом, которую они стремились передать своим ученикам. Завершая рассказ о Н.П. Червочкине, она отмечает его особенную интеллигентность и несуетность.

Благодаря проекту «Память народа» постепенно появляются новые документы военного и послевоенного времени из Центрального архива Министерства обороны РФ, которые позволяют узнать о подвиге и личном вкладе в победу многих фронтовиков. Буквально совсем недавно в системе появились записи из базы данных офицеров, сведения военкоматов и учетно-послужных картотек. Благодаря этому сегодня мы знаем, что Николай Прокопьевич Червочкин родился 9 февраля 1907 г. в д. Ескино Котласского района Архангельской области. Деревня находится в юго-восточной части Архангельской области на левом берегу Северной Двины на расстоянии около 28 км по прямой к северо-западу от административного центра района – г. Котлас. Постоянно проживающих жителей в настоящее время в деревне нет. В годы войны Н.П. Червочкин был призван Никольским РВК Вологодской области и поступил на военную службу в должности майора 10 сентября 1942 г. Также доступны сведения о награждении его медалями «За победу над Германией» и «За боевые заслуги» (1954) [7]. Что касается последней, то наградной лист в настоящее время пока недоступен.

Выяснить детали подвига Николая Прокопьевича в годы Великой Отечественной войны может помочь его личное дело, хранящееся в Центральном архиве Министерства обороны РФ в г. Подольске, на основании материалов которого школьники МАОУ «Гимназия № 13» г. Нижнего Новгорода в рамках проекта «Книга Памяти» смогут подготовить биографическую научно-исследовательскую работу, дополнить которую позволят и материалы послевоенного времени [8], относящиеся к педагогической деятельности Н.П. Червочкина.

Источники и литература

1. *Белоус А.Б., Кирюхин Д.В.* Научно-исследовательская, поисковая и проектная деятельность в старших классах: проект «Книга Памяти школы № 13 г. Горького» // Военная история России: Материалы XV Междунар. военно-ист. конф. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 549–555.

2. *Воронкова Г.В.* Письмо В.А. Черемушкиной. 1988 г. / Архив МАОУ «Гимназия № 13».

3. История МБОУ «Гимназия № 13» / сост. Шахова М.В., Котельникова С.Ю. – Нижний Новгород, 2016.

4. История средней школы № 13 Свердловского района г. Горького. 1945 г. / Архив МАОУ «Гимназия № 13».

5. *Коневский М.* Упраздненная Пятницкая, что на Панских Буграх, и новая Троицкая, что на Старой Сенной площади, церкви в Нижнем Новгороде // Нижегородские епархиальные ведомости. – 1893. – № 1. – С. 6–14.

6. *Нестерова О.* История одной улицы: гуляем по контрастной Большой Печерской // Информационный портал «NN.RU». Нижний Новгород онлайн. 19.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nn.ru/text/gorod/2019/07/14/66158914/ (дата обращения: 15.05.2023).

7. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Картотека награждений. Шк. 94. Ящ. 4.

8. *Червочкин Н.П.* Устные упражнения на уроках арифметики. – Горький, 1961.

D.V. Kiryukhin

"HIS LESSONS WERE FOR US LIKE LESSONS OF HUMAN KINDNESS" – N.P. CHERVOCHKIN, VETERAN OF THE GREAT PATRIOTIC WAR, TEACHER OF GORKY SCHOOL № 13

Annotation. This article is dedicated to Nikolai Prokopyevich Chervochkin, a teacher at Gorky School № 13 (currently, Nizhny Novgorod Gymnasium № 13). Information about him is available through the memoirs of his grateful former students and wartime documents, which are gradually becoming accessible through the "Memory of the People" project. Biographical material dedicated to the mathematics teacher and hero of the Great Patriotic War will soon be prepared as part of the gymnasium project "Book of Memory of Gymnasium № 13".

Keywords: Great Patriotic War, teachers who served in the front, School № 13 in Gorky, "Poisk" group, V.A. Cheremushkina, N.P. Chervochkin, memoirs.

УДК 94(470)

Е.М. Кирюхина,
С.А. Булатов

ГЕРОИ д. ОСИНОВКА ДАЛЬНЕКОНСТАНТИНОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЕМЬИ

Аннотация. Статья посвящена родным одного из авторов, уроженцам д. Осиновка Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, участникам Великой Отечественной войны – Александру Семеновичу

и Ивану Семеновичу Зюськовым, Михаилу Ивановичу Чугунову и Александру Ивановичу Грачеву. Каждый из них внес свой вклад в дело Великой Победы – от начальника полевой почты до стрелка. История семьи хранит память не только об орденоносцах, но и узниках немецких лагерей, вернувшихся с полей сражений с ранениями и инвалидностью, а также павших смертью храбрых.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальнеконстантиновский район, д. Осиновка, семейный архив.

Вступив в новый век и третье тысячелетие, хочется оглянуться назад в недавнее прошлое своей страны и родных, увидеть и оценить самое значительное, судьбоносное. Первое в ряду таких событий, на наш взгляд, героический подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. Более 80 лет прошло с тех пор, как топтали нашу землю немецкие сапоги захватчиков, мы не слышим гула самолетов с фашистскими крестами на крыльях, люди не бегут в бомбоубежища, не стоят ночами напролет за четвертушкой военного хлеба, но страшные дни навсегда останутся в памяти поколений, как и самоотверженный труд и боевой подвиг родных и близких. Большую помощь в этом оказывают разнообразные публикации, среди которых необходимо отметить как оригинальные источники, такие как фронтовые письма [4] и воспоминания [17], так и монографии [15], а также научные статьи, основанные на материалах семейных архивов [6, с. 43–49].

Деревня Осиновка Дальнеконстантиновского района, входящая в состав Малопицкого сельсовета, находится на берегу узкой реки в бассейне р. Серёжа, на расстоянии 16 км к юго-востоку от поселка городского типа Дальнее Константиново, административного центра района, и 71 км к юго-востоку от Нижнего Новгорода. Свое название деревня получила из-за окружающего поселение осинового леса [9, с. 380]. По данным переписи населения за 2010 г. постоянно проживающего населения в деревне нет [19], сохранившиеся дома используются собственниками как дачно-огородные участки во время весенне-летнего периода. К сожалению, подобное типично для многих сельских поселений нашего времени. В первой половине XX в. в Осиновке родились и выросли родные одного из авторов данного материала, чьему подвигу в годы Великой Отечественной войны и посвящена эта статья.

Александр Семенович Зюськов, прадед одного из авторов, родился 15 сентября 1915 г., вырос и проживал в д. Осиновка, в 1939 г. женился на Прасковье Ивановне Грачевой. С началом войны в августе 1941 г. был призван в РККА и служил до демобилизации в 1947 г. в звании лейтенанта административной службы. Хотя Александру Семеновичу и не довелось ходить в атаку или держать оборону, он обеспечивал своим боевым товарищам связь с домом, родными и близкими. Только фронтовик знает, что значило для солдата получить письмо от родных: оно и отогреет душу, и придаст силы для дальнейшей борьбы. 21 июля 1944 г. А.С. Зюськов был награжден орденом Красной Звезды, в наградном листе к которому мы можем найти следующие строки: «В период наступления наших частей дислоцировался при 1-м эшелоне Армии…» [11], что свидетельствует о том, что при выполнении своих обязанностей начальник полевой почты А.С. Зюськов не прятался в тылу и много раз его могла настигнуть шальная пуля противника. Непростые часто меняющиеся погодные условия, а также частые передвижения войск делали работу по доставке почты трудным делом: «Товарищ Зюськов в исключительно трудных условиях бездорожья и непрерывных маршей обеспечил регулярную доставку печати и корреспонденции» [11]. Кроме того, необходимо помнить и о преодолении рек и озер, которые могли встать на пути: «При форсировании водных преград сам лично с войсковыми почтальонами, и используя все имеющиеся средства переправы, обеспечил своевременную переправу почты и ее передвижение до места назначения» [11]. Как сообщает наградной лист, будучи начальником полевой почты, А.С. Зюськов «хорошо организовал доставку писем и газет отделам штаба Армии, независимо от места их дислокации… Выездами в части проверял и помогал в работе войсковых почтальонов» [11]. Работе полевой почты в годы Великой Отечественной войны посвящены, в частности, статьи В.В. Коровина [7, с. 27–31], И. Дружинина [3, с. 3–28], а также многочисленные публикации в прессе [1; 8].

На фронте Великой Отечественной войны оказался и старший брат Александра Семеновича – Иван Семенович Зюськов, родившийся в 1908 г. в Осиновке, но переехавший в Беларуссию. Несмотря на возраст, И.С. Зюськов был призван 5 июля 1944 г. Смоленским РВК Белорусской ССР Минской области Смолевичского района. Наградной лист медали «За отвагу» сообщает не только

сведения о подвиге красноармейца стрелка И.С. Зюськова, свидетельствуя о его храбрости, но и о полученном им в бою тяжелом ранении: «…во время боев за высоту 252,1 в районе г. Сувалки 12 октября 1941 г. в первых рядах, под огнем противника ворвался во вражескую траншею и в рукопашной схватке уничтожил 3-х немцев. В этом бою был тяжело ранен» [10]. Отметим, что город, рядом с которым был ранен Иван Семенович, имел стратегически важное значение: по договору 1939 г. между Германией и СССР район Сувалок был присоединен к Восточной Пруссии, впоследствии в 1941 г. на сувалкском выступе была сосредоточена немецкая северная ударная группировка в составе войск 3-й танковой группы и части сил 9-й армии вермахта для дальнейшего наступления на Минск. В годы войны в городе располагался нацистский концентрационный лагерь Stalag I-F (первоначально Offlag 68) [13]. В настоящее время город является центром деревообрабатывающей промышленности Польши. По данным Центрального архива Министерства обороны РФ Иван Семенович побывал в немецком плену с 22 ноября 1941 г., однако был освобожден и продолжил военную службу, получив второе ранение в феврале 1945 г. [5]

Инвалидом с войны вернулся и двоюродный брат Прасковьи Ивановны Зюськовой (в девичестве – Грачевой) Михаил Иванович Чугунов, родившийся в 1905 г. и проживавший в Осиновке бок о бок с семьей своей сестры в соседних домах. В должности стрелка Михаил Иванович оказался на фронте с 24 июля 1941 г. Наградной лист к ордену Славы 3-й степени сообщает сведения о боевом соединении, в котором М.И. Чугунов проходил военную службу, это 1175-й стрелковый полк 347-й стрелковой Мелитопольской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Дивизия участвовала в Ростовских оборонительной и наступательной операциях, Донбасской оборонительной операции, в боях за освобождение Мелитополя, за что 23 октября 1943 г. была удостоена почетного названия «Мелитопольская», 27 апреля 1944 г. за прорыв обороны противника на Перекопском перешейке дивизия была награждена орденом Красного Знамени [14, с. 49–100]. На момент демобилизации М.И. Чугунова по ранению (атрофия руки) 21 сентября 1944 г. дивизия участвовала в боях за освобождение Прибалтики. Наградной лист содержит информацию о том, что Михаил Иванович вернулся в родную деревню, «живет дома в своем хозяйстве, работает линейным надсмотр-

щиком 22-го участка Горьковского линейно-технического узла связи, с работой справляется хорошо» [12]. В обязанности линейного надсмотрщика входит ремонт узлов и соединительных линий проводной связи, обслуживание телефонной аппаратуры, что не так-то просто для инвалида войны 3-й группы.

Однако самая яркая и трагичная страница в истории родных одного из авторов из д. Осиновка – это жизненный путь Александра Ивановича Грачева, родного брата Прасковьи Ивановны Зюськовой (в девичестве – Грачевой). Во многом это так, потому что в семейном архиве сохранились письма героя и воспоминания о нем. А.И. Грачев родился в 1914 г. и проживал в г. Богородске, работал преподавателем в школе по повышению квалификации специалистов сельского хозяйства. «Будучи отличным лыжником, добровольно ушел на финскую войну, был ранен. В 1941 г. ушел сражаться с немецко-фашистскими захватчиками» [16]. В своих письмах жене Любови Васильевне Александр Иванович просил больше внимания уделять воспитанию детей, рассказывать им о том, что их отец «бьет фашистскую сволочь за то, что они непрошеными гостями явились в нашу страну, мучают и убивают детей» [16]. В своих коротких, но удивительно емких и трогательных письмах, вероятно, зачастую написанных второпях, лейтенант А.И. Грачев словно предчувствовал свою гибель, но при этом не сомневался и в неизменной победе: «Противник рвется вглубь страны на волжские просторы… Пришел за нашей землей. Может, многие из нас, в том числе и я, не узнаем и не увидим радость победы, но я твердо знаю, что мои Аля и Лилечка, как и многие дети, не увидят фашистского рабства» [16]. Очень долго от Александра Ивановича Грачева, лейтенанта, командира минометной роты 498-го полка 132-й дивизии 13-й армии, не было никаких весточек, затишье нарушило короткое извещение, которое и сегодня бережно хранится в семье героя: «А.И. Грачев, проявив геройство и мужество, был убит 15 октября 1942 г., похоронен у южного ската высоты 202,5, что юго-западнее деревни Калабино – 800 метров. Задонский край, Курская область» [2]. По данным учетной карточки захоронения, составленной 8 июня 2012 г., в братской могиле вместе с А.И. Грачевым захоронен младший лейтенант Федор Алексеевич Кочетков, 1922 г.р., установлен металлический обелиск с пятиконечной звездой на вершине [18].

Очень часто на видных местах городов, сел, деревень можно встретить памятники фронтовикам-односельчанам с плитами, на которых высечены имена земляков, отдавших свою жизнь и здоровье ради счастья будущих поколений. К сожалению, так как д. Осиновка Дальнеконстантиновского района в настоящее время не имеет развитой инфраструктуры, и его жители приезжают в свои дома лишь в весенне-летний период отпусков, подобного памятника, на котором несомненно присутствовали бы имена Александра Семеновича и Ивана Семеновича Зюськовых, Михаила Ивановича Чугунова и Александра Ивановича Грачева, в настоящее время нет. Но данной публикацией мы надеемся сохранить память об их подвиге.

Источники и литература

1. *Винницкая А.* Письма Победы: как работала полевая почта во время войны // Ведомости. – 2025. – 11 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/pobeda80/articles/2025/04/11/1102785-pisma-pobedi (дата обращения: 29.05.2026).

2. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО (Центральный архив Министерства Обороны РФ). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 180.

3. *Дружинин И.* Полевая почта Красной Армии. 1941–1945 гг. // Коллекционер. – 2003. – № 38–39. – С. 3–28.

4. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. док. – Нижний Новгород, 2015.

5. Именной список безвозвратных потерь 1160-го Минского полка 352-й стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1628.

6. *Кирюхина Е.М., Мезин Е.Д.* Трудовой подвиг Егора Ивановича Тарана в годы Великой Отечественной войны (по материалам семейного архива) // На пути к гражданскому обществу. – 2025. – № 4 (60). – С. 43–49.

7. *Коровин В.В.* Полевая почта Центрального фронта в дни Курской битвы // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 8. – С. 27–31.

8. *Кузнецова Т.* Фронтовые треугольники. Подвиг военных почтальонов не забыт // Аргументы и факты. – 2016. – № 18. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/history/frontovye_treugolniki_podvig_voennyh_pochtalonov_ne_zabyt (дата обращения: 29.05.2026).

9. *Морохин Н., Арзамазов А*. Наши реки, города и села. – Нижний Новгород, 2014.

10. Наградной лист медали «За отвагу» И.С. Зюськова (Приказ № 32/н от 30.10.1944 г.) // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5000.

11. Наградной лист ордена Красной Звезды А.С. Зюськова (Приказ № 125/н от 21.07.1944 г.) // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 53.

12. Наградной лист ордена Славы III степени М.И. Чугунова (Приказ № 209/831 от 30.05.1951 г.) // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744809. Д. 63,1.

13. На Сувалкском рубеже…: Книга памяти красноармейцев, погибших в 1944–1945 гг. и захороненных в Сувалках (Польша) / сост., авт. предисл. и указ. А.С. Бушуев. – Казань, 2023.

14. *Сиджах Х.И.* 1175-й Майкопский стрелковый полк 347-й стрелковой дивизии // Воинские и ополченские формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны. – Майкоп, 1999. – С. 49–100.

15. *Смирницкий А.Е.* Советские военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны. – Нижний Новгород, 2020.

16. Фронтовое письмо А.И. Грачева жене / Архив автора.

17. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Р.С.: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Кирюхин Д.В. – Нижний Новгород, 2017.

18. Учетная карточка захоронения Липецкая область, Задонский район, высота-202,5 м., урочище «Проврать», Калабинский сельсовет. 08.06.2012 / Архив автора.

19. Численность и размещение населения Нижегородской области: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 1. – Нижний Новгород, 2012.

E.M. Kiryukhina,
S.A. Bulatov

HEROES OF THE VILLAGE OF OSINOVKA, DALNEKONSTANTINOVSKY DISTRICT, NIZHNY NOVGOROD REGION: THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF A FAMILY

Annotation. This article is dedicated to the relatives of one of the authors, natives of the village of Osinovka, Dalnekonstantinovsky District, Nizhny Novgorod Region, and veterans of the Great Patriotic War: Alexander Semenovich and Ivan Semenovich Zyuskov, Mikhail Ivanovich Chugunov, and Alexander Ivanovich Grachev. Each of them contributed to the Great Victory, from field postmaster to rifleman. The family history preserves the memory not only of those who received medals, but also of prisoners of German camps, those who returned from the battlefields wounded and disabled, and those who died a heroic death.

Keywords: The Great Patriotic War, Dalnekonstantinovsky district, Osinovka village, family archive.

УДК 37

М.Р. Москаленко,
Е.Г. Леоненко

СОВЕТСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФИЛЬМЫ ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

Аннотация. В довоенный период советские военно-исторические фильмы оказали огромное влияние на формирование у граждан СССР патриотизма и готовности защищать Родину. Режиссерам, сценаристам и актерам удалось создать яркие, близкие и понятные зрителю образы защитников Отечества, которые вдохновляли людей на подвиги в годы Великой Отечественной войны. Изучение исторического опыта развития данного жанра важно как для исследования истории отечественной культуры, так и для применения в современной патриотической пропаганде и воспитательной работе с учащимися.

Ключевые слова: советские военно-исторические фильмы, пропаганда, патриотическое воспитание учащихся.

Советские военно-исторические фильмы как специфический жанр киноискусства оказали огромное влияние на патриотическое воспитание в СССР в предвоенный и послевоенный периоды. Их авторам удалось создать близкие и понятные зрителю образы защитника Отечества. Изучение исторического опыта развития данного жанра важно как для исследования истории отечественной культуры, так и для применения в современной патриотической пропаганде и воспитательной работе с учащимися.

Отметим, что кино, как и любой другой вид искусства, выполняет функцию воспитания и социализации молодежи. Кинематограф, с одной стороны, отражает ценности и идеалы своей эпохи, с другой – активно их формирует. Современная политическая ситуация показала важность и актуальность патриотического воспитания учащихся, формирования у школьников и студентов идеалов служения Отечеству. Естественно, что современный российский кинематограф также должен выполнять данную задачу, и поэтому совет-

ский опыт здесь будет актуальным и значимым. Также на примере советских военно-исторических фильмов можно наглядно проиллюстрировать учащимся специфику мировоззрения человека той эпохи и показать, как киноискусство формировало его нравственные идеалы и ценности.

Отметим, что военно-историческое кино советского периода имело несколько тематических направлений. Во-первых, это фильмы, в которых героизировались красноармейцы в годы Гражданской войны. Одной из первых картин здесь была «Красные дьяволята», снятая в 1923 г. по одноименной книге П.А. Бляхина. Картина повествовала о событиях недавно закончившейся Гражданской войны и создавала привлекательный образ красноармейца. Затем уже в 1960-е гг. на основе сюжета этой же книги была создана легендарная серия фильмов про неуловимых мстителей. Тематика Гражданской войны и героизации красноармейцев становится одной из ведущих в военно-историческом кинематографе практически всего советского периода вплоть до конца 1980-х гг.

Во-вторых, это фильмы, посвященные выдающимся полководцам. Были сняты фильмы, посвященные А.В. Суворову, М.И. Кутузову, П.И. Багратиону, Ф.Ф. Ушакову, а также целому ряду других военачальников. Большую популярность получил фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский»; есть интересные работы по особенностям и специфике его изучения на уроках истории в современной школе [3]. Изучению вопросов патриотической пропаганды в советских исторических фильмах посвящена отдельная работа [2], а также труды ряда других исследований.

В-третьих, это такой оригинальный жанр, как советское оборонное кино 1930-х гг. В ряде исследований фильмы этого направления называются военно-утопическими [6, с. 51] или военными утопиями [1]. Это фильмы о будущей войне, в которой Красная армия одерживает победу над напавшим на страну агрессором. Фильмы «Если завтра война», «Эскадрилья № 5» и ряд других пользовались большой популярностью у зрителей, собирали полные кинотеатры и выполняли важную мобилизационную функцию. В фильме «Трактористы» сюжеты будущей войны не присутствуют, но ярко показан патриотический дух главных героев, их готовность к трудовым и военным подвигам во имя Отечества. В этом фильме прозвучали

песни, ставшие затем культовыми: «Три танкиста» и «Марш советских танкистов». Вера в успех в будущей войне против агрессоров передавалась молодым людям предвоенной эпохи и стала важным фактором стойкости Красной армии, когда действительно произошло нападение врага. Отметим, что этот фильм, в отличие от классических лент оборонного кино, активно транслировался по телевидению также в послевоенные годы и пользовался популярностью у зрителей разных поколений, что создавало условия для передачи культурно-исторической памяти. Обеспечение в культуре механизмов трансляции исторической памяти и диалога поколений очень важны для формирования патриотического мировоззрения [5]. Следует отметить, что особенности изучения со студентами кинофильмов данного жанра получили системную концептуальную разработку в работах А.В. Федорова [6]. Также существуют интересные работы по изучению исторических фильмов на школьных уроках истории [4]. Фильмы данного жанра можно изучать на занятиях по истории как со студентами, так и со школьниками. Те или иные фрагменты этих фильмов могут использоваться как иллюстрации при объяснении материала по истории советской эпохи. Также они могут изучаться в форме проектных работ в средней школе и вузах.

В советской пропаганде военно-исторические фильмы были важным фактором военно-патриотического воспитания. Они выполняли функцию укрепления идентичности и сплоченности многонационального советского народа. Советскому военно-историческому кино удавалось формировать у зрителей интерес к истории, уважение к подвигам наших предков и давать молодежи образцы героизма и патриотизма. Все эти задачи актуальны и для современного российского кинематографа. Это повышает значимость изучения со студентами и школьниками лучших образцов этих фильмов.

Источники и литература

1. *Виноградов В.В.* Военные утопии на советском экране // Художественная культура. – 2024. – № 1 (48). – С. 428–451.

2. *Закиров О.А.* Исторические фильмы СССР 1936–1946 гг.: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2011.

3. *Закиров О.А.* Экран и история: Методические проблемы использования киновидеозаписей в школьном историческом образовании. Исторический фильм С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» // Преподавание истории в школе. – 2014. – № 3. – С. 5–17.

4. *Молотов К.С.* Использование кинофильмов на уроках истории разных форм // Наука и школа. – 2012. – № 6. – С. 96–100.

5. *Москаленко М.Р., Каргаполова Е.С., Леоненко Е.Г.* Культурно-историческая память общества и ее влияние на социальную безопасность: вопросы изучения со студентами // Культурологические чтения – 2022. Культурное наследие и актуальные культурные практики: репрезентации, трансформации, перспективы. Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2022. – С. 109–114.

6. *Федоров А.В.* Герменевтический анализ советских военно-утопических фильмов второй половины 1930-х годов на медиаобразовательных занятиях в студенческой аудитории // Медиаобразование. – 2011. – № 4. – С. 51–68.

M.R. Moskalenko,
E.G. Leonenko

SOVIET MILITARY-HISTORICAL FILMS OF THE PRE-WAR PERIOD AS A CULTURAL PHENOMENON: THEIR ROLE IN STUDYING HISTORY AND FOSTERING PATRIOTISM

Annotation. In the pre-war period, Soviet military-historical films had a tremendous impact on fostering patriotism and a readiness to defend the Motherland among the citizens of the USSR. The directors, screenwriters, and actors managed to create vivid, relatable, and understandable images of the defenders of the Fatherland, which inspired people to perform heroic deeds during the Great Patriotic War. Studying the historical experience of the development of this genre is important both for researching the history of national culture and for applying it in modern patriotic propaganda and educational work with students.

Keywords: Soviet military-historical films, propaganda, patriotic education of students.

УДК 373(37)

А.Д. Полугодин

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ФРАГМЕНТОВ МИРОВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНО В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению потенциала использования фрагментов художественного кино на уроках истории с целью получения учащимися необходимых исторических знаний и последующего формирования у школьников значимых личностных навыков. На конкретных примерах из представленного в публикации персонального педагогического опыта были раскрыты основные нюансы использования киноэлементов, выделены функции их применения, разработаны и проиллюстрированы педагогические приемы по активизации внимания учащихся.

Ключевые слова: кинематограф, урок истории, ФГОС, ценностный подход, отечественное и зарубежное кино.

Изучение событий Великой Отечественной войны в старших классах средней общеобразовательной школы несет в себе значимую цель. Эпизоды истории, наполненные героическими и одновременно трагическими сюжетами, заслуженно требуют объективного и подробного анализа в интересах входящего во взрослую жизнь подрастающего поколения. Значение данной стадии исторической подготовки находит выражение не только в воспитании у учащихся познавательных качеств, основ критического мышления, но и в формировании важнейших духовно-нравственных ценностей, таких как чувство патриотизма, уважение к истории Отечества, неприятие всевозможных антигуманистических идеологических форм [4; 6]. В таком случае, помимо стандартных приемов передачи информации, современный педагог, опираясь на положения ФГОС, может (и должен) использовать инновационные достижения современной эпохи, прямое отношение к которым имеет транслирование художественных фрагментов мирового и отечественного кинематографа [7].

На данный момент в научно-исследовательском поле присутствует значительное количество исследований по вопросу приме-

нения художественного кино на уроках истории [1; 3; 4; 6]. Однако в большинстве случаев авторы прибегают к теоретическим обоснованиям проблемы, уделяют внимание непосредственно рассмотрению позитивной роли фрагментов кино на уроках, нежели представляют нам практические положения к их эффективному применению. В таком порядке, учитывая то обстоятельство, что проблема нашего анализа сопряжена с авторским профессиональным подходом, содержание данной статьи до сих пор сохраняет определенную научную актуальность.

Процесс познания упрощается и тем обстоятельством, что к нашему времени существует большое количество довольно качественных кинокартин, как отечественных, так и зарубежных, посвященных событиям истории, фрагменты которых могут быть с пользой применены непосредственно на уроках. Анонсируя учащимся представление в ближайшее время определенного кинофрагмента, педагог заранее обретает необходимое преимущество, в последующем могущее лишь усилить интерес к предмету предстоящего разговора. И порой не всегда важно, на какой стадии теоретической подготовки находится сам класс или отдельный его учащийся. Как показывает практика, в большинстве своем ребенок уже рад тому моменту, что учитель, наконец, прекратит говорить и, наконец, перейдет на другой этап организации урока – визуально-динамичный – что-то покажет, предложит, поэтому в любом случае можно будет отдохнуть и расслабиться. Однако педагогу необходимо учесть, что сам по себе подход иллюстрации художественного кинофрагмента еще не дает гарантии усиления интереса на своей постоянной основе. Вызвано это может быть нарушением самим педагогом ряда важнейших методических положений. К примеру, если подобранные учителем фрагменты в частых и распространенных случаях стилистически не будут соответствовать интересам школьников, то такой порыв и желание что-то смотреть и обсуждать у учащихся довольно быстро иссякнет; неудовлетворенный от просмотра школьник, уже заранее будет настроен на несоответствующий сценарию урока темп. Поэтому добиться необходимого результата педагогу будет крайне сложно, вследствие чего каждый учитель, берущий на себя миссию «модератора», должен заранее ответственно подойти к подбору предлагаемого классу продукта, учесть многие обстоятельства

и запросы современной молодежи, попытаться умело применить фрагмент именно в необходимое время и в нужном месте.

Исходя из обширного педагогического опыта работы со старшими классами средней общеобразовательной школы (10 и 11 классы) в период с 2021 по 2026 г., автором статьи были разработаны некоторые рекомендации, которые в данной работе будут представлены.

В первую очередь, задача педагога провести подготовительный диалог, в ходе которого четко и ясно проясняется, что требуется от учеников по прошествии просмотра данного отрывка. Сеанс не должен сводиться к «убийству» времени или носить сугубо формальный характер. В таком случае вставка киноэпизода должна быть уместной, нацеленной на выполнение конкретной задачи и приносить определенный результат. Перед презентованием видеосюжета «чувствующий» аудиторию педагог может воспользоваться довольно простым психологическим приемом – создать нужную атмосферу, формируя необходимый фундамент, основу будущего стремления субъекта к познанию объекта, на котором учитель, используя особый стиль изложения своих требований, тембр голоса, персональные эмоции, кратко представит ученикам небольшую справку о предлагаемом к просмотру фрагменте, кинокартине, ее судьбе, разъяснит детям цели и задачи при просмотре будущего эпизода, что в дальнейшем будет способствовать обращению внимания непосредственно на сам фрагмент. Продемонстрируем, каким же образом это может работать. Как правило, вступительное слово дается учителю, который транслирует следующее: *«Ребята! Сегодня (или завтра) я вам включу фрагмент картины довольно «жуткого» или («Великого», или «известного») фильма, судьба которого сложилась непросто.... Мы его посмотрим, и вы обратите внимание на то, как работает настоящий мастер, создавший данный шедевр, каким образом он с помощью смысловых деталей показывает нам, например, ужасы войны. Оговорюсь, это кино не для всех и может эмоционально вас задеть. Но смотреть фрагмент просто необходимо и нужно…».* В этом случае, как мы видим, педагог не только заранее интригует события, но и дает краткую справку о картине, привлекая к ней некоторое внимание, настраивая класс на серьезность отношения к просмотру. Очень важно, чтобы речь учителя не была затянутой, это может привести к утрате драгоценного времени или же

попросту утомить. Такой прием мной был применен в ходе предстоящего просмотра и последующего анализа страшных фрагментов военной драмы «Иди и смотри» (1985) режиссера Э. Климова в рамках изучения некоторых тем по предметам «История» и «Обществознание» (см. *таблицу 1*). Личные наблюдения подтвердили гипотезу по возросшему интересу класса к демонстрируемому фрагменту именно благодаря вступительной речи учителя; учащиеся заранее были настроены на показ чего-то действительно жуткого и значимого.

Большая ответственность педагога отражается и на этапе его непосредственного выбора предлагаемого к просмотру сюжета, а именно в разрешении им актуальных вопросов: «Что показать?», «Где показать?», «Зачем это показать?», «Когда показать?». Недостаточно руководствоваться только принципами, что «данный фильм – шедевр», «его смотрели ваши родители», «снимал известный режиссер» или же «картина снята в советское время», поэтому современным детям фрагмент обязательно будет понятным и интересным. В таком случае предлагается не оставаться в строгих границах и стереотипах, а использовать значимые и полезные достижения всего мирового кинематографа при условии, если они действительно несут пользу уроку и самим учащимся. Прежде всего, современному педагогу необходимо осознать, что, к примеру, советское кино, при огромном личном уважении к нему, снималось в других жизненных реалиях и для другого поколения, которому не требовалось обстоятельного разъяснения, снималось ради поколения, которое уже подсознательно имело более крепкую духовную историческую связь с очевидцами тех страшных событий отечественной истории; то кино формировалось в условиях определенных ценностей, при тогда еще существующем политическом и идеологическом контроле [2; 5, с. 46]. Современная молодежь другая. Сложно ожидать «вау-эффекта» школьников от демонстрации фрагментов советской послевоенной картины «Звезда» 1949 г. с совершенно чуждой современным детям стилистикой, школьники в своей массе картину не поймут. В таком случае им лучше продемонстрировать необходимые эпизоды из другой картины – ремейка фильма «Звезда» 2002 г. с более понятными современному ребенку деталями. Советскую картину в таком случае можно порекомендовать лишь истинным «ценителям» искусства или конкретно твор-

чества Э. Казакевича, ведь иногда такие дети в классе на редкость, но все же находятся. Однако оное не означает, что все советские картины автоматически относятся к категории устаревших и могут быть отложены на полку. Это далеко не так, многие из них сняты качественно, имеют позитивный потенциал, до сих пор сохранили художественную ценность и прошли проверку временем.

В противном случае, когда учитель не чувствует запрос класса, уровень его развития, яркий продукт даже современного производства может не спасти положение. К примеру, в ходе осуществления внеурочной деятельности было проведено мероприятие по просмотру с учащимися 11-го класса картины «Август» 2025 г., трейлер которого многих действительно заинтриговал. Несмотря на сочную картинку, присутствие известных актеров, учащиеся в большинстве своем не нашли понятного им познавательного зерна в просмотренном фильме, в итоге сюжет и посыл данной картины, которая и так обладает довольно рваным монтажом, был попросту ими не понят. Признавая собственную ошибку, становится понятно, что перед просмотром вполне логично было бы сначала обсудить с классом трейлер картины и ответить на стартовые вопросы, о чем примерно будет фильм, выяснить историческую сюжетную основу кино. С другой стороны, крайне успешно для школьников прошел показ фрагмента картины с более понятным сюжетом – из американского фильма «Ярость» (2014) о противоборстве германского танка «Тигр» с американской военной техникой и представленный перед этим эпизод советской картины «На войне как на войне» (1968) по схожей тематике (см. *таблицу 1*). Сцены демонстрировались во время урока истории, посвященного военным планам германского и советского командования на лето 1943 г. перед Курской битвой, с целью показать классу, что из себя представлял образец нового немецкого танка «Тигр», активно поступающий в немецкую армию накануне Курской битвы. Несмотря на то, что первый фильм был снят в США и посвящен событиям Второй мировой войны, авторы картины довольно убедительно и реалистично изобразили действия нового танка, исключая господствующие штампы советского кино о массовом производстве «тигров», их участии в лобовых атаках. Отрывок носил динамичный характер и с учетом действий спецэффектов, монтажа не был утомителен.

Нередко перед педагогом стоит вопрос, когда же демонстрировать фрагмент: в начале занятия? в середине? или в конце? В данном случае многое будет зависеть от авторского сценария разработанного урока и точного ответа дать не получится. Предложим лишь некоторые рекомендации: если фрагмент плавно вписывается в сюжет повествования учебного мероприятия, то непосредственно лучше осуществить показ в первой половине урока. Представление продукта в конце несет в себе некоторые риски, на которые стоит обратить внимание, а именно: усиливается риск отвлеченности детей от подходящего к концу урока, возрастает риск нехватки времени для разбора предложенного фрагмента или последующего закрепления важных положений в тетрадь. Конечно, иллюстрировать фрагмент в конце урока можно при условии, если необходимая информация по картине будет еще до звонка озвучена педагогом, понята классом, зафиксирована для последующего ее использования дома. В таком контексте можно продемонстрировать собственный опыт применения на уроке фрагмента крайне неоднозначной картины американо-европейского производства «Враг у ворот» 2001 г. В фильме присутствуют довольно провокационные с исторической точки зрения сцены, на которые учителю и школьникам стоит обратить внимание в интересах развития познавательного начала. Несмотря на яркую и сочную картинку, качественный экшн, сюжет изобилует сценами, которые могут иметь негативные последствия для учащихся в процессе формирования у них неправильных исторических знаний и ценностей. Речь идет об эпизоде самоубийственной атаки советских солдат на немецкие позиции в сцене городского боя в Сталинграде: бегущий в лобовую атаку на немецкие пулеметы советский солдат, «с одной винтовкой на троих», массово, бездарно и бесславно в этой же атаке умирающий. Мало того, в придачу всех отступающих с поля боя, как трусов и паникеров, безжалостно расстреливает советский заградотряд. Естественно, у детей появится множество вопросов о представленной в картине «правде». В таком случае упомянутый эпизод уместно привести именно в конце, как вызывающий большинство вопросов, чтобы уже на следующем занятии их вспомнить и вместе с классом обсудить, при условии, если вопросы будут заданы ученикам домой на самостоятельный поиск материала в учебнике или Интернете. В тот момент от учащихся

требовалось дома внимательно разобрать размещенный в параграфе учебника отрывок приказа НКО № 227 «Ни шагу назад!», чтобы понять, какова была роль выпуска его положений, включая обсуждение проблемы истинного назначения организованных заградительных отрядов в период тяжелого для страны 1942 года.

Таким образом, на примере вышеизложенного становится ясно, что в ряде случаев показ видеофрагмента позволяет не только расширить визуальное представление школьника, пробудить у него познавательный интерес, но и при помощи заранее сформированных знаний заставить критически относиться к существующим жизненным реалиям. Немаловажным будет и то обстоятельство, что присутствие педагога в процессе показа и последующего обсуждения является обязательным по причине того, чтобы это влияние проходило в нужную позитивную сторону, не нанося ущерб образовательному процессу. Именно поэтому в обязательном порядке эпизод любой картины после просмотра должен быть обсужден детально. Для начала пусть выскажутся сами дети, потом в дело вступит учитель. Идеальным будет считаться ситуация, когда педагог создаст фон с необходимыми и важными при разборе образами просмотренного эпизода – покажет несколько иллюстраций-кадров, еще раз четко обозначит, проговорит с классом полученные выводы.

Нормативные положения ФГОС и сама практика применения фрагментов кино позволяет нам уместно применять данную технологию для решения следующих задач, отражение которых довольно подробно проиллюстрировано в ниже приложенной таблице: 1. В процессе формулировки и последующем разрешении исторических проблем на уроках истории, при выполнении учащимися домашних заданий. 2. В складывании у учащихся дополнительных знаний, расширении их картины мира через визуализацию различных исторических деталей. В данном случае уместно использовать фрагменты эпичного, богатого кино, пусть и не обладающего серьезным драматическим сюжетом, в котором детали: образы исторических личностей, материальных культурных объектов, необходимая атмосфера с большей вероятностью запомнятся школьникам. 3. При формировании необходимых для личностного и социального развития правильных чувств и ценностей. Поскольку кинематограф творение эмоционально сильное, он крайне удобен и практичен,

чтобы позволить наглядно и оперативно отобразить сюжет, вызывающий необходимую эмоциональную реакцию; при правильном применении способствует быстрому формированию у школьников необходимых жизненных основ. Будет уместным рекомендовать к просмотру фрагменты, качественно снятых и эмоционально сильных, на наш взгляд, отечественных кинокартин: «Группа крови» (2025), «Брестская крепость» (2010), «Освобождение» (1968–1970), «Они сражались за Родину» (1975), «Звезда» (2002). 4. В усилении заинтересованности современной молодежи искусством. Ведь нынешние дети так мало смотрят хорошее кино, недостаточно начитаны. Может быть, именно поэтому через удобный визуальный формат будет проложена необходимая нить к последующему познанию уже самого литературного первоисточника.

Таблица 1

Представленные в статье варианты интересных к разбору фрагментов кино и связанная с ними историческая проблематика

Кинофильм	**Год выпуска. Режиссер**	**Предлагаемый временной эпизод**	**Краткое описание эпизода**	**Обсуждаемая на уроке проблема**
1	2	3	4	5
Освобождение. 1 серия. Огненная Дуга	1968. Режиссёр Ю. Озеров	00:03–10:10	Фрагмент отражает техническую и штабную подготовку гитлеровской Германии и Советского союза к началу летней кампании 1943 г. Видно, что обе стороны делают ставку на образцы военной техники, разработку военных планов и тщательную мобилизацию ресурсов.	Значение предстоящей Курской битвы на ход военной кампании, как для Советского Союза, так и для гитлеровской Германии.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Освобождение. 3 серия. Направление главного удара	1970. Режиссер Ю. Озеров	0:25:47– 0:27:20	Фрагмент иллюстрирует диалог советских высокопоставленных офицеров и простого советского солдата, посвященный проблеме открытия Второго фронта союзниками в 1944 г.	О роли союзников, их материальной помощи – ленд-лизе в годы войны для СССР. В представленном эпизоде советские солдаты насмешливо прозвали «Вторым фронтом» американскую тушенку. Справедливо ли такое название или все же нет?
Проверка на дорогах	1971. Режиссер А. Герман	1 ч.: 05–1 ч.: 08	Фрагмент представляет эпизод воспоминаний командира партизанского отряда о произошедшем случае перевозки советских военнопленных немцами через реку, мост через которую должен был быть взорван партизанами отряда данного командира как раз в тот момент, когда поезд с немецким вооружением проедет по мосту параллельно движению баржи с советскими военнопленными. Перед командиром стоит нелегкий моральный выбор: взорвать мост и погубить военнопленных соотечественников или же дать пройти составу с вражеской техникой на фронт, сохранив жизнь тем, кто находится в судне. Завязывается непростой диалог командира отряда и комиссара. Ведь у каждого своя правда.	Через тщательный анализ данного эпизода можно обсудить проблему отношения советского общества и советского государства к трагедии советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны. Выяснить причины такого отношения и последующую судьбу военнопленных. В отрывке герой Р. Быкова – прямой, смекалистый мужик, командир отряда, олицетворяет простоту и милосердие народа. Его оппонент – комиссар, в исполнении актера А. Солоницына – человек жесткий, идейный, олицетворяет строгое советское государство.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Иди и смотри	1985. Режиссер Э. Климов	1:31:14 - 1:57:20 и 2:06:35 - 2:22:49	Заслуживают интерес к обзору сразу два больших фрагмента: классическая сцена уничтожения белорусской деревни карателями и последующий партизанский суд над нацистами и их пособниками.	Фрагменты позволяют порассуждать о человеконенавистнической сущности нацизма, его выражении в различных типажах людей, представленных в отрывке, одинаково борющихся за выживание: нациста – фанатика, нациста – труса, нациста – карьериста; заставляет задуматься о причинах заражения нацизмом всего немецкого общества в довоенный период; активирует интерес к изучению личности А. Гитлера, становлению его мировоззрения. Через анализ действий главного героя и партизан отражена сила человеческой морали и разума в условиях тотального военного безумия.
Брестская крепость	2010. Режиссер А. Котт	1:09:11 - 1:13:25	Сцена допроса советскими пограничниками, оборонявшими Брестскую крепость, пленного немецкого офицера и последующий краткий расспрос (диалог) пограничников прибывшего в их расположение советского летчика об истинном положении дел на фронтах в первые дни войны.	Фрагмент позволяет поднять проблему анализа сложившихся причин неудачного положения на фронтах для Красной армии в первые дни войны.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Ярость На войне как на войне	2014. Режиссер Дэвид Эйр 1968. Режиссер. В. Трегубович	01:18:34 -01:24:05 Советская картина: 23:11-23:28	Знакомство класса с новой немецкой техникой, поступающей в германскую армию с 1943 г., на которую А. Гитлер делал большую ставку, а именно тяжелым танком «Тигр».	Фрагмент позволяет классу визуально взглянуть на то, что из себя представляет новая немецкая техника тяжелый германский танк «Тигр», насколько он опасен в применении. Эпизод советского фильма успешно подогревает интерес к изучению «Тигра», как нового явления в войне. Сначала через фрагмент советского фильма мы наблюдаем за обычным диалогом молодых офицеров-танкистов, один из которых, менее опытный, жаждет увидеть и подбить в бою настоящий немецкий танк «Тигр», а другой офицер, его друг, предупреждает, что новая гитлеровская техника очень опасная и относиться к ней нужно серьезно. Затем включается эпизод фильма «Ярость», который, как раз будет уместен для того, чтобы эту опасность, исходящую от «Тигра», показать.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Первый Оскар	2022. Режиссер С. Мокрицкий	0:39:50 - 0:46:24	Боевая сцена при съемке ее на камеру советскими военными кинооператорами, работающими над проектом «Разгром немецких войск под Москвой».	Через анализ данного фрагмента и при помощи вводного слова учителя класс может порассуждать над следующими интересными вопросами: «О каком грандиозном событии Великой Отечественной войны герои фильма ведут съемку?» «Почему данная художественная картина носит такое название: «Первый Оскар?». Почему в исторической реальности американцы по достоинству оценили советский документальный фильм, присудив ему известную американскую награду – Оскар в 1943 г.?

Таким образом, кинематограф обладает действительно универсальной силой. Его достижения можно умело применять как с целью развлечения, так и для решения образовательных задач. Однако, несмотря на удобство восприятия сюжета кинопродукта, педагогу при работе с кинофрагментами на уроках истории необходимо ответственно и с душой относиться к осуществлению данного метода. В некоторой степени понять, чего хочет ребенок и что ему будет понятно, применять фрагмент с учетом обстановки и продуманного сценария урока. После просмотра в обязательном порядке требуется разъяснить детали представленного фрагмента, даже если кажется, что ребенок все понял и уяснил; удостовериться, что посыл понят правильно, учащимися сделаны позитивные выводы, заложено прогрессивное начало для последующих изысканий, исходящих уже от самостоятельных действий ребенка; не нанесен ущерб образованию

и самому ученику. Именно при соблюдении таких положений применение данной технологии принесет практическую пользу самому как учебному мероприятию, так и удовольствие тем, кто кинопродукт использует и потребляет.

Источники и литература

1. *Иванова Е.В.* Использование фильма в преподавании истории // История: Исследования и учебное пособие. – 2014. – № 6. – С. 37–42.

2. *Николаева Н.В.* Использование кинематографии в процессе изучения истории школьниками // Магистерский диплом [Электронный ресурс]. URL: https://ropkip.ru/publication/387307?ysclid=mtgjf96kzu667198106 (дата обращения 25.08.2026).

3. *Орлова О.А., Перельштейн И.Е.* Фильм в образовательном процессе: проблемы использования и перспективы // Учитель и ученик: Педагогические науки. – 2013. – № 3. – С. 5–103.

4. *Пензин С.Н.* Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы. – Воронеж, 1987.

5. *Полковникова Т.А., Александрова С.В., Демидович Д.М.* Изучение истории Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда в курсах истории России и во внеурочной деятельности: метод. пособие. – Санкт-Петербург, 2020.

6. *Студеникин М.Т.* Современные технологии преподавания истории в школе. – Москва, 2007.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (ФГОС) (10–11 кл.) от 17 мая 2012 г. № 413.

A.D. Polugodin

PEDAGOGICAL EXPERIENCE IN USING FRAGMENTS OF WORLD ARTISTIC CINEMA IN THE STUDY OF THE EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN HISTORY LESSONS IN HIGH SCHOOLS

Annotation. The article is devoted to examining the potential of using fragments of feature films in history lessons in order to provide students with the necessary historical knowledge and subsequently develop significant personal skills in schoolchildren. Using specific examples from the personal pedagogical experience presented in the publication, the main nuances of using film elements were revealed, the functions of their application were identified, and pedagogical techniques for activating students' attention were developed and illustrated.

Keywords: cinematography, history lesson, Federal State Educational Standard, value approach, domestic and foreign cinema

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 908

М.А. Бегоутова

ФИЛЬТРАЦИОННОЕ ДЕЛО И.И. ГУБАНОВА: К ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассмотрено фильтрационное дело участника Великой Отечественной войны, впоследствии военнопленного И.И. Губанова. Прослеживается путь переброски заключенного из разных населенных пунктов на принудительные работы в Германию.

Ключевые слова: военнопленный, 2-я ударная армия, Мясной Бор, Нарва, о. Эзель, р. Эльба.

В Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области хранится фильтрационное дело под номером 8054 (оп. 2, д. 2128) на имя Губанова Ильи Ивановича, начатое 2 февраля 1946 г. Из материалов дела можно проследить путь военнопленного И.И. Губанова, установить факты пребывания красноармейца в лагерях смерти, жестоком обращении с заключенными и применении принудительного труда в нацистской Германии.

Илья Иванович Губанов родился в 1904 г. в с. Починки Починковского района Горьковской области. Образования имел два класса. До войны работал в колхозе им. Сталина в родном селе. Женился на Евдокии Васильевне Мешалкиной (Губановой), в браке с которой родилось шестеро детей. 29 августа 1941 г. Илья Губанов был призван на фронт Починковским РВК [3, л. 1].

Пройдя Горьковский военно-пересыльный пункт, Илья Иванович был направлен в 18-й артиллерийский полк 2-й ударной армии Северо-Западного фронта. В карточке протокола допроса отмечено,

что Губанов был рядовым в должности заряжающего. Согласно архивному документу, красноармеец был взят в плен 24 июня 1942 г. на территории Любанского района Ленинградской области.

Илья Иванович Губанов. Фото из семейного архива Губановых

В ночь с 23 на 24 июня 1942 г. командованием армии был отдан последний приказ войскам 2-й ударной армии на выход живой силы через р. Полисть на д. Мясной Бор Новгородской области. Согласно этому приказу армия должна была наступать тремя колоннами: 22-й и 59-й стрелковыми бригадами – вдоль настила; подразделениями 57-й и 25-й стрелковых бригад – вдоль жердевой дороги; частями 46-й, 382-й стрелковых дивизий и 53-й стрелковой бригады – вдоль узкоколейки. Вслед за ними должны были выходить войска арьергарда – 92-я, 327-я, 267-я, 259-я, 305-я и 19-я гвардейская стрелковая дивизии и 23-я стрелковая бригада [5, л. 21].

Командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев вспоминал: «Затем мы отступали, задерживаясь лишь на выгодных рубежах – на каждом ручье, за каждой болотистой лесной поляной. Военный совет армии принял решение в ночь с 24 на 25 июня оставшимися силами прорваться через оборону противника и выйти из окружения. На встречу с нами шли танки. Нам приказывалось: сдерживая противника, отходить к Мясному Бору. Остатки армии, в том числе и 327-я стрелковая дивизия, на небольшом клочке территории у Мясного Бора, зажатые в тиски, в течение 24 июня подверглись уничтожающему огню из всех видов оружия со всех сторон. В последний момент Военный совет отдал распоряжение выходить из окружения мелкими группами, самостоятельно, кто где как хочет и как знает» [1].

В материалах фильтрационного дела И.И. Губанова на третьем листе зафиксированы следующие показания: «С первых чисел июня

1942 года в этом направлении (Ленинградская область) противник перешел в наступление и с флангов обошел нашу оборону. Наш полк получил приказ отступать в направлении станции Радофинниково. Числа шестого июня мы прибыли в Радофинниково и железнодорожным путем должны были переправить всю материальную часть через реку Волхов. Однако вывести материальную часть не удалось, путь во многих местах был поврежден. Пока мы занимались ремонтом пути, противник был впереди нас, и мы уже были в полном окружении. Чтобы противнику не досталась наша материальная часть мы в лес проложили узкоколейную железную дорогу и свой состав с орудиями загнали в путик, а сами остались с матчастью…» [3, л. 3].

24 июня блиндаж, где находился рядовой Губанов и его сослуживцы, был окружен немцами. В материалах дела указано, что командир орудия Подгорный и боец Бибиков были убиты немецкими автоматчиками, а остальные трое красноармейцев, в числе которых и был Губанов, были взяты в плен. [3, л. 4]. Военнопленных отправили по железной дороге в направлении Любани в г. Нарву, где Илья Иванович находился три месяца. Вот отрывок из воспоминаний военнопленного А. Бородина: «Два года я пробыл в Нарвском концлагере – в бараках под городским садом. Два года... Но мне они и сейчас кажутся вечностью. В бараке раненых, куда я попал, лежало человек 400. Немцы никого не лечили. Каждый день из барака выносили мертвых. Нашими лучшими «лекарями» были черви. Они жили в камнях у одной из стен барака. Когда червям хотелось поесть – они подползали и залезали под повязки (а у некоторых и их не было) и высасывали гной из ран. К немцам о помощи раненые не обращались. Если некоторые и просили – им просто уже было невмоготу жить: таких смельчаков убивали. Я находился в лагере, расположенном в красных амбарах у реки. Побои были единственным средством обращения с нами. Иногда, развлекаясь, фашисты загоняли полуживых пленных на гору и сталкивали вниз. Это называлось «физзарядкой». Общую братскую могилу, что была на горе, пленные звали своим “домом”» [4].

Внучка И.И. Губанова Елена Васильевна вспоминает: «Дедушка практически никогда не говорил о войне. Лишь на праздник – Дня Великой Победы, выпив рюмочку, он смахивал с лица слезу, что-то вспоминал, молча. Однажды, видимо, не выдержал, уже был в воз-

расте, рассказал, что попал в окружение под Ленинградом. Армию сдали и им пришлось выбираться из окружения. Безуспешно, он и его сослуживцы были взяты в плен. Попал в лагерь для военнопленных, где над заключенными издевались каждый день. Босых, изможденных солдат выстраивали на улице в несколько рядов. Немец отсчитывал каждого десятого пленного и убивал. Дед сказал, однажды я был девятым» [2].

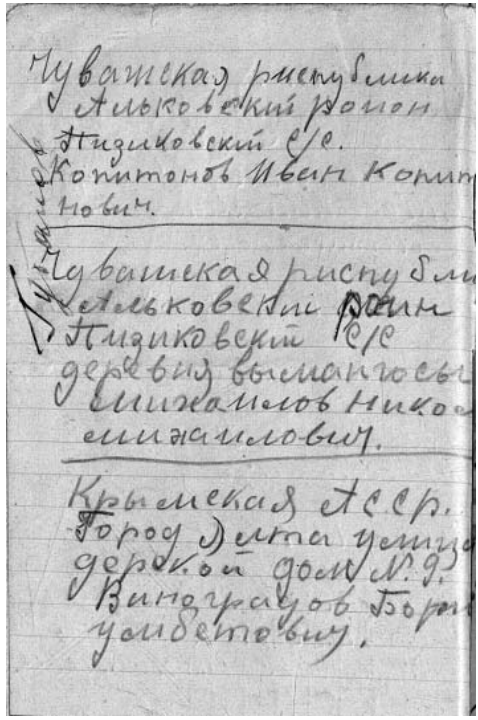

10
1. Name: Gubanow
Фамилия
2. Vornamen: Ilja
Имя
3. Geburtstag: 20-VI-1904
День рождения
4. Geburtsort: /
Место рождения
St. XI A
5. Lager:
Лагер
5a. Im Lager eingeliefert am:
Доставлен в лагерь (число)
6. Dienstgrad: Soldat
Чин
Eingang 25.4.45
7. Truppenteil: Art.-Regt.
Воинская часть
8. Nr. der Erkennungsmarke des deutschen Lagers:
Номер военнопленного в германском лагере
144999 / XI A
Ilja
Gubanow

Страница карточки военнопленного. ГОПАНО. Ф. Р-8054. Оп. 2. Д. 2128. Л. 18.10

После Нарвы Илья Иванович с эшелоном был отправлен на принудительные работы на железную дорогу в г. Ревель (Таллин). Там он находился с сентября 1942 по май 1943 г. В мае 1943 г. он был переброшен на остров Эзель (Балтийское море) в лагерь для военнопленных, где велись работы по заготовке леса и постройке домов. В октябре 1944 г. Илья Губанов был перевезен в местечко Гольбак, где работал на сахарном заводе. Как отмечается в архивном документе, Илью Ивановича забрал к себе на работу помещик по фамилии Вестерман в г. Вербен для работы в сельском хозяйстве [3, л. 8].

11 апреля 1945 г. Илья Иванович Губанов был передан американским войскам, а 2 мая 1945 г. бывших военнопленных союзники передали на р. Эльба советским войскам, данный факт был зафиксирован и в фильтрационном деле. 2 июня 1945 г. 843-й стрелковый полк (4-я батарея, 3-я рота) выдал рядовому Губанову красноармейскую книжку [3, л. 18/1].

В 1946 г. фильтрационное дело было прекращено и закрыто окончательно 20 октября 1956 г. Стоит заметить, что в материалах

Лист бумаги с записью, сделанной И.И. Губановым. ГОПАНО. Ф. Р-8054. Оп. 2. Д. 2128. Л. 10 об.

дела имеется и несколько страниц с переводом на русский язык трофейной карточки военнопленного Губанова, а также несколько тетрадных листов, написанных Ильей Ивановичем простым карандашом с именами красноармейцев, с которыми он находился в плену или в роте (пока точно установить не удалось). Вот некоторые имена: Иван Копитонов (Чувашская АССР), Николай Михайлов (Чувашская АССР), Борис Виноградов (Крымская АССР), Николай Тюлькин (Кировская область), Петр Комков (Пензенская область), Андрей Кулаков (Чечено-Ингушская АССР) [3, л. 10].

После завершения войны Илья Иванович возвращается в родное село Починки. Постепенно налаживается послевоенная жизнь. Выросли дети. На ул. Новой недалеко от р. Помалатки Губановы выстроили добротный дом. Илья Иванович до выхода на пенсию трудился на Починковском конном заводе № 23. К сожалению, трагическая судьба постигла троих детей семьи Губановых. Сына Виктора убили бандеровцы в 1949 г. в Западной Украине. Дочь Елена, молодая учительница, скоропостижно скончалась от мучивших ее страшных головных болей, а дочь Татьяна умерла в возрасте шести лет от скарлатины [2]. Сам Губанов Илья Иванович ушел из жизни 14 марта 1990 г., пережив на полгода свою жену Евдокию Васильевну.

Источники и литература

1. *Антюфеев И.М.* Боевые действия 327-й стрелковый дивизии (январь – июнь 1942) // Через Долину смерти: сб. Т. 1. – Москва, 2002. – С. 53–54.

2. Воспоминания внучки И.И Губанова Елены Васильевны Губановой. Запись автора от 27 июля 2026 г.

3. ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. Р-8054. Оп. 2. Д. 2128.

4. Сайт «Нарва. Осколки истории». URL: https://tellis.ucoz.ru/publ/vospominanija_o_konclagere_v_narve/3-1-0-937 (дата обращения 17.08.2026).

5. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 204, Оп. 89. Д. 72.

M.A. Begoutova

I.I. GUBANOV'S FILTRATION CASE: TOWARDS THE HISTORY OF SOVIET PRISONERS OF WAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article examines the filtration file of I.I. Gubanov, a participant in the Great Patriotic War and later a prisoner of war. It traces the route of the prisoner's transfer from various settlements to forced labor in Germany.

Keywords: prisoner of war, 2nd Shock Army, Myasnoy Bor, Narva, Esel Island, Elbe River.

УДК 94(470.51)

Э.В. Осипов

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ИЖЕВСК – БАЛЕЗИНО В УДМУРТСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена героическому делу удмуртского народа в годы Великой Отечественной войны, особенно сельского населения, – строительству железной дороги, которая имела стратегическое значение. Строительство дороги было тщательно засекречено. В докладе делается акцент на то, что десятки тысяч колхозников и колхозниц трудились на трассе, забывая о сне и отдыхе, несмотря на морозы, пургу и метели, под проливным осенним дождем.

Ключевые слова: стройка, укладка пути, земляные работы, колхозники, железнодорожная линия, пассажирские поезда, товарные составы, героизм.

Одним из героических дел удмуртского народа в годы войны, особенно сельского населения, было строительство железной дороги Ижевск – Балезино: 146 км по труднопроходимой гористо-болотистой местности. История строительства дороги – это история жизни тысяч жителей Удмуртии. Линия имела стратегическое значение. Это был кратчайший путь к оружейным и металлургическим заводам, к лесу, путь доставки продукции оборонных заводов на фронт [2, с. 3].

Основная цель написания статьи – показать, почему работа на строительстве была подвигом удмуртского народа, какое значение имело строительство железной дороги Ижевск – Балезино во время Великой Отечественной войны, назвать участников железной дороги своего района и деревни.

Строительство началось в январские дни военного 1942 г. по решению Государственного комитета обороны СССР от 25 ноября 1941 г. и приказу наркома путей сообщения СССР от 30 ноября 1941 г. Строительство линии было поручено 1-й бригаде Особого корпуса железнодорожных войск Красной армии. Но полтора месяца работы не производились, и время было упущено, что значительно осложнило ситуацию, ведь строительство дороги должно было закончиться в марте 1942 г. [4, с. 78].

Не успела стройка развернуться, как был получен приказ об отправлении воинской части на фронт. Прекратить работы было невозможно, тогда правительство республики обратилось за помощью к колхозникам, и потянулись вереницы саней, груженных инструментами и продовольствием, к месту будущей стройки.

Строительство дороги было тщательно засекречено – никаких упоминаний в прессе, радиопередачах тех лет о том, что вся Удмуртия строит железную дорогу, не было. Известно лишь, что на строительстве объекта 31/38 (так тогда обозначались работы на трассе) приняли участие жители 29 районов республики [2, с. 13].

Райкомы обязаны были организовать отправку рабочей силы своего района на строительство таким образом, чтобы район мог сам вести свое хозяйство (кузница для текущего ремонта телег, ин-

струменты, весы для развешивания продуктов и фуража, пологи для палаток и т.д.) [2, с. 88]. Отдельные участки земляного полотна получили наименование работавших на них районов. Так появились Кулигинская, Шарканская, Балезинская выемки. Эти участки трассы районы целиком заканчивали сами. Необходимо отметить, что большинство колхозников отнеслись к работе на строительстве честно, в связи с чем большинство районов выполнили и перевыполнили свои объемные задания.

Укладка пути производилась одновременно с севера и юга. Ни днем, ни ночью не прекращалась работа. На многих участках лес был непроходимый, приходилось прорубать просеку шириной 20–30 м. Ручной пилой пилили многовековые деревья, пни корчевали, затем разрубали лопатами снег, а мерзлую землю долбили кирками и ломами. А морозы, какие стояли в те первые две военные зимы! Столбик термометра порой ниже 50 градусов опускался, а теплой одежды у большинства строителей не было. Весной строители столкнулись с еще одной трудностью – оттаяли болота и трясины. Основная обувь строителей – лапти, в воде они быстро намокали. И поэтому нередко старикам, женщинам и детям приходилось работать по колено в воде и босиком [2, с. 15].

В морозы, в пургу и метели, под проливным осенним дождем десятки тысяч колхозников и колхозниц трудились на трассе, забывая о сне и отдыхе. У каждого было одно желание – работать так, как подобает гвардейцам тыла, быстрее построить дорогу, которая так необходима Родине. Насыпь железнодорожного полотна повсеместно была поднята в течение одного месяца – июня 1942 г. [3, с. 62].

Местные железоделательные заводы изготовили для новой железной дороги среди прочего 12 тыс. мостовых болтов, 19 тыс. лопат и почти 27 т гвоздей. По смете строительство железной дороги Ижевск – Балезино должно было составить 62 млн 828 тыс. руб. При оформлении акта приемки в феврале 1945 г. выяснилось, что фактические затраты на выполнение работы выражаются в сумме 57 млн 232 тыс. руб. Денег на объект потратили меньше, чем планировали [2, с. 181].

В марте 1943 г. по железнодорожной линии было открыто рабочее движение. Тяжеловесные поезда, груженные смертоносным оружием, изготовленным на уральских заводах, устремились на запад, туда, где Красная армия громила ненавистного врага, очи-

щая родную землю от немецко-фашистских захватчиков. Только в 1943–1944 гг. по линии было перевезено более 1 млн 600 тыс. т различных грузов, главными из которых явились спецдревесина для авиазаводов, рудостойка для Донбасса и топливо для оборонных предприятий [1].

В октябре 1943 г. колхозники Удмуртии рапортовали И.В. Сталину об итогах своей работы на строительстве дороги Ижевск – Балезино: «Мы произвели свыше 3 млн кубометров земляных работ, прорубили трассу протяжением 80 км, заготовили и подвезли 10 тыс. кубометров лесоматериала, забили свыше 4 тыс. свай, построили 116 мостов…». 9 февраля 1945 г. правительственная комиссия подписала акт о приемке железнодорожной линии Ижевск – Балезино в постоянную эксплуатацию. С тех пор здесь ездят пассажирские поезда и товарные составы. Вдоль путей у станций расположены мемориалы и обелиски – памятники строителям железной дороги. Линия Ижевск – Балезино связала северную и южную часть Удмуртской республики, что дало возможность освоить новые лесные массивы, расширить топливную базу оборонной промышленности г. Ижевска. Она создала дополнительные связи северного Урала с районами Казанской железной дороги, Поволжья и Юга, имела важное транзитное значение по перевозке леса, кизеловского каменного угля, металла, химикатов и прочих грузов, открыла широкие перспективы для развития всех отраслей народного хозяйства республики [4, с. 155]. Досрочный пуск в эксплуатацию сделал железнодорожную линию Ижевск – Балезино одной из тех дорог, которые привели нашу страну к долгожданной Победе.

Таким образом, отметим, что железная дорога Ижевск – Балезино – это символ стойкости, мужества, вечного духа народа, самоотверженности и выносливости, воли к победе. Строя дорогу для всех, наши земляки вкладывали в нее не только труд, но и жизнь свою. К сожалению, поколение победителей покидает нас, все меньше становится участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Мы – живущие сегодня, не должны забывать этот великий подвиг наших предков.

Строительство железной дороги не обошло стороной и Каракулинский район. Активисты музея истории Каракулинской школы восстановили имена 45 строителей железной дороги Ижевск – Ба-

лезино. Среди участников из д. Быргында были Пелагея Осипова, Зинаида Филипповна Виноградова, Клавдия Николаевна Князева, Александра Митрофановна Ушкова, Анастасия Григорьевна Шутова, Нина Михайловна Маркова, Петр Андреевич Назаров.

Источники и литература

1. Главная стройка военного времени. История железной дороги Ижевск – Балезино. URL: https://www.udmurt.media/rubrics/obshchestvo/93234 (дата обращения 20.08.2026).

2. Ижевск – Балезино. Дорога мужества. – Ижевск, 2012.

3. Ижевск – город трудовой доблести / сост. Г.Г. Грязев. – Ижевск, 2025.

4. «Мы за ценой не постоим...»: Из истории строительства железной дороги Ижевск – Балезино: Документы и материалы. – Ижевск, 2005.

5. Твоя республика. Книга для чтения по истории Удмуртии. – Ижевск, 1982.

E.V. Osipov

CONSTRUCTION OF THE IZHEVSK-BALEZINO RAILWAY IN THE UDMURT ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. This article is dedicated to the heroic deeds of the Udmurt people during the Great Patriotic War, particularly the rural population, in constructing a railway of strategic importance. The construction of the railway was top secret. The report emphasizes that tens of thousands of collective farmers, men and women, labored on the line, neglecting sleep and rest, despite freezing temperatures, snowstorms, and blizzards, in torrential autumn rain.

Keywords: construction, track laying, earthworks, collective farmers, railway line, passenger trains, freight trains, heroism.

УДК 908(470.343):355.484

В.Л. Шерстнев

КОМИССАР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА «ЗА РОДИНУ»: БОЕВОЙ ПУТЬ М.В. ЧЕРЕПАНОВА

Аннотация. Статья посвящается участнику партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны Михаилу Васильевичу Черепанову.

Ключевые слова: комиссар, партизан, Белоруссия, герой, память.

Партизанское движение в Беларуси в годы Великой Отечественной войны – это масштабная вооруженная борьба против немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории в 1941–1944 гг. Оно имело общенародный характер и сыграло значительную роль в победе над врагом. В партизанском движении участвовали и наши земляки из Марийского края. Одним из них был Михаил Васильевич Черепанов.

О нем мы узнали, перелистывая подшивки старых газет середины XX в. в фондах Козьмодемьянского художественно-исторического музея им. А.В. Григорьева. Наше внимание привлекла статья «Комиссар партизанской бригады». Из статьи мы узнали о боевой судьбе нашего земляка, партизана Михаила Васильевича Черепанова. У нашего земляка, уроженца д. Рутка ныне Республики Марий Эл, – славная, героическая биография. Накануне Великой Отечественной войны – выпускник Ленинградского военно-политического училища им. Ф. Энгельса. Служил в Красной армии в должности секретаря бюро ВЛКСМ стрелкового полка. Война для Михаила Васильевича и его семьи началась 22 июня 1941 г. в Брянске. С первого дня он принимал участие в боях с гитлеровцами. На станции Лесная был тяжело ранен. С октября 1941 г. офицер М.В. Черепанов находился в тылу врага. Как только зажила рана во главе одной из групп бойцов начал пробираться к регулярным частям Красной армии. Неожиданно в лесу встретились с отрядом десантников. Эта встреча положила начало формированию партизанского отряда «За Родину». Комиссаром его стал Михаил Васильевич Черепанов. Росла численность отряда и вместе с ней боеспособность. Люди из сел и деревень шли в леса, чтобы сражаться с ненавистным врагом. Впоследствии партизанский отряд «За Родину» вошел в состав бригады им. М.В. Фрунзе. М.В. Черепанова избрали вторым секретарем подпольного Ильянского райкома партии Белоруссии и назначили комиссаром бригады. Партизаны этой бригады пустили под откос 118 эшелонов врага, взорвали десятки железнодорожных мостов, уничтожили тысячи солдат и офицеров вермахта. Кроме того, через связных велась подрывная деятельность в войсках противника, выпускались листовки-обращения. На сторону партизан переходили словаки из словацких военных частей, был бельгиец, а также немец, который оказал неоценимую помощь по выводу из строя подземно-

го кабеля «Фронт-Берлин». На торжества по случаю освобождения Ильинского района Белоруссии приезжали словацкие побратимы Стефан Златовский, Станислав Смешин, Ян Паук [1].

Наш земляк Михаил Васильевич Черепанов принимал активное участие в боях с немецко-фашисткими захватчиками. Захотелось узнать побольше о боевых действиях нашего земляка. С этой целью привлекли ресурсы Интернета. Удалось найти воспоминания участницы партизанского движения в Белоруссии Анны Фоминичны Пигулевской. Вот что она рассказывала: «Зона дислокации партизанского отряда «За Родину» – Ильинский и Логойский районы. Боевые операции проводились на железной дороге Молодечно – Минск и на шоссейной дороге Молодечно – Радошковичи – Минск. За 1943 г. нашими группами и отрядами было разгромлено 7 крупных гарнизонов, 3 волостные управы, 5 предприятий, 12 складов, 52 эшелона пущено под откос. За полгода 1944 г. – 62 эшелона. Систематически минировались и взрывались автодороги и автомашины с немецкой техникой и живой силой. Выводились из строя шоссейные и железнодорожные мосты, подрывались рельсы. Рельсовая война первого этапа длилась с 3 августа по 16 августа 1943 г. Второй этап длился с 19–25 сентября по 1 ноября 1943 г. Бригада им. Фрунзе после блокады в мае – июне 1944 г. потеряла 546 чел. Вышли из окружения 411 чел. Из них женщин – 27 чел. В 1943 г. из гарнизонов Илья, Раевка, Вязынь немцы внезапно напали на деревни Дворцы, Рябки, Загоранье с целью грабежа и угона людей в Германию. Командование бригады «Фрунзе» бросило на спасение населения отряды «За Родину» и им. Ворошилова. Было освобождено 50 чел. и возвращено награбленное. В конце 1943 г. был разгромлен конный завод в Ободовке и взято 50 лошадей и много коров. Коров раздали крестьянам. Разгромлен гарнизон в местечке Хотенчицы. В нем было 5 дзотов, проволочное заграждение, окопы, пушка, 2 миномета, 12 пулеметов, автоматы и 120 солдат. Бригада разделилась на три группы: штурмовую, сковывающую и группу прикрытия. Ночью штурмовая группа пробралась в гарнизон. Когда ее обнаружили, сковывающая группа открыла огонь по окнам. Противник весь огонь направил против нее. Это облегчило работу штурмовой группы. Несколькими автоматными очередями партизаны заставили замолчать пушку. После этого 2 взвода во главе

с Б. Матюгиным двинулись в гарнизон. Гитлеровцы, засевшие во ржи пытались остановить партизан, но не вышло. Штурмовая группа под командованием комбрига Смоленского двинулась на дзоты. В гарнизон ворвалась и вторая группа. Враг начал отступать. Но самый крупный дзот действовал. Наши предложили сдаться, немцы отказались. Тогда командир отряда «За Родину» Михаил Черепанов приказал взорвать дзот. В отряде было немало героев партизан. Так, начальник штаба отряда «За Родину» Гогиев был снайпер. На его счету около 100 фашистов. На заводе, где изготовляли боеголовки к снарядам, вывел из строя котел. Взорвал здание с фашистами в Раевске. Несколько раз рвал кабели связи центра армии с Берлином. Следующий пример. При штурме второго рубежа в последней блокаде 1944 г. был тяжело ранен командир отряда «За Родину» лейтенант Матюгин. Партизан из его отряда Н. Богурин, притаившись за деревом, остался охранять своего командира и боевое знамя отряда, которое взял у раненого. Показалась группа эсэсовцев. Они двигались прямо на замаскированного Матюгина. Богурин сжал автомат. Вот, вот шакалы наткнутся на командира. Он завязал бой, чтобы отвлечь врага на себя. Кончились патроны. Гранатой взорвал врагов и себя, тем спас жизнь командира. В отряде были группы подрывников. Некоторые не жалея себя подрывались на железных дорогах, исполняя задание ЦК рвать рельсы. Они по нескольку дней, занимая очередь, группа за группой, ждали в холоде и полуголодные, чтобы подойти к железной дороге. Возвращались измученные, голодные, но довольные. Успех был. В отряде «За Родину» был немец Генрих. Инженер. При взятии его в плен командование поверило ему и оставило в живых, дав ему задание вернуться в часть и провести диверсию. Он выполнил. Но по доносу был схвачен. Из отряда пустили слух, что совершил диверсию доносчик. Продержав Генриха в тюрьме два месяца, выпустили и, как невинно пострадавшего, наградили отпуском в Германию. Командование партизанского отряда поручило ему и там бороться против фашистов, что он и делал» [2].

Вот среди таких героев и воевал М.В. Черепанов. За мужество и героизм награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени и другими медалями. Сохранился наградной лист на М.В.Черепанова, где сказано, что политрук (звание), комиссар

партизанского отряда «За Родину» бригады им. Фрунзе М.В. Черепанов участвовал в боях под г. Жабинка Брестской области в 1941 г. В партизанском отряде с сентября 1941 г. В октябре 1941 г. спустил под откос два вражеских эшелона, уничтожил два паровоза, четыре цистерны с горючим, шесть вагонов с живой силой противника, при этом 152 гитлеровца. При уничтожении врагов показал личный пример мужества и отваги. Кроме того, отрядом за период шести месяцев уничтожено восемь вражеских машин. Убито 79 гитлеровцев. Неустанно проводит политико-массовую работу с бойцами отряда и местным населением района. Наградной лист подписали 15 июля 1942 г. командир бригады старший лейтенант А. Захаров, комиссар бригады Мироненко, начальник штаба бригады капитан Ковбий.

Жена Михаила Васильевича Софья Евгеньевна Черепанова, уроженка д. Рутка, находилась в тылу врага и была ими замучена. Их дочь Риту приютили крестьяне, а сын был отдан в приют. Детей своих Михаил Васильевич с трудом разыскал после освобождения Белоруссии от врага. Долгое время М.В. Черепанов служил в органах государственной безопасности. В звании подполковника несколько раз приезжал на родину и встречался с молодежью города, с друзьями и родственниками. Вечная таким людям Слава и Память.

Источники и литература

1. Газета «Ленинский путь». Фонд Козьмодемьянского художественно-исторического музея им. А.В. Григорьева.

2. Интернет-ресурс. URL: https://partizany.by/partisans/31050/?ysclid=mtti3cdwx2567174113 (дата обращения: 19.08.2026).

V.L. Sherstnev

COMMISSAR OF THE “FOR THE MOTHERLAND” PARTISAN DETACHMENT: THE COMBAT PATH OF M.V. CHEREPANOV

Annotation. The article is dedicated to Mikhail Vasilyevich Cherepanov, a participant in the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War.

Keywords: commissar, partisan, Belarus, hero, memory.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (г. Махачкала).

Ануфриев Александр Валерьевич – старший научный сотрудник научно-исследовательской части, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Ащеулов Олег Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории, Академия государственной противопожарной службы МЧС России (г. Москва).

Бахтин Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Бегоутова Мария Александровна – преподаватель социально-экономических дисциплин, Починковский сельскохозяйственный техникум (с. Починки, Нижегородская область).

Бимеева Альфия Равилевна – старший научный сотрудник, Институт истории и культуры региона, «Ленинский мемориал» (г. Ульяновск).

Булатов Сергей Александрович – студент инженерного факультета, Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Герман Роман Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Ставрополь).

Гребенкин Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (г. Орел).

Грознов Евгений Андреевич – заведующий музейно-патриотическим центром «Герои Отечества», Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева» (г. Йошкар-Ола).

Гусарова Анастасия Юрьевна – главный архивист Научного центра, Государственный исторический архив Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Ерёмина Татьяна Юрьевна – старший методист кафедры предметных областей, Институт развития образования Кировской области (г. Киров).

Ермилова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий архивист, Государственный архив современной истории Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Жаркова Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки», Уральский государственный университет физической культуры (г. Челябинск).

Исхаков Рафаиль Лутфуллович – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента «Факультет журналистики» Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Кирюхин Дмитрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Кирюхина Елена Михайловна – доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской части, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Коньшин Анатолий Евдокимович – доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь).

Коршунова Кристина Николаевна – специалист по учебно-методической работе отделения интеллектуальных систем в гуманитарной сфере, Российский государственный гуманитарный университет, младший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Кошкина Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Кривошеенко Глеб Александрович – экскурсовод, музей-заповедник «Сталинградская битва» (г. Волгоград).

Ладина Анастасия Сергеевна – директор филиала Общероссийской общественно-государственной организации «Российское общество «Знание» в Республике Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Леоненко Евгения Геннадьевна – преподаватель кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Лепкова Елена Александровна – ведущий научный сотрудник, музей-заповедник «Сталинградская битва» (г. Волгоград).

Мамяченков Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург).

Маркова Светлана Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко (г. Воронеж).

Москаленко Максим Русланович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социальных и естественно-научных дисциплин, Институт экономики и права (филиал) Академии труда и социальных отношений в г. Севастополе (г. Севастополь).

Олина Карина Александровна – ведущий архивист отдела использования документов, Государственный архив Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Осипов Эдуард Витальевич – учитель немецкого языка, Быргындинская СОШ (д. Быргында, Удмуртская Республика).

Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин, Международная полицейская академия ВПА (г. Тула).

Петров Олег Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Полугодин Андрей Дмитриевич – кандидат исторических наук, учитель истории, СОШ № 50 (г. Калуга).

Рогашова Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры региона, «Ленинский мемориал» (г. Ульяновск).

Рязанов Андрей Александрович – преподаватель истории и обществознания, Курганский государственный колледж (г. Курган).

Сапожникова Виктория Павловна – аспирант кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Смирнова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Стариков Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории, школа № 1381 (г. Москва).

Толмачева Анна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

Утяшова Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории и экономической теории, Академия государственной противопожарной службы МЧС России (г. Москва).

Федотова Татьяна Юрьевна – магистрант историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Федулин Никита Сергеевич – ассистент кафедры отечественной истории, Северный Арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (г. Минск, Республика Беларусь).

Шалахов Евгений Геннадьевич – экскурсовод музейной части, «Замок Шереметева» (пгт Юрино, Республика Марий Эл).

Шерстнев Владимир Леонидович – ученый секретарь, Козьмодемьянский музейный комплекс (г. Козьмодемьянск, Республика Марий Эл).

Шумилов Евгений Николаевич – кандидат исторических наук (г. Пермь).

Якунина Яна Сергеевна – магистрант Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск).

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VIII

Материалы VIII Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием,
г. Йошкар-Ола, 11–12 ноября 2026 года

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленной информации, содержание научных статей, цитирование и использование иллюстративного материала.

ISBN 978-5-94950-152-8

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *В.В. Безденежных*

16+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-25-41
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 12.10.2026. Формат 60x84/$_{16}$.
Гарнитура Таймс. Печ. л. 23,25. Печать офсетная.
Заказ № . Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Малое Чигашево, д. 4.
Тел.: 8(8362) 55-12-77 www.string12.ru

